

Владимир (Зеев)
Жаботинский

ВЛАДИМИР (ЗЕЭВ) ЖАБОТИНСКИЙ

Том IV, книга 1

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты, атрибутируемые В. Жаботинскому

1901–1904

«О писателе, который зазнался» М. Горького

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

«Сам[арская] газ[ета]» излагает содержание нигде пока не напечатанного¹ произведения М. Горького под заглавием «О писателе, который зазнался».

В этом очерке рассказывается «об одном парне из писателей, который по дороге к цели своей неожиданно забрел в трясины популярности», и о том, как он вел себя, наслушавшись похвал со стороны публики. Много разных знаков внимания получил писатель от публики, достигнув известности, и стал он к этому даже и привыкать, а вместе с этим стал и зазнаваться. И вот однажды, в людном месте, публика окружила его, прижала к стене и начала хлопать в ладоши, неистово приветствуя его криками «браво!». Писателю это сначала как будто и понравилось, но затем ему вдруг сделалось как-то неловко... Ему почудилось, что все лица рукоплескавшей перед ним публики слились «в одно огромное рабское лицо, и на нем не было глаз, а только два мутных пятна на месте их, и нос на лице этом был длинен, как хобот слона», и что перед ним шевелились огромные чувственные губы, открывая глубокую черную яму; в глубине этой ямы ворочалось какое-то скользкое, короткое, толстое ботало и со смрадом выговаривало: «Браво!».

Когда герой очерка очнулся от этого страшного видения и снова увидел перед собою обыкновенные лица окружавшей его толпы, то он почувствовал непреодолимое желание обратиться к этой толпе с речью, и вот эта-то речь и является центром всего очерка. Писатель сначала выражает недоумение,

чем это он мог вызвать столь теплые чувства к себе в публике. «Знаете, — говорит он, обращаясь к толпе, — мне иногда кажется, будто вы меня любите за то, что я не ношу сюртука и в своих рассказах часто употребляю неприличные слова». Охарактеризовав затем настоящего читателя, которому важен дух человеческий писателя и который не станет разглядывать литератора, «как теленка о двух головах», он переходит к характеристике современного буржуазного общества и отношения его к литературе.

«Может быть, — говорит герой очерка, обращаясь к публике, — из вас человек пять на тысячу найдется таких, которые страстно верят, что человек есть творец и владыка жизни, и право его свободно думать, говорить, ходить — святое право; может быть, только пять из тысячи способны бороться за это право и без страха погибнуть в борьбе за него. Большинство из вас рабы жизни или наглые хозяева ее — и все вы кроткие мещане, временно заступающие должности настоящих людей... Жить вам тесно, думать лень, двигаться вы боитесь. Вокруг вас, точно у кокотки в гостинной безделушки на полочках, — торчат полусгнившие традиции, да разные житейские правила, ни к черту не годные... Литература для вас острая приправа к пресной вашей сумрачной жизни, вам нравятся, когда люди пишат кровью и желчью, но только нравятся. И ни любви, ни ненависти не возбуждает в вас литература — ничего, кроме криков одобрения или хулы... Вам хочется быть только сытым, жить в тепле, насиловать или развращать женщин под видом любви к ним, вам хочется жить спокойно, уютно, но тихонько... вот ваше счастье!.. Счастье ловят крепкими мускулистыми руками, а вы трусливые, слабые, хилые — вы даже и муху не умеете поймать без помощи со стороны... Я утверждаю: все подлое и отвратительное, что бросается в глаза на каждом шагу — живо, сильно и так ярко цветет вокруг нас только потому, что опирается на твердую почву — на наш страх за свою шкуру, на наши холопские чувства...

Публика, собравшаяся вокруг писателя, разошлась еще раньше, чем он успел окончить свою речь.

Вот и все содержание этой оригинальной фантазии Горького, написанной под влиянием известного инцидента, происшедшего в прошлом году в Московском художественном театре.

Без подписи

Одесские новости. 1.11.1901

Еврейские типы в английской литературе

I. В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВАЛЬТЕРА СКОТТА

Вальтер Скотт для всех равно увлекателен и назидателен; чтение его романов, унося человека в мир роскошных, хотя и действительных явлений, проливает в его душу какое-то бодрое и вместе с тем кроткое, успокоительное чувство, потому что поэзия его не эксцентрическая, не драматическая, не мечтательная и не болезненная; она всегда здесь, на земле, в действительности; она — зеркало жизни исторической и частной.

В. Белинский. Соч., том X, с. 146

I

Как плохо вяжется поставленное нами в эпиграфе мнение Белинского со взглядом на Вальтера Скотта современного литературного Аристарха², знаменитого Георга Брандеса³. Последний, воздав должное таланту Вальтера Скотта, выяснив его роль в истории натуралистического романа, говорит: «Его произведения читали все взрослые, но из взрослых никто не станет читать их». Как всегда, Брандес и в данном случае несколько увлекается своей пессимистической оценкой. Если отзыв Белинского несколько устарел, если его искренний восторг перед «шотландским бардом» и кажется нам чрезмерным, то все-таки, надо полагать, немногие пойдут за Брандесом в его отходной великому писателю. Вальтер Скотт всегда будет интересен, и в настоящее время, когда крайний индивидуализм и националистические стремления заслоняют здоровый гуманизм, он более чем когда-либо должен быть знаком всем.

Много писали о том, насколько исторически верны романы Вальтера Скотта, и взгляды на этот счет были высказаны самые разнообразные. Ипполит Тэн⁴, например, считает Вальтера Скотта одним из самых добросовестных романистов-историков, он указывает на то, что необыкновенная точность

и верность описаний у Вальтера Скотта является одним из источников современного нам натурализма. Писатели увидели, что не надо непременно прибегать к разным ужасам, привидениям и волшебствам, чтобы роман был интересен. И они пошли за ним в деле описания современности. Другого взгляда держится Брандес. По его мнению, Вальтер Скотт не особенно гонится за исторической правдой; ему-де нужен только толчок да два-три факта, а дальше — фантазия заполнит отверстия канвы разноцветной нитью вымысла и создаст картину, хотя и правдивую, но не совсем согласную с исторической эпохой. Явное дело, что романист не может слепо следовать за историей (по этой причине Брандес считает исторический роман — романом, погибшим для литературы вообще), он должен дать место вымыслу, и Вальтер Скотт это делает, но не в такой степени, в какой навязывает ему датский критик. «Какой-то Скене, — пишет последний, — возвратившись из поездки по Германии, рассказал Вальтеру Скотту, как живут там евреи и с какой жестокостью с ними обходятся. Этих данных было достаточно для того, чтобы на основании их Вальтер Скотт так превосходно изобразил Исаака и Ревекку» (см. «Главные течения в английской литературе XIX века», с. 140)⁵.

Приведенная цитата попросту противоречит действительности. Вальтеру Скотту незачем было всецело доверяться рассказам Скене⁶, когда у него под боком, в самой Англии, существовали еврейские колонии. Быть может, рассказы Скенегодились ему, но что Вальтер Скотт и без них должен был знать еврейство, хотя бы потому, что жил с евреями в одной стране, в этом не может быть сомнения. Но этого мало. Вальтер Скотт прекрасно знает историю евреев в Англии до изгнания их из этой страны. Вот что он пишет, например, в своем романе «Айвенго»:

Короли нормандского происхождения и зависевшие от них вельможи, следовавшие их примеру в деспотизме, вели против этого злополучного народа гонение правильное, расчетливое и корыстолюбивое. Всем известна история того богатого еврея, которого король Иоанн заключил в один из своих королевских замков, где ему ежедневно выдергивали по одному зубу, пока несчастный израильтянин, лишившись половины зубов, не согласился заплатить огромную сумму по требованию короля. Небольшое количество денег, обращавшихся тогда в Англии, большею частью находилось в руках этого

гонимого народа, и дворянство не замедлило последовать примеру своего короля в изыскании средств вымучивать у евреев деньги насилиями всякого рода и даже пытками.

Далее Вальтер Скотт указывает на существование «жидовской управы», учрежденной с целью грабить и отнимать богатства у евреев, и на роль евреев в торговле Англии тогдашнего времени.

II

Все эти сведения показывают более солидное знакомство с положением евреев, чем только по рассказам Скене. Беспристрастность описаний, точность их и знание истории — вот те достоинства, которые, вопреки утверждениям Брандеса, на много еще лет сохраняют интерес к произведениям Вальтера Скотта.

По своим религиозным убеждениям Вальтер Скотт был протестантом, по политическим же — якобитом⁷ и завзятым тори⁸. Он с радостью приветствовал падение Наполеона, который был для Байрона каким-то полубогом; он целовался с Блюхером⁹, дружил с Платовым¹⁰ — двумя представителями победоносной армии. Он не выносил этого корсиканского выскочки, так легко сбрасывавшего в пучину революций старые троны, которые так обожал антикварный писатель. И тем более удивительно полное беспристрастие романиста по отношению к пуританам-республиканцам и шотландцам-католикам. Проф. Кирпичников так объясняет это:

Вальтер Скотт — очень хороший, оптимистически настроенный человек, и ему хорошо жилось на свете. И то и другое ясно отразилось в его романе. Ужасы междоусобной войны он сумел изобразить так, что они не внушают отвращения к воюющим, а только жалость, и даже заставляют одинаково любить и уважать лучших представителей той или другой партии*.

«Хорошую» жизнь писателя нужно, конечно, отбросить, так как многие годы Вальтера Скотта, после разорения его компаньона Кемпбеля¹¹, прошли очень печально. Великому романисту приходилось работать не покладая рук, чтобы удовлетворить кредиторов, и он постоянно огорчался этим.

* См. «Всеобщая история литературы нового времени», т. II, с. 622.

Что же касается оптимизма Вальтера Скотта, то он действительно ко многим явлениям жизни относился оптимистически, что не мешало ему, однако, крайне пессимистически (как и следовало ожидать от тори) относиться к либеральным реформам тридцатых годов.

Историческое беспристрастие Вальтера Скотта является следствием его крупного художественного таланта, умеющего в каждой исторической личности найти прекрасный материал для ярких типов. Объективность в таких случаях является сама собой. Субъективизм не всегда мирится с крупным талантом. Вот почему политические комедии-памфлеты даже такого колосса поэзии, как Гете, представляют ничтожную ценность. Кроме того, английская история сама немало способствовала развитию терпимости и беспристрастия в вопросах нравственности и религии. XVII век сплошь и рядом дает нам образцы удивительной толерантности, которая могла бы служить образцом и нашему времени. Возьмем хотя бы Оливера Кромвеля¹². Возмущенный поступком Лоренса Крауфорда (начальника штаба графа Манчестерского, разжаловавшего и выгнавшего со службы одного капитана за его религиозные мнения), Кромвель пишет ему:

Я думаю, сэръ, что государство, выбирая людей к себе на службу, не должно обращать внимания на их *религиозные воззрения*: если они охотно и верно служат государству, то этого *достаточно*... Берегитесь дурно обращаться с людьми, которые провинились только в том, что не разделяют ваших религиозных убеждений*.

Подобные взгляды, как и передовые идеи индепендентов, не могли не повлиять на английскую интеллигенцию благотворно. Взгляды Вальтера Скотта имеют, таким образом, свои корни во взглядах протестантов Англии XVII века. Не оптимизмом писателя объясняется его толерантное отношение к евреям, как принято думать, а, скорее, тем обстоятельством, что последние столетия истории Англии представляют нам великолепный образец быстрого роста гуманизма и не менее быстрого исчезновения религиозной нетерпимости. До эпохи Кромвеля евреев в Англии мало знали и строили на их счет всякие небывлицы. Не этим ли объясняется и строго отрица-

* «Новое жизнеописание О. Кромвеля» Джона Морлея. С. 58.

тельное отношение к ним со стороны Шекспира? XVII век изменяет положение дел. В Европе вообще в это время усиливаются симпатии к еврейству (то есть, собственно, к еврейской учености и литературе), а в Англии интерес этот растет тем быстрее, что пуританизм¹³ основывает свою силу не столько на Новом Завете, сколько на Ветхом. «Cromwell und seine Soldaten lesen ebenso oft die Bibel, als sie kämpfen»¹, — говорит Грец в своей «Истории еврейского народа». Кромвель даже мечтает о соединении Богом избранного народа (евреев) с «Божьей общиной пуритан». У евреев перенимают в это время их язык, язык Библии, образность древнееврейской речи, заводят дружеские связи с их учеными. Пуритане до того пропитываются духом еврейства, что «не доставало только, чтобы парламентские ораторы заговорили по-еврейски»*. Один писатель рекомендовал даже заменить воскресенье субботой. Сам Кромвель под влиянием личных сношений с известным ученым-евреем Менассе бен Израиль¹⁴ созывает совет для решения вопроса: допустить ли евреев в Англию или нет? Совет, правда, не приходит к тем именно выводам, каких желал настроенный в пользу евреев лорд-протектор, но запрещение въезда в Англию было сильно поколеблено его влиянием. Совет уклончиво заявил, что подобного запрещения никогда и не существовало и что изгнаны были евреи из Англии в 1290 г. по воле короля, но без одобрения парламента. Вот эта-то эпоха, несомненно, отразилась на взглядах Вальтера Скотта. В его знаменитом романе «Пуритане» мы находим явные следы этого влияния. Таким-то образом пуританизм с его терпимостью, с одной стороны, и выгода торговых сношений с евреями, с другой, и способствовали развитию в Англии религиозного свободомыслия. Никто не верит уже здесь небылицам, изображавшим еврея с «дьявольскими чертами лица»; прежней нетерпимости нет места. Наоборот, подымается ряд протестов против всяких национальных преследований. Байрон пишет свои дивные еврейские сонеты и борется за национальную свободу Греции; Вальтер Скотт пыгается своими романами возбудить симпатию к Шотландии («Пуритане») и к евреям («Айвенго»). На этой почве возникают у него чудные еврейские типы.

¹ «Кромвель и его солдаты читают Библию так же часто, как и воюют» (нем.).

* D-r H. Graetz. «Geschichte der Juden». Band X, p. 82—123.

III

Еврейские типы Вальтера Скотта не подвергались в общей литературе критической оценке. Не без того, конечно, чтобы критика, проходя мимо знаменитого романиста, не указала своим суровым перстом на Исаака и прелестную Ревекку. Она даже отдавала должное писателю за его мастерское изображение представителей гонимого народа, но никто не коснулся вопросов: почему Вальтер Скотт остановился на еврейских типах; почему женский тип вышел у него так ослепительно красив; почему, наконец, в нем не проявилось обычной анти-семитской жилки, той бессознательной нелюбви к евреям, которая где-то гнездится в тайниках души даже современной христианской интеллигенции.

Вспомним, что романтизм, ярким представителем которого является Вальтер Скотт, чрезвычайно любит густые краски и резкие диссонансы. Вот почему романтики охотно заимствуют свой материал с Востока, переносят оттуда яркие тона, экзотические, дышащие знанием типы с их причудливой окраской. Вальтер Скотт — один из первых, кто усердно пользовался этими восточными аксессуарами. Вспомните его сарацинов, сопровождающих рыцаря Тамплиера, их красивое, блестящее золотом вооружение, их полосатые бурнусы и мужественные, темные лица; вспомните вообще весь экзотизм рыцарей-тамплиеров с их чисто восточнохристианским фанатизмом, воспитанным в боях с неверными, с их арабским языком, которым они всегда прекрасно владеют, с их, наконец, религиозной организацией, которая так рельефно выделялась среди междоусобиц тогдашнего времени. Романтизм всегда требовал, чтобы краски были яркие и сочны, чтобы ноты звучали, как призывные звуки военных рожков, или, напротив, были мягки, как нежные ноты лютни: все эти требования контрастов и игры светотени и должны были натолкнуть Вальтера Скотта на изображение восточных еврейских типов.

У Вальтера Скотта еврейские типы не могли, однако, долго оставаться только в качестве подсобных, второстепенных персонажей. В романе «Айвенго» Исаак, скромно появляющийся в первых сценах для того, чтобы только подвергнуться оскорблению, в конце романа в качестве героя занимает почетное место; он является уже главным действующим лицом, и целые главы посвящены ему. Что же касается Ревекки, то перед красотой ее смелого, решительного и вместе с тем по-

этического характера совершенно ступшевывается бледноватый, вялый и рахитичный облик леди Розны. Интересно то, что и публика крайне заинтересовалась именно Ревеккой; на это указывают следующие строки из предисловия Вальтера Скотта к своему роману:

Тип прекрасной еврейки снискал столько сочувствия некоторых прекрасных читательниц, что автора порицали даже за то, что при распределении судьбы действующих лиц драмы он назначил руку Вильфрида не Ревекке, а гораздо менее интересной Розне (см. с. XV).

Вальтер Скотт не забывает исторической обстановки, подобно Лессингу¹⁵, ради благородных мыслей своих, и в этом отношении остальные герои в «Айвенго» подчас даже слишком жестоко и беспощадно обращаются с Исааком. Конечно, это не шекспировская манера, благодаря которой Шейлок вышел звероподобным¹⁶. Однако и Вальтер Скотт вкладывает в уста своих еврейских героев мысли, вряд ли соответствующие эпохе. Прослушайте, например, следующую тираду, которой Ревекка отвечает преследующему ее тамплиеру Брианну де Боа Гильберу. Мы приведем относящееся сюда место целиком:

— Нет, клянусь Богом! Когда смотрю на тебя и думаю, где и как мы должны скоро опять увидеться, мне проникает в грудь невольное желание принадлежать к твоему отверженному народу, держать в руках слитки золота и шекели (еврейские монеты) вместо копья и щита, преклонять голову перед каждым бароном со взором, страшным только для трусливого и несостоятельного должника. Да, я желал бы этого, Ревекка, только бы сблизиться с тобою в жизни и избежать страшного участия в твоей смерти...

— Ты изобразил еврея, — отвечает Ревекка, — таким, каким его сделало гонение тебе подобных. Небо, в гневе своем, изгнало его из отечества, но деятельность открыта ему; единственный оставленный ему путь к власти и влиянию. Прочти древнюю историю народа Божия и скажи, было ли толпою скупцов и ростовщиков то племя, над которым столько чудес совершил Иегова перед лицом всех народов! Знай, надменный рыцарь, что между нами есть много имен, перед которыми ваша гордая северная знатность не более, как тыква перед кедром... («Айвенго», с. 499).

Мы уже видели, откуда берутся у Вальтера Скотта такие речи. Теперь укажем на основную тенденцию скоттовской характеристики еврейства. В основе еврейства — он повторяет это много раз — лежит много благородного и смелого, но предрассудки времени, унижения и оскорбления заглушают это благородство и заставляют древнего мужественного израильянина превратиться в трусливого ростовщика. Эта двойственная, но довольно верная точка зрения заставляет Вальтера Скотта часто отрицательно относиться к поступкам Исаака, в то же время идеализируя его дочь. Он все-таки как бы боится ответственности перед своей совестью за отрицательную обрисовку еврейского народа. Он до того пропитан благоговением перед библейскими мудрецами, что чувствует исторический страх перед их потомками, и если ему приходится, уступая современности, рисовать Исаака жадным, трусливым, то, напротив, из Ревекки он делает почти идеальный тип, блестящий всеми добродетелями. Однако, рисуя не совсем симпатичный облик трусливого Исаака, он не забывает никогда упомянуть о том, что в глубине души он иной, что только внешние поступки его не соответствуют его чувствам, но чувства эти благородны и честны. Например, при расставании с Айвенго, который только что спас ему жизнь, он, движимый чувством благодарности, дарит ему коня и полное вооружение. Для скупого Исаака это чересчур дорогая жертва, и он, естественно, несколько колеблется. Айвенго ставит ему на вид, что может быть убит: конь и вооружение тогда пропадут. При этих словах «еврей скорчился на своем седле, как человек, мучимый коликою; однако лучшие чувства его взяли верх над чувствами более ему свойственными». Юмор великого романиста заканчивает эту сцену чрезвычайно мило. Исаак, прощаясь с Айвенго, наставляет его:

— Но послушай, добрый юноша, не слишком дерзко вдавись в эту суетную драку. Я говорю это не потому, чтобы боялся за коня или панцирь, но для того, чтобы ты позаботился о своей жизни (с. 77).

Или возьмем, например, другое место в романе. Ревекка уговаривает отца перенести Айвенго, раненного на турнире, в свой дом, чтобы вылечить его. Исаак отказывается это сделать под разными предложениями, то ссылаясь на закон, то боясь

преследования со стороны христиан, если юноша умрет. Вальтер Скотт делает при этом следующее замечание:

При других условиях не трудно было бы убедить Исаака на такое дело, так как он от природы был человеком гуманным и признательным. Но в нем гнездились все предрассудки, вся осторожная боязливость его гонимого племени, и с ними-то надо было бороться (с. 325).

В. Владимиров

Вопросы общественной жизни.

1901. № 1. Вып. 1. 30 нояб. Стб. 31–32;

№ 2. 18 дек. Стб. 55–60

(Продолжение следует)¹

Война и мир с социологической точки зрения

(LA FÉDÉRATION DE L'EUROPE PAR A. Novikow)

I

...Будущая война будет отличаться от войн прошедших во многих отношениях, экономические пертурбации будут бесконечно более велики, недостаток финансовых и экономических средств повлечет за собой в конце концов разорение стран, ведущих войну, снабжение же войск провиантом и военными припасами, способ распределения войск в стране и расквартирование их, сама масса войска и тактика, наконец, — все это представит такие трудности, что потери в людях будут неисчислимы, причем гибнуть будут они не только в битвах, но особенно от голода и болезней*.

Так заканчивает один из своих трудов знаменитый исследователь войны Блюх. Если будущая война в описаниях военных знатоков рисуется в таких ужасных картинах, то и настоящая война представляет, пожалуй, не меньше ужасов,

¹ Продолжение не найдено. Тексты журнала «Вопросы общественной жизни» датированы цензурным разрешением соответствующего выпуска.

* Jean de Bloch. «Evolution de la guerre et de la paix». IV Resultats Economiques et financiers. Paris. 1899 an., pag. 76.

особенно если принять во внимание экономические последствия. Гнет налогов в связи с развитием нищеты во всех странах, невежество масс, беспрерывный рост шовинизма и разнузданности appetites — все это в значительной степени последствия современного милитаризма. Этим ужасам и посвящена большая работа русского социолога Я. Новикова: «La Fédération de l'Europe»¹⁷.

Книга его разделяется на четыре части. В первой автор трактует о благах федерации, о том, как благотворно действует на усталый от борьбы мир экономическая гармония интересов и политическая безопасность. Вторая часть посвящена вопросу о препятствиях, воздвигаемых самими народами на пути победоносного шествия идеи вечного мира. В третьей части речь идет об условиях, благоприятствующих идее мира, и, наконец, четвертая трактует о реализации тех учреждений, которые должны заняться установлением вечного мира.

Не все части одинаково сильно написаны. Боевыми являются вторая и третья части, в которых мы находим полную сводку многочисленных данных науки по затронутому г-ном Новиковым предмету. (К сожалению, автор не приводит библиографического указателя трудов, какими пользовался при своей работе.) Методология Новикова мешает ему вполне законченно разобраться в поднятых им же вопросах. Извлекать ныне из архивной пыли органическую теорию, выносить ее на воздух, очищенный последними изысканиями в области психологической и историко-материалистической социологии, несколько рискованно. Г-н Новиков совершенно игнорирует современный внутренний строй государств, раз навсегда обозвав его строем «анархическим». И в других своих сочинениях*, где он критикует социальный строй, критика его слишком односторонняя. Г-н Новиков не замечает важной положительной стороны современных экономических противоречий. Централизация капиталов в руках трестов и синдикатов, концентрация рабочих масс, комбинирование самых разнообразных производств в одних помещениях — все это влечет за собой не только отрицательные явления, но и положительные, игнорировать которые ни в коем случае нельзя. Характеризовать нынешний государственный строй резкими выражениями — еще не значит критически проанализировать его; впрочем, эта работа уже давно выполнена Фурье, Сен-Симо-

* См., напр., его книгу «La guerre et ses pretendus bien faits».

ном, Прудоном и особенно Лассалем и Марксом¹⁸. После их исследований в этом направлении, пожалуй, много нового не скажешь. Не потому ли во второй части своего труда г-н Новиков в очень значительной степени повторяет старые истины. Между тем внутренний строй современных государств так многообразен и представляет такие вариации — от первобытных общин Болгарии и России до сложных ассоциаций бельгийских и французских производителей, — что на нем надобно было остановиться подольше и основательнее. Тщательный анализ классовой борьбы указал бы г-ну Новикову, почему вечный мир так туго завоевывает современное общество, он бы открыл автору целый мир явлений, в которых идеология не так уж сильна, как он думает. Этот анализ был бы не лишним еще потому, что характер международных отношений зависит от социального строя государства. У знатока международного права проф. Мартенса мы находим такое место:

...Международное право может быть осуществимо только со стороны народов, которые находятся на более или менее равной степени развития гражданской и государственной жизни; только у таких народов правосознание существенно одинаковое*.

И далее:

...Недостатки и пробелы, присущие современному международному праву, объясняются в значительной степени отсутствием законности внутри самих государств и неудовлетворительностью господствующих в них порядков...¹

Такого же взгляда держится и другой знаток международного права гр. Л. Комаровский, довольно резко высказавшийся до созвания Гаагской конференции против участия в ней Турции, как страны варварской, весь внутренний строй которой, по его мнению, прямо противоречит идее мира**¹⁹. Весьма характерен для уяснения нашей мысли и тот факт, что на конференцию по социальному рабочему вопросу, созванную

* Мартенс Ф. «Современное международное право цивилизованных народов». СПб. 1887, изд. 2-е, с. 9 — 20.

¹ Там же.

** Гр. Л. Комаровский. «Вопрос о сокращении современных вооружений». Русская мысль, 1898. 10.

по инициативе германского императора, некоторые державы вовсе не послали своих делегатов; затем сама конференция разошлась без всякого успеха при общем сознании важности предложенного на обсуждение предмета и необходимости неотложного к нему возвращения²⁰. Прошло более одиннадцати лет, и рабочая конференция еще ни разу не созывалась вновь.

Повторяем: более подробный анализ классовой борьбы в современном государстве избавил бы г-на Новикова от многих ошибок. Быть может, он не отозвался бы тогда так восторженно и о Наполеоне III²¹, который в его глазах является каким-то «апостолом справедливости, взаимного благожелательства и гуманности» (!), тогда как Бисмарк²², по словам Новикова, есть «апостол грубой силы, узкого эгоизма и международной анархии».

Эта характеристика совершенно не вяжется с той, которую дал Наполеону III такой современник, несомненно лучше знавший его, как Виктор Гюго²³: «Наполеон знал, чего хочет и куда идет. Он шагал через справедливость, закон, через разум и честь; он переступал, наконец, человечность, но он шел к своей цели...»*

Эмфатический возглас Наполеона «империя — это мир», обманувший народ, который подал за него свои семь миллионов голосов, красив и благороден, но из-за него нельзя забывать резню *супр д'этат*¹ 2 декабря 1851 г.²⁴, нельзя забывать войн, ослабивших неизмеримо Францию, разврат, так ярко нарисованный Золя в его «Ругон-Маккарах»²⁵. Последствия наполеоновского режима еще чувствуются нами, и их нельзя забыть. Целью наполеоновских войн было не освобождение Италии, не утверждение порядка в Мексике, как ошибочно думает г-н Новиков, а спасение своего престола, спасение от ярости народа, раздраженного обманом. Когда французские войска возвращались изнуренными и ослабевшими духом из-под разрушенных стен Севастополя, Наполеон приказал впереди идти раненым и больным; он думал этим возбудить сожаление к героям войны и таким образом избежать гнева народа²⁶. Его расчеты оправдались**. Было бы весьма любопытно, чтобы Новиков мотивировал свой взгляд на Наполеона, но

* Victor Hugo «Napoléon le petit» Loudres 1852 pag. 41.

¹ Государственный переворот (*фр.*).

** Грегуар. «История Франции» т. III.

он этого не делает, и потому его случайная, хотя и повторяющаяся в нескольких местах книги характеристика производит странное впечатление чего-то необоснованного.

Далее автор все надежды свои возлагает на идею мира. Несомненно, что идея эта благодаря знаменитой русской ноте в настоящее время начинает играть крупную роль в международных отношениях²⁷, но не следует на нее возлагать слишком много упований. Сам автор говорит о роли экономических факторов в международных отношениях, о значении технических изобретений, железных дорог, почт, телеграфов, связывающих народы; но, замечая это, он не замечает, что идея, даже подкрепленная наукой, лишена жизненности, раз не подготовлена экономическая почва для восприятия и роста ее. Говорить об идее как волшебнице, упуская из виду те условия, при выполнении которых идея только и может пустить корни, не логично. В самом начале своей книги г-н Новиков говорит: «Ясно, что средство против войны открыто, оно заключается в изменении наших понятий. А изменение это вполне осуществимо, потому что изменение вообще в природе вещей» (с. 4). Все это так, но надо же помнить, что для изменения понятий требуется и изменение соответственных условий жизни. Автор забывает это столь важное обстоятельство. Напрасно он думает, что разоружение так уж легко выполнимо. Мы, напротив, полагаем, что еще не один десяток лет пройдет, пока идея о разоружении получит свое практическое осуществление. Император Вильгельм II не даром на парадах обращается к войскам с речами, в которых настойчиво твердит, что сила войска нужна ему не только для борьбы с внешним врагом, но и с внутренним. Слова Бебея²⁸ о том, что его партия должна обратиться к мирной реформе, ибо в противном случае она может быть раздавлена миллионом штыков и скорострелок, великолепно иллюстрируют речи Вильгельма II.

Наш почтенный социолог не совсем вникает в смысл этих речей, он мало считается с внутренней социальной болезнью государственных организмов, и в этом основной недостаток его книги.

Указав на отрицательные стороны, перейдем к положительным, которых, к нашему удовольствию, в разбираемом труде настолько достаточно, что книга должна быть прочитана с большой пользой всяким, кто желает познакомиться с положением вопроса о европейской федерации и вечном мире.

II

Говоря о вреде войны, автор широко пользуется многочисленными данными науки и остроумно комментирует их. Так, например, интересен его ответ Ренану²⁹. Знаменитый философ, как известно, являлся защитником войны, придавая ей значение фактора, содействующего подъему сознания народов и разоблачающего их язвы (для иллюстрации приводится Крымская война и ее значение в деле великих реформ в России). Г-н Новиков совершенно резонно возражает, что дело Дрейфуса³⁰ без всякого кровопролития и разорения подняло сознание французского народа не менее, чем любая война.

Не менее верно замечание г-на Новикова и относительно деморализации солдат во время войны. Геройский дух, самоотверженность и прочие благородные качества во время войны овладевают солдатами на самое короткое время; в остальное же ими, напротив, овладевает значительная распушенность, едва сдерживаемая дисциплиной. Граф Ланжерон³¹ во время нашей войны с Турцией в первой четверти XIX в. откровенно говорил, что он при взятии города всегда позволяет немного «пограбить и понасиловать»*. Кроме того, очень часто война сплошь и рядом так расстраивает нервы солдат, что они оказываются мало пригодными для участия в сражениях. Кн. Волконский³² рассказывает, что в ту же турецкую войну солдаты, при неудачном штурме Рущука³³ охваченные озлоблением, подымали своих на штыки**. Один из участников последней Китайской войны³⁴ передает, что солдаты его отряда, стоявшего неподалеку от неприятельской крепости, до того нервничали, что не спали по ночам, боясь внезапного нападения, хотя половина отряда высылалась в качестве часовых вне bivуака. Несколько раз ночью солдаты вскакивали в паническом страхе и пускались бежать, сломя голову. В одном случае они затоптали человека, в другом — изранили штыками товарища, приняв его за боксера***. Подобные факты говорят, конечно, не в пользу милитаризма. Г-н Новиков совершенно верно замечает, что «люди лояльные, с хорошими, честными характерами, остаются теми же, идя в сражение; люди же преступные на войне могут сделаться еще более преступны-

* Записки кн. С. Г. Волконского. СПб. 1901 г., с. 91.

** Ibid. с. 112.

*** Русский вестник 1901 г., 9. Военно-походные впечатления. Иванов.

ми, потому что война разнуздывает все грубые страсти и рвет всякую узду».

Мы говорили уже о том, что сильнее всего у автора вышла третья часть его труда. На ней мы и остановимся подольше.

Самым действительным средством для уничтожения войны служит она сама. Этот взгляд, так блестяще разработанный в шеститомной монографии Блюха, занимает серьезное место и в аргументах нашего автора. Особенно интересно положение, что в современной войне преимущество должно остаться за той стороной, которая защищается. «Действительно, армия защищающаяся ожидает врага на заранее избранной позиции; она сейчас же начинает рыть окопы. Только головы солдат поднимаются из-за земляных прикрытий. В этих условиях, при современном вооружении, войска защищающиеся будут иметь огромное преимущество перед теми, которые атакуют, ибо последние должны будут открыть свой фланг... В этих условиях победа всегда останется за защищающейся армией, и война потеряет свой объект» (с. 567). Интересна следующая выдержка, приводимая автором из статьи Белье: «Думают, что в скором времени возможно будет найти средство бросать на большое расстояние электрические лучи огромной силы*. Эти лучи будут проникать вовнутрь военных судов, вызовут взрыв электричества и уничтожат их в пожаре». Таким образом, современный флот скоро сделается никуда не годным, хотя он, собственно, и теперь уже потерял большую часть своего значения после изобретения удивительных подводных лодок во Франции**. Наконец, никакие финансовые средства не в силах выдержать будущую войну. Вычислено, что в случае всеобщей войны пять великих держав должны будут ежедневно тратить по 105 миллионов франков, что дает в случае годовой продолжительности военных действий сумму в 38.325.000.000 франков. «Но так как теперь избегают решительных сражений, то, по мнению специалистов, война должна длиться по крайней мере два года для того, чтобы один из воюющих был совершенно уничтожен. А для этого потребуются еще 76.650.000.000 фр. Откуда же взять эту колоссальную сумму? Путем внутреннего займа? Но займы представляют

*Прибавим, что в Америке в этом направлении сделан уже очень успешно ряд поразительных опытов знаменитым ученым Тесла.

** Особенно поразительны опыты с лодкой Zèdè в Аяччио в нынешнем году.

сбережения народа, и сбережения всего мира равняются всего 12 миллиардам франков в год. Допустив даже, что эта сумма в скором будущем удвоится, ей все-таки далеко будет до 38 миллиардов, необходимых для всеобщей войны.

Таковы следствия технических усовершенствований в военной области. «Милитаризм, — сказал Бебель, — средневековый рыцарь. Тяжесть лат его растет все больше и больше и будет расти до той поры, пока рыцарь не задохнется».

Однако раньше, чем милитаризм сам задохнется, человечество не должно оставлять попыток победить его или по крайней мере расшатать всеми силами. В этом смысле автор совершенно справедливо возлагает надежды на распространение образования: «Чем больше будет распространяться образование, тем менее возможной сделается та поразительная эксплуатация человека человеком, какая наблюдается теперь. Когда народы будут образованны, каждый индивидуум будет сознавать свое "я", не будет более пассивных и немых толп, с которыми обращаются, как с овцами» (с. 593). Приведенные слова г-на Новикова показывают, что он все-таки понимает, что одной буржуазии не вынести на своих плечах идею мира.

Это, однако, не мешает друзьям мира из рядов буржуазии делать свое дело и откликнуться на тот могучий призыв к уничтожению войны, который еще раз недавно прогремел над цивилизованным миром, точно гром. К сожалению, мысль о демократизации учреждений проводится в разбираемой книге слабо, совершенно не соответственно важности ее. Автор слишком много надежд возлагает на благородство людей, на то, что все должны наконец понять *то*, что понятно ему.

Он приводит следующие слова лорда Салисбюри³⁵, сказанные на банкете в 1897 г., слова, отчасти намекающие на злободневный тогда Критский вопрос³⁶: «Я выражаю надежду, что согласие между державами будет поддержано; но, заметьте, *федерация* Европы есть эмбрион того строя, который один сможет спасти цивилизацию от ужасных последствий губительной войны». — «Вот, — прибавляет восторженно г-н Новиков, — наконец это слово "*федерация европейская*" в устах не мечтателя и утописта, а первого министра великой державы!» Восхищение напрасное, так как автору, писавшему книгу в самом конце XIX в., должно было быть ясно, какую

цену можно придавать словам «первого министра великой державы». «Европейская федерация» Салисбюри в искренности не уступает классическому утверждению Наполеона III, что «империя — это мир». Тот же Салисбюри вскоре поднял братоубийственную войну в Трансваале³⁷, еще ныне продолжающуюся, и немало времени пройдет, пока можно будет торжествовать победу мира. Нужно, чтобы люди прониклись этой идеей вечного мира, сжились с ней, чтобы она пропитала все их существо, вкоренилась в их жизнь, чтобы существовала вера в эту идею, вера полная и твердая. Утешительно, что к этому идет современное человечество твердыми шагами, но каждый шаг этого пути совершается с невероятными препятствиями.

Оканчивая разбор новой книги г-на Новикова, мы не можем не пожелать ей успеха. Методология автора, как мы уже указывали, слаба. Мы могли бы удлинить список его ошибок, подчас крупных, но это не так интересно, как самый предмет исследования автора. Европейская федерация — это очередной вопрос международной политики. Благополучное разрешение его осчастливит цивилизованный мир и откроет верный путь к осуществлению социальных идеалов. Г-ну Новикову принадлежит та заслуга, что он своевременно занялся этим вопросом и талантливо разработал его, несмотря на отмеченные пробелы в книге. Книжки, подобные той, которую мы сейчас разбираем, делают великое дело: они долбят тяжелый камень общественного индифферентизма, они прокладывают дорогу здоровым идеям. Было бы очень желательно, чтобы автор дал русской публике экстракт своих произведений, касающихся вопроса о вечном мире, так как не всякий может одолеть том в 800 страниц, да еще на французском (правда, очень изящном) языке. Такие книги нужны именно теперь, когда, благодаря знаменитой русской ноте от 12 августа, вопрос о войне приобрел такой широкий интерес в самых разнообразных слоях общества. Мы закончим нашу статью прекрасными словами французского социолога Габриэля Шавэ о значении федерации:

Народу нужно внушить святой ужас к войне, нужно вырвать из его сердца все предрассудки, все неосмысленные мечты о пустом тщеславии и жалкой гордости, нужно заменить гнусный и необузданный шовинизм широким и хорошо

понятым патриотизмом, нужно указать народу на неисчисли-
мые благодеяния мира, объяснить ему действие этого чудного
инструмента согласия, который называется международным
посредничеством*.

В. Владимиров

Вопросы общественной жизни.
1902. № 2. 15 июня. Стб. 47–52;
№ 3. 4 февр. Стб. 87–92

Современное настроение в русской литературе

I

Русское общество в последнее время сыграло роль Шток-
мана в знаменитой ибсеновской драме³⁸. Столкнувшись со
всеми ужасами, препонами и бьющими в глаза противоречия-
ми современной жизни, оно долго ломало голову над тем, как
бы все это выразить, и, найдя слово «настроение», обрадова-
лось ему, как ребенок, точно нашло наконец живую правду,
которую долго разыскивало. Русская публика смотрит теперь
каждому беллетристу, каждому поэтику в рот и ждет с сердеч-
ным замиранием, когда наконец тот или другой соблаговолит
изречь что-либо с «настроением».

Что же, наконец, такое это «настроение»? Откуда пришло
оно; не было ли его у нас раньше, не отличительная ли даже
эта черта славянской натуры, подавленной лесами, степями,
равнинами, безмерными в своем тоскливом величии? Все это
вопросы, на которые современное литературное течение пря-
мо-таки наталкивает. Необходимо выяснить, каким образом
могут увлекаться у нас психологическими миниатюрами на
французский манер после огромных, захватывающих картин
Тургенева, Толстого; как могут люди быть поработаны ма-
ленькими чувствами, вдобавок неясно, туманно выраженны-
ми, люди, воспитанные на великих писателях?..

Что такое *настроение*? Может ли оно считаться «откры-
тием» нашего времени? Каждая эпоха несомненно имеет свое

*Habriel Chave. Justice sociale Justice internationale. Paris Guiard & Brière, 1900 an., pag. 16.

«настроение», будь то суровое, мрачное время Средних веков, радостное, гуманное — ренессанса или мечтательно-сентиментальное — эпохи Ватто³⁹, напудренных пастушков и раззолоченных хижин... Литература знает их тысячи, потому что отражение их в своей зеркальной поверхности — ее дело. Чтобы не забираться в даль времен, мы возьмем сравнительно недавний литературный период, анализ которого, между прочим, должен показать нам, откуда явилось это новое бесформенное течение и что оно представляет собой в смысле литературном и общественном.

Одновременно (хронологически даже гораздо раньше) с освобождением мужика русское общество открыло его; так-таки открыло, потому что стены барских домов и помещичьих усадеб не позволяли за их толщиной видеть настоящий облик и жизнь народа. Разрушились эти стены, наступило время перегара и подъема духа. Всякий знает, как носились тогда с этой находкой, какое было увлечение, как слово «мужичок» — «непременно мужичок», а не «мужик», как замечает в одном месте герой Гл. Успенского, — вызывало слезы умиления и восхищения. Долго длилось господство этого настроения, но и оно должно было кончиться. Мужик надоел, и его забросили, как ненужную книгу с замасленными страницами, потерявшую живой интерес. «Все мужик... В буфет пойдя — мужик... на картине — мужик. Надоело... Довольно мужика». Так формулирует у Гл. Успенского один из героев интеллигенции настроение 80-х годов. Смысл жизни был как-то вдруг потерян. Целое десятилетие прошло, пока найдена была новая жизненная разгадка в виде фабрики, в котлах которой во чтобы то ни стало должен, мол, перевариться «мужик» (хронологически и это «открытие» было сделано значительно раньше). Вплоть до конца 90-х гг. муссировали фабричный вопрос в русской литературе, проанализировали весь хозяйственно-экономический быт народа, не щадя больных мест. Экономисты заглянули в деревню и не оставили там камня на камне. Беллетристы, в свою очередь, развернули рубище мужика и обнаружили все его язвы, его умственную тьму и душевную пустоту; словом, недавний кумир-мужичок стал вызывать теперь совсем другие чувства и помыслы. Не до идеализации его теперь было. Пора невинного прекраснодушия прошла, и жизнь поставила серьезные практические задачи. На смену ликующему настроению шестидесятников и унынию восьмидесятников вновь явилось ликованье антинародников, встретивших

готовую почву. В научном отношении период «экономических анализов» дал более всех предыдущих, зато в области изящной литературы скудость его обнаружилась в полной мере: нельзя указать ни одного крупного произведения, относящегося к этому периоду. Типичным образцом беллетристической бесталанности этого периода являются «Инвалиды» Евг. Чирикова, которые в другое время, быть может, и не увидели бы света⁴⁰. Понятно, что русское общество не было удовлетворено. Начались новые поиски. По обыкновению ткнулись в Западную Европу, и там оказался целый ворох новинок, которые поспешили привести домой. Тут были и декадентство, и символизм, и ницшеанство, и импрессионизм, и прерафаэлизм, и английские эстеты — словом, нарвали в садах западноевропейской литературы разнообразных цветов и стали таскать их к нам. Без корней, без туземной почвы и родной атмосферы цветы эти завяли и, конечно, потеряли у нас свою красоту и жизненность. Мы, таким образом, невольно оказали большую медвежью услугу новым западноевропейским направлениям в литературе и в искусстве. В пылу увлечения новизною мы не заметили преподнесенной нам литературной фальсификации, мы приняли мнимых бардов — Брюсова, Бальмонта и др. — за истинных служителей муз. Вначале на них смотрели с удивлением, почитывали, думали найти что-либо захватывающее; потом стали их осуждать, а затем раздался и громкий смех, смех над этими причудливыми вывертами и литературным юродством. Досталось при этом и западным прототипам — декадентству и иным течениям, точно они были ответственны за своих жалких подражателей. Громовые статьи покойного Влад. Соловьева, которыми он уничтожал наших доморощенных декадентов, а вместе с ними и таких крупных европейских писателей, как Метерлинк, оказались убийственными, конечно, только для первых⁴¹.

Параллельно с этими перевезенными прямо из Парижа литературными *nouveautés*¹ прокладывает себе дорогу новое течение — поэзия и литература «настроения». Оно явилось плодом усталости душевной и умственной, плодом тоски по неразгаданному идеалу, который вот уже полстолетия как разыскивает русское общество. «Настроение» поэтому было вялое, бесцветное, безжизненное и таковым оно отразилось в литературе. На скудной почве нашей жалкой общественно-

¹ Новостями, нововведениями (*фр.*).

сти только и впору было вырасти худосочному детищу... Мы, правда, идем по пути прогресса... Маршрут, предназначенный нам великими пророками ортодоксальных и неортодоксальных школ, неуклонно выполняется: растет число фабричных, гудит паровик, свистит гудок, словом, все идет как по писаному... Но все это, по-видимому, не дает нам душевного удовлетворения, и мы по-прежнему мечемся в поисках жизненного идеала.

Интересна форма, в которую вылилось это расплывчатое, ноющее направление. Простора оно нигде не нашло, потому что жизнь не любит обилия грустных картин. Много еще и других обстоятельств заставляют не громко говорить о своей серенькой, плаксивой действительности, а тихо ныть так, чтобы не очень-то мешать довольным соседям. Поэтому новое направление настроения не выразилось ни в форме едкой сатиры, подобно щедринской, бичевавшей помпадуров и ташкентцев, ни в форме истинно художественного повествования, захватывающего целый период жизни, как у Толстого и Тургенева. Напротив, все произведения последнего периода «настроения» тусклы, бесцветны, полузаглушены собственной рукой пишущего, опасно прикрывающей рот. И выходит поэзия робкая, едва бряцающая на той самой лире, которая могла бы в другое время издавать сильные звуки; поэзия тонких чувств и ощущений, которая не требует писательского мужества для проповеди горьких истин; получилась, так сказать, поэзия десертная...

II

Поэзия современного унылого настроения — это поэзия переходного времени, когда человек, мечущийся из стороны в сторону, уставший от бесконечной сутолоки, совершает наконец над собой нечто вроде нравственного самоубийства, погружаясь во мрак апатии. Трудно подыскать в истории другое время, которое, подобно нашему, так полно было бы резких диссонансов. Небывалый прогресс науки, техники, искусства, с одной стороны; нищета материальная, нравственная и умственная — с другой. Вот что приводит в отчаяние людей, что заставляет их терять бодрость, без которой невозможна нормальная общественная жизнь. Вспомните роковые слова Гл. Успенского: «С человеком тихо»⁴². С тех пор как они были

произнесены, дело мало переменилось к лучшему. Прекрасно идут на рынке хлопчатобумажные материи, электричество делает удивительные успехи в промышленности, золото по-прежнему в цене; но чувства человеческие, жизнь, достоинство личности котируются по-прежнему очень низко, по-прежнему ползают у подножья дворцов, сооруженных г-ном Купоном⁴³.

Однако и кое-что изменилось, кое-что приняло другой вид, двинулось вперед с той поры. «Новый читатель явился, — писал тот же Гл. Успенский, — торжествуя победу над тем нравственным растлением, которое распространял вокруг себя Купон». Этот новый читатель явился уже с иными запросами; ему, правда, приходится чуть ли не сызнова начинать ту работу, которую наша интеллигенция проделала давно, но в области этой работы он идет быстро и, быть может, как раз в то время, как интеллигенция, вконец ослабев и размякнув, соберется «припасть к родной земле, чтобы отдохнуть на травке-муравушке», новый читатель своим сильным хребтом поддержит ее и вынесет вновь на свежий воздух.

Наше общество к настроению, парящему теперь в русской беллетристике, отнеслось разное: сытые филистеры, вполне довольные своим сытым существованием, вопят, что читать стало нечего; люди, не примостившиеся в жизни, в произведениях новой школы, узрели оправдание своей неудачливости...

Сколько бы там, однако, ни говорили, что идеалы прошлых поколений исчезают и что их место заняли узкомеркантильные интересы; сколько бы ни скорбели об исчезновении шести- и семидесятников, точно на них свет клином сошелся; сколько бы представители прежних литературных поколений ни проливали слез над современным болезненно чутким, нервным, измученным поколением — все их вопли и сетования сильно запоздали. Они проглядели подоплеку этих нервных людей, они не сумели разглядеть их «я», в котором наука и искусство, новая мораль, новые требования жизни заложили крепкие основы, способные выдержать величественное сооружение здорового будущего. Люди прошлого, с таким грустным сожалением созерцающие нынешних серых людей, забывают, что эти серые люди, недовольные своей судьбой, рвущиеся из своей среды, — явление отрадное. Прежде народолюбческие идеи охватывали только верхи интеллигенции, поэтому деятельность народолюбцев была проникнута такой силой, бодростью. Много сильных было тогда; слабые

не шли на борьбу и не затемняли своими падающими телами ореолы, окружавшие сильных. Теперь *вся* интеллигенция, снизу доверху, от высших слоев столичной до низших — провинциальных, проникнута новыми стремлениями, вся она против печальных условий серенькой жизни.

Наша огромная и разношерстная интеллигенция не заснула под мерный стук машин, среди тумана от фабричного дыма. Ее не надо расталкивать, как приходилось делать это в течение многих лет Берне и Гейне с глупым немецким Михелем⁴⁴. Она сознает уже свое жалкое положение, и если часть ее и завязнет в тине современной действительности, то другая и, вероятно, большая сумеет выйти на твердую почву. Серенькие люди, серенькая жизнь — все же лучше, чем та тьма крошечная, которая еще так недавно окружала нас от края до края.

Немного мужества, немного больше веры в лучшее будущее, и русское общество выйдет, должно выйти из своего серенького существования...

Нам следует указать, как поэзия «настроения» отразилась на форме художественных произведений. В этом случае трудно не заметить ее вредного влияния. Прежний роман с его широкими картинами, изображающими жизнь целого общества, исчезает, и на смену ему являются коротенькие произведения, результаты настроения ближайшего дня. Исчезает даже повесть, заменяясь миниатюрой, этюдом, наброском. Драмы, пропитанные «настроением», оказываются лишенными действия, сценами прозябающей обывательской жизни, сценами довольно отрывочными, без ярких красок. Только крупный талант может даже в таких отрывочных произведениях заставить выслушать себя с наслаждением. Таким крупным талантом является у нас Ант. Чехов. Пьесы его, считающиеся шедеврами поэзии настроения, еще несколько лет тому назад совсем не вызывали таких восторгов. Только теперь, когда общество обсудило и рассмотрело детально свою жизнь, оно и поняло громадный интерес чеховских произведений.

Несмотря, однако, на большой талант Чехова, и у него отрывочность очень много портит дело. У писателей меньшей талантливости она превращается в нечто даже неприятное. Только что человек разошелся — смотришь, жалобная песня прервалась без толку, без причины, как прерывается песня слепого бандуриста, когда он, чувствуя, что никто его больше не слушает, опускает свои слабые руки и внезапно прекращает свою грустную «музыку».

То же происходит и в поэзии стихотворной. Из нее исчезли совершенно: ясность, рельефность, сила — все это оказалось неподходящим и заменено тихо звенящими стихами, едва слышными созвучиями, робким ритмом. Вот почему рядом с восхищением поэзией настроения раздаются и жалобы на нее тех, кто привык к сильному, яркому, рельефно нарисованным типам и картинам прежних русских мастеров. Если, таким образом, в общественном смысле поэзия настроения дала известный плюс, то в художественной форме она оказалась минусом.

Как бы, однако, ни было минорно настроение современного русского общества, все-таки оно требовало бодрых звуков и речей. Читателю приходилось не раз, вероятно, испытывать великое наслаждение, когда среди сложной музыки, хотя бы, например, вагнеровской, после смутных чувств Тангейзера, после звуков, передающих его душевное смятение⁴⁵, раздавался вдруг простой, незатейливый мотив, идущий прямо в сердце, веселая песенка, приподымающая вашу бодрость, ваше настроение. Никаких сложных вопросов, никакого микроскопического самоанализа вам не хочется. Этой простой и бодрой музыки захотелось и русскому обществу. Чехов прекрасно подметил всю электризирующую и символическую силу этой грубоватой, но бодрой музыки жизни в своих «Трех сестрах». Когда на сцене тоскливо тянется драма за драмой, слышатся грустные воспоминания, унылый разбор чувств и надоедливые сетования на судьбу — за сценой вдруг раздается бодрая, призывающая к жизни музыка солдат, и кажется тогда измученным в тоске людям, что не солдаты идут под эту музыку, не люди, обученные искусству убивать, а сонм тех существ, которые непобедимой силой своих мужественных сердец вырвут нас из этого неизменно давящего нас кошмара. И все герои на сцене, и вся публика в театре чувствуют это, и у всех гордо поднимаются головы, а Ирина, как бы от лица всех, бросает вызов судьбе и, гордая своим сознанием, призывает к труду. Забыто личное горе, забыто неудовлетворенное чувство любви, разбитые надежды: бодрые звуки музыки, грубый, но волнующий душу марш, под который люди идут в бой для того, чтобы победить, завладели общим вниманием. Этой яркой, бодрящей музыки как будто и ждало русское общество. Оно не находило ее нигде. Наши мотивы продолжали быть унылыми, и если кое-где появлялись ободряющие нотки, то ненадолго и скоро поглощались протяжными завываниями господствующей тоски.

Когда общество чувствует себя подавленным, оно перестает мечтать: фантазия, ум, сердце устают создавать идеалы с ясными, резко очерченными контурами, и это вполне естественно. Ясно ставит себе цели и задачи тот, кто умеет мужественно бороться за них; те же, кто к борьбе не готов или не склонен, пробавляются неясными желаниями, грезами и расплывчатыми надеждами. Проза жизни убивает всякую идеализацию, но идеалы все-таки витают над слабыми головами мечтателей и вновь навевают на них то, что немцы-романтики называли *Sehnsucht*¹. Во всеобщей литературе периоды подобного общественного настроения неоднократно повторялись. Сто лет тому назад Новалис воплотил аналогичное настроение в особом символе — в «голубом цветке»⁴⁶, а Тик — в индусском символе божественного счастья — лотосе⁴⁷. Наши современные новалисы и их многочисленные последователи ищут желанного символа в бодрой музыке, в звуках, взывающих к борьбе. Эти «бодрые звуки жизни», за которыми все гоняются, каждый на свой лад, сделались своего рода *idée fixe* русской интеллигенции и, понятно, нашли себе соответственное выражение в литературе.

В. Владимиров

Вопросы общественной жизни.
1902. № 4. 5 марта. Стб. 97–103

Последний драматический репертуар

I

Всякий, следящий за театром, любящий его, не раз должен был останавливаться в недоумении перед современной драматургией и публикой. Драматических произведений за последнее десятилетие написано много и среди них немало великолепных. Казалось бы, естественный подбор должен был проявить здесь свою силу и очистить сцену от негодных пьес, оставив для воспроизведения создания таких великанов драматургии, как Ибсен, Гауптман, Метерлинк, Чехов и др. Так было бы, если бы у публики выработался устойчивый

¹Томление (нем.).

и здоровый вкус. К сожалению, этого нет: «естественный подбор» не действует, и каждый год проходит в драматическом отношении бесцветно и серо. В начале сезона начинают обыкновенно ставить всякую заграничную и отечественную дребедень, переделки и оригинальную гниль, и лишь к середине сезона выдвигаются две-три вещи, заслуживающие сколько-нибудь серьезного внимания. О новых пьесах говорят уже гораздо раньше и в театральной, и в общей прессе, подготавливают таким образом публику, будируют ее, вообще слишком сильно налегают на рекламную сторону, и в конце концов, после бури восторгов и восхищений, когда зритель опомнится, оглядится и посравнит, то новинка оказывается не такой уже новинкой, а оригинальная сторона ее совсем не оригинальной. Тогда публика охладевает, и в следующий сезон новая пьеса сходит с репертуара. Но, к сожалению, вместе с такими произведениями сходят со сцены те избранные, которые могли бы составить новый классический репертуар. Такие драмы, как «Микаэль Крамер», держатся на столичной сцене два сезона, на провинциальной — один; «Ганнелэ» поразительно быстро сходит у нас с репертуара. «Одинокие» — кой-где еще ставятся, но очень редко; держится еще «Потонувший колокол», больше, впрочем, как жетса, из-за обстановки, причудливой и поэтичной⁴⁸. Ибсена совсем забыли. Только «Враг народа» (доктор Штокман)⁴⁹ входит в обычный репертуар. Что же касается «Призраков», «Росмерсгольма», «Гедды Габлер», «Строителя Сольнеса», «Норы» и других, то даже лучшие труппы в течение целого сезона не ставят их⁵⁰. Я уже не говорю о «Перчатке» и «Леонарде» Бьернсона⁵¹. Эти две великолепные вещи и совсем не существуют для наших антреприз. Одноактные драмы Метерлинка, написанные в классическом жанре и не сходящие с репертуара во Франции и Бельгии, у нас только один любительский кружок в Петербурге сделал неудачную попытку поставить (например, *L'intruse*⁵²) и больше... никто⁵³. Мы не говорим уже о классических пьесах старого времени. Шекспир, Кальдерон, Мольер очень редко появляются на наших сценах, а Софокла, Эсхила, Еврипида совсем забыли, и не всякий актер даже знает их. Нужно было большое мужество со стороны г-на Шувалова⁵⁴, который возобновил в провинции Лира, Эдипа, Штокмана; нужны были его большой талант и ум, чтобы заставить публику слушать эти гениальные произведения. Почему же, наконец, это происходит? Какая причина заставляет сходить

со сцены титанов драматургии и вытаскивает на подмостки бездарности, еле годные для какого-нибудь глухого городишки? Здесь, кстати, вспоминаются мне иронические слова Гамлета, обращенные к Розенкранцу: «Тут надобно бы философию постараться открыть: отчего маленькие человечки становятся великими, когда великие переводятся?» (д. 2-е, явл. 2-е). Петербургская казенная драматическая труппа разрешает ставить древних классиков и поручает все главные роли молодым актерам («для практики»); она не считает нужным затруднять опытных актеров игрой в этих пьесах, потому что... ведь они не репертуарные! За десятки лет существования Малого театра, этой академии драматического искусства (со всеми, впрочем, недостатками академии), была поставлена только «Федра» для г-жи Ермоловой⁵⁵. Невольно воскликнешь вместе с Ницше: «Старые боги погибли!»⁵⁶ Указанные явления происходят от сложных причин, которые анализировать подробно теперь еще не время, но из которых наиболее крупные следует выделить сейчас же.

Одной из причин следует признать лихорадочную быстроту, преувеличенно скорый темп нашей жизни. Благодаря этому чувствительность притупляется, глаз привыкает к быстрой смене явлений и с неудовольствием останавливается долго на чем-либо одном. Знаменитый невропатолог Бард объясняет это нервным перерождением; он сообщает, между прочим, крайне интересный для нас факт, что американцы требуют теперь от театра исключительно легкий репертуар: фарсы, легкие комедии, оперетки, обстановочные феерии и т. п. Их издержанные нервы не выносят долгого напряжения в одном и том же направлении. Театр принял в Америке чисто служебную роль, нечто вроде электрической машинки, которая рядом коротких и мягких токов должна подкрепить утомленный организм. Мы до этого, слава Богу, еще не дошли, но, к сожалению, довольно быстро двигаемся по пути к этому.

Другой причиной служит, несомненно, положение уровня вкуса у публики. Благодаря демократизации искусства и науки в настоящее время и то и другая захватывают в своем победоносном шествии все большие и большие массы людей; и то и другая перестают быть привилегией немногих; но рядом с этим отрадным явлением замечается и другое, довольно грустное — это постепенное понижение среднего уровня понимания искусства и науки. Пройдет известное время, необходимое для первоначального накопления знания и выработки вкуса,

общий уровень духовный подымется, и мы опять вернемся к великим художникам, поймем их; но пока мы еще далеки от этого, и в этом весь трагизм современного искусства.

Поглядите, например, на то, как понял Ницше г-н Трахтенберг⁵⁷, изобразивший современного ницшеанца в лице инженера Роговича в своей пьесе «Комета»⁵⁸. Предполагается, что драматург должен стоять выше средней публики; предполагается, что он понимает и знает тот тип, который собирается преподнести этой публике. Г-н Трахтенберг, очевидно, для себя это обязательным не признает. Инженер Рогович свою волю считает выше всего, что может встретиться ей на пути; для него свое «я» — всемогуще, конечно, в пределах своих действий и поступков. Казалось бы, при таких данных, при такой анестезии к требованиям других «я» человек должен либо сделаться пророком будущей морали и мощным разрушителем настоящей, гнилой, как это было с Ницше, либо, если его склонности влекут злосчастное «я» ко злу, то должен сделаться чем-то вроде Антихриста. Но ни Ницше, ни Антихрист, во всяком случае, с нашей обстановкой не уживутся. Г-н Трахтенберг вследствие этого изобретает инженера, говорящего по Ницше, мечущего миниатюрные громы, с одной стороны, и делающего, как маленький Антихрист, маленькие подлости, с другой. Рецепт создания модернистского человека, как видите, очень прост. Бери взятки с подрядчиков, но пусть это делают не твои нечистые руки, а «воля»; кради любовь чистой девушки на свою потребу, но пусть опять-таки делает это не твоя развращенность, а все та же «воля». Выходит, будто человек сшил себе непроницаемый панцирь из «воли». Благодаря такому пониманию «воли» автор возводит своего инженера на пьедестал, с которого тот, однако, должен эффектно слететь, ибо так хочет другая героиня пьесы, мисс Нелли, обладательница еще большей «воли». Мисс Нелли — неутомная, неустойчивая натура, переходящая от одного обожателя к другому, причем обожатели, имеющие счастье обладать ею, все люди богатые и обладание свое оплачивают. Это вторая представительница «воли» и «зла». На сцене, впрочем, все зло ее ограничивается тем, что она, как рассердившаяся институтка, рвет пучок сирени, услужливо преподнесенный ей инженером, и дразнит мать и брата обещанием дать выпрашиваемые ею деньги, которых, однако, не дает. Эта мисс Нелли и называется кометой. По народному поверию, комета предвещает

бедствия; мы не хотели бы, чтобы «Комета» г-на Трахтенберга предвещала автору плохую репутацию модернизированного драматурга, но он идет на это. Первая драма его, имевшая успех в прошлом году — «История болезни Пытоева» («Потемки души»), также крайне бьет на эффект и берет этим. Пора бы вернуться к простой жизни, в которой взятки берут взяточники, живут за счет любовников женщины не демонические, не «кометы», а обыкновенные кокетки, в которых, конечно, бывает и много человеческого, но ничего сверхчеловеческого, подавляющего, благодаря гигантскому Wille¹. А именно этот-то «высший уровень» хочет доказать автор, поставив своих героев в среду людей низких, подлых и ничтожных. Одна только Валя представляет из себя нечто похожее на положительный тип; но зато г-н Трахтенберг изображает ее, напротив, столь безвольной, что в драме она проходит совершенно бесследно. Что же касается алкоголика Долгушева⁵⁹, то этот поклонник «воли» поступает логичнее своего патрона Роговича, в котором видит воплощение своего идеала: он взятку не берет, на чужой счет не живет, цветов не портит, а напивается допьяна всякий раз, как очень уж тяжел делается разлад с жизнью. Если бы Рогович не держал Долгушева у себя, он, вероятно, скоро бы спустился в ряды нищестанствующих босяков и, быть может, в новом своем звании опять попал на страницы драмы или рассказа. У нашего автора он читает Роговичу мораль à la Горький кстати и некстати, и это выходит подчас довольно комично, хотя по замыслу пьесы речи алкоголика должны потрясти.

Итак, вот перед нами все типы, которые выведены автором в новой драме. Ничего нового они нам не дают, а относительно кой-чего если и дают представление, то очень неправильное. Только артистическая игра М. Г. Савиной⁶⁰, пытающейся изобразить то человеческое, что может быть отрыто в душе мисс Немли под грудями хлестких фраз, и могла создать кой-какой интерес к пьесе; но даже газетные рецензенты не могли не подметить, что каждый раз, когда талантливая артистка уходит со сцены, всем зрителям становится скучно, и явная нелепость умной выдумки г-на Трахтенберга с его ходульным «сверхчеловеком» Роговичем, которого не мог спасти даже выдающийся артист Апполонский⁶¹, слишком ясно бросается в глаза.

¹ Воля (нем.).

Пора уже сверхчеловеческие типы, непосильные средним и малым талантам, сдать в архив и перейти к здоровому реализму, который более по силам и современным писателям, и современной публике.

II

Представителями такого реализма являются г-да Лихачев и Найденов в своих драмах «Мамуся» и «Дети Ванюшина»⁶². Трудно отдать предпочтение какой-либо одной из этих драм: обе они жизненны, интересно задуманы, литературны и обе малохудожественны, не дышат творчеством. Успех обеих пьес знаменует некоторый поворот во вкусах: публика устала уже слушать модернизированную самодельщину; она требует чего-либо здорового, выхваченного из живой, а не книжной действительности; ей захотелось увидеть свое родное, свой быт, свою, хотя и жалкую, но все-таки жизнь; она пресытилась западными направлениями, не имеющими у нас еще корней. Найденов и Лихачев — оба удовлетворили публику в этом отношении. Раздались даже голоса, что Найденов, мол, является чуть ли не продолжателем Островского. В действительности же между ним и великим драматургом — дистанция огромного размера. Островский претворял то, что брал из жизни, своим творчеством в широко захватывающие типы, определяющие целый класс людей с его мирозерцанием. Г-н Найденов почти не претворяет натуры; в его драме не чувствуется художник, и она для нас более важна в качестве благоприятного симптома в повороте вкусов публики, чем художественного произведения. Почти то же можно сказать и о «Мамусе» г-на Лихачева. Обе драмы трактуют старый, но всегда возбуждающий озлобление в разных поколениях вопрос об отцах и детях. Поставлен вопрос довольно узко, и решения его автор не дает, но трактуется он все же интересно. Мы не станем излагать содержание «Детей Ванюшина», так как драма уже теперь очень популярна; мы посмотрим только, насколько оригинально подошел автор к старой теме. Старик Ванюшин гнет весь дом своим деспотизмом, но изо всех действительно пригнуть удалось ему только свою жену, богобоязненную, робкую старушку. Все остальные дети делают вид, что гнутя; на самом же деле поступают так, как хотят, мало справляясь с волей отца. Гнет проявляется, таким образом, не в активном

насилии, а в той удушливой атмосфере, которую создает старик-деспот. Эту среду так характеризует Алеша — младший сын старика Ванюшина:

— Дома! У нас дома жить нельзя, а не только готовиться. Здесь, не говоря ни слова, молча, гнетут и сушат друг друга. Дышать свободно нельзя!

Сам Ванюшин задыхается в им же созданной атмосфере и не находит пути к спасению. Тит Титыч Островского чувствовал себя в этой атмосфере прекрасно; он, наоборот, не выносил свежего воздуха. Ванюшин — тип более передовой; он понимает уже, что дальше жить при таких условиях невозможно и в ответ на тираду Алеши говорит ему:

— Что у нас ладу нет в семье, это я сам чувствую и тяжело мне. Так вот ты и растолкуй мне, старому старику, своим молодым умом, как быть? Что мне делать-то? Подсоби... Будь хоть ты человеком.

Но молодое поколение, выросшее в этой атмосфере, едва научилось только думать за себя и никакого ответа на этот вопль дать не может. Оно и для себя-то выработало одну только формулу: бежать! бежать! Формулу краткую и не сулящую в будущем ничего хорошего. Молодое поколение не внесло еще в эту среду ничего бодрящего, освежающего, и одним старикам, конечно, не сладить с начинающимся распадом. А распад этот роковым образом совпадает с моментом прозрения старика Ванюшина; он застает и его, и всех окружающих врасплох, и в этом весь трагизм положения. Как всегда бывает в таких случаях, каждый сваливает вину за все случившееся на другого. Спокойно чувствует себя только Константин — черствый эгоист, выживающий помаленьку из дому всех родных, чтобы очистить место новой мебели, но, конечно, не новым идеям. И из всех — виноватым чувствует себя старик. Он считает себя ответственным за детей, за их души, про которые говорит, что наполнены они «тьмой, корыстью и враждой». Приходит момент сознания, что «деньгами» тут не поможешь, и это сознание просыпается у старика в то время, как молодое поколение совершает свой путь по старому проторенному пути, не думая сворачивать с него. В самом деле, посмотрите на Константина, соблазненного ограниченное, но доброе

существо — Леночку; этот «сын» не только не уступает отцу в стремлении подавить вокруг себя все и вся, он даже более того — попросту жаждет выгнать всех, удалить с глаз, чтобы побольше оставить себе места. А Клавдия, Людмила, Щеткин, Касаткин — все эти разновидности модернизированного Тит Титыча⁶³. Все они упорно воссоздают ту затхлую атмосферу, в которой чуть не задохнулся сам старик Ванюшин.

Один Алеша может служить примером действительно прогрессирующего молодого поколения, но он ушел из дому, бежал оттуда и, будьте уверены, не вернется никогда. Он станет в ряды интеллигенции, оторвавшейся от родной почвы мещанства, он ничего не сделает для того, чтобы изменилась среда, породившая его. Это отрезанный ломоть.

Полукупеческая, полумещанская среда, выведенная в пьесе г-на Найденова, долго еще будет прозябать в своей косности, пока воплотит в себе новые жизни; она сделается, пожалуй, более культурной, приобретет более благообразный вид, но надолго сохранит унаследованный от предков духовный облик в неприкосновенности. Возьмите вы, например, среду, окружающую Штокмана или Нору, буржуазную среду Запада, которая, конечно, неизмеримо дальше шагнула на культурном пути, чем наша. И в этой среде та же затхлость, и Нора не может так же, как и Алеша, найти иного исхода, как бежать, и Штокман не находит ничего лучшего, как быть одиноким. Однако Штокман, несмотря на все свое узкоидеалистическое мирозерцание, выработанное в кабинетном уединении, все-таки боец, хотя и невольный. Хоть на мгновение, но он все же волнуется застывшее болото родного города. Ни один из персонажей «Детей Ванюшина» сделать этого не может, и вот почему драма эта производит на нас такое тяжелое, безотрадное впечатление.

Мы уже говорили, что художественного творчества в пьесе немного. Главные фигуры, наиболее интересные, удалены автором из пьесы преждевременно. Мы не знаем, что станет с Алешей, оторванным от родной нелюбимой среды; мы не знаем, как бы продолжал жить старик, потерпевший крушение в жизни. Автор намечает наступающее смягчение в непреклонном дотоле характере старика, и, Бог весть, если б он не расправился так безжалостно со стариком, быть может, мы присутствовали бы при переходе Ванюшина в другой лагерь, на который раньше он без ненависти глядеть не мог. Видали мы уже такие переходы в дворянской среде...

С технической стороны пьеса разработана талантливо, в том жанре «настроения», который так пришелся по вкусу публике с легкой руки Ант. Чехова.

Рядом с пьесой г-на Найденова можно поставить «Мамусю» г-на Лихачева. Если в «Детях Ванюшина» отец подавляет детей либо старается подавить их, то в «Мамусе», наоборот, мать семьи подчиняется всем желаниям своих детей. Она расстрачивает все свое большое состояние на детей, на то, чтобы они не чувствовали никакой нужды, жили бы припеваючи, не зная лишений. В одном не сумела она обеспечить их, это в том, чтобы они сами могли зарабатывать свой хлеб. И именно благодаря этому вся семья рушится, когда оказывается, что все большое состояние израсходовано. Образ любящей матери, самоотверженно отдающей всю душу свою за детей, нарисован г-ном Лихачевым прекрасно и вышел удивительно трогательным и правдивым, несмотря на тон, близкий к сентиментализму. Все дети иначе не зовут ее, как «мамусей», и как иронически подчас звучит это трогательное слово, когда любящая рука бессознательно наносит удар. А ударов много: Валентин бросил службу, Наташа полюбила человека, которого сама уже не считает порядочным, Раиса убежала от мужа. Последний эпизод в драме с письмом от Раисы, в котором она сообщает, что ошиблась относительно мужа, что он благородный человек и т. д., несколько искусственно притянут. Можно было смело обойтись без него. Сама Раиса нарисована живо и хорошо, хотя разрыв с мужем, а затем неожиданное примирение совершенно не разъяснены автором и производят поэтому впечатление чего-то недоделанного. Так же не выяснена фигура Наташи и ее любовь к Устюженцову, который без денег жениться на ней не хочет. Наташу автор изображает очень симпатичными красками, и весьма жаль, что он не выяснил этот тип. Остальные персонажи нарисованы прекрасно, в особенности обворожительная артистка Лупшиан-Перфильева, внесшая в скромный дом Астаховых поддельные добродушные сцены. В общем, однако, не отдельные типы создают интерес к этой драме, а та мысль, которая, как мы уже говорили, объединяет все события в пьесе. «Мамуся» дает полную свободу детям, и из этого тоже выходит беда для всех. И здесь молодое поколение сытого, довольного класса не вносит в семью ничего свежего и сильного, и здесь нет разгадки жизни. Несостоятельность молодого поколения мещанской, по взглядам, среды ярко нарисована в обеих пьесах. Невольно

рождается вопрос: не есть ли это следствие воспитания? Доля правды в этом вопросе есть, но всю правду надобно искать глубже, в буржуазном миросозерцании, которое медленно уступает дорогу новым течениям молодой мысли. И в силу этого, именно медленного, хода развития внебуржуазной этики всякая причина будет достаточно сильна, чтобы породить печальные явления в разлагающейся мещанской семье. Горький в своей новой драме «Мещане» рисует уже тип, ускользающий из-под власти мещанско-буржуазного миросозерцания и несущий новые взгляды в свою среду. Но об этом выдающемся произведении современной драматургии, равно как и о других, нам еще придется говорить.

В. Владимиров

Вопросы общественной жизни.

1902. № 5. Март

«Мещане» Горького

— Рассудок — это хорошо, но... видишь ли... чтоб человеку жилось не скучно и не тяжело, он должен быть немножко фантазером... он должен, — хоть не часто, — заглядывать вперед, в будущее...

«Мещане», акт IV

I

Бывают моменты в общественной жизни, когда не литература является духовной руководительницей общества, а, напротив, сама подчиняется народившимся общественным требованиям. Литературе в такие периоды поневоле приходится давать обществу то, чего оно ищет в ней, поневоле приходится создавать типы, этические достоинства которых подлежат большому сомнению. Придется ли для этого спуститься в ряды босяков и из них создавать героев, как это проделывает Горький, либо подняться в высшие круги общества и облекать в тогу героя Рюи Блаза, как это когда-то делал Гюго⁶⁴, это безразлично, но герои эти должны быть во что бы то ни стало, публика требует их от литературы, и литература создает их. Создания эти чисто романтического характера. *Романтизм*, появляющийся в эпохи застоя общественной жизни, надолго

кладет свою печать на все истинно великое и прекрасное. Яркие краски, красивые ткани, в которые он облакает своих героев, скоро, с наступлением подъема общественного сознания, блекнут и теряют свой колорит. Читатель или зритель, если дело идет о драме, начинает видеть мишуру и ложный пафос там, где он прежде увлекался. Писатель для него превратился просто в гуманного фантазера, творения которого потеряли для него значение. Вспомните Тика, Лаубе, Гуцкова, Новалиса, Уланда и других великих романтиков начала прошлого века⁶⁵. Кто их знает, кому не смешны их фантазии, их иллюзии и картины, когда-то полные блеска, теперь пестрые и неестественные; кто интересуется теперь их произведениями, кто, кроме специалистов-историков? Но... *le roi est mort — vive le roi!*: романтизм исчез, его разоблачили и лишили блестящего ореола, а он опять возродился, и вновь волнует он нас, и вновь окутывает иллюзиями и фантастическими картинами. У нас самым ярким представителем его является теперь Максим Горький. Ряд созданных им типов — романтического происхождения. Суровый, сильный волей Челкаш встает в сером тумане нашей жизни, за ним подымается красивая, полная блеска Мальва, далее Коновалов, Изергиль, Лойко⁶⁶... и все они причудливой вереницей проходят перед нами, все они поражают нас красивыми речами о свободе, о воле, о жизни среди природы, непосредственной, великой; и всех нас увлекают эти речи, кажутся они нам давно жданными, забывается иллюзорность их. Человек хочет бодрости, душевного подъема и он готов принимать фантомы за действительность. Романтизм отодвигает на задний план жизненные идеалы. Он поет свою победную песню в то время, как кругом лежат побежденные, и кажется им, этим жалким воинам жизни, что песню эту поют приближающиеся полки своих братьев, и с трудом приподымаются они на локтях и глядят в ту сторону, откуда несутся победные звуки, а там видна только мрачная туча врагов...

В современной русской литературе такую победную песню, уже несколько лет восхищающую читателей, поет Максим Горький. Вариантов у него бесконечное множество, и каждый вариант сулит что-то сильное и смелое, но только сулит. Давно уже критика установила, что поэзия Горького замечательна своей бодростью. Против этого трудно спорить; хотелось

¹ Король умер — да здравствует король (*фр.*).

бы только, чтобы эта бодрость вытекала из самой жизни, из недр ее; ан этого-то нет. Вся бодрость создана самим писателем и никаких корней в современном обществе не имеет. Каждый читатель может дать убаюкать себя этими бодрыми речами, может даже на момент прийти от них в раж, но не проникнется он ими никогда, никогда не станут они его органической потребностью...

Новая пьеса Горького «Мещане» лишний раз подтверждает нашу мысль. «Мещане», несмотря на все претензии, не разрешают ни одного из жгучих вопросов нашей печальной действительности, не дают нам никаких художественных красот, которых мы раньше не знали. Тема «Мещан» далеко не нова: борьба старого и молодого поколения. Разработан сюжет тоже по-старому. Как и в «Детях Ванюшина», и в «Мамусе» — все стремятся здесь вразброд, в сторону от родной семьи, где ничего хорошего в духовном отношении никто не нашел. От Горького давно ждали, что он даст новый тип из народа, тип реальный, положительный, не прикрашенный романтическими фантазиями. Как читатель ни увлекался героическими босяками Горького, он всегда все-таки знал, что встречаться с ними не на чистеньких страницах книги, а в трущобах или городских закоулках далеко не приятно, и потому ему, читателю, босяки эти все-таки приходились мало по душе, шокировали его; они неизбежно подымали горький вопрос: неужели мы, интеллигенция, так дряблы, так захирели; неужели мы сделались такими жалкими и ничтожными, что талантливый писатель должен истинно бодрых и свежих людей искать исключительно между босяками, среди современного русского пролетариата? Среди своих босяцких типов Горький ищет настоящего героя, такого, который «научил» бы жить и интеллигенцию. Сейчас в «Мещанах» он нам выставил Нила, машиниста, которым все почти персонажи пьесы захлебываются от восторга, неизвестно только почему. Горький торжественно провозглашает теперь, что наша интеллигенция «мещанская», что она вся, пожалуй, должна идти насмарку. О том, как легко и победоносно разделался Горький с нашей интеллигенцией, — после, а теперь внимательнее посмотрим, что такое его «новый» человек Нил и стоит ли из-за него копыа ломать? Нил, как мы уже знаем, машинист, молодой человек 27 лет, воспитанник Бессеменовых. Дом Бессеменовых ему опротивел, ему здесь скучно... Он говорит Татьяне, дочери Бессеменова:

— Я просто нахожу, что с вами жить почему-то невыносимо скучно. Думаю потому, что очень уж вы любите на все и вся жаловаться. Зачем жаловаться? Кто вам поможет? Никто не поможет... И некому и... не стоит...

В жестких речах этих чувствуется, правда, большое презрение к «мещанскому дому», а все-таки — этот независимый, сильный и смелый, по замыслу автора, Нил остается в этом противном доме. Впрочем, он беспрестанно «протестует»: с этой целью он показывает старику Бессеменову язык, натравливает на него Перчихина, отца своей невесты, назло всем требует от своей невесты Поли, чтобы та дала ему открыто свое согласие на брак, никого не спросив, за обеденным столом. Последняя форма протеста так уже нелепа, что сам Нил спрашивает себя:

— Чего ради заставил я Полю пережить такую... гадость? Испугалась... нет, она не пуглива! Обиделась, наверно... тьфу!

Далее Нил выругал свое маленькое начальство, мечтает перейти в депо, на более интересную работу и, в заключение, ругается жесточайшим образом, направо и налево, точно в этом его провиденциальное назначение. Во всех этих поступках, как видите, не только ничего героического нет, но и нет ничего «нового», заслуживающего какого-либо внимания. При всем нашем желании отыскать в Ниле что-нибудь положительное — мы этого сделать не могли. Все красивые и оригинальные подчас фразы, которыми сыплет герой «Мещан» между ругательствами, только фразы, и блажен трижды тот, кто может ими удовлетвориться и узреть в них что-то идеальное. Что положительного сделал Нил? Работал на паровозе, но ведь каждый из нас работает и заслути в этом не видит. Больше никаких «заслуг» за ним мы не знаем. Мы с удовольствием слушаем, как он громит Бессеменовых, этих зазнавшихся мещан:

— Как ненавижу я этого человека... этот дом... всю жизнь эту... гнилую жизнь! Здесь все... какие-то уроды. Никто не чувствует, что жизнь испорчена ими, низведена к пустякам... что из нее они делают себе темницу, каторгу, несчастье... как они ухитряются делать это? Не понимаю. Но — ненавижу людей, которые портят жизнь...

Кажется, Нил должен понимать смысл жизни, а он не понимает. Не понимает современной сутолоки, всей сети мелочей, окутавшей нас, всей массы крупных и мелких несчастий,

которые остались на нашем нерасчищенном пути, лишая возможности идти вперед. Нил — большой субъективист. Ему кажется, что человек «портит жизнь», что сама по себе жизнь прекрасна. Эта философия, рассматривающая все *an und für sich*^I, нам давно известна. Помилуйте: жизнь прекрасна, только человек портит ее; будет время, скверный этот человек утонится, исправится, и тогда жизнь, «сама по себе прекрасная», сразу сделает всех счастливыми! Штука, как видите, не хитрая и не новая; до нее еще Руссо⁶⁷ додумался больше ста лет тому назад...

Послушаем, однако, какие советы дает Нил Татьяне, слушающей в «мещанском доме».

— Скучно тебе жить, — займись чем-нибудь. Кто работает, тот не скучает. Дома тяжело — поезжай в деревню, там живи и учи... а то — в Москву, сама научись...

Не веет ли ординарностью от этих советов? В более сложном виде, пожалуй, подобный совет может дать всякий гимназист старшего класса. Нил имеет еще свое особое *stredo*. Оно заключается в том, что он желает вмешаться в «гущу жизни». О какой «гуще» тут идет речь, мы определенно не знаем. «Гущи» бывают ведь разные; из иных и не вылезешь: затянут, как болото гнилое, так что стремиться *quand même*^{II} в гущу жизни не всегда резонно. Единственная мысль Нила справедливая, но немного *unzeitgemäßig*^{III}, как сказал бы Ницше, выражена у него во фразе: «Да, хозяин тот, кто трудится»... Но новизной и эта мысль не отличается. Итак, что дает такого Нил, из-за чего стоило бы сдать всю мещанскую интеллигенцию в архив? Ничего или так мало, что не стоит, фигурально выражаясь, разрушать старый дом, чтобы на его место поставить деревянную будку, хотя бы и очень красивую.

II

Остальные типы «Мещан» более или менее знакомы нам по прежним повестям Горького. Старик Бессеменов, крутой и деспотичный представитель «мещанства»; это мастодонт,

^I Себе и для себя (нем.).

^{II} Вопреки всему, во что бы то ни стало (фр.).

^{III} Несвоевременная (нем.).

доисторический тип, грубый, безобразный и бесполезный. С новым поколением старик расходится принципиально, он хочет сломить его у основания и заставить жить по-своему; на минуту склоняется он к образованию, но затем отрекается и от этой уступки новому времени; он еще сила, но уже надломленная. От своего еще более безобразного предка Тита Титыча Бессеменов отличается все-таки известным прогрессом. Он задумывается уже над противоречиями между собой и молодым поколением, тогда как Тит Титыч все случаи разногласия решал одинаково радикально и сильно: изгнанием из дома и родительским проклятием. Именно в силу этой разницы, именно в силу того, что Бессеменов начинает мыслить и разбираться в явлениях современной жизни, борьба с ним должна вестись более разумным способом, чем фырканьем Нила и показываньем языка.

Дети Бессеменова, которых автор одинаково с отцом зачисляет в ряды мещан, Татьяна — учительница и Петр — бывший студент, нарисованы, как двуликие Янусы: с одной стороны, они интеллигенты, с другой — первобытные мещане. Захочется автору в одну сторону повернуть — интеллигент, как ему быть подобает: с стремлениями «в Москву», с жаждой хорошего и честного труда; захочется в другую повернуть — и Петр, например, такой мещанский фортель выкинет: «Ты, — говорит он Шишкину, своему университетскому товарищу, — теперь мне с прежними семь целковых должен», то есть совсем по-мещански напоминает про долг.

Понимая, однако, что интеллигентность человека, да еще вдобавок молодого, трудно совместить с грубым мещанством, автор рисует и Петра, и Татьяну крайне туманно, не объясняя, например, почему тоскует Татьяна, почему хнычет Петр. Татьяна, впрочем, потерпела фиаско в любви: Нил ей не дался; но Петр ведь любим любимой им женщиной. Для удовлетворения мещанского интеллигента это ведь немало. Автор, впрочем, дает небольшое указание. Петр недоволен тем, что товарищеская среда учинила над ним насилие, заставила его уйти из университета, тогда как он хотел работать и из университета уходить не желал. Что же лучше — пренебречь товарищеским чувством или подавить свой узкий индивидуализм? Вопрос этот опять-таки в пьесе остается открытым...

Итак, в чем резко выражено мещанство у этих представителей семьи Бессеменовых? В их апатии, тоске, усталости

от жизни — словом, в их неврастении и в разочарованности. Однако это вовсе не мещанские признаки. Татьяну автор напрасно заставил влюбиться в Нила; благодаря этому мы не знаем, всегда ли такова Татьяна. Быть может, в иное время она умеет работать не менее бодро, чем Нил, умеет жить осмысленно и хорошо. Именно те типы, на которых автор хотел показать всю мелочность мещанского мировоззрения, обрисованы так бледно, что невозможно из них сделать какие-нибудь выводы. Другие интеллигенты: Шишкин и Цветаева — самые заурядные люди, делающие свое честное дело. Шишкин будет среднего калибра врачом или адвокатом и не раз еще поможет в жизни господам Нилам; Цветаева будет учить Ниловых ребят и т. д. Это представители рабочей интеллигенции, и относиться к ним отрицательно или даже презрительно нет никаких оснований. Они, быть может, не вмешаются в «гущу жизни», как этого желает Нил, но они и не претендуют на туманный героизм; они самые средние люди, которые в действительной жизни, однако, не поступаются своими убеждениями, и если Нил совершил, по мнению автора, героический поступок, выругав «дубиноголового начальника», то бедный Шишкин бросает единственную доходную статью — урок — только потому, что не выносит антисемитизма своего взрослого ученика-чиновника и его отношения к прислуге. Право, это обычное поведение Шишкина стоит героизма Нила, и напрасно Горький изобразил этого представителя молодежи несколько смешным и глуповатым. Поступки его вытекают ведь не из глупости, а из благородства... Философ Тетерев — тип, благодаря предыдущим произведениям Горького, настолько знакомый, что говорить о нем подробно не приходится. По прямой линии происходит он от Кувалды⁶⁸; единственная между ними разница в том, что вряд ли Кувалда способен был влюбиться, а Тетерев проходит этот душевный этап. Как человек, лишенный всех радостей жизни, получавший удары судьбы с избытком и со всех сторон, Тетерев, понятно, озлоблен и злобно ругается, «лается» со всеми, как говорится в пьесе. Он жесток в своей ругани, желчен и подчас правдив. Его постоянное негодование не мотивируется ничем возвышенным. Философия его крайне проста и граничит с философией первобытного человека: «если тебе вместо хлеба дадут камень, то обрушь на голову давшего гору». Это еще более дико, чем око за око, зуб за зуб.

Тетерев влюблен в Полю, которую так характеризует Нил: «Ты — такой милый товарищ... нужды ты не боишься... горе — одолеешь... и ты упрямая... сильная, не согнешься...» Сам автор больше решительно ничего не прибавляет к этой характеристике. Мы должны, таким образом, верить автору на слово, думать вместе с Нилом, что Поля и сильна, и «милый товарищ», и прочее. Единственно хорошее дело, которое Поля без перемены в ходе действия могла бы сделать, — это не позволять пьяненькому своему отцу приходиться в дом Бессеменовых, где его на каждом шагу оскорбляют; но она додумывается до этого слишком поздно, когда Бессеменов уже грубо расправился с детски благодушным стариком, кстати, очень уж напоминающим Любима Торцова⁶⁹.

Нам следует еще остановиться на Елене, жизненно и красиво написанном типе, но знакомом нам уже по характеру Мальвы. Елена отличается такою бодростью и жизнерадостностью, что скорее подходит героическому Нилу, чем Полю. Автор, однако, еще раз хочет добить мещанскую интеллигенцию и устраивает так, что Елена даже влюбленного уже Петра должна тащить на буксире. Жалок действительно тот, кто не умеет смело любить, но к мещанству это опять-таки мало относится.

Перед нами прошла целая галерея типов, долженствующих дискредитировать мещанскую интеллигенцию. Каждый из нас, конечно, и без доказательств, специально придуманных, знает слабые стороны мещанства; поэтому нам интересно было знать, что нового дают эти типы, намечают ли они хоть то будущее, в котором легче будет жить и дышать? Безусловно нет.

Трудно отрицать в драматическом эскизе Горького красивые положения, умные речи и т. д., но все это очень мало дает уму и сердцу. Прекрасно обрисованы у него старики Бессеменовы. Они перед нами точно изваяния скульптора. Но приходится сказать, что в «Мещанах» что хорошо, то старо, а что ново, то незрело, расплывчато, туманно. Неужели в действительности нет типа более сильного, более достойного, чем Нил? Неужели нет типа более жизненного, ради которого действительно стоило бы мещанскую интеллигенцию сдать в архив? Он есть, несомненно, но несомненно и то, что он еще не проявился и что рано оказывается еще ломать то старое, на место которого не из чего еще строить новое. Мещанская интеллигенция имеет законное право на свое существование, и ее рано еще хоронить; она еще сослужит нам не раз службу.

Мещанская среда, правда, заслуживает резко отрицательного отношения к себе, но ведь между мещанской интеллигенцией и самим мещанством — дистанция огромного размера, такого размера, что подчас их и ставить-то рядом нельзя, а уничтожать вместе — тем более.

«Мещане» разошлись сразу в огромном количестве экземпляров, и это прекрасно; эта пьеса воочию покажет массе читающей публики на основные недостатки творчества Горького; она разъяснит им, как надобно смотреть на те типы Горького, которые созданы по рецепту Нила. Тогда они, быть может, увидят, что и Челкаш, и другие босяцкие орлы в значительной степени приправлены романтической фантазией... Романтизм бывает хорош, когда подымает дух упавшего гражданина, когда зовет его к борьбе. Но романтизм, который не щадит рядовых великой армии прогресса, бесполезен, а иногда и вреден. Нам кажется поэтому, что пора бы симпатичному певцу босячества оглянуться на пройденный путь. На этом пути у него есть уже два предостережения: одно называется «Мужик»⁷⁰, а другое — «Мещане»...

В. Владимиров

*Вопросы общественной жизни.
1902. № 6. 7 мая. Стб. 144–152*

Максим Горький и интеллигенция

I

Для характеристики писателя крайне важно то обстоятельство, как он был встречен современниками. Против мужиков Успенского, Златовратского, Решетникова⁷¹ быстро создалась оппозиция; мужик недолго обретался в авантаже, и не повсюду его пускали. Босяк Горького, напротив, свободно забрался даже в салоны и мало кого шокирует там своим образным языком и циничными ухватками. К нему привыкли, его любят, им любуются, восхищаются; из-за него посылают проклятия культурной жизни, из-за него, наконец, готовы самих себя смешать с грязью. В чем же секрет? Мы помним, что прежде, когда восхищались мужиком, то восхищение это было так глубоко правдиво, что восхищавшиеся шли в деревню не колеблясь и оставались там, если даже приходилось оста-

вить все прежние идеалы. Мужик со своими лаптями, онучами, прокисшим запахом полушубка казался дорогим и близким; в нем видели брата, которого при встрече не только стыдиться не надо, а наоборот, которым гордишься... К босяку такого отношения мы не замечаем. Им восхищаются, приходят в восторг от его мощи, удали, «размаха руки», но никто не идет жить в его среде, никто не чает найти там спасения, никто, наконец, не подумает взаправду делиться мыслями, чувствами и благами жизни с этими «огарками» человека, этими «бывшими людьми».

Напрасно обвиняли Горького в том, что он какой-то идеал хотел нарисовать в своем босяке. И напрасно считают горьковского босяка каким-то прокурором, перед которым должно держать ответ современное общество. Нет спору, что всякое отвратительное явление, грубое, безыдейное, без нравственных устоев, есть само по себе уже осуждение современного строя, обвинительный акт против бессмысленной жизни и ее недостатков. Босячество как явление безусловно отрицательное есть тоже протест против наших несовершенств, против нашей гнили и слюнтяйства, протест, получивший столь ярко выраженные формы в созданиях Горького. Но делать из этого вывод, что босячество выше нас своей непосредственностью, своей смелостью в жизненной борьбе, что оно разумнее и привлекательнее той жизни интеллигенции, которая в лучшей своей части, части все увеличивающейся, все-таки проникнуто стремлением воплотить здоровые идеалы в действительность, — это, как хотите, чересчур резкое и противоречащее фактам преувеличение. Однако такое преувеличение имеет свои коренные причины в настроении волжского писателя, в его *романтизме*.

Босяк Горького — тип несомненно идеализированный и приукрашенный, хотя местами трудно определить, где Горький оставляет идеализацию и в силу своего сродства с реализмом приближается к действительности. «Дорогу романтизму!» — этот клич раздался в русском обществе одновременно с воинственным призывом назад — к Канту, Ланге, Лассалю⁷² и метафизическому идеализму. И клич этот только в первые моменты возбудил известный протест; потом все смирилось. Романтизм, так романтизм! Бывают такие тяжелые времена ноющего настроения, когда общество готово проделать все то, что делали наши деды: отправиться к знахарю, к бабке, молить ее вылечить недуг причитанием, чудесным корешком или

святой водицей. Господа Мережковские, Булгаковы⁷³ и tutti quanti¹ вынесли от колдуньи пузырьки со святой водой мистцизма. Г-н Струве⁷⁴ удовольствовался гуманными заклинаниями идеалиста Фихте⁷⁵; Горький и целая плеяда молодых второклассных талантов принесли с собой романтизм старого, доброго времени. Конечно, романтизм Горького далек от романтизма Гофмана, Тика, Новалиса; он вырос на почве одной из самых великих реалистических литератур; он вырос в эпоху лихорадочно быстрой, изнурительно интенсивной жизни, хотя не время рассказывать теперь страшные, причудливые «серапионовы сказки»⁷⁶, не время воскрешать Средневековые с рыцарскими турнирами. Романтизм, как и всякое другое литературное течение, подчинился времени, он вырос на почве реализма. Казалось бы, такое соединение даже невозможно, ибо романтическое и реальное — два противоположных понятия: однако оно оказалось возможным, история сделала его даже необходимым. Не все могут à la Вершинин из «Трех сестер» Чехова утешаться тем, что через 200 лет воцарятся на земле «мир и благоволение». Громадному большинству хочется сейчас увидеть хоть клочок того великолепного синего неба, которое будет над нами, когда атмосфера современного общества очистится и сделается ясной... Такому желанию и удовлетворяет, по-видимому, романтизм.

До сих пор босячество у нас описывали мало. «Петербургские трущобы» Вс. Крестовского дают целый лексикон воровских выражений, но художественности в них очень мало⁷⁷. Горький же именно поразил нас целым рядом блестящих жанров. Много раз уже указывали на то, что босяки-де таким языком не говорят, что и философия их слишком уже на ницшеанство смахивает, что чувства босяков не по-босяцки демоничны; словом, отдавая должное мастерскому изображению этих типов, указывали на разукрашенность их. И, как всегда в таких случаях бывает, произошло недоразумение. Одни говорили, что босяки Горького тем и привлекают наше внимание, что знакомят нас с неизвестным нам еще дотоле классом, что автор, сам прошедший босяцкую школу, дает правдивые и до мелочей точные характеристики «бывших людей», что мы, словом, имеем дело с прекрасным бытописателем, знатоком, которому мы должны верить даже на слово.

¹ Все без исключения (*итал.*).

Даже г-н Андреевич⁷⁸, критик покойного журнала «Жизнь»⁷⁹ и горячий поклонник Горького, с этим не соглашается. Он заявляет, что типы Горького не всегда естественны, что в них много деланности, хотя ему «этнографические», как он презрительно выражается, типы и не нужны. На этот раз г-н Андреевич отчасти прав. Для протеста против «развращенной интеллигенции» Горькому настоящие босяки и не подходят. Гораздо лучше иметь своих «собственных» героев, которым можно было бы и ту и другую мысль навязать и заставить те или другие истины изрекать. Герои Горького из босяков потому так и красивы, что рядом с ними автор ни одного порядочного интеллигента не поставил. Конечно, если брать из нашей интеллигенции людей только дряблых да жалких, то смелый, отважный Челкаш покажется героем. Но Горький мог бы взять подвижника — врача, писателя, душу за други своя отдающего, и тогда его герои оказались бы такими маленькими и, пожалуй, чистенькими и не красивыми.

Вся ошибка Горького в том и состоит, что он не замечает или не хочет замечать эволюцию, происходящую в современной интеллигенции; его взгляд презрительно скользит по грязной поверхности современной интеллигенции и не хочет проникнуть вглубь, в гущу, как выражается его Нил в «Мещанах», где совершается непрерывная работа, перемалывание старых идеалов и формовка новых. В одном из своих неоконченных произведений Горький попытался, впрочем, нарисовать новый тип здорового интеллигента-мужика, но он ему не удался до последней степени — вышел тот же буржуа-интеллигент, каких так не выносит автор. И так, у нашего писателя мы и не найдем нового типа интеллигента, так и должны поверить ему, что ничего хорошего не выйдет из нашей интеллигенции. А между тем дело совсем не так обстоит. Буржуазный элемент нашей интеллигенции начинает понимать, что место его *среди* буржуазии, которой он служит, а не в среде интеллигенции, добывающей демократических начал в жизни; он поэтому уходит постепенно отсюда. Каждый факт из обывательской жизни, в котором я усматриваю такое отступление, бесконечно радует меня, и я с удовольствием смотрю на этих людей, физиономия которых наконец определяется, как следует. Этих-то господ Горький, к сожалению, принял за всю интеллигенцию.

Никто не станет отрицать, что у нас теперь серо, скучно и тоскливо, но окружающие нас сумерки похожи не на те,

которые сопровождают закат, а на те, за которыми подымается новое, яркое солнце.

Последние голодные годы, эпидемии и прочие народные бедствия выдвинули немало интеллигентов-буржуа, но и немало истинных интеллигентов, которых нельзя причислить к лагерю угнетателей жизни. Каждое крупное и мелкое явление русской жизни служит теперь оселком, пробным камнем, на котором история русского общества испытывает своих интеллигентных сочленов. В свое время, когда происходила смена дворянской интеллигенции разночинной, Тургенев бесподобно нарисовал нам новые типы и не смешивал новую, вечно юную интеллигенцию с отбросами, которые неизбежны в периоды реакции. Горькому такая художественная задача не по силам. Ему никак не удастся, что называется, поймать быка за рога, уловить и художественно воспроизвести во всей полноте черты нарождающейся интеллигенции, которой принадлежит ближайшее будущее и которая явится «хозяином жизни».

II

Читатель, быть может, спросит, почему мы так долго останавливаемся на русской интеллигенции и так мало говорим о тех героях Горького, которые ему, собственно, создали популярность. На этот вопрос мы уже отчасти ответили. Противоположение босяков интеллигенции, во всяком случае, крайне любопытно. После мужика, служившего одно время противовесом интеллигенции, на буржуазии нельзя было останавливаться. Это понял Горький, но, к сожалению, он отыскал в низших слоях не то, что следовало бы. Lumpenproletariat⁸⁰ никогда не играл в истории другой роли, кроме отрицательной, и принес немало вреда. С этим должен был считаться наш писатель. Не все, конечно, годится для романтической идеализации, и Горький должен был осторожнее делать из своих босяков настоящих героев современной жизни.

Насколько удалось нам заметить, критика мало или почти совсем не останавливалась на одном из героев Горького — Ваське Красном (см. рассказ под тем же заглавием)⁸¹. Васька Красный — служитель в публичном доме. Специальность его состоит в том, что он наказывает провинившихся перед хозяйками упрямых девиц. Казалось бы, эта фигура менее всего

подходящая для какой-либо идеализации. Это не человек даже, а какой-то зверь. Девицы так и называли его «палачом». Само описание наружности его рисует нам почти дикаря. «Толстогубый, с большими ушами, которые торчали на его черепе, как ручки на ручноймылке, он поражал людей жестоким выражением своих маленьких, бесцветных глаз» (т. III, с. 299).

Наказывая девиц, Васька никогда не злился, он был всегда одинаково молчалив, равнодушен, и глаза его никогда не теряли выражения ненасытного голода; лишь порой он прищуривал их, отчего они становились острее.

...Приемы наказаний не ограничивались только этими, нет — Васька был неисчерпаемо разнообразен, и его изощренность в деле истязания девиц возвышалась до творчества (с. 302).

Казалось бы, тип нарисован такими резкими штрихами, что сомневаться в том, что Васька Красный может кончить жизнь не душегубством, невозможно. Автор рисует такие ужасные сцены истязаний, что несомненной делается такая полная озверелость героя, при которой он положительно не способен к какому-нибудь человеческому порыву. Но с Васькой случается несчастье: он попадает под конку и получает перелом ноги. Этот-то перелом, по воле автора, ведет за собою непонятный перелом и в натуре Васьки. В нем почему-то просыпается сознание о своем злодействе и любовь к Аксинье, самой глупой и более всего похожей на животное девице. Сознание Васьки вырывается в следующем, правда, довольно грубом, диалоге:

— Да, черт! — раздраженно крикнул Васька. — Ведь вот ты со мной канителишься... шевыряешься тут... чего же?

— Это другое дело... — резонно сказала Аксинья. — А что бы с тобой жить — нет! Боюсь я тебя... очень уж ты злодей!

— Эхма! Что ты понимаешь?! — зло воскликнул Васька. — Злодей! Дура ты. Думаешь — злодей, так и все тут? Думаешь — легко, ежели злодей?

Голос у него оборвался, и Васька помолчал немного, растирая грудь здоровой рукой, потом тихо, с тоской в голосе и страхом в глазах заговорил:

— Что уж вы... очень? Ну, злодей, и так разве весь человек в этом? Эх! Чего у меня спрашивали?.. Пойдем, Аксинья Семёновна!.. (с. 316—317).

Итак, перед нами вновь старый знакомец — «беспокойный» человек. Вопрос весь в том, может ли беспокойство выразиться в таком образе, в такой бесцельно жестокой натуре. Мы знаем «беспокойных» людей в образе тиранов, жестокосердных палачей, получивших историческую известность. Но их зверства преследовали какую-то цель; им казалось, что они расправляются со своими врагами и идут к какой-то цели. Васька Красный ни в коем случае на подобное отношение к себе претендовать не может, потому что никакой цели в мучительствах, им проделываемых, не видно. Он сделался «вышибалой» в позорном квартале просто по профессии. Вот почему Васька в начале рассказа удивительно правдив; в конце же рассказа, превращенный в героя, сразу оказывается на романтических ходулях.

Мы остановились так долго на этом рассказе ввиду того, что в нем ярче, чем в каком-либо другом, выразился романтизм Горького, причем внешняя форма его оказалась здесь в полном несоответствии с внутренним содержанием.

Установивши присутствие в произведениях Горького большой дозы романтизма, являющегося протестом против современной русской интеллигенции, мы невольно задаемся вопросом, насколько этот романтизм полезен для той же интеллигенции. Романтизм как протест много раз уже фигурировал в истории всемирной литературы, и для нас он является, таким образом, старой новинкой. Романтизм всегда действует на публику ободряюще лишь в первые моменты; потом его обаятельная сила быстро испаряется. Такова общая участь романтизма, как консервативного, так и либерального. Этой участи не избежать и романтизму нашего одаренного писателя. Первые произведения Горького, трактующие о романтической свободе босяка, крайне обоюдоостры. Если они, с одной стороны, поражают силой своих образов, яркостью колорита и изяществом выполнения; если они дышат бодростью, юношеской энергией и мужественной силой, то, с другой стороны, они отвлекают ум от действительности и ее болячек, переносят идеалы в обстановку и в среду, в которой они не могут физически расти и развиваться; кроме того, Горький устами своих босяцких философов создает опасный прецедент слишком легкомысленного отношения к тому, что дали нам наука и искусство. Правда, романтизм подымает интерес к жизни, но он не дает созидательных основ, на которые можно опираться в дальнейшем. От Горького стали требовать «нового

слова», разгадки жизни; он, против своей воли, был возведен на пьедестал учителя жизни; в произведениях его поэтому напрасно стали искать ответов на «проклятые» вопросы. Его отрицательное отношение к современной русской интеллигенции невольно вызывало у читателя вопрос: «Ну, ладно — интеллигенцию долой... А дальше что? Не босячество же, в самом деле, во главе народа поставить?»

Горький как будто сам отвечает на этот вопрос отрицательно, ибо герои его в конце концов в своей свободе удовлетворения не находят. Это ведь свобода мнимая, свобода от обязанностей и прав, свобода от моральных уз и обязательств перед обществом; такая свобода — явление ненормальное, патологическое, и Горький прекрасно понимает это. Его Григорий Орлов в конце рассказа под тем же заглавием⁸² так и говорит:

«Я родился с беспокойством в сердце... и судьба моя — быть босяком! Самое лучшее положение в свете — свобода и... тесно все-таки» (т. II, с. 151).

«И тесно все-таки!» — эти слова уничтожают все то удивительно красивое здание босяцкой свободы, которое создавал так неутомимо талант Горького. Точно взойдя на вышку возведенного им же здания, он увидел, что в сравнении с бездной у подножья его оно бесконечно мало и ничтожно. Пришлось во что бы то ни стало строить новое здание. Горький не остановился перед трудностью задачи и взялся выполнить ее. Результатом явились «Фома Гордеев» и «Трое»⁸³. Перейдем к разбору этих двух самых замечательных произведений Горького, где замечается резкий поворот в мировоззрении нашего писателя.

III

В двух своих последних повестях, «Фома Гордеев» и «Трое», Горький является уже искателем того, кого он мог бы назвать хозяином жизни по справедливости. В обыденной, материальной жизни «хозяин» ее налицо; мы сталкиваемся с ним ежедневно и хорошо чувствуем результаты этих встреч. Хозяин жизни теперь — буржуа, во всех видах и проявлениях. Конечно, не этого «хозяина» разыскивает Горький; ему нужен другой, который не только ввиду политических условий был бы поставлен в хозяева, а в силу социальной,

христианской справедливости. Конечно, не хозяйничество или, вернее, охальничество Петрухи Филимонова имеется тут в виду, и вообще не фальсифицированный идеал босячества. Босяк был красив, про него можно было распевать звонкие, бодрые песни, босяка можно было выставить как легкую артиллерию, обстреливать ею размякшую интеллигенцию; но в «хозяева» жизни босяки не годятся, слишком неподобающая для них эта роль. По-видимому, это осознал сам увлекающийся автор Челкаша, Орлова и других типов и повернул фронт к Нилу в «Мещанах». Нужно, однако, сказать, что попытки решить нашу социальную задачу, сделанные в «Фоме Гордееве» и «Троих», гораздо интереснее решения ее в «Мещанах». Между этими попытками и прежними произведениями «босяцкого» периода находится еще «Мужик»; но его автор не закончил, преждевременно выпустив из своего кабинета, и о нем мы поэтому говорить не станем. Босяки нравились благодаря исключительной талантливости автора, благодаря тем великолепным описаниям, которыми сопровождается у него ход действия. Горький, например, чуть ли не первый русский беллетрист, который дал так много прекрасных описаний моря. Отрицательные стороны существования босяков поэтому не так бросались в глаза: солнце золотило их лохмотья, синева моря как бы примиряла с их уродством. Позднейшие же герои Горького вызывают уже симпатии; перед нами уже не приукрашенные люди, а настоящие, ищущие правды, добывающиеся путей к тому, чтобы сделаться «хозяевами» жизни. Этой симпатией объясняется, между прочим, и то, что «Трое», являющиеся вариацией «Фомы Гордеева», вызвали в публике увлечение, не уступавшее по силе увлечению первой попыткой Горького решить поставленную себе проблему. Интерес, возбужденный этими животрепещущими вопросами, был так силен, что с легким и быстрым решением их в «Мещанах» ни критика, ни публика не могли помириться. Новая драма Горького «На дне», судя по ее содержанию, переданному в газетах, дает новый фазис развития проблемы, поставленной себе Горьким. В ней он впервые отрекается от излишней идеализации босячества и этим раз навсегда кончает с теми увлекающимися своими поклонниками, которые хотели видеть в человеке из Lumpenproletariat'a созидателя новой жизни.

Герои обеих повестей, конструкция рассказа, характеристики, детали настолько одинаковы, что читать обе повести подряд — значит испытать большое разочарование. В Фоме

Гордееве нет ничего специфически купеческого, в Илье Лунове — ничего специфически рабочего. Оба они — люди не класса, а задачи. Их как бы подавляет задача, поставленная себе, настолько, что они теряют все классовые отличия своего мирозерцания. Оба типа удивительно абстрактны, и сквозь реальные одежды их так и сквозит план автора. Горький до того заинтересовался своей проблемой, что повесть явилась для него психологической лабораторией, в которой он стал производить над своими героями разные эксперименты: сделал, например, Фому бедным, заставил его влюбиться не в Александру, а в Олимпиаду, заставил его совершить убийство, вместо того чтобы потопить мужика и разбить барку; заставил говорить обличительную речь не на пароходе Колокова, а на вечеринке у Кирика и, наконец, сбросил его в припадке умоисступления с обрыва, вместо того чтобы трагически засадить его в сумасшедший дом. Казалось бы, что от таких пертурбаций человек должен был бы измениться, ан нет. Он и красивый, и здоровый, и речи говорит те же, и ту же гражданскую злобу теми же словами изливает. Является он перед нами как старый приятель, и невольно читатель с неудовольствием спрашивает его: «К чему этот маскарад?» И читатель прав. Эксперименты — вещь прекрасная, но до тех пор, пока ученый продельывает их в своей лаборатории, а не выпускает в свет как якобы законченное исследование. Центральная фигура обеих повестей благодаря этой роли объекта психологических опытов и получилась крайне однообразная и деланная, зато во второстепенных персонажах много истинно жизненного и правдивого. Приемы автора довольно примитивны; для каждого героя у него есть в запасе немного черт, и он характеризует своих героев сильно, но однообразно, обводя контуры грубоватыми линиями, в ущерб перспективе. Оттого, например, Маякин в «Фоме Гордееве» часто заслоняет Фому, Яков — Илью Лунова; оттого получается так много повторений, правоучительных рацей на одну и ту же старенькую тему о том, что не все-де на свете благополучно, что есть люди счастливые, не заслужившие счастья, и наоборот. Когда они, рацей эти, встречаются нам впервые, мы еще несколько заинтересованы ими благодаря оригинальной их форме; но вскоре приедаются все эти поговорки, пословицы, прибаутки, ибо таится в них одна только старая, затасканная истина, которую только ленивый не трепал на своем веку. Сильная, грубая кисть, подходившая к резким, сплошь темным силуэтам

босяков, оказалась бессильной там, где пришлось изобразить сложные общественные отношения, где пришлось разобраться в новой, усложненной жизни, столь непонятной даже для нас, современников ее. Читая бесконечные жалобы героев «Троих», под конец начинаешь задавать себе вопрос: когда же наконец ноющие эти люди скажут хоть одно «настоящее» слово, из которого было бы видно, что есть у них и душа, а не только ноющий зуб. Более того, начинает казаться, что они вообще и не живут и не жили, что вся жизнь их фикция, что они существуют только для того, чтобы выдержать и воспитать в своем чреве эту ноющую повесть и однообразные вариации ее. Горький проводит свои немногочисленные *Leitmotiv*'ы через жизнь почти всех героев, и почти все они с большой охотой говорят о том, что интересует автора. Досаднее всего при этом, что многие детали, отдельные сцены написаны превосходно: и фигуры прекрасны, и тон, и обстановка — все сделано рукой мастера. Возьмите, например, первые главы повести «Трое» и «Фомы Гордеева», изображающие детство героев. В них столько правды, художественной и сильной, что вне повести они представляют лучшие страницы в нашей литературе, посвященные детям. Но вот постепенно вводится *Leitmotiv*, и типы блекнут: из черноволосых и белокурых головок с живыми глазенками вырастают большие головы резонеров, всегда готовых говорить на заданную тему. К таким прекрасно нарицательным типам относится Маякин. Давно в нашей литературе не появлялось уже так талантливо очерченного купца; но как только этот купец начинает тянуть свою грубо намеченную проповедь хищнической морали, сразу становится тоскливо, ибо все эти богато услащенные прибаутками речи ни одной новой черточки не прибавляют к созданному типу.

Автор прибегает к таким *ultra*-реалистическим приемам, какие прямо недопустимы без ущерба художественности, и все это для более яркой характеристики своих абстрагированных героев. Описание зверств и издевательств над Машей, продельваемых ее мужем, носит чисто протокольный характер и читается с крайне неприятным чувством. Таким описаниям место в обвинительном акте, а не в художественном произведении. Мы не станем долее останавливаться на этих отрицательных сторонах последних произведений Горького. От них он мог бы избавиться только путем научного анализа своих типов, путем научного изучения среды, о которой пишет.

В одном из своих последних этюдов (о Леконт де Лиле⁸⁴) Брюнетьер⁸⁵ с великолепным остроумием указывает на то, что романтизм не ладит с научными приемами, с методами научного исследования. Он приводит в виде примера Виктора Гюго, который при всей своей любви к научному балласту был все-таки очень далек от научной проверки своих типов, почему они и страдают преувеличениями, доходящими до геркулесовых столбов. Фантазия романтика, увлечение его известными проблемами поэтому должны обязательно находить себе сдерживающее начало в научном методе, иначе романтизм принимает уродливые формы, которые только благодаря своей причудливости нравятся, хотя очень ненадолго. Научная подкладка общественной психологии той среды, которую взялся изобразить Горький в обеих повестях, удержала бы автора во многих местах от утрирования выведенных им типов. Усложнение жизни ведет за собою усложнение чувств, мечтаний, вожделений. Все это вместе с социальными отношениями перепутывается в один психологический комок, и разобраться во всем этом чрезвычайно трудно без помощи научного знания, даже при наличии значительного художественного таланта. Брюнетьер поэтому безусловно прав, требуя внесения научных методов в область литературного творчества. Наука и искусство очень долго были в полном разладе, шли разными путями. Пора им вступить в союз, ибо настало время, когда усложнившаяся жизнь этого требует. Современный беллетрист обязан научно проверять создаваемые им типы, чтобы его произведения имели серьезное общественное значение, иначе стремление решать проблемы социологического порядка могут привести художника к самым нелепым положениям.

IV

Несмотря на все сходство обеих повестей, читателю всегда ясно, что «Трое» написаны гораздо позже «Фомы Гордеева». Преимущество развития типа очевидно. Фома Гордеев останавливается перед самыми простыми явлениями жизни, как перед огромными препятствиями, которые нужно преодолеть, для чего требуются гигантские силы. Он останавливается перед каждой несправедливостью, перед каждой ошибкой жизни, в исступлении бьет себя кулаками в грудь и вопит, как раненный зверь, почти не давая себе отчета в своих поступках. Илья

Лунев гораздо развитее Фомы и больше старается уже вглядеться в жизнь. У него меньше нелепых поступков, чем у Фомы, он умеет уже анализировать, хотя проделывает свои анализы очень примитивно. Илья Лунев близок уже к тому, чтобы сознательно, разумно вмешаться в «гущу жизни»; он не только стихийная сила вроде Фомы, он уже близок к тому «хозяйину жизни», который вскоре должен был появиться в произведениях Горького. Писатель только поторопился сковать новое звено, которое должно соединить стихийную силу недовольства и непонимания жизни Фомы с Нилом, уже понимающим жизнь и довольным ею. Этим связующим звеном является Павел Грачев. Из него впоследствии развился Нил, и нужно сознаться, что прообраз оказался несравненно более жизненным и правдивым. Павел Грачев выхвачен из жизни; вот почему он так интересен и животрепещущ и вот почему, рисуя его, автор не мог сделать своей любимой операции сечения интеллигенции. Павел Грачев всецело обязан своим развитием интеллигентному кружку, в который он попал. Поэтический талант его вырос под теплым дыханием участливого отношения к нему развитых и тонко чувствующих людей. Павел спотыкается на своем пути, личное горе его очень тяжело, но он не свихнется, как Фома или Илья: святой огонь недовольства не сожжет его, а распалит только, разогреет его энергию, и он смело вступит в ряды «хозяев жизни», широко опростав себе место. В «Фоме Гордееве» интеллигенция является еще в незавидной роли полупьяного фельетониста-обличителя не порядков жизни; в повести «Трое» она уже распоряжается в жизни, дает новому человеку возможность нравственно одержать верх над Петрушками Филимоновыми. Автор еще туманно нарисовал людей, окружающих Грачева, а между тем они представляют светлое явление на фоне мрачной картины и нуждаются только в большем развитии. И гимназистка, и все окружающие, судя по восторженным описаниям Грачева, такие чистые, светлые люди, что невольно хотелось бы увидеть их поближе, во весь рост, так сказать. Быть может, и жизнь тогда не показалась бы такой мрачной, какой она представлена у нашего автора.

Мы уже говорили, что «Трое» — шаг вперед сравнительно с «Фомой Гордеевым»; это не касается художественной стороны, потому что «Трое» слишком схематично написаны и в последнем отношении уступают Фоме: мы говорим об идейной стороне.

Когда вы кончаете читать «Фому Гордеева» и подводите героям его итог, то ясно видите, что пассив сильно превышает актив. Вы там совершенно не видите людей, которые, будучи смолоду честными, могли бы дальше жить так же по-честному. С сумасшествием Фомы все доброе и хорошее рушится; перед вами картина душевной мерзости запустения. Вами неизбежно овладевает пессимистическое настроение. Кто придет на смену Фоме, кто возьмет на себя бремя разрешения загадки жизни, кто, став выше обывательского болота, смело всколыхнет его и задаст ряд дерзких вопросов, будоражащих сонливое и апатичное царство людей? В «Фоме Гордеева» таких продолжателей нет; с Фомой сходит со сцены все протестующее, ибо фельетонист Лунев при всей своей злобности никакого другого эффекта, кроме слов «здорово, собака, лается», не производит. В повести «Трое» есть уже Грачев, который сумеет иначе повести дело, непосильное еще для Лунева; он вооружен знаниями, у него есть опыт, накопленный годами тяжелой работы и испытаний. «Трое» не производят уже безотрадного впечатления; в этой повести уже слышится бодряя музыка жизни, хотя мелодия ее еще не ясна и часто заглушается минорными звуками.

Герои Горького гибнут, но они гибнут оттого, что одним своим умом хотят решить проблемы, над которыми человечество бьется так долго, веками. Они хотят сразу покончить с «проклятыми вопросами», которые их одолевают. Прежние герои Горького босяцкого периода его писательства решали все вопросы очень просто — туманом опьянения. Это было решение настолько же простое, насколько и нелепое. Герои его позднейшего периода творчества подходят к тем же вопросам уже вооруженные знаниями; они избегают того рокового положения, в котором гибнет человек, не рассчитавший своих сил. И в этом несомненный прогресс писателя, в смысле его общественного значения.

Только что разобранные повести Горького невольно заставляют вспомнить и о другой повести, старой, давно написанной, но трактующей тот же сюжет с необыкновенной жизненной правдой. Мы говорим о повести Каронина «Снизу вверх»⁸⁶. Там даже и действие начинается с описания жизни трех друзей, представителей деревенской молодежи. Михайло Лунин (и здесь есть свой Лунин), изумительно верно нарисованный Карониным тип, со всеми его шатаниями и поисками того, что дало бы ему возможность подняться снизу вверх, даже во многих деталях сходится с Ильей Луневым.

Фомич и его жена, дающие Михайле новые нравственные основы, вполне соответствуют гимназистке и ее кружку. Сам Михайло кончает не менее трагично, чем Лунев Горького. Но после прочтения этой повести у вас все-таки сохраняется бодрое впечатление, вам верится, что есть и остались еще такие Михайлы, которые неустанно будут стремиться к усовершенствованию жизни. В свое время «Снизу вверх» приобрело автору большую популярность. Крайне характерна тут злобность молодого Лунина, та злобность, которая выдвигает человека вперед, не дает ему умереть затоптанным. В повести Каронина есть и кое-что неестественное, подсказанное настроением 70-х годов. Но, несмотря на это, каждая строка повести дышит живой правдой, которой, увы, гораздо меньше в последнем произведении Горького. Каронин очень расчетливо вывел в своей повести не много типов, не усложнил рассказа, тогда как Горький не сумел избежать соблазна нарисовать широкую, сложную бытовую картину, с которой не справилась его кисть.

Мы, конечно, не исчерпали здесь во всем объеме оба предпоследних произведения Горького; для этого потребовалось бы гораздо больше места и времени; но и из того, что мы сказали, необходимо сделать вывод, что даже крупный современный беллетрист, берущийся за общественную психологию, не может обойтись без научного анализа тех явлений жизни, которые в общей сложности дают запутанный психологический узел.

В. Владимиров

*Вопросы общественной жизни.
1902. № 7. 24 июня. Стб. 193–198;
№ 8. 6 сент. Стб. 253–259*

Леонид Андреев и его произведения

I

Третье издание небольшого сборника рассказов молодого беллетриста Леонида Андреева показало нам, что мы имеем дело с широким успехом. Могут возникнуть вопросы: насколько прочен этот успех, насколько он серьезен и заслужен и как долго он продлится? Вопросы эти, несомненно, основательные, на которые, впрочем, в данное время, изобилующее массой курьезов, трудно дать вполне определенный ответ.

Современная критика в лице талантливого публициста Н. Михайловского⁸⁷ и гениального романиста гр. Л. Толстого высказала о молодом писателе резко противоположные взгляды. Михайловский предсказал Андрееву блестящую будущность⁸⁸; Толстой, напротив, отнесся к нему отрицательно, в особенности возмущался его рассказом «Бездна»⁸⁹. Нам кажется, что на этот раз великий старик безусловно прав.

Восторженный взгляд Михайловского нас несколько удивляет. Ему бы следовало предупредить Макса Нордау⁹⁰ и поместить нового писателя в ряды дегенератов, как сделал он это, по следам знаменитого парадоксалиста, со многими французскими декадентами. На этот раз, однако, этого не случилось, и г-н Андреев избавлен от необходимости доказывать, что предки его были людьми здоровыми и что он сам нормальный человек. Михайловский решительно заявил, что Андреев — блестящий талант, и мы охотно верим его отзыву, хотя почему-то кой-кому этот отзыв и кажется излишне снисходительным. Например, автор прекрасной статьи об Андрееве в «La Revue» (№ 18, 1902 г.) г-н Савич пишет следующие язвительные строки: «Сборник в десять рассказов нового писателя имел счастье попасть в руки Михайловского в одну из минут его благодушного настроения. Знаменитый критик, который, по собственному признанию, никогда не отличался сдержанностью в своих оценках, пропел молодому писателю преувеличенную хвалебную песнь. Одобрения Михайловского было вполне достаточно, чтобы создать репутацию народившемуся таланту. Сборник Андреева стали раскупать нарасхват, и в короткое время потребовалось два издания его. Леонид Андреев, таким образом, сразу сделался знаменитостью».

Если огромным успехом Горького все были поражены и доискивались его основных причин, то причины успеха Андреева нам, пожалуй, ясны. Впрочем, мы не приписываем успех г-на Андреева исключительно отзыву Михайловского. Это не совсем соответствовало бы действительности. В гораздо большей степени он создан своеобразными требованиями и вкусами современной читающей публики.

Почти два десятилетия мы находимся в каком-то сумеречном состоянии: «сумерки» в литературе, сумерки в общественной жизни...

Антон Чехов создал «сумеречную» поэзию; целый ряд второстепенных писателей усиленно старался наводнить нашу литературу какими-то сумеречными, плаксивыми людьми. Это какой-то особый тип лишних людей. С лишними людьми

мы знакомы уже очень давно; мы помним этих эпигонов когда-то сильного дворянства, растерявших свои силы именно тогда, когда надобно было заняться освобождением крестьян. Много лишних людей дали и разночинцы после крестьянской реформы. У этих людей ничего не было в прошлом, никаких ожиданий в будущем. Весь общественный строй равнодушно говорил им: «не надо... не суйся», когда они предлагали свои услуги, свои свободные, ничем не занятые руки и головы. Вот уже два десятилетия, как эти лишние люди бродят в сумерках, не находя себе пристанища. За этот период времени сформировался новый класс — буржуазия. Сформировался он чисто по-русски, выделив снова целую массу лишних людей. Эти-то лишние люди уже не чета разночинцам: у них и аппетиты есть, и более или менее утонченные желания. Эти люди жаждут заманчивой сказки, которая избавила бы их от кошмара серых сумерек. Все эти лишние люди не находят себе никакого умственного удовлетворения, никакой душевной, животворящей, активной жизни. Они поэтому постоянно ноют и тянут унылую песню о бессодержательности и бессмысленности нашего существования. Впрочем, эти песни искусно варьируются. Иногда из уст лишних людей вы услышите и победные ноты. Но это они поддельваются под старую песнь победителей, желая подбодрить и себя, и других. Это все-таки не боевой звон мечей, а жалобный стон кандалов. Таких ненужных людей, изнервничавшихся, издерганных неодухотворенной работой и изображает г-н Андреев. Типы Андреева в огромном большинстве случаев абстрактны. Автор ставит своих героев в то или иное положение, комбинирует их, заставляет совершать нужные ему преступления (и ни одного благородного поступка, ибо абстрактно — лишние люди, *an und für sich*, не способны к активному добру), словом, возится с ними, как с марионетками, лишая совершенно житейской плоти. Те реалистические подробности и аксессуары, которыми художник окружает этих героев, в счет не идут, ибо они только подробности, не больше, внесенные для того, чтобы заставить читателя поверить в действительное существование подобных абстрактных персонажей. Итак, лишние люди г-на Андреева будто бы живут, совершают разные поступки, чтобы показать свою обнаженную абстракцией натуру вне той житейской обстановки, которая заставила бы нас отвернуться от них. За эту-то абстракцию, за это оголение чувств, помыслов и желаний лишний человек и благодарен г-ну Андрееву.

Вот в чем разгадка симпатий новой формации лишних людей к героям Андреева. Никто из них в действительности не насиловал любимой девушки, как это делает студент Немовецкий в «Бездне», но у каждого из них было «немеркнувшее представление узкой полоски белых юбок и стройной ноги». Поверьте, однако, что в иной, более соответствующей жизни обстановке не раз уже из этих «немеркнувших представлений» выходили очень скверные вещи. На «Бездне» лучше всего видно, как опасно это обнажение чувств, это лишение человеческого нутра житейских покровов. «Бездна» притом написана, как и все прочие рассказы Андреева, без всякого подъема, без душевной теплоты, необычайно холодно, и объективно, и, как мы уже говорили, абстрактно. Человек ежедневно оскорбляет своих ближних похотливыми желаниями, и они проходят безнаказанно только потому, что не всплыли наружу во всей полноте. Само чтение «Бездны» способно невольно вызывать целый ряд скрытых желаний и дурно подействовать на развращенное воображение. Автор, вероятно, не думал, что его рассказ произведет такое впечатление; он, по видимому, не подозревал, что всякий лишний человек, попавшись в своей душе, скажет: «Это могло бы случиться и со мной». А между тем это так. Объективный тон автора, при котором самому читателю приходится быть судьей выведенных героев, вызывает какое-то нравственное недоумение, опасное для неустановившихся натур.

II

Объективный реализм молодого писателя вкупе с его стремлением обнажать пороки, абстрагировать их и таким образом лишать отталкивающей житейской оболочки — чрезвычайно опасен и вызывает наружу то, что раньше лишние люди не решались выволакивать на свет Божий. Вот почему, в общем, автор встретил у некоторой части публики такой радужный прием. Но, кроме того, немало содействовала успеху автора и его писательская манера, благодаря которой г-на Андреева нужно признать эклектиком чистойшей воды. На нем отразились самые разнообразные влияния, и это легко установить при чтении его произведений. Мы не станем расчленять его рассказов, чтобы шаг за шагом отмечать эти посторонние влияния. В этом, пожалуй, и нет особенной надобности. Нам

важно теперь указать только на общие черты этого эклектизма. Больше всего автор, несомненно, находится под влиянием Метерлинка. Последний так же сильно абстрагировал жизнь, сводил ее к элементарным чувствам и экспериментировал, связывая обнаженные души людей невидимыми, тоненькими нитями. Метерлинк был необычайно правдив в этой операции обнажения и упрощения чувств; он весьма осмотрительно проделывал эти эксперименты в фантастической обстановке и, что важнее всего, брал объектом своих поэтических экскурсий не только лишних людей, но и положительные фигуры, с хорошими, бодрыми и сильными чувствами. Таким образом, в каждой картине его, помимо прожорливых королей и королей вроде Синея Бороды, есть и светлые образы, как Селизетта и Аглавена, Меллисанда и др.⁹¹

У Метерлинка, несмотря на весь ужас упрощенных чувств, бьется бодрый пульс жизненного духа добрых начал; несмотря на то, что принцессы у него гибнут в подземельях, несмотря на то, что невидимая злая королева пожирает принцев, — вы чувствуете все-таки, что дух борьбы витает над ними; вы понимаете, что этот дух только временно терпит поражение. И действительно, этот живой дух борьбы одерживает верх в «Синей Бороде», он звучит великолепным гимном Аглавене и Селизетте и в «Монне Ванне»⁹². Леонид Андреев, как истый потомок Достоевского, намеренно удаляет из своих произведений лучезарную, жизнерадостную сторону, он полон мрачности; его духовные глаза могут созерцать только зло. Вот второй источник эклектизма г-на Андреева. У Достоевского молодой писатель заимствовал жестокую, почти сладострастную в своей жестокости манеру мучить читателя тяжелыми, тягучими картинами изнанки жизни. Но где взять глубину Достоевского? Наконец, третий писатель, оказывающий огромное влияние на нашего автора, — это Антон Чехов. У Антона Чехова г-н Андреев взял его манеру очень подробно описывать обстановку, почти фотографировать ее, и притом останавливаться на случайных темах, так хорошо гармонирующих с полными простора описаниями Антона Чехова, но плохо гармонирующих с причудливыми, вычурными описаниями нашего автора. Декаданс, несомненно, повлиял на г-на Андреева в формировании и его языка. Возьмите эти вычурные эпитеты, сравнения, метафоры, созданные по рецепту доморощенного декаданса, и вы увидите в них совершенно явственное желание во что бы то ни стало быть оригинальным. Абстрагированный лишний человек, безусловно, ску-

чен, если не окружать его известными атрибутами жизни, хотя, как мы уже говорили, более всего для этого подходит фантастическая обстановка, описание при помощи символов. От скуки спасает в этом случае и поэзия. Всем этим широко пользуется Метерлинк, и благодаря таким средствам его типы изумительно интересны, жизненны и красивы.

Публике эклектизм Андреева пришелся по душе; он понятен ей, он не шокирует ее своею грубою оригинальностью, как у Горького; ей более по плечу старые формы. Сильный импрессионизм Горького увлек молодую, передовую часть общества. Лишние люди, хотя и находили в горьковских героях много для себя утешительного материала, все-таки как-то инстинктивно сторонились беспокойных речей энергичного романтика. Они не могли еще разобраться в них; им тогда казалось, что боевые речи Горького разразятся сейчас громом, который заставит содрогнуться всех чувствующих себя «слугами, а не господами» жизни. Они еще не успели оценить по достоинству модернизированный, импрессионистский характер произведений Горького и побаивались его.

Объективизм Андреева располагает к себе спокойные, уравновешенные натуры. Когда писатель не проявляет беспокойной склонности к нападению на вас, на ваши пороки — вы начинаете смотреть и на него добродушно-спокойно. В наше время, когда значительная часть литературы разменялась на стили, особый стиль Андреева, хотя бы с заимствованной манерой писать, должен иметь успех.

Его рассказы «Кусака», «Жили-были» и прочие служат ясным доказательством справедливости наших замечаний. За исключением некоторых вещей, написанных в реалистическом направлении, произведения Андреева носят явный отпечаток декаданса, не того декаданса, который, вдохнув новые силы в реализм, дал ему новые формы и образы, а того, который, разменявшись на мелкую, холодную манеру оригинальничания, пошел гулять по русской земле рядом с промышленным декадансом галантерейных вещей. Последнее произведение г-на Андреева «Мысль» подтверждает наши слова. На нем и других рассказах мы и остановимся в следующей статье.

В. Владимиров

*Вопросы общественной жизни.
1902. № 9. 16 нояб. Стб. 281–286*

(Продолжение следует)¹

¹ Продолжение не найдено.

Южнорусские художники

(XIII ВЫСТАВКА)

«Да ведь это нужно понимать!»

Голос из публики

Когда я отправился на выставку, я знал, что здесь найду работы «импрессиониста из импрессионистов», знаменитого отныне и прославившегося у нас молодого художника Василия Кандинского⁹³. По поводу его работ много было писано, много было говорено. Ваш покорнейший слуга — его ярый поклонник, поссорился чуть ли не с целым городом, защищая его направление, его манеру писать. И вот теперь около полотен Кандинского происходят целые битвы, нескончаемые споры. Чего бы, однако, ни касались эти споры, нужно признать, что у Кандинского сильная и смелая рука, оригинальная манера, сочные краски, а главное — яркие солнечные лучи.

«Передвижники» понемногу сходят со сцены, очищая дорогу для иных талантов и направлений⁹⁴. Теперь другие времена: новые люди, новые песни. Кандинский один из тех новаторов, с которым приходится считаться. Новое направление ново, между прочим, только для нас, одесситов. Передвижничество вымирает, а выставки картин так называемых индивидуалистов, устраиваемые Дягилевым⁹⁵, к нам не едут. Возвращаясь к Кандинскому, следует сказать, конечно, что он еще не весь высказался; он только пробует, экспериментирует; перед нами теперь его опыты, этюды; до картин же еще далеко... Эти этюды имеют громадный художественный, психологический интерес: в этюде художник как-то высказывается непосредственно, не мудрствуя лукаво; он тут близко стоит к природе, приближается к ней, а в этом и весь смысл искусства. Этюдами и опытами не только нельзя брезговать, как думают профаны, но, наоборот, нужно ими живо интересоваться, нужно их собирать. Третьяковская галерея (а она не может нам не служить мерилom) наполовину наполнена этюдами. Туда, между прочим, попал уже Кандинский.

Что касается вообще работ Кандинского, то все-таки нельзя сказать, чтобы у него было все на месте; он и нравится и не нравится. Больно он уже злоупотребляет, например, роман-

тичным зеленым тоном; подчас он уже чересчур смел и хватает через край. «Новый курс» его несомненно искренний; сила его письма — камень преткновения для многих знаменитых художников — грандиозна; сила света, которую он нам показывает, прямо изумительна; это его идеал. Почти все его работы дают небывалые световые эффекты; они полны настроения, отличающего индивидуалистов. Такие важные элементы в живописи, как красота сюжета или обработка деталей, — для него не существуют; он ищет смысла и стремится одухотворить работу своею кистью. В этом отличие Кандинского...

На выставке, как и в прошлом году, все-таки царит Головкин⁹⁶. Головкин выставляет здесь свои работы целых 13 лет, с самого основания товарищества. За это время он «падал, подымался, совсем было упал»; на него махнули тогда рукою, и вдруг... господствующее положение. Это за последние 4—5 лет Головкин вырос в большую величину. Величина эта даже не оценена еще должным образом. Несомненно, его спас импрессионизм. В его слабую и наболевшую грудь введен был ток свежего, живительного воздуха, он раскрыл глаза, встал на ноги и пошел... Теперь ему удивляются, им восхищаются. Про работы Головкина, однако, говорят, что его небо не наше небо, что это небо — голландское. Ну и пускай. Что из того? Но это небо сияет, оно нас радует. Про его картины говорят, что это повторение Таулау^{*97}, что его пейзаж не наш, что наша природа не такова и т. д. Но Головкин — поэт, лирик, истинный художник; он меня увлекает, очаровывает. Какое мне дело, что он это заимствовал? Но он это претворил в свое кровное. Трудно сказать, какая из его работ лучше: они все превосходны и по колориту, и по рисунку. В них много вкуса, много мастерства. От души пожелаем ему дальнейших успехов.

Костанди и Пастернак — столпы южнорусского товарищества⁹⁸. Жаль только, что Костанди так мало нам дает; его картины всегда нас трогают. Сколько в них спокойной и величавой красоты! На этот раз Костанди дал нам «Цветущую сирень»: прекрасный, угасающий день, последние лучи горячего солнца, даже слишком горячего. И тут виден его большой талант. Не увлекся ли, однако, наш симпатичный художник? Возможны ли такие знойные лучи, когда цветет сирень? Возможна ли такая разгоряченная атмосфера при весенней зелени?

* Знаменитый французский пейзажист.

Тем не менее картина прекрасна; фигура монаха, его печаль великолепно контрастируют с ликующей природою. Костанди, должно быть, хотел это подчеркнуть и неудачно выделил монаха черною, жесткою краскою из воздушной и мягкой гаммы пейзажа.

Пастернак на этот раз не дал нам, говоря вульгарным языком художников, никакого «масла». Он прислал две пастели и два рисунка. «Семья Л. Н. Толстого» хотя и обозначена в каталоге как эскиз, тем не менее может смело сойти за картину, так как там все закончено. Знаменитый писатель изображен в кругу своей семьи. За столом, на котором стоит зажженная лампа с чудовищно большим абажуром, сидят две женские фигуры; одна из них что-то читает. Лев Николаевич сидит в тени и сосредоточенно слушает⁹⁹.

Картина эта возбуждает большой интерес как по сюжету, так и по исполнению. Эффект лампового освещения хотя в общем и удачен, но необыкновенно силен. Лиловые, серые тона тут необходимы, а они отсутствуют.

Другая картина Пастернака «На музыкальном утре» изображает публику, слушающую музыку. Пастель эта была бы хороша, если бы не была слишком стилизована. Гораздо лучше было бы, если бы он стилизовал свои рисунки и иллюстрации. Иллюстраторский жанр теперь сильно развился и дает художнику очень многое для мысли. Выработать себе манеру для художника теперь уже мало. Каков сюжет иллюстраций, какова эпоха, изображаемая художником, такова должна быть и манера иллюстратора. Как на яркого представителя этой новой школы можно указать на гениального безвременно скончавшегося Сегантини¹⁰⁰.

Прежде чем перейти к другим, старым участникам Товарищества, я должен отметить, что на выставке много молодых и новых сил. Молодежь же всегда вносит оживление. Среди этих молодых талантов выделяются Шерешевский, Гольдштейн и Финкельштейн¹⁰¹. Работы Гольдштейна нам уже отчасти известны по прошлой, XII выставке. Его «Собака» и «Intèrieur» столярной мастерской обратили на себя всеобщее внимание талантливою трактовкою, бодростью красок и широтою кисти. Должно быть, успех, как это обыкновенно случается, вскружил голову молодому художнику, и на этот раз работы его слабее прошлогодних. Тем не менее в них много темперамента. Его большая картина «Возвраще-

ние с работы» хотя и прекрасна по тону, но немного, так сказать, раздута и неудачна по композиции. В картине интереснее всего пейзаж.

Его портрет д-ра Ясиневского — хорошо рисованный, мучнистый по тону. Пейзаж же не следовало совсем выставлять.

После портретов братьев Кузнецовых и после хорошего портрета г-на Буковецкого нас приятно удивил как портретист г-н Шерешевский. Он следует заветам вышеназванного Сегантини. Шерешевский выставил четыре работы, и в каждой из них он не повторяется ни в манере, ни в направлении. Одна из его картин даже написана в духе старых мастеров. Его «Внутренность часовни в Pont-Aven» и «Две бретонки» прямо превосходные вещи и сделали бы честь любой галерее.

Финкельштейн — художник настроения и большой любитель эффектов. Из многочисленных его работ особенно хороша его «Пересыпь». Давящая, мрачная атмосфера нашего предместья прекрасно передана. Его же «Перед грозой» также привлекает внимание. Из других его работ достойны упоминания «Алжирские этюды» и «Улица в Риме».

Названные три художника-импрессиониста, как я уже сказал, сильно оживляют выставку и сильно бьют работы других молодых художников. Мы удивляемся, что таких три талантливых художника, как Гольдштейн, Шерешевский и Финкельштейн, не числятся членами Товарищества, в то время как такие посредственности, как Бершадский или Эгиз¹⁰², например, избраны в члены его и, быть может, даже состоят в жюри для оценки картин, присылаемых на выставку. Ведь признание того или другого художника членом Товарищества есть в то же время и признание его достоинств. Как на художника-импрессиониста, которого следовало бы также привлечь в члены Товарищества, мы можем еще указать на Гиршфельда¹⁰³. Его «Рыбаки» украшают выставку. За свою картину «Le vieux dra-reau»¹, которая была выставлена на 2-й «Весенней» выставке в Одессе, он получил медаль в парижском Salon'e.

Шаг назад и притом очень сильный сделал Ганский, тоже «импрессионист из импрессионистов»¹⁰⁴. Над ним так же глумились в свое время, как и над Кандинским, когда он выставлял свои опыты; но Ганский не устрасился этого и смело шел вперед. И он победил. На XII выставке он стоял по силе рядом

¹ «Старый флаг» (фр.).

с Головковым. И на настоящей выставке он имеет великолепную картину «Выход из порта». Это любимый сюжет импрессионистов. Сумерки, раскрытый парус, дрожащее отражение огней. Но что касается других его работ, то в них он изменил своим заветам: они смахивают на фотографию и пахнут академичностью. Будем надеяться, что талантливый художник одумается и подарит нам еще интересные импрессионистские вещи.

На выставке участвуют миниатюристы. Это Размарицын и Похитонов¹⁰⁵. Два громких имени. Первый прославился у нас, в России. Его талантливая, выдающаяся картина «Панихиды» — у Третьякова¹⁰⁶. Второй пользуется большим успехом в Париже. Похитонов — миниатюрист *en parfait*¹. К сожалению, нельзя все-таки сказать, что выставленные им теперь работы нас удовлетворяют. Мастерство у Похитонова изумительное; но мне кажется, что, кто не примкнет к импрессионистам, неминуемо должен погибнуть*. От работ неимпрессионистов отдает сильною затхлостью. Та чудная, подмеченная импрессионизмом вибрация эфира, благодаря которой мы получаем нежную, радужную окраску природы, эта благородная, восхитительная гамма цветов, которая так прекрасна у Головкова и Костанди, — у Похитонова совсем отсутствуют. При всем мастерстве этого художника он от нас теперь далек, он нам чужд. Головков, Костанди, Кандинский и Ганский нам несравненно ближе, несравненно дороже.

Размарицын — на выставках редкий и желанный гость. Нам известно, что этот талантливый художник пишет большую картину, над которою работает уже несколько лет. Настоящая же его картина — «Художник» — дает неопределенный тип, с неопределенным настроением, хотя написана она с большим вкусом и с обычным мастерством. По всей вероятности, «Художник» есть плод отдыха Размарицына от большой его картины. Другая его вещь — «Собачка» — может порадовать всех любителей акварельной живописи, которая, к сожалению, почти отсутствовала на выставке.

К миниатюристам следует причислить и г-на Нилуса¹⁰⁷. Его серия картин «На лестнице» обращает на себя внимание

¹ Безукоризненный, безупречный, совершенный (*фр.*).

* Это мнение мы не можем не признать слишком односторонним. *Примеч. ред.*

тщательностью отделки. Большой же интерес возбуждают его работы импрессионистского характера, такие как «Фейерверк» и «Летом». Последняя хотя и смахивает на фотографию и отдает холодом (писана, однако, на солнце), тем не менее изобличает в авторе много вкуса и мастерства. Говоря о миниатюристах, следует еще упомянуть о симпатичном художнике Грандковском. Он экспонирует «Проводы», в которых, однако, заявляет себя типичным шестидесятником¹⁰⁸.

Сильно украшает выставку Светославский своими большими и толковыми пейзажами¹⁰⁹. Светославский один из первых застрельщиков импрессионизма в России. Его живопись отличается теплотой и задушевностью. Однако не во всех своих четырех картинах он на высоте своей задачи. Лучше написаны «В березовой роще» и «В сентябре». Другие две его картины менее удачны.

Бальц выставил «Ночь» в двух видах¹¹⁰. Тут художнику удалось передать фосфористичность лунного света. «Ночь» его одинаково хороша как в картине, так и в этюде. В картине, правда, есть излишняя зеленоватость, но это не в счет. Такою зеленоватостью увлекался и покойный Судковский, увлекаются поныне и другие художники.

Среди портретистов господствует, конечно, Н. Д. Кузнецов¹¹¹; он выставил прекрасный портрет своего брата¹¹² и два портрета г-на и г-жи Шульц — местного негоцианта и его жены¹¹³. Д. Д. Кузнецов, судя по выставленному им портрету г-жи Козубовой, не хочет отстать от своего знаменитого брата и с достоинством поддерживает артистическую славу семьи Кузнецовых.

Говоря о портретах, мы не можем не упомянуть о дамском портрете во весь рост работы г-на Буковецкого¹¹⁴. Он хорошо писан, не без артистичности; его же кисти портрет художника Нилуса неплох; однако если согласиться, что психика в портрете главное, то вышеназванный дамский портрет г-на Буковецкого нужно признать неудачным.

Мне остается еще сказать два слова о Развадовском¹¹⁵. Перед нами его большое полотно. Витают дух Васнецова-Нестерова¹¹⁶: сумерки на севере; церковка, кладбище — все это прячется на картине ввиду ее размеров. Угадать формат картины — дело нелегкое и вместе с тем очень важное. Лучше всего удалось художнику изобразить даль, хотя и она немного вялая и мутная. Фигуры на первом плане — ни по размерам, ни по

освещению неудачны; но для дебютанта, каким является здесь г-н Развадовский, строгости критики можно поубавить.

В общем, приходится сказать, что XIII выставка производит очень хорошее впечатление свежими, новыми талантами, поддерживающими достоинство Южнорусского товарищества.

Худ. Бенвенуто

Вопросы общественной жизни.

1902. № 9. 16 нояб. Стб.304-308

Записки рецензента

I

Это было тому назад лет... Впрочем, время здесь не играет роли. Скажу только, что тогда я был молод — молод той неотразимой молодостью, которая способна до безумия увлечься всем, что отвечает хотя сколько-нибудь исканию правды и красоты. Я любил все: и науку, и природу, и литературу. Но больше всего я любил искусство, то самое искусство, которому впоследствии я старался служить верой и правдой, хотя это мне и не всегда удавалось. Не знаю почему, но чуть ли не с детства я особенно пристрастился к театру. С годами эта страсть все возрастала, а когда я стал студентом и зажил самостоятельно, то сразу же сделался записным театралом: ни одно первое представление, ни один сколько-нибудь выдающийся спектакль не был мною пропущен. Конечно, посещал я только галерею и, конечно, тратил на это последние гроши, навертывая их на обедах и комнате. В этом обожании театра было что-то безотчетное, не поддающееся никакому анализу. Я обожал театр и все, что имело к нему какое-либо отношение, я благоговел перед теми, кто служил театру. Актеров я считал избранными «мужами разума», а актрис — идеальными женщинами, с чертами героинь известных мне романов. Попасть в круг этих избранных и приобщиться к их делу — было моей заветной мечтой, хотя я никому в этом не сознавался и густо покраснел бы, если бы меня врасплох поймали на этих мечтах. Думал ли я о карьере театрального рецензента?.. Нет, никогда не думал. Вот уж именно дело, которое нисколько меня не

привлекало. Я сейчас припоминаю свои мысли и чувства и откровенно должен сознаться, что мы — учащаяся молодежь — довольно пренебрежительно относились к рецензиям газет. Не то чтобы мы им не верили — мы еще не изверились в печатном слове, — а просто они не удовлетворяли нас. Мы судили и рядили о пьесах, об исполнении с тою непосредственностью, на которую способна толпа, и притом толпа, состоящая преимущественно из увлекающихся до чрезмерности юношей. Наши мнения поэтому почти всегда расходились с мнениями рецензентов, даже наиболее добросовестных и, быть может, именно наиболее понимающих. Нам нравилось сплошь и рядом как раз то, что рецензенты бранили. Бывало и наоборот, хотя мы больше склонны были хвалить, чем порицать. Неодобрительные рецензии в большинстве случаев озлобляли нас против самих же рецензентов. О, разрушители кумиров, как мы ненавидели их!

Впрочем, я смею думать, что и большинство театральных критиков, которые были и есть (за будущее — не ручаюсь), не станут утверждать, что они *чувствовали* призвание к театральной критике, когда впервые выступали на поприще литературы и искусства. Я сейчас перебираю в уме всех сколько-нибудь наших известных театральных критиков и ни про одного из них не могу сказать, что он начал свою деятельность исключительно театральными рецензиями и что этот род литературы был всю жизнь его главным занятием. Даже Ап. Григорьев¹¹⁷ столько же писал по общим вопросам литературы, сколько о театре и драматических писателях, если не больше. О Белинском¹¹⁸ и говорить нечего. Наши современники, пишущие о театре — назову хотя бы П. Д. Боборыкина¹¹⁹, Д. В. Аверкиева¹²⁰, А. С. Суворина¹²¹, — были литераторами и журналистами в широком значении этого слова и только досуги уделяли театральной критике. Это было их, так сказать, приватное занятие. Театральная критика как самостоятельная отрасль «рецензии» только зарождается у нас. Что у этой критики большое будущее — это неоспоримо, но неопровержимо также и то, что у театральной критики — микроскопическое прошлое. Правда, в газетах и журналах и в прежние годы отводилось театральным рецензиям и вообще статьям о театре много места, но это не была критика в серьезном значении этого слова. Это были скорее репортерские отчеты вроде отчетов о судебных заседаниях, с той только разницей, что в театральных рецензиях изредка затрагивались и общие

вопросы, но затрагивались как-то мимоходом, случайно, скорее по-фельетонному, чем серьезно. Театральный критик ценился немного выше обыкновенного репортера и немного ниже бойкого фельетониста. Конечно, можно и репортерский отчет написать талантливо, но посвящать репортерству все свои силы и все способности — обидно; обидно, конечно, для таланта, этой, выражаясь былинным языком, «силищи нездешней», которую всегда влечет на простор и широкую дорогу, где есть возможность развернуться и свободно, по-орлиному взмахнуть крыльями.

Впрочем, я толкую только о том, что *было*, а не о том, что будет, и даже не о том, что есть, ибо в последние годы вместе с развитием более серьезного отношения к театру развивается помаленьку и серьезная театральная критика, которая займет в литературе столь же почетное место, как и критика литературная.

Но возвращаюсь к своему повествованию. О рецензентстве, как я уже сказал, я никогда не думал и сделался театральным рецензентом совершенно случайно. Как и во многом другом, как почти во всем, и здесь — «*cherchez la femme*»¹. Благодаря женщине я стал рецензентом. Я живо помню это время. Мне пришлось давать уроки в одной из больших дачных местностей. Там был театр, к постоянным посетителям которого, конечно, принадлежал и я. Еще в самом начале сезона я перешел знакомился со всей труппой, и в том числе с одной молодой артисткой, ныне пользующейся в провинции некоторой известностью, а тогда только начинавшей свою карьеру. Случилась обычная история: она была обаятельна, а у меня уже росли усы. Стало быть, я был влюблен. Раз влюблен в хорошенькую артистку, то до признания ее гениальной артисткой — всего лишь один шаг. И я незаметно сделал этот шаг: меня искренно стали возмущать рецензии об этом театре, которые появлялись в разных изданиях. «Такая» актриса, и вдруг ее замалчивать! К счастью (быть может, к моему несчастью), я вскоре заметил, что в одном из изданий не появлялось рецензий о театре, в котором служила великая, но непризнанная актриса. Тогда у меня мелькнула мысль самому написать рецензию и отправить ее в это издание. Сказано — сделано: я отправил свой первый отзыв, и вдруг — о счастье! — рецензия оказалась напечатанной, хотя, разумеется, восхваления

¹ Ищите женщину (*фр.*).

по адресу гениальной актрисы были значительно урезаны. За первой рецензией последовала вторая, за ней — третья и т. д. Мало-помалу это дело начало меня увлекать, независимо от всяких посторонних побуждений. Спустя несколько месяцев я познакомился с редактором того издания, в котором я начал работать, и он, сказав мне, что у меня «что-то есть», пригласил меня работать уже в качестве постоянного сотрудника. Легко понять мою радость. Я сблизился с театром. Правда, я не знал, какую пользу могу я принести искусству, но у меня было много желания работать, и я надеялся, что опыт и усиленная работа над своим образованием в известном направлении помогут мне и я найду те пути, которые приведут меня к желанной цели, то есть дадут нравственное удовлетворение. И действительно, работал я и много, и добросовестно. Прежде всего я перерыл в библиотеке все старые журналы и газеты за десятки лет и проштудировал все рецензии старых и молодых театральных критиков. Особой пользы эта работа не принесла, но все же я усвоил известную манеру писания рецензии и ознакомился с историей русского театра последних лет. Для начала и этого было достаточно. Редактор к тому же меня, что называется, «выдвигал», поручая мне с каждым днем все более и более серьезную работу, что давало мне смелость предполагать, что я с каждым днем совершенствуюсь. Но блаженство мое продолжалось недолго. Пока я писал отзывы о второстепенных и третьестепенных театрах — дело шло гладко, но когда на мою долю выпала честь писать критические разборы пьес и исполнения в серьезных театрах — мне пришлось встретиться с целым рядом вопросов и затруднений, а за ними и сомнений. Как сейчас помню то тягостное чувство и то уныние, которые охватили меня после первой грубой ошибки с моей стороны. Дело было так: в одном из больших театров дебютировала в салонной пьесе провинциальная знаменитость. Почти все критики были в восторге от ее исполнения, но лично мне артистка очень не понравилась, и я в очень резкой форме написал свое мнение, причем уверенно высказался, что артистка только и может играть одни бытовые роли. Как раз через неделю она играла бытовую роль, и это был позорнейший спектакль, что пресса и отметила. Я со своим «особым» мнением, очевидно, жестоко провалился. И что самое тягостное: меня мучило не столько то унижение, которое мне пришлось испытать, сколько сознание своей беспомощности. Ведь я писал искренно, то есть то, что

чувствовал и думал. Раз это неверно, значит, я ничего не понимаю, а если я не понимаю, зачем я занимаюсь делом, к которому у меня нет никакого призвания?.. Зерно сомнения было брошено в мою душу, и я почувствовал, что подо мной колеблется почва.

Вскоре произошел другой случай, который не только поколебал еще более мою уверенность в себе, но и подорвал веру в самое дело и в его необходимость для пользы театра. Тоже в очень резкой форме я разобрал одного актера, причем говорил не об исполнении им данной роли, а характеризовал его как актера вообще. На другой день после рецензии этот актер явился ко мне на квартиру. Это была тяжелая сцена. На глазах у него были слезы. Он говорил, что благодаря моему отзыву он потерял ангажемент. Будто бы антрепренер уже было совсем с ним кончил, но, прочитав рецензию, отказался от него, благодаря чему и сам актер, и вся его семья останутся на предстоящий сезон без хлеба. Я думаю, что он врал, даже наверное врал, но тогда я ему верил, — я хотел верить, потому что в душе мне было приятно сознавать, что я стал вдруг таким «сильным человеком» и вершу судьбу тех самых актеров, на которых так недавно еще смотрел, как на нечто недостижимое. Но торжество самолюбия не заслонило рокового для меня вопроса: имел ли я действительно нравственное право так авторитетно разрушать сложившуюся репутацию и оставлять без куска хлеба и актера, и его ни в чем не повинную семью? Кто дал это право мне, пришедшему с улицы? Мне, так мало знающему и так много судящему? Ведь того же актера расхваливали десятки рецензентов — может быть, ошибаюсь я, а не они? Какие, наконец, у меня непрекаемые основания и бесспорные начала, по которым видно, что прав именно я?.. А если я не прав, ведь это преступление...

Эти вопросы долго, упорно меня мучили. Несколько лет спустя я пришел к заключению, что как в рассказанном, так и в других аналогичных случаях я должен был поступить именно так, как поступил. Существует юридическое изречение: лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невинного. Театральному критику следовало бы это изречение вывернуть наизнанку: лучше выбрать десять талантливых, чем похвалить одного бездарного, ибо раздутая бездарность опаснее всего для искусства, внося в него губительное разложение. Талантливому же актеру ничего не испортишь, побранив его и указав его недостатки по силе разума: та-

лантливый человек покажет себя не сегодня, так завтра. У таланта к тому же есть могущественная защита — публика, которая, не разбираясь в частностях, все же не может остаться безучастной к искре Божией. Это жестоко, может быть, что я говорю, но справедливо.

Но к этому сознанию, как я уже сказал, я пришел гораздо позднее. В то время, когда в моей голове возникали эти вопросы, я только чувствовал, что шатаюсь, что я поступаю неосмотрительно и что я не смею суждения свои основывать исключительно на субъективных впечатлениях. Сначала нужно отыскать основания и мотивы, а потом уже делать заключения — вот что я ясно сознавал. Но рядом с этим возник ряд и других вопросов: можно ли в суждениях об искусстве придерживаться каких-либо оснований, имеющих общее, а не субъективное значение? Существуют ли такие отправные точки, исходя из которых можно быть уверенным, что говоришь истину для всех, а не для себя одного?.. Мне тогда казалось, что и то, и другое можно найти, если только внимательно поискать, то есть упорно поработать. И я принялся за работу с рвением, которое подогревалось сознанием, что я ищущу *правды*.

Нашел ли я эту правду — читатель узнает из дальнейшего.

Зем

Театр и искусство. 1902. № 43. 20 окт. С. 774–776

II

Кажется, Ницше сказал: «Люди лгут перед собой и перед другими только потому, что мало знают»¹²². Это справедливо только отчасти. Не лгать — значит быть правдивым. Однако правдивость и правда, являющаяся основным мотивом всего прекрасного, не совсем одно и то же. Правдивым может быть всякий, если только захочет, но правда, истина, как и все прекрасное, — принадлежность меньшинства, и нельзя *научиться* понимать ее. *Вполне* понимать ее может только тот, кто способен *чувствовать* красоту, а знание и наука, как известно, только средство к пониманию красоты. Но средство не есть еще цель. Это — только этапный пункт, с которого при благоприятных условиях можно достигнуть цели, а при неблагоприятных — заблудиться и попасть совсем не туда, куда стремишься. Только одухотворенные люди могут иметь доступ к прекрасному (например, к искусству), тогда как знаниями,

и даже большими знаниями, могут обладать даже посредственные люди. Это определенно высказал гр. Л. Н. Толстой, полагающий, что «искусство не терпит посредственностей»¹²³, из чего, однако, не следует, что посредственности не могут отчасти наслаждаться искусством. Искусство — словно грандиозное светило, рассеивающее миллиарды лучей. Одним — лучи эти согревают душу, другим — и душу согревают, и освещают тяжелый жизненный путь. Одни лучи падают на восприимчивую почву, которая под их благотворным влиянием испускает ростки добра, правды и красоты, — другие спотыкаются о невосприимчивую почву и только скользят по ней, чуть-чуть ее задевая. Вполне же насладиться красотами светила и рассмотреть на нем и темные, и светлые пятна может только тот, у кого глаз от природы приспособлен для этого. Непривычный и неприспособленный глаз легко может ослепнуть. Иначе говоря: постигать искусство и судить о нем может только тот, у кого в душе от природы сокрыты сокровища, способные разукрасить, разодеть и расчленить на составные элементы красоту и все, что с ней связано. Но, конечно, выражение Толстого — «искусство не терпит посредственностей» — допускает исключения. Даже больше: исключения не только могут быть, но *должны* быть в интересах же самого искусства, ибо «много званых, но мало избранных»¹²⁴, которых еле-еле хватает на то, чтобы хоть изредка вносить в искусство нечто новое, то есть подливать в старые меха обновляющую жидкость. Но искусство живет не только обновляющими соками, но и тем хорошим старым, что создавалось веками. Сохранить это старое для пользы искусства так же важно, как и создать новое. И пусть этим «охранением» заветов и преданий старого займутся, благо дело не такое уж мудреное, более многочисленные «званные», предоставив избранным, которые очень редки, созидать новое. Если не охранять искусство, то толпа, жизненный путь которой озаряется время от времени его отдельными лучами, своим прикосновением может загрязнить это искусство, внося в него элементы обыденщины и пошлости. Охранять искусство от этого прикосновения, стоять на страже между ним и толпой — это и есть истинное назначение критика, назначение, которое он может выполнить даже и в том случае, если не чувствует сил на создание нового в искусстве.

Но, увы, даже критику, преследующему столь скромные задачи, все же недостаточно одних знаний. Знание может по-

мочь отыскать методы исследования, но результаты исследования все-таки будут субъективны, а не объективны, о чем я мечтал в начале своей деятельности как театрального рецензента. Да иначе и быть не может: вся сила искусства — в тех личных началах, которые вносят в него его творцы. Производство искусства вообще и театрального в частности только и захватывает нас, когда в нем чувствуется личное «я» художника, совсем не похожее на то, что мы уже знаем. Искусство поэтому в самой основе своей субъективно, и оригинальность — главное украшение всякого художника. Значит, и впечатление, производимое на каждого из нас всяким *оригинальным* произведением искусства, должно быть субъективно и потому — что оно *ново* для нас, и потому — что опыт минувших дней не мог выработать определенных взглядов на это новое, так как не знал его.

Тем не менее я искал объективных оснований. Что можно найти в литературе о театре и сценическом искусстве? Очень немного, в общем. «Парадокс» Дидро¹²⁵? Я его прочитал. Допустим, что Дидро прав: актер не должен волноваться страстью роли, чтобы передавать ее. Но подойдите с этим критерием к исполнителям, и вы убедитесь, что имеете дело с «антиномией»¹²⁶, с неизгладимым, основным противоречием, о котором говорит Льюис¹²⁷. «Ежели он действительно чувствует, — говорит Льюис, — он не может играть; но он равно не может играть, если он бесчувствен». «Мы знаем, что все бессмысленные старания крикливых и гримасничающих актеров произвести эффект, — продолжает Льюис, — вся скука холодной, полной условных движений игры, мимики без жизни происходит от бесстрастного дарования актера». Святая истина. Значит, сущность в страсти. Но как определить ее? «Едва можно поверить, — читаем мы в той же книге, — от какого незначительного оттенка звука, особенно в местах патетических, зависит или высокая художественность, или полная бесцветность прочитанного». Как же определить этот оттенок? Невозможно. Это — тайна; непостижимое и неисповедимое. Льюис дает прекрасные характеристики актеров, но какое же можно извлечь объективное основание для суждения, когда он, положим, говорит, что Сальвини¹²⁸ в «Отелло» дает несообразное соединение миловидного с великим? И прежде всего, что такое «миловидное» и «великое»? Сколько людей, столько, пожалуй, и взглядов на то, что есть великое или миловидное.

Я жадно читал «Ученические годы Вильгельма Мейстера» Гете — книгу, пересыпанную сентенциями о театре, «Гамбургскую драматургию» Лессинга¹²⁹. Великие умы восхищали меня, открывая мне свет, проясняя мысль. Но если я стал благодаря им умнее, все же я не получил ни одного безусловного утвержденного положения, которым мог бы пользоваться практически, оценивая игру актера Мухина-Симферопольского.

Тогда я обратился к учебникам и руководствам сценической техники. Например, я читал «Лекции о сценическом искусстве» П. Д. Боборыкина¹³⁰. И вот что я читал там: «Ревность есть мучительное наслаждение, вызываемое созерцанием не принадлежащей и, так сказать, отторгнутой красоты». У немцев в известном каламбуре это выходит еще рельефнее: «die Eifersucht macht Leidenschaft, die mit Eifer sucht was Leidenschaft»¹. Что же из этого следует? А вот что: «Поэтому в выражении глаз скажется, во-первых, *гневное изумление*, слагающееся из *скорбного негоумения* и *неприятного самочувствия*, и, во-вторых, *затаенное бешенство*». «Скорбное негоумение» выразится в расширении зрачка и в полураскрытом рте; «неприятное самочувствие», напротив, в сужении зрачка и в опущенных углах рта; что же касается «затаенного бешенства», то это ощущение отразится в нависших бровях и плотно сомкнутых устах.

Выходит, что одновременно зрачок должен быть и сужен, и расширен, рот открыт, и закрыт, и опущен, и поднят. Как же мне проследить все это на сцене, даже если это вполне объективные данные, почерпнутые из «Физиономики животных» Дарвина¹³¹?

Кстати, не могу не припомнить одного курьеза, случившегося со мной в тот период времени, когда я «штудировал» науку и стремился писать рецензии на объективных основаниях. Представился случай «показать себя». Мне поручили написать об известной заезжей труппе артистов, выступившей, кстати, и в совершенно новом репертуаре. Простор представлялся большой: нужно было не только детально разобрать исполнение актеров, но и дать серьезную оценку репертуару. Вооруженный только что вычитанными знаниями, я в один присест написал длинную-предлинную рецензию. Боже мой, чего тут только не было! Цитаты из Прудона¹³², Гете, Лессин-

¹ Ревность — страстное влечение, приносящее мучения (нем.).

га, Льюиса, Аверкиева¹³³, Боборыкина, Коровякова¹³⁴ и т. д. — так и пестрели. Все было — так мне казалось — научно обоснованно, подтверждено ссылками и фактами, взятыми у наиболее серьезных писателей. И что же?.. Рецензия не была напечатана... Когда я пошел к редактору объясняться, то он с первых же слов меня оγοрошил:

— Ну, батенька, и написали же вы!.. Умно-то умно, а только как будто скучно, словно не вы писали. Вот садитесь-ка да и расскажите мне ваши впечатления о спектаклях, да не по-ученому, а просто, как бы вы рассказывали за дружеской беседой хорошему знакомому...

И я рассказал... Редактор тут же посадил меня за стол и заставил все рассказанное записать, «не мудрствуя лукаво». В таком виде рецензия через несколько дней появилась в печати и, против всяких ожиданий с моей стороны, имела такой успех у читателей, какой дотолe не имела ни одна из моих прежних рецензий. Таков жестокий урок. Перечитывая потом много раз свою рецензию, я пришел к заключению, что она была столь же субъективна, как и прежние мои критические отзывы, но в ней чувствовалось больше уверенности и убежденности, а главное — я легко и свободно разрешал те вопросы, перед которыми раньше становился в тупик и до которых путем больших усилий мне нужно было «доходить своим умом». Убежденность и уверенность тона, несомненно, дала мне работа. Сущность же рецензий была моя, субъективная. Я не был бесчувствен — в этом была моя заслуга. Я владел собою, потому что знал — в этом было мое преимущество.

Да, рецензия должна быть субъективна, быть может, менее самого творчества, но, во всяком случае, она должна представлять лично мне принадлежащую форму «охраны» того, что я считаю истинною искусства. Иной вопрос, насколько субъективное впечатление критика близко к истине. Об этой близости самому судить трудно, ибо каждый человек свои собственные суждения полагает наиболее соответствующими действительности. Но, во всяком случае, искренность суждений читатели поймут и оценят. Фальшь и притворство, что бы там ни говорили пессимисты, на словах презирающие толпу, но живущие только ею и только для нее, должны отвращать читателей. Люди как-то инстинктивно ищут истины, хотя почти никогда ее не понимают. В это я верил, и это всегда мне помогало работать.

Быть искренним... Боже мой, как это трудно, особенно для театрального рецензента!.. Вдумайтесь посерьезнее, прошу вас, в положение рецензента. Он всегда себя чувствует словно между двух огней, о которые боится обжечься. С одной стороны, перед ним — толпа, увлекающаяся, необузданная, часто недисциплинированная, — толпа, расположенная только хвалить, но никак не порицать. Конечно, я говорю о толпе в широком смысле этого слова — о толпе, в которой преобладает заурядный зритель, мало или совсем не анализирующий свои впечатления и создающий себе кумиров под влиянием минуты. Этот зритель судит об актере только по его достоинствам, а иногда только по качеству тех чужих слов, которые произносятся актером со сцены. Критик, наоборот, должен принимать во внимание столько же достоинства актера, сколько и недостатки, и даже последнее, пожалуй, больше, чем первое. Очевидно поэтому, что критику почти всегда приходится идти вразрез с мнением толпы. И как ни тяжело это, как ни трудно спорить с мнением большинства, это нужно сделать, не обращая внимания на то, что легко приобрести популярность, потворствуя вкусам толпы...

С другой стороны, критику приходится сталкиваться с интересами актеров.

Я не виню актера. Толпа — пьедестал актера. Он живет, мыслит, думает перед толпой. И понятно, что на всех тех, кто старается хоть чуть-чуть поколебать его власть над этой толпой, он смотрит как на своих личных врагов, покушающихся отнять у него самое дорогое в его жизни — обожание толпы. Актер по самому характеру своей деятельности болезненно самолюбив, и достаточно незначительного указания на его какой-нибудь недостаток, чтобы он вышел из себя.

Итак, изверившись в объективности, я стал поклоняться искренности. Что из этого вышло, я расскажу в дальнейшем.

Зем

Театр и искусство. 1902. № 44. 27 окт. С. 798–800

III

Только тот беспристрастен — кто бесстрастен. Это звучит плохим парадоксом, но это так. В самом деле: только человек, у которого умерщвлены все страсти, незнаком с увлечениями. Но раз человек не бесчувствен — он не гарантирован от увлечений, а следовательно — и от заблуждений. Отсюда вывод:

беспристрастным рецензентом может быть только человек неувлекающийся.

По-видимому, мы договорились до сути: чтобы быть добросовестным рецензентом, необходимо атрофировать свои страсти и чувства. Но здесь повторяется «антимония» «парадокса Дидро». Если я бесчувствен — я не способен чувствовать красоту и воспринимать ее. Если я бесстрастен — для меня все те страсти и чувства, которыми живут на сцене действующие лица, звук пустой. Чужое горе, чужие радости и страдания меня мало тронут, потому что я сам никогда не плачу горячими слезами и не смеюсь открытым искренним смехом. Но разве это требуется от театрального критика?.. В его душе должны звучать меланхолические и тонкие струны. Он должен загораться от всякого огня и гореть быстро, лихорадочно, нервно — так гореть, чтобы весь тот жар и пыл, которые клокочут внутри него, выливались в красивой, хотя, быть может, и беспорядочной форме на бумагу и заражали окружающее. Чувство и воображение ему не только нужны, но и необходимы, и только при наличии их он сумеет затронуть чужое любопытство, разжечь его, нервно совмещая логику с романтизмом и действительность с фантазией. Его крылатые слова должны ударять, как отравленные стрелы, и — чтобы продолжить сравнение — небрежное натягивание тетивы только увеличивает силу удара.

Стало быть, полное беспристрастие рецензента так же невозможно, как бесстрастие актера. Ничто человеческое не чуждо да и не должно быть чуждым рецензенту, раз он — не ходячий педантизм. Он волнуется и увлекается — как все; и как каждый другой — он грешит и ошибается. Скажу даже больше: благодаря постоянному общению с театром, благодаря почти исключительному сосредоточию своих главных интересов на театре, — театральный критик становится впечатлительным и восприимчивым и, подобно актерам, живет одними или почти одними миражами, что дает широкий простор для развития чувственности, страстности и многих других смертных грехов. Но главное, — театральный критик, — если не живущий, то думающий на людях, — легко поддается лести, и в этом, пожалуй, и заключается главная опасность. Актеры и особенно актрисы хорошо изучили эту уязвимость рецензента и умело ею пользуются. Впрочем, у актрис, полагающих, что все пути ведут в Рим, и помимо того есть немало средств для «укрощения строптивых»¹³⁵.

Лично я, например, лгал — а лгал я, стыдно сказать и грех утаить, много раз — почти всегда, благодаря влиянию актрис. Я живо помню мою первую ложь. В загородном театре гастролировала провинциальная актриса. Как раз в день ее выхода она явилась ко мне в редакцию и начала с того, что наговорила по моему адресу целую кучу комплиментов. По ее словам выходило, что я и самый умный, и самый чуткий, и чуть ли не самый талантливый критик. Все это сопровождалось такими обворожительными улыбками, было передано с теми особыми интонациями, которые вырабатываются на ампуа *grande-coquette*¹. Я был молод, доверчив и все принимал за чистую монету. Уже на спектакль я ехал, твердо уверенный, что эта актриса если и не гениальна, то, во всяком случае, очень талантлива. Правда, спектакль меня несколько разочаровал. Теперь я припоминаю, что играла «гастролерша» Магду¹³⁶ в «Родине» из рук вон плохо, но тогда мне только казалось, что это не совсем превосходно, и то будто бы потому, что актриса не так поняла роль, изображая Магду незамысловатой мешаночкой. Так я и думал написать отзыв: играла, мол, очень и очень недурно, но не вполне можно согласиться с тем толкованием роли, которое и т. д. К сожалению, даже и этой оговорки не пришлось сделать. В одном из антрактов, согласно обещанию, я зашел к «гастролерше» в уборную. Интонации *grande-coquette* были еще превосходнее. Было очень интимно, и если память мне не изменяет, горел розовый фонарь. И вдвоем мы стали разбирать роль Магды. Она, кажется, городила совершеннейшую чепуху, но чепуха сопровождалась такими очаровательными улыбками, что я в конце концов стал во всем ей поддакивать. Увы, из моей рецензии исчезло — каким-то непостижимым образом — и то особое толкование роли, с которым можно было не соглашаться, но которое, должно признаться, и т. д.

Это была моя первая ложь, но, конечно, не последняя. Так как я пишу с полной откровенностью покаянную повесть, то да простится мне все, еже в молодости своей переписах.

Не без злорадства и чувства внутреннего удовлетворения я встретил следующий эпизод из жизни Сарсе¹³⁷.

Еще задолго до того времени, когда Сарсе сделался знаменитостью, в провинциальном городе Гренобле он был свидетелем первого дебюта красавицы-актрисы Селины Менталан,

¹ Молодая светская дама (*фр.*).

прогремевшей впоследствии на всю Францию, и написал о ней в местном органе восторженный отзыв, подписав его псевдонимом Жан. Прошло много лет. Селина решила продебютировать в парижском «Porte Saint Martin»¹³⁸ и, чтобы умиловить критиков, сделала им всем визиты. Явилась она также и к Сарсе, ставшему уже к тому времени модным критиком. Но предоставим самому Сарсе рассказать про это свидание.

— Как, — воскликнула она, — это вы Жан из Гренобля?

И потом, как будто оправившись от сильного изумления, она прибавила:

— A monsieur, я никогда не забуду статьи, написанной вами в Гренобле. Могла ли я этого ожидать? А ты мог ли это думать? — обратилась она к своему отцу, сопровождавшему ее по визитам.

Отец сознался, что он этого никогда не думал. Хорошенькая плутовка вытащила из кармана статью.

— Вот, вот, — проговорила она взволнованным голосом. — Я никогда с ней не расстаюсь.

— Мы часто ее читаем, — проговорил не менее трогательно отец.

— Она утешала нас в трудные минуты, — снова начала она.

— Она придает нам бодрость, когда мы начинаем сомневаться, — настаивал он.

Это было без конца! О, очаровательная артистка! Только я не настолько наивен, чтобы попасть в сети. Тем не менее сцена была так прелестно разыграна, что я хотел было сказать, как вельможа, которому лакей в одной старой комедии напевает всякого рода комплименты:

— Я отлично знаю, бездельник, что ты врешь. Тем не менее продолжай. Это доставит мне удовольствие, и за это ты получишь награду.

Разве это не прелестно и разве может кто-нибудь, кроме женщины, разыграть такую сцену? Сарсе знал, что это ложь, но эта ложь была так изящна и так льстила самолюбию, что заменяла собой правду, и критик ей невольно поддался.

Если спокойно оглянуться назад, то увидишь, к сожалению, немало испытаний, которыми подвергалась твоя искренность. Начнем с того, что редко идешь в театр не с предвзятым мнением. Ставится, положим, пьеса любимого автора — заранее предвкушаешь удовольствие от представления. Если же дается пьеса нелюбимого автора — то точно так же заранее предрасполагаешь себя к тому, что все будет дурно.

Играет актер с очень громкой репутацией, искусственно подогреваемой рекламой, — настраиваешься против него. Бывает и наоборот. Наконец, часто не желаешь сознаться в сделанной раз ошибке и, когда пишешь рецензию, то невольно для самого себя и вполне искренно впадаешь в софизмы; чтобы доказать верность своего взгляда, призываешь на помощь диалектику и «изворачиваешься».

Литературная критика, по крайней мере у нас — давно и совершенно открыто признает себя «партийной» и за грех это не считает. Без всякого сомнения, литературную критику «Отечественных записок»¹³⁹, «Русского богатства»¹⁴⁰ нельзя не считать партийною, то есть предвзятою, но я не назову ее неискренней. Искренность ее обуславливается чем-то лежащим вне пределов данного произведения как художественного создания. Ну, назовем это общественной тенденцией. И вот эта общественная тенденция, воодушевляющая критика, делает его искренним, но в то же время несправедливым и предвзятым.

Все дело, следовательно, в чистоте основных побуждений, а не в самой оценке.

Беда театральной критики заключается в том, что по самому свойству ее она редко воодушевляется широкими идеями и предвзятость ее часто истекает из мутных источников и личных симпатий и антипатий.

Тем не менее эти противоречия меня долго мучили. Если моя искренность, которую я считаю верховным началом моих рецензий, сама находится в зависимости от влияний и часто, быть может, подчинена личным и даже эгоистическим мотивам, то, значит, все мои суждения не только не приносят пользы, а и вредны для театра. Я искренно — так мне кажется — лгу. Но ведь это все же ложь. Если бы я неискренно говорил правду, — все же правда осталась бы правдой.

Я пробовал было бороться с предвзятостью суждений и собственных своих настроений. Например, я ловил себя в чувстве недоброжелательства к актеру, актрисе или пьесе и невольно себя идти против этого чувства. Или, наоборот, мне вдруг казалось, что я расположен в пользу пьесы, актера и актрисы, и я заставлял себя быть суровее. Увы, из этого получилось мало хорошего. В отзывах появлялась принужденность, рецензии напоминали знаменитую формулу — «с одной стороны, нельзя не сознаться, хотя с другой — нельзя не согласиться», и все, в общем, было вяло, скучно и ненужно. И таково было

впечатление и редактора, и читателей. Скучно! Что скучно? Выходило, как будто ничего нет скучнее, как стремление к правде... Да и правда ли это? Вот в чем вопрос! Пожалуй, что и вовсе не правда, потому что правда озаряет, а то, что я писал, я из себя клещами вытягивал...

И тогда мне пришла в голову самая простая мысль: почему это я считаю себя судьей? и суд ли критика? и судья ли рецензент? И нет ли тут основного смешения понятий, задач и целей?

В один прекрасный день я решил, что все это — расхожее и совершенно неправильное представление о критике. Совсем я не судья. Если это, то есть спектакль, театр, рецензия и публика, уподобляется «процессу», то я тут не судья, а только «сторона», то есть или адвокат, или прокурор. Эта аналогия кажется мне весьма справедливою. Сторона ничего не решает, но представляет со всею искренностью и силою, на которые способна, доказательства своего мнения. И точно так же я как рецензент не призван судить, а лишь обязан высказать свое мнение, свой взгляд, в котором моя личность, мое «я» более значительны, чем вопрос, подлежащий суждению. И в данном случае как я излагаю свои впечатления — это главный источник впечатления, а еще есть второстепенные...

Зем

Театр и искусство. 1902. № 45. 3 нояб. С. 822–824

Среди корреспондентов

Провинциальный фельетон

Приятное во всех отношениях общество • Межевжь уголки и пьеса Бежецкого «Ольгин день» • Вести о просвещении • Ясный день в Кременчуге и в Херсоне и темная ночь в Новом Буге • Дворянское землевладение в драме Чехова «Вишневый сад» и оскудение в земских интересах • Провинциальные танцы и «Сорочинский ярмарок» в народной аудитории • Кое-что из нелегального • Городские управы Новомиргорода, Вознесенска и Бобринца в новом чине

Среди корреспондентов! Какое интересное и во всех отношениях приятное общество. Какое обилие новостей, светлых дум и сладких ожиданий из различных уголков не только своей широкой окраины, но даже из-за ее границы,

и все с полнейшей достоверностью и непреложной истиной! Пусть наш сотрудник из Петербурга, язвительный Мефистофель, подсмеивается над медвежьими уголками, как принято называть далекую провинцию, и смакует пьесу Бежецкого «Ольгин день»¹⁴¹, которую он видел в столице и которая, по его словам, «превосходная фотография наших медвежьих углов». И что такое далекая провинция, и от чего, от какого пункта она далекая? Возьмите, например, Плетеный Ташлык¹⁴²: от Новоукраинки, будущего города, близко, от Елисаветграда, настоящего города, также; да разве в Плетеном Ташлыке живут медведи? Мы знаем там людей просвещенных и образованных. Если же «Ольгин день» с его лицами есть превосходная фотография, то почему же письмам корреспондентов и их словам не быть живой фотографией, своего рода удивительным биоскопом, где все — одна только правда. А где медведи, там ищи меду, ибо зверь этот очень охотлив до этой сладости,

Меду, господа провинциальные корреспонденты, меду. Да вот вы и сами!

Добро пожаловать! Побеседуем, потолкуем. Только одно маленькое предостережение.

Слыхали о корреспонденте «Русских ведомостей»¹⁴³, который подвел академическую газету?

— Слыхали, слыхали! Знаем, знаем! — в один голос заговорило все собрание.

Хорошо-с! Его мы называть не будем, а к сведению примем. Примем также к сведению чрезвычайно важное для публики распоряжение по телеграфному ведомству, где говорится, что всякая неправильность в сообщении лежит на личной ответственности сообщавшего.

В таком случае мы будем совершенно свободны от всяких наветов со стороны наших придирчивых и вечно недовольных читателей, которые, обыкновенно, сами не знают, чего они хотят от корреспондента. Да, некоторые из вас, я вижу, с записными книжками: понимаю, это ваши *vademaum!*¹; запасливо вы поступаете; не всем же, в самом деле, обладать таким даром слова, каким обладает наш общий знакомый г-н Ш., когда он произносит юбилейные или ревизионные речи.

Итак, что нового в провинции? Ведь надо знать, господа, что только здесь, в необъятной нашей провинции и лежит почти нетронутым пластом «соль земли», вы ее работники, в ваших руках орудие ее добывания, а нам говорят: «медвежьи углы».

¹ Здесь: памятка (*лат.*).

Позвольте мне выразиться фигурально: наша провинция — это тот из трех китов, на которых держится вся земля, и здесь как две географические точки — наши столицы. Прочие два кита принадлежат не нам; на них лежат, нет, виноват: теперь возятся Япония, Корея, Китай, Маньчжурия, которая, впрочем, еще не решила, на каком ките ей лучше растянуться, а затем Лондон со своими владениями вплоть до буров включительно.

Извольте же: что новенького в провинции?

— Провинция шевелится...

Нуте! что вы? уж не по весне ли... Просыпается! Вот крапива... а помните: «на заре ты ее не буди; на заре она сладко так спит, одеяло откинув с груди»¹⁴⁴... Да, впрочем, газета кого не разбудит, как и г-н Миф у нас писал.

Так как же-с, по весне, что ли? Вот в Севастополе дамы на иордань¹⁴⁵ даже с зонтиками ходили. По этому поводу где-то стихи были написаны.

Кстати, господа, маленькая просьба: не пишите, пожалуйста, корреспонденций стихами, что толку в них. Сам Л. Н. Толстой их не любит.

— Как так, корреспонденции в стихах? — спросил один из собеседников.

Бывает.

В это время один из корреспондентов вышел и больше не возвращался; говорят, по экстренному делу уехал в Кривой Рог.

— Так вы говорите, что провинция шевелится?

— И даже очень.

Вот это чудесно; расскажите же. Только, господа, не расположить ли нам наш материал, так сказать, по рубрикам. Сначала просвещение, затем полезные и просветительные развлечения, далее земство¹⁴⁶ и сельское хозяйство, потом что-нибудь отрицательное, нелегальное вроде клеветы, доноса. Вероятно, к сожалению, и этот багаж есть.

— Есть, есть, есть...

Поэтому лучше все по порядку. Дальше: ходатайства, наконец городские думы.

При этом последнем слове кто-то вздохнул и вспомнил великого Шевченко¹⁴⁷.

Ой, думы мои, думы!..

Теперь все отлично: сядем рядком и поговорим ладком. Ваше слово о просвещении. Вы меня извините, господа, если я кое-что в ваших словах буду сглаживать для литературности

слога и делать необходимые для единства речи поправки во фразеологии.

Наконец мы вас слушаем о просвещении.

— Приятель мой пишет мне, что в Кременчуге очень много, по его словам, просвещения.

Так оно и есть: приятель ваш выражается совсем не стилистически. Так о просвещении выражаться нельзя: просвещения всегда мало. Читали, как одно из казанских земств ходатайствует о введении обязательного обучения ребят, а у нас в Елисаветграде оказалось мало одной гимназии для обучения девиц. Мы лучше скажем так: томительная жажда знания, искание интеллектуального ответа в Кременчуге проявляются все с большей и большей интенсивностью... Теперь продолжайте.

— В местном обществе возник уже давно вопрос об организации у нас систематических курсов популярных лекций по разным отраслям знаний. В настоящее время по инициативе председателя лекционной комиссии, директора реального училища К. Т. Карпинского вопрос о популярных лекциях снова выдвинут на последнем заседании комиссии.

Из этого сообщения, господа, публике всего отрадной помимо самого факта, конечно, слышать, что в инициативе дела стоит представитель учебного ведомства, директор реального училища — весьма редкий случай деятельности начальника учебного заведения вне тесных его стен. Наши школьные директора, как только взберутся на свою гору, так сейчас уходят от жизни и к ней уже относятся как-то своеобразно.

Слыхали ли вы когда-нибудь директора училища в качестве публичного лектора; видали ли вы его в каком-либо обществе на председательском кресле. Что это значит? Неуверенность ли в себе, боязнь за себя или простое нежелание спускаться с вершины. Отчего же спускаются другие, сидящие выше него! А между тем популярные чтения и лекции рекомендует само министерство народного просвещения. И где бы им быть, как не у нас в Елисаветграде, где столько педагогов, юристов и врачей? Изречение «Несть пророка в своем отечестве» уже обветшало, и пугаться его нечего. С удовольствием будем следить за кременчугским начинанием, благо оно так близко от нас.

— Есть у вас еще что-нибудь?

— Есть и очень важное для Кременчуга и его окрестностей: здесь получен ответ, что устав проектированного у нас коммерческого училища утвержден.

— Вот как! А у нас в Елисаветграде...

— А в Петроострове, — заметил сосед, — совершенно освящение здания для предположенного двухклассного училища.

— Скажите, пожалуйста! И находятся ученики?

— Давайте только школы.

— А в Елисаветграде убоялись, что здесь некому учиться, и заморозили мысль об открытии своего коммерческого училища. Спросите об этом гг. Дериченко, Ин. Макеева: они все знают. И деньги были собраны, теперь их раздают обратно вкладчикам.

— В Александрии открывается мужская прогимназия, в Тирасполе говорят о реальном училище, в Ананьеве — об учительском институте.

— Боже мой, сколько звездочек на темном до сих пор небе. Но там говорят, а у нас заговаривают: говорили кадетский корпус, чуть не заговорили эльвортиевское¹⁴⁸ училище, пожалуй, заговорят и женское епархиальное училище¹⁴⁹. Значит, заговаривают не одни только зубы, но и учебные заведения. Как понимать слово заговаривать? Но чуть-чуть блеснули и мы, то есть не мы, а г-жа Ефимовская¹⁵⁰, которая создала городу вторую женскую гимназию.

— А в Херсоне, слышали?

А что такое?

— У нас нечто совсем новое, на юге небывалое: женские сельскохозяйственные курсы. Начало курсам положено было еще минувшим летом, а именно: в каникулярное время при 2-й женской гимназии были устроены временные сельскохозяйственные курсы для воспитанниц, окончивших здесь учение. Слушательниц явилось поначалу двадцать пять, которые занимались в усадьбе при той же гимназии. Результат занятий превзошел всякие ожидания, и учебное начальство решило это дело из временного обратить в постоянное.

Прекрасное дело, великолепное, полезное! — заговорило все собрание. Как раз в пику Чехову, который написал свой «Вишневый сад» с явной целью доказать, что помещичье землевладение умирает и что сами помещики, как говорит Дорошевич, morituri¹⁵¹. Положим, что барышни-агрономы еще мало имеют отношения к помещичьим владениям, но все же отчего между ними не быть тоже помещицам, которые будут научно и вместе практически вести свое хозяйство. Херсонские курсы пользуются авторитетными указаниями г-на уполномо-

ченного по сельскохозяйственной части А. И. Шахназарова¹⁵², который уже возбудил ходатайство в министерстве земледелия о денежном им воспособлении.

Дорог почин, а дело пойдет само собой. И помещики поправятся, если будут сидеть у дела, а не лезть за жалованьем туда даже, где такового не полагается, да не подпевать фистулою¹⁵³ о неурожаях, атмосферических условиях, обложении и не искать себе эдемов¹⁵⁴ в гористых палестинах. — О таких мы поговорим другой раз специально, — прибавил один из собеседников.

А все, господа, приятно, что провинция у нас идет вперед.

— Не везде-с. В Новом Буге, например, тьма кромешная, и никакой там звездочки на небе не видать. — К стыду нашему, — заметил корреспондент из Нового Буга, — мне приходится еще раз отметить у нас библиотеки. Нужда в библиотеке так велика, что местные жители записываются в библиотеки ближайших городов, чтобы хоть этим путем удовлетворить свою потребность в чтении.

Вот я и прав, когда выразился о жажде знания. Хорошо и это: блаженны жаждущие... У нас в Елисаветграде по этой части, слава Богу, сносно. Недавно мы танцевали в пользу нашей общественной библиотеки и вытанцевали чистых восемьсот рублей. Что же поделаете, господа! нужно вести борьбу: власть тьмы велика; побольше энергии, хотя бы танцевальной. Все же признаться надо, что дело идет по части просвещения удовлетворительно, и наша газета очень рада, что может об этом громко свидетельствовать.

А что слышно про земство?

Члены собрания переглянулись между собой, а слова не сказал ни один.

Земство, господа; на очереди у нас земство.

Снова молчание.

«Так гаснет в алтаре последний луч лампад...» — произнес кто-то стих из Геббеля¹⁵⁵.

Ничего? Так перейдем теперь к развлечениям. В этой области что?

— Танцы, любители; любители, танцы, опять танцы и любители.

Столько танцев, столько любителей! А кого вы называете любителями, выражаетесь вы не совсем ясно. Как вы думаете, если взять, к примеру, живые картины художника Николь-

ского, пудрящего и драпирующего участников и участниц в живых картинах.

— Кто тут любит? Вопрос совсем не праздный, как может показаться с первого раза, и без любви к делу ничего не выходит.

— Тут все — любители.

— Чего же?

— Конечно, искусства в реальности и реальности в искусстве.

— Благодарю вас, что вывели меня из недоумения. Так, где же танцуют?

— В Добровеличковке, в Новом Буге, Знаменке, Александрии, в Новоукраинке...

Милые медвежата. Вот хорошо бы посмотреть. Так это что же: венгерка, падекатр, миньон¹⁵⁶ и прочие, число которым миллион?

— Нет, в Кременчуге совсем иначе: по инициативе председателя местной земской управы устраивается в зале народной аудитории совсем оригинальное развлечение под названием «Сорочинский Ярмарок». Все помещения и аудитории будут декорированы в малорусском вкусе; в зале будут расставлены возы, палатки и т. п. «Сорочинский Ярмарок» продолжится два дня.

Вот это бесподобно, А почему же это «Сорочинский Ярмарок» и какие на этом ярмароке будут возы? Вероятно, Гоголь придет на свой ярмарок¹⁵⁷ хоть на второй день посмотреть на гопака¹⁵⁸ да послушать бандуриста¹⁵⁹.

— Нет, гопака не будет.

— А что же?

— Па-де-патинер¹⁶⁰!

— Очень хорошо. Ай да хохлуши кременчугские!

Танцуем и мы в Елисаветграде, танцуем от мала до велика. У нас это своего рода особенный культ. А может быть, это знамение времени, эпоха, и смысл всего этого нам непонятен, и осуждать своих танцорок и танцоров мы не будем. Кстати, есть что-нибудь по части осуждения?

— Есть.

Вот это неприятно; что ж, шила в мешке не утаишь, делать нечего, пожалуйте.

— Есть из Каменец-Подольска и даже из Петербурга.

— Ну, Петербург оставим в покое. Там Крушеван¹⁶¹, слышали, а Каменец — извольте.

— Сотрудники «Киевских отголосков»¹⁶² и «Волыни»¹⁶³ возбудили преследование за клевету против секретаря статистического комитета, обвиняя его в том, что он в письмах к разным лицам приписал названным сотрудникам бесчестящие их поступки, измышленные самим автором писем.

Позвольте, это что-то знакомое. Однако они молодчинчики!

— Кто?

— И те, и другие: один аукнул, другие, то есть сотрудники, откликнулись. А кто аукает? Тот, кто с пути сбился; значит, он непутевый, потерянный человек. Но подождем конца.

— Да что Петербург или Каменец-Подольск; художники этого ремесла найдутся везде, не только на земном глобусе, но и над земным глобусом, спросите любого елисаветградца.

— Вот, господа, понемножку мы дошли и до городов. А что в городах? Говорят, что город, то норов.

— Совсем напротив. Эту поговорку для городов Херсонской губернии совсем выключить из употребления.

Стало быть: единомыслие, согласие, единство действий.

— Назовите, как хотите; только Вознесенск, Новомиргород и Бобринец желают получить новый чин, из титулярных метят в ассесоры¹⁶⁴.

Вот интересно. Заслужили, вероятно, или к Пасхе хотят по красному яичку. А в каком же они штате состоят?

— Да ни в каком, совсем заштатные, и чинопроизводство им не полагается, по самым последним разъяснениям.

— Ну те.

— А они свое. Не хочу, говорит управа каждого из них, быть титулярной, хочу быть ассессоршей. И пишут они прошения, чтобы войти в штат. Из Новомиргорода директор городского банка отправляется в Херсон с ходатайством о переименовании города в уездный, а из Вознесенска и того дальше, в Петербург, выехал городской голова для личного поддержания ходатайства городского общественного управления о преобразовании Вознесенска тоже в уездный город. Ну, за ними и Бобринец, как только прослышал, что он может попасть в штат, избрал депутацию из трех лиц, которые на днях отправляются в Петербург для ходатайства о скорейшем разрешении раздела Херсонской губернии в желательном для Бобринца смысле, и даже готов ассигновать шестьдесят тысяч рублей на уездный наряд.

Вот оно что!

Итак, господа, все-таки мы видим везде движение; движение от головы до ног. Признак очень хороший. А теперь — до скорого свидания; если все будет благополучно и железные дороги будут свободны от катастроф, которые стали опять, как удивительные звери, бегать по рельсовым путям, мы сойдемся и побеседуем снова.

Zet*Елисаветградские новости. 6.02.1904*

Среди корреспондентов II

Провинциальный фельетон

Чувство и голос народа • Японский рыцарь • Деятели тьмы и слуги света • Педагогические кружки • Цифры конца нашего столетия • Городские весталки • Ученые заседания • Фокусы земского начальника

Сегодня, господа, мы будем продолжать нашу беседу, прерванную томительным недельным молчанием. Казалось бы, говорили да говорили мы между собой, и конца бы беседе нашей не было, а тут, смотришь, число подошло такое, что надобно кончать, так как начинается новая неделя. Что ж делать: будем довольствоваться кусочком, отведенным нам из всей газетной территории, на котором мы сеем и собираем все в общую житницу для вечно голодного потребителя — нашего друга-читателя.

Что же чувствует и говорит провинция после масленичной, или, по-заграничному, карнавальная недели?

— Нынче масленица не в счет, широты у нее никакой. Теперь ли, в переживаемые нами святые дни брани с коварным врагом, тешить себя маскарадом и шутовским нарядом? Как один человек, вся Русь стремится свои чувства и мысли туда, где с честью гремит русское оружие, где со славой льется русская кровь по вызову врага мира и порядка¹⁶⁵.

И так везде!

— Нет дома, нет избушки, где бы ни жило это всех одушевляющее чувство; с миллионами и тысячами рублей в кружку отечества бегут щербатые копейки; наряду с матерями сидят дети за общей работой. В Харькове ученицы профессиональной

школы, желая со своей стороны облегчить нужду родных борцов на далекой окраине, заняты приготовлением белья для раненых воинов. Наборщики большой провинциальной газеты собрали на нужды войны десять рублей пять копеек. Подумайте, сколько дал каждый из этой «свинцовой армии» от своего заработка. Но знаете ли, что волнует и возмущает провинцию в особенности?

— Говорите, говорите!

— Она ведь, серенькая, в массе своей мало знает о Гаагском совещании¹⁶⁶. Она мало понимает известие о том, что несколько держав требуют протеста Гаагского международного бюро против поведения Японии, нарушившей внезапным нападением на Порт-Артур и русскую эскадру основные принципы международного права. Ей ли, темненькой, выговорить и понять такие слова: протест, бюро, эскадра да принципы, а все же она чувствует, в чем дело, и понимает, что враг-то наш не честный воин и война-то его — не война, а просто ночное нападение. Вот оно, чувство провинции, а голос ее один: с нами Бог!

Вот хорошо было бы рассказать ей про японского рыцаря Гаяши¹⁶⁷ — ведь в Японии по официальному счету числится два миллиона сто пять тысяч шесть сотен пять десятков и пять единиц чистокровных рыцарей по общенародному сословному делению. А этот самый Гаяши на упрек лорда Лансдоуна¹⁶⁸ по поводу нарушения Японией международного обычая объявления войны заметил, что объявления войны в нынешнее время не нужно. Бедный бесстрашный рыцарь архипелажной империи! Он не слышал о древнем нашем рыцаре, который посылал своему неприятелю сказать: «Иду на вы»¹⁶⁹. Культура японская — особая культура.

— А вот слышали сценку из Владивостока — это уже не из политики, а прямо-таки из нашей провинции. Когда японцы стали улепетывать восвояси из России, приходит японец-портной к русскому заказчику и говорит: пожалуйста деньги за работу, так как мы выезжаем в свою империю и экипаж уже за нами выслан от самого императора. Какие деньги? — спрашивает заказчик. А вот-с по счетику. — В нынешнее время по счетам не платят: вы, макаки, собираетесь бомбардировать Владивосток, а я буду вам деньги платить. — Если прав был Гаяши, то почему же не прав русский заказчик, который по-своему основательно добавил: из патриотизма не заплачу?..

— Это что? А слышали, что в Рыбинске дети идут на войну?

— Как так? Помнится, и в истории был какой-то поход детей, в давние времена; да разве дети не чувствуют; как же это случилось?

— Мальчик-гимназист ушел себе на войну с Японией; ушел без ведома родителей, ну и, конечно, без отпускного билета, только на 80-й версте настигли его посланные и вернули в класс прямо, вероятно, на географический урок.

— И что же?

— Прошло благополучно: юного воина гимназическое начальство привлекло к труду — описать свое путешествие.

Был несколько сходный случай и у нас в Елисаветграде, только не батального, а другого сорта: фантастически настроенный, шел он, видите ли, в дикие страны Майн Рида¹⁷⁰.

— Тоже вернули?

— Вернули.

— И привлекли к труду?

— Нет, избавили от труда посещать классы. Кажется, в духовном училище об этом хорошо знают.

— Что ж! Война ведь — целая народная эпопея; тут все возможно: и сцены, и анекдоты, и курьезы.

— А как у нас внутри, поближе?

— Хотелось бы сказать: «Все обстоит благополучно», да, во-первых, этакое донесение теперь отменено, а во-вторых, есть кое-что и не того...

— Не запугивайте, пожалуйста; вероятно, что-нибудь случайное. Уж не голод ли, убийства, покушения, грабежи, катастрофы?

— Да, помимо первого, о котором, слава Богу, по зиме не слышно, все есть: в Корфе, Ахалцихе, Черниговке покушения на должностных лиц; в местечке Ровном дети убили отца; в деревне Васильковке мать зарыла в яму новорожденного ребенка.

— Довольно, довольно... Ведь это на деле «Власть тьмы»¹⁷¹, тут тоже косточки хрустели. Не надо, не надо; чего-нибудь отрадной, господа!

— В Таврической губернии эпидемия церковных краж. В Саровской обители¹⁷² тоже; здесь монахи показали себя совсем достойными охранительницами церковного имущества и даже удостоились награды от преосвященного.

— Об этом, пожалуйста, расскажите; тут что-то похоже на подвиг.

— С точки зрения грабежа дело было просто: воры забрались в церковь, но были застигнуты на месте преступления монахинями, которые прямо-таки вступили в борьбу с ними

и отняли похищенное. Об этом обстоятельстве было сообщено архиерею, который положил следующую резолюцию, правдивую и поощрительную: «Ничего подобного не бывает в приходских церквях; там, когда нападает на них вор, сторожа обыкновенно спят или греются, а воры беспрепятственно уносят похищенное и исчезают. Здесь же, в женском монастыре, слабые послушницы бодрствуют, смело входят в церковь, заметив в ней воров, схватывают их, борются, получают раны и отнимают похищенное». За этот самоотверженный подвиг послушниц Дивеевского монастыря¹⁷³ преосвященный, призывая на них благословение Божье, определил им награду с особенными грамотами.

Итак, сторожа или спят, или греются, когда надобно бодрствовать. До сих пор они в лице стрелочников спали и грелись в железнодорожных будках и спускали длинные поезда с насыпей. Так, по крайней мере, мы привыкли слышать при каждой вести о крушении.

— Да-с, было недавно и крушение — неподалеку от Варшавы; два паровоза почтового поезда свалились вниз.

— Виноват, конечно, стрелочник?

— Неизвестно!

— Ну, что ж, господа, все это или нравственная тема, или, как в последнем случае, неожиданность. Не угощать же читателя этими новинками. Не переполняйте чаши через край: ведь на все же принимаются меры и взволнованное чувство успокаивается на суде.

— В Полтавской губернии обильно взошел новый посев на тучной ниве.

— Вот это так. Говорите, пожалуйста. Новый посев на тучной ниве. Что же, под снегом, что ли, в Крещение да сретенские морозы? Вторая Индия! Только, будьте добры, без иносказаний; условие было — поэзию в сторону. Нам нужны факты, факты, господа! Читатель строг: какие могут быть всходы в зимнее время! У нас есть «Всходы»¹⁷⁴, то литературные всходы, так называется журнал для несовершеннолетних. Какова их житница, не знаем, а про элеватор для них не слышать.

— А писание вы не считаете посевом, а письма родителей нравственного порядка, идущие без подписи в канцелярии высокопоставленных лиц, по-вашему, не усеяны добрыми семенами? Вот этот-то посев и взошел в Полтавской губернии. Только жнецов для него не оказалось, и сам губернатор указал сеятелям, что для правды их есть иной способ сева, хотя бы он исходил и не от японского рыцаря.

Какой же это новый посев? Это посев старый, его знают и у нас, и даже не высокопоставленные лица.

В это время в комнату вошел рассыльный и принес тюк писем, из которых половина оказалась без подписи, клубничного, матримониального и всякого другого содержания.

Между прочим, господа, что по учебной или ученой части?

— Благодать!

— Мальчишек не дерут?

— Запрещено.

— В карцер не сажают?

— Отменено.

— Не бранят?

— Бывает, хотя изъято из педагогической компетенции. Слышно было что-то по части новых языков, в особенности насчет дружественного языка. Это, говорит наставник дружественного языка, такой язык, за который надобно приниматься с чистыми руками, в особенности обучающимся в реальных училищах.

— Да это где же, у нас, что ли?

— Что значит у нас? А вы послушайте лучше о девочке из Керчи, которая сама, только что окончив народную школу, собирает на городской окраине детишек, невзирая на то, что там грязно, и обучает их грамоте.

— Французской?

— Ну, вы настоящий насмешник, не хуже дружественного наставника. Слушайте дальше: дети очень усердно занимаются и, судя по их ответам, преуспевают в грамоте. Ребенок-учительница успела внедрить в сознание своих учеников, что обучение грамоте не повинность, а необходимость.

— А взрослые как?

— Тоже работают, но, признаться, на этот раз больше на самих себя.

— И то дело.

— В Белгороде, например, кружком преподавателей городских и приходских учителей открыт книжный склад и писчебумажный магазин. Предприятие встретило полное сочувствие со стороны общества, а со стороны специальных фирм полную готовность поддержать начатое дело. При магазине будет читальня, впоследствии же думают начать издание педагогического журнала.

— Превосходно, — нашего полку прибыло. Где же тут для себя, здесь дело общественное. Солнышко бросает новый луч.

Слава Богу, горизонт наш очищается, а то поначалу каких только провинциальных туч не было.

— У нас в Сумах тоже образуется «кружок педагогов».

Это хорошо против переутомления. Ведь до чего доходит оно, это умственный напряжение. Вот что, например, случилось с феодосийской учительницей, рапортовавшей земской управе¹⁷⁵ о наличном составе служащих в школе. Документ этот буква в букву гласит следующее: «В такой-то школе законоучитель состоит на службе с 1995 года, учительница 56 лет получает жалованье шестьсот рублей, родилась в 1976 году, на службе с 1988 года, женат на дочери дьякона, имеет четверо детей. Учитель 38 лет — девица; состоит на службе с 1976 года». Очевидно, этот отчет заботливо приготовлен к концу нашего столетия, только в печать попал раньше времени, когда, очевидно, учительницы будут женаты, а учителя будут на положении девиц. Зарапортовалась феодосийская учительница.

— Уж не преподает ли она арифметику, как иные прочие?

Позвольте, да поверит ли нам читатель, нужны свидетели.

— А документ на что, ведь в печати уже это есть, и не опротестован. А свидетелям тоже нельзя верить, об этом мы отлично знаем из слов самого товарища прокурора, который на суде по делу Мельчанского заметил, что «свидетели лгут».

Спросите об этом присяжного поверенного Е. С. Краева¹⁷⁶ в Елисаветграде, даже записавшего эти слова для памяти куда следует.

— Чудеса, да и только: пошло навыворот, мехом наружу, как модные дамские кофточки вроде одежды лопарей или самоедов¹⁷⁷: учительницы женаты, учителя в завидном положении девиц, свидетели лгут.

— Так оно когда-нибудь и будет, а теперь насчет брака учительниц — музыка не та.

Какая музыка?

— Видите ли, одна большая дума, то есть городская дума, издала эдикт о том, чтобы учительницы, пока они состоят в этой должности, помышления о браке оставили в стороне и этим делом совсем не занимались. Богиня, покровительница семейного очага, не их богиня.

А насчет Амура, предшественника семейной богини?

— Ничего не сказано. Однако общество вспомоществования высшим женским курсам решило просить эту большую думу о разрешении городским учительницам выходить замуж.

— Что же дума?

— Не знаем.

— Так, значит, господа, в провинции ничего себе. Так и доложим читателю. Еще один вопрос: как по части науки и искусства? Вот у нас собираются передвижников за пояс заткнуть; свои хотят художества выставлять: будут тройки каурых лошадей, фотографические снимки железнодорожного моста, цветы, похоже на бабочки, и бабочки, похоже на цветы. Будет акварель, и краска, и мозаика, будут свои Никоэли вместо Рафаэлей, Дициано вместо Тициана и проч. Число их пять пальцев. Дай Бог, что и говорить.

— В провинции не так детски радостно, как у вас. Настроение погребальное; одна ученая тризна: умер Михайловский¹⁷⁸, умер этиолог Карапчевский¹⁷⁹.

— Умерли! Старики времен «Отечественных записок», «Знания» — и как случилось: родились в один и тот же год и умерли в одну и ту же зиму.

А кроме того?

— Кроме того, поминки: помянули Пушкина, Грибоедова, Тютчева — это из наших; а из чужих: в Харькове почтили память Гердера, а в Киеве — Эммануэля Канта¹⁸⁰.

— Все-таки не отстаем.

А нет ли, господа, по части хитроумного чего-нибудь?

— Есть.

Пожалуйте.

— Фокусы земского начальника с магическим карандашом.

Из Персии, что ли?

— Нет, из Расеи; из самого Новгорода. О нем рассказывают так: «На уездных собраниях земские начальники упростили способ воздействия на гласных из крестьян до оригинальной примитивности. Гласный начальник ставит на стол карандаш — гласные-крестьяне магическим образом встают; карандаш кладется на стол или небрежно отбрасывается — гласные-крестьяне сидят неподвижно на своих местах».

Скажите, как это просто, а ведь другие подумают, что тут сила внушения, некоторого рода спиритизм.

Так оно все в жизни, уважаемые читатели! Не духом живем мы, а карандашом самоутробного деятеля на собственное счастье. А старик Толстой говорит, будто «в жизни есть только одно несомненное счастье — жить для другого».

— Верно ли это?

Соберемся через недельку и потолкуем.

Zet

Среди корреспондентов III

Провинциальный фельетон

Семена газетные и семена аграрные • Телеграфическая горячка и гумские хлопоты • Лепта народная • Менониты в Гольштагте, татары в Чистополе и русские в Саксагани • Дети войны • Табачный запрет • 19-е февраля • Врач-доброволец • Любительское затишье • Маленькое пожелание

— Снова, господа, наша пятница, наша провинциальная газетная пятница; снова мы вместе с нашими повестями, как живою летописью из «медвежьих уголков»!

— Жаль, что у нас не семь пятниц на неделе!

— Это в каком же смысле?

— А в том, что одной пятницы для наших разговоров не хватает; как ни спешим мы, а все до самых петухов заговоримся; там смотришь, суббота: день не наш, и мы поневоле смолкаем. Ведь провинция чревата, чего только в ней нет — и наши сообщения, наши письма к читателю — настоящие зерна из отеческой земли. «Сейте разумное, вечное», по одному маленькому зернышку, и «выйдет в поле травка, вырастет и колос».

— Говорят, что корреспонденции мало читают, что до них читатель не добирается, потому что они спрятаны где-то далеко, на последней газетной странице.

— Не верьте: читают и читают очень внимательно. Ведь в них, если хотите, вся внутренняя наша жизнь: наши нужды, суждения, запросы, ваша неприкрашенная правда — правда, так сказать, *à nature!*¹ Чем же пользуется газетный или журнальный публицист и обозреватель жизни, как не теми же зернышками, которые мы собираем в последнюю страницу газеты, при единственном, конечно, условии, чтобы все это, как принято теперь оговаривать, было из «верных рук, надежных источников, хорошо осведомленных кругов».

— Это, вероятно, потому, что развелось много газетных уток.

— Может быть. Не всем корреспонденции нравятся, не все их любят. Что же делать? О вкусах не спорят, но и «на зеркало нечего пенять, коли рожа крива».

¹ Натурально, естественно (*фр.*).

Зато трудна и ответственна работа корреспондента, этого маленького газетного участника; не все из них пишут много, больше понемножку, изредка. А соберите все, что ими написано, — выйдет интереснейшая книга. Так писал и Г. А. Верниковский. Почтим, господа, память нашего собрата: он умер! Умер в Ялте, куда спасаются от известного недуга, как на островок океана во время крушения. Многие из нас знали его: прямой, доброй души он был человек, а самым лучшим украшением его была его скромность. Он знал порывы мыслящего ума и шел навстречу им, питая себя самообразованием. Газетный лист, новая книжка были спутниками его недолгой жизни; благотворительное или просветительное учреждение были местом его деятельности в свободное от занятий время. Его знала южнорусская печать, потому что он ей служил и бросил на ниву ее свои зерна.

— А не слышать ли чего о зернах пшеничных, ведь время подумать и о них: настал сезон предвесенний, обыкновенно у нас короткий, но во многих отношениях интересный.

— Кое-что есть, да, признаться, неутешительное. У нас, в Херсонском уезде, снег совершенно сошел с полей. Земля оттаяла. Озими и толоки зазеленели, а между тем ночные морозы довольно велики еще для того, чтобы непоправимо повредить озимые посевы. Хозяева здешние сильно побаиваются за свои хлеба. Если такая погода будет продолжаться, то надежды на урожай озимых хлебов весьма сомнительны.

— Не пришлось бы нашим хозяевам свои пшеничные поля обратить в плантации лопухов, а вырубая «вишневые» сады, засеять их этим до сего времени никуда негодным растением, которое взял под свое покровительство г-н Иванов?

Это что же такое? Не ирония ли тут?

Какая же ирония! Рапс¹⁸¹ и всякая другая масличная штука теперь насмарку; пойдет лопух, лопуховое или лопушиное, как хотите, масло, открытое нашим русским хозяином.

Ай да мы!

Итак, лопух теперь в чести; на рынке появится новый товар, в коммерческих бюллетенях — новая строчка, а в помещичьих экономиях — новый предмет для торговых сделок и запродаж будущих урожаев.

Значит, по части агрикультуры есть кое-что новенькое. Хорошо! Так как все это на потребу человека, который, кажется, скоро съест все на земном шаре и доберется наконец до самого себя. Сделается настоящим самоедом.

— А разве еще не добрался?

— Япония съела Корею, Англия хочет проглотить Тибет, турки хотели бы съесть все Балканы.

А что, в самом деле, в провинции по части политики?

— Оживление необыкновенное: газет и телеграмм не хватает, невзирая на «просветительное» участие в этом деле городских дум, которые хотят, чтобы телеграмма была быстрее самой себя, быстрее электричества, быстрее мысли городских дум и соображения городских голов. Между газетами и думами происходят даже некоторые «недоразумения». Так было у нас в Кишиневе.

— У нас тоже в Козлове.

— Да и у нас в Елисаветграде.

— В Козлове, например, дума, поссорившись с газетой, стала выписывать телеграммы, для экономии малой скоростью из губернского города. Осчастливленные даровым чтением козловцы постигают подвиги храброго японца с толком, чувством и надеждающей расстановкой. Спешит медленно, говорила в старину, а дума козловская верна этому тезису.

— У нас гласные задумали устроить свою читальню для телеграмм, даже с собственным редактированием их. Устроить своего рода телеграфное агентство; уж не собираются ли они конкурировать с Рейтером¹⁸²!

— А все же это признаки дела, в своем роде знамение охватившего всех интереса.

— Как жадно читают и слушают известия с театра войны, видно на вокзалах железных дорог, где, например, по распоряжению г-на Немешаева¹⁸³, начальника юго-западной железной дороги, телеграммы вывешиваются на станциях тотчас же по их получении. Надо видеть, какая масса народа стекается сюда из близких и дальних селений, чтобы послушать, что делается на войне.

— Характерно в этом случае отношение народа к самим известиям из Дальнего Востока. Послушайте, что наблюдается по этому обстоятельству в Гальштадте Таврической губернии, где население состоит из меннонитов¹⁸⁴. Тут простой народ настолько уверен в силе и мощи России, что к неблагоприятным известиям, приходящим с Дальнего Востока, относятся с недоверием, говоря, что это клеветают англичане, чтобы запугать русский народ. Напротив, известия о русских победах распространяются среди простого народа с радостным чувством, и в них не сомневаются даже тогда, когда они

кажутся неправдоподобными. Например, на днях здесь циркулировал слух о том, что русские разбили 37 тысяч японцев и 11 тысяч взяли в плен.

За словом попутно идет и дело. Дело народной лепты! Это настоящая золотая волна, хлынувшая огромным водопадом, где миллионы мешаются с копейками; где изящные портмоне раскрываются рядом с мужицким гаманом¹, вытянутым из-за пазухи; где купеческий капитал идет вместе с процентом жалованья чиновника, где заработок от труда и добровольный отказ от удовольствия дополняют друг друга. Да разве все пересчитаешь и назовешь точным именем.

— В Саксагани народные учителя жертвуют пять процентов из своего жалованья ежемесячно на все время войны.

— В Чистополе мордовско-татарское общество постановило отдать в пользу больных и раненых воинов весь свой запасный капитал, сколько его было, а было всего восемьсот рублей.

— Весь целиком, все, что имели! Все!

— Служащие на заводе ст. Сартана отдали на военные нужды все деньги, которые они собирали на содержание при заводе церковного причта¹⁸⁵.

— Общество бедного села Береки Змиевского уезда ассигновало из мирских средств двести рублей. Да мало ли их, этих русских деревень и селений!

Саксаган, Чистополь, Сартана, Берека...

— Да где они, скажите, эти золотые точки русской земли; в каких учебных книжках они пропечатаны?

— Пишите о них, господа, пишите. Великое дело творит теперь Россия, и велика ее нужда.

Да что деньги — жизнь отдают. Кому собрать, кому взвесить все то, что идет от русского сердца.

— Да зачем считать! Нет такого числа, которое вместило бы в себе эти чудные, живые лепты русского народа!

В том же селе Саксагань народный учитель Рыков после молебствия в церкви собрал своих односельчан и рассказал им о том, что происходит на дальней русской окраине. Выслушал народ слово своего учителя, понял его, затих, точно погрузился куда-то глубоко в тайник своего сердца, а затем снял шапку да грянул мощною грудью песню за здоровье своего Царя. Что другое, лучшее мог сделать он в эту минуту охватившего его

¹ Кошельком (юго-зап. диалект).

чувства. А потом уже развязал свой ременный кошель да высыпал на помощь солдатику медные грошки в общую казну.

Вот она, лепта народная! А дети-то, дети! Просто удивительно!

«Утром, часов около 10, в киевскую полицию явился девятилетний мальчик и заявил о своем желании видеть г-на полицмейстера "по личному делу". Желание его было сейчас же удовлетворено, и мальчуган предстал пред полковником В. И. Цихоцким. Обстановка нисколько не смутила ребенка, и он бойко отчеканил: хочу идти на войну. На дальнейшие вопросы мальчик ответил, что родители его живут на Маринско-Благовещенской улице и что ему непременно надо идти воевать. Оного воина снабдили пятаком на покупку провианта и боевых припасов в киевских магазинах и в провожатые дали городского. Последний препроводил мальчика к родным».

— Да-с!

Дети радуют, порадовали и деток.

— Чем же, уж не праздник ли хотят им устроить?

Вроде того.

— Наверное — приготовление к древонасаждению. Хорошо бы в наш высыхающий городской сад под команду члена управы И. А. Михайлова.

Нет-с, праздник посерьезней, праздник, как выразился мой знакомый, физиологический.

— Скажите, какие бывают неучебные дни! Что же, делают физиологические праздники?

А вот всем уже известно, что воспрещено выпускать детей на сцену для различных танцев, плясок и прочих кривляний до циркового сальто-мортале включительно. Это ли не праздник для всего человеческого детства, это ли не отдохновение детской природы от преступного и дикого насилия. А теперь министерство финансов распорядилось, так было в Харькове, чтобы малолетних обоих полов до двенадцати — пятнадцати лет не привлекали к участию в работах на табачных фабриках.

— Так это, по-вашему, праздник? А спросили вы этих самых подростков, ныне лишенных табачного права, праздник ли это для них. Побеседуйте-ка с вашими школьниками по части табаку: беда, да и только; удержу нет. И каких только папирос теперь не выделявают: и «Прогресс», и «Гигиенические», и «Лилипуты», и «Феликс Фор», есть, кажется, и «Гимназические». Бывает: видишь на улице мальчугана; сам он ростом

с тротуарную тумбу, а в зубах у него папироса длиною в оглоблю. Кто его знает, может быть, идет от Рофе или из другой какой фабрики анонимного общества с пайком за свой рабочий труд.

И гонят этих малых и больших трубокуров отовсюду: из вагонов для некурящих, из вагонов трамвая, от общих буфетных столов, — а все их много.

Нет-с, с точки зрения оздоровления для детской природы это настоящий праздник.

— Говорим, говорим, господа, а ни слова о том, какой праздник провели мы вчера, 19 февраля, праздник признания прав и достоинства человеческой личности, великий праздник Александра II¹⁸⁶.

Говорят, что американцы, во всем, как известно, своеобразные, задались в свое время: кто может быть назван величайшим человеком девятнадцатого века, и решили, что такой человек — русский государь Александр II. В этот день, 19 февраля, родился русский человек вторым своим рождением, вырванный из оков рабовладельчества и выведенный на «свободный труд», в новую эру его общественной и личной жизни. За границей есть свои исторические и национальные праздники, есть такой праздник теперь и у нас.

Все это хорошо, на этот раз, кажется, у нас все идет гладко; а нет ли чего-нибудь из обратной стороны медали?

— Да говорить ли?

Отчего же.

— Идет слух и будто из Одессы, что где-то врач, которому выпал жребий идти на место военных действий, искал себе заместителя: сам немножко перетрусил.

А вы думаете, такой один — без воинского и гражданского мужества? Не всем же быть такими, каким показал себя херсонский популярный врач Ф. М. Аршавский¹⁸⁷, который пожелал идти на войну в качестве врача-добровольца. И всякий понял подвиг этого друга человечества и спешил на месте выразить ему свое сочувствие, любовь и благодарность за тех, кого врачевать отправлялся он на поле битвы. Говорят, карета, увозившая Ф. А. Аршавского из его квартиры, долго не могла двинуться с места, окруженная толпой, словно тесным кольцом. Наконец лошади тронулись, и тысячная толпа с оркестром учеников городского училища двинулась, сопровождая любимого в городе врача до места расставания. И г-н Аршавский пошел не заместителем, а собственной волею.

Так поступили и киевские студенты в числе ста человек, обратившиеся с ходатайством к высшему начальству о дозволении им образовать из себя отряд волонтеров, предназначая себя по преимуществу на самые опасные предприятия.

— А по части удовольствий — как в провинции?

Тихо.

— А любители?

Умолкли.

Вот умницы! Слава Богу, отдохнут, ведь тоже умаялись.

Кто? Любители?

Нет, конечно, слушатели и зрители.

А у нас затевается концерт на мандолинах, гитарах и бала-лайках.

— Отсоветуйте. Да и выбрали же инструменты! Пусть уж ими развивают свой музыкальный вкус учащиеся; все же для помпы пригодится; можно на музыкальном утре и публику поразить, и наставникам доставить истинное наслаждение.

— Да ведь без любителей никак невозможно; что делать, например, «Знаменке», где и ноты есть и инструменты есть, осталось лишь присесть, а вы говорите: не садитесь. Хорошо, что вы имели у себя в Елисаветграде труппу г-на Витарского¹⁸⁸, антрепренера по вдохновению, а нам что делать в Новом Буге или Кривом Роге? По-русски: на безрыбье и рак рыба, а по-корейски, стало быть, по-модному: «где тигра нет, там и лиса персона».

— А на счет детских спектаклей как вы?

С точки зрения искусства и литературы, кажется, им тоже не следовало бы быть.

— У нас в Бахмуте ученики и ученицы местных гимназий поставили в Народном Доме собственными силами два спектакля и концерт.

— Это их дело и дело их начальства. Моцарт тоже, будучи ребенком, приводил в восторг слушателей.

А вот хорошо было бы, по нашему мнению, собрать детей вместе да рассказать им попросту о том, что интересует теперь всех. Показать им с помощью фонаря¹⁸⁹ и Японию, и Корею, и наши берега; разъяснить, куда и на что они жертвуют свои сбережения, да познакомить их с трудностями всего дела; может быть, это годилось бы и для урока географии да, пожалуй, разъяснило бы им несбыточность их стремлений в неведомую землю, о чем, к горю родителей, встречается все больше и больше сообщений. А то что выходит? То, что вышло в Киеве: начитавшись телеграмм и газет, повествующих о по-

следних событиях на Дальнем Востоке, три воспитанника одной из киевских гимназий, ученики второго класса, решили отправиться в Порт-Артур. Заранее предвидя отказ со стороны родителей и гимназического начальства, юные патриоты пустились в дальний путь тайком.

Сказано — сделано; собрав рубля три «подъемных» и вооружившись несколькими географическими картами Японии и Дальнего Востока, молодые энтузиасты (оружия у них не было) отправились в путь рано утром 29 января по Кадетскому шоссе. Конечно, беглецов нашли, вернули.

Проголодавшиеся и измученные двухдневным переходом, добровольцы были доставлены в лоно семьи.

Телеграмм и газет вы у них не отнимете и от них не скрое-те, они их читать будут, а кто же разъяснит им нелепость их мечтаний?

Кстати: что же собой представляет, вообще говоря, урок географии, на котором то и дело речь о широте и долготе, о квадратных милях, когда у ребенка нет еще достаточно точных представлений о расстоянии и пространстве. Вероятно, широта их умственная не вмещает в себе широты географической. Интересно знать, как думают об этом наставники с пятачками и единицами в страшном журнале?

А в общем, в провинции, помимо экстренной и кипучей работы времени, тихо. Тихо и в природе, но страшна тишина и нет ничего страшнее тишины, ибо тихо там, где нет жизни. Камень не шевелится — у него нет нервов, но у него есть мох, которым он обрастает.

Говорите, господа, говорите.

Zet

Елисаветградские новости. 20.02.1904

Просвещенные рабы

РАССКАЗ

Сотрудники большой провинциальной газеты «Калейдоскоп» в один прекрасный день почувствовали, что в них назрела потребность хоть на час стряхнуть с себя цепи бесконечно однообразной редакционной сутолоки, потребность «хватить свежего воздуха» или, говоря попросту, отвести душу.

Эта потребность, правда, часто ощущалась ими, этими рыцарями пера и чернил, в течение длинного ряда лет непрерывно изо дня в день прикованными к своему скромному оружию, как бессрочный каторжник к своей тачке. Но назревала она периодически, не более двух-трех раз в течение года, и тогда неукоснительно газетная семья приступала к «фактическому осуществлению» этой потребности.

Само осуществление производилось в действительности очень скромно. В секретарской вывешивалось краткое, но многозначительное воззвание к colleg'am, набросанное на листе бумаги и приглашавшее тех из них, которые чувствуют потребность в «товарищеском единении», приложить свою руку. В тот же день лист покрывался подписями, избирался распорядитель, которому и поручали произвести «фактическое осуществление».

Так велось исстари в редакции «Калейдоскопа», так свершилось и в этот раз.

В распорядители был единогласно избран «король репортажа» Горлов, необходимейший человек в газете, всегда жизнерадостный, необычайно подвижный и в любую минуту знающий всю подноготную, самые последние события общественной жизни своего губернского города.

На другой же день Горлов объявлял каждому из подписавшихся, что в ближайшее воскресенье, в семь часов вечера, в лучшем городском ресторане состоится товарищеский обед.

Наступило и воскресенье.

В исходе седьмого часа в ярко освещенном подъезде лучшего первоклассного ресторана начали появляться, группами в два-три человека, участники «товарищеского единения».

Фешенебельная ресторанный прислуга, начиная от величественного швейцара в таких великолепных и выхоленных баках, что он скорее походил на какого-либо важного сановника, и кончая не менее величественными официантами в безукоризненных манишках и фраках, с болтающимися на жилетах массивными золотыми цепями, встречали большинство из рыцарей недоумевающе вопросительными и вместе с тем строгими взглядами, которые как бы говорили:

— Эй, почтенный, ты не туда попал.

И действительно, большинство рыцарей печатного слова внешним видом вовсе не подходили к тому типу постоянных посетителей шикарного ресторана, какой привыкли видеть эти выхоленные лакеи с лицами важных сановников.

Но в подлунном мире ведь так уж устроено, что часто рядная и привлекательная оболочка прикрывает полное убожество мысли, и наоборот. И недаром ведь вековая мудрость целого Богом хранимого народа родила пословицу: «По платью встречают — по уму провожают»...

И надо полагать, что если бы...

Впрочем, не будем уклоняться в сторону. Скажем только, что все члены собравшейся в ресторане редакционной семьи были одеты, в сущности, весьма прилично, но вместе с тем и очень скромно, между тем «скромная» внешность скверно котируется на бирже безделья и тунеядства.

В одном из небольших отдельных залов ресторана был сервирован для редакции «Калейдоскопа», по заказу Горлова, обеденный стол на двадцать кувертов¹⁹⁰, уставленный винами и фруктами. В стороне, на отдельном небольшом столе, была приготовлена водка и разнообразнейшая обильнейшая закуска.

В эту залу и направлял прибывающих швейцар, снисходительно принимая от скромного «газетчика» ветром подбитое пальто и вешая это пальто в стороне от бровых воротников и дорогих шуб постоянных посетителей.

К назначенному времени сюда собрались почти все участники обеда. Недоставало только одного из них, и именно того, кто должен был быть «гвоздем» этого обеда и возбуждать общий интерес.

Недоставало приехавшего недавно по приглашению издателя из Петербурга, известного фельетониста-литератора, которому издатель «Калейдоскопа» платил чуть ли не губернаторское жалованье.

— Да где же, господа, Петухов (фамилия столичного фельетониста)? — спрашивали собравшиеся, ища глазами Горлова.

Но Горлов уже стоял у телефона и вызывал Петухова.

Минуту спустя, вернувшись в залу, он разочарованно объявил:

— Господа, мы можем обедать. Петухова не будет. Извиняется и говорит, что не совсем здоров.

Все разочарованно поглядели друг на друга.

— Да скажите же мне наконец, где показывают этого самого Петухова? — спросил в раздражении беллетрист, пользующийся славой местного «Максима Горького».

— Вот вам и «товарищеское единение», — иронически протянул злободневный фельетонист, который с появлением в газете Петухова должен был уступить ему первенство.

Каждый так или иначе высказывал свой взгляд на отсутствие «известности», которой многие из них даже не видели в лицо, несмотря на то, что уже второй месяц эта «известность» проживала в их губернском городе и состояла в редакции газеты на ампула ежедневного фельетониста.

Однако надо было примириться с фактом, да и писательские желудки начинали выражать энергичный протест.

— Что ж, начинать? — сказал «иностранный отдел», указывая на закусочный стол.

— «Начнем, пожалуй...» — ответил ему музыкальной фразой из «Евгения Онегина» передовик.

Спустя пять минут все были заняты исключительно умиротворением желудочного протеста и отдавали должное закусочным прелестям, покрывавшим стол.

Затем шумно уселись за стол. Начался обед, полились разговоры, остроты.

Разносившие блюда величественные лакеи с удивлением внимали этим разговорам, так не похожим на все те речи, которые им изо дня в день приходилось слышать между завсегдатаями ресторана...

— Ишь, волк-те заешь, как складно говорит, будто пишет! — шептали иногда они друг другу, стараясь уловить, о чем собственно идет разговор.

А рыцари пера между тем вели горячие дебаты по вопросу, близко их интересующему и составляющему большое место в жизни всех работников ежедневной прессы.

Месяца два тому назад стало известно, что в районе их края возникает новая газета, иначе говоря — в этом районе открывался новый рынок для сбыта произведений пишущей братии. Поднимался вопрос о том, имеют ли право сотрудники «Калейдоскопа» принимать участие в новонарождающейся газете?

— Кто, господа, из наших там будет писать? — обратился с вопросом принимавший участие в товарищеском обеде заведующий редакцией «Калейдоскопа», пользующийся общим уважением всей редакционной семьи за свою безусловную корректность и стойкость взглядов, благодаря которым ему прощали и нервность, а порою и резкость в обращении.

— Я...

— И я...

— И я...

Раздалось несколько голосов.

— А Петухова забыли, — добавил театральный рецензент. — Я знаю, что он тоже участвует... Да, кроме того, участвует Изгорский из «Окраинного наблюдателя»... Ну, а уж если Изгорский согласился, значит...

— Позвольте, господа... Выходит так, будто вы все потому только и решились сотрудничать в новой газете, что и Изгорский дал свое согласие, — горячо возразил заведующий редакцией. — Между тем возникает принципиальный вопрос, задевающий интересы издателя «Калейдоскопа»... Вправе ли вообще мы, состоящие сотрудниками «Калейдоскопа» и получающие от нашего издателя постоянное, определенное, обусловленное взаимным договором вознаграждение за свой труд, уделять часть этого труда органу печати, являющемуся с издательской точки зрения несомненным конкурентом для «Калейдоскопа»?..

— Вздор!.. Никакой конкуренции тут нет места, — возразили несколько голосов.

— Извините, — продолжал заведующий редакцией. — Извините, есть конкуренция. И я вам сейчас скажу, почему... До настоящего времени город, в котором будет теперь издаваться местная газета, пользовался нашей.

Мы имеет там до четырехсот подписчиков, да розничная продажа составляет не меньше. Читатели привыкли к фельетонам и статьям, подписанным уже известными им именами. Вдруг появляется местная газета, обыватель разворачивает ее и... встречает в ней чуть ли не весь состав редакции «Калейдоскопа». Что же, по-вашему, он, видя это, будет продолжать выписывать нашу газету? Смею вас уверить, что нет. Зачем она ему, если местная газета дает ему фельетоны того же Петухова, статьи того же Изгорского и проч.? И вот наш издатель теряет несколько сот подписчиков. А это, безусловно, отражается на его кармане... Откровенно говоря, будь я на месте издателя, я бы воспретил своим сотрудникам участвовать в газете, выходящей в том же районе. А ведь город N составляет именно пункт, входящий в район распространения «Калейдоскопа».

— Но позвольте, — горячо протестовал второй фельетонист. — Я вовсе не уделяю другой газете частицу того труда, который отдаю «Калейдоскопу». Я выполняю свои, обусловленные издателем, обязательства аккуратно, и за это он мне платит известное вознаграждение... Прекрасно... Но если моя трудоспособность такова, что ее хватит на несколько газет?.. Вот вам пример: всем известно, да и для нашего патрона

не тайна, что Петухов, кроме «Калейдоскопа», работает одновременно в пяти-шести газетах... Таким образом, вместе с тем губернаторским окладом, который выплачивает ему наш патрон, он вырабатывает в год тысяч двенадцать... Значит, по вашему выходит, что наш издатель от такой разбросанности Петухова должен терпеть материальный ущерб для своего кармана? И значит, должен воспретить ему постороннее сотрудничество? Однако он этого не делает и не сделает. А почему? Потому только, что Петухов — сила, известность? Потому, что ему улыбнулось счастье?.. И если вы говорите о «районе» распространения газеты, то в таком случае значит, что «Новое время», например, район распространения которого составляет вся Россия, должно бы было воспретить своим сотрудникам всякое участие в провинциальных изданиях по той простой причине, что они печатаются в «районе» «Нового времени»?.. Нет, я с вами не согласен... Мы — люди мысли и живого слова, а не рабы, не приказчики, закабалившие себя в рабство издателю и заботящиеся лишь о процветании его кармана.

— Конечно, вы согласитесь и с моим примером, — ответил на это заведующий редакцией. — Как вам известно, у нас в городе в настоящее время две драматические труппы. Не все артисты в каждой из этих трупп бывают заняты каждый вечер. Как вы думаете, согласился бы антрепренер, чтобы его артисты в свободные вечера играли в театре другого антрепренера?

— Само собой разумеется, что нет, — проговорил передовик, перебивая заведующего редакцией, — но ведь вы, Иван Максимыч, приводите пример, не подходящий к разбираемому вами вопросу. Во-первых, вы говорите о двух труппах в одном и том же городе, тогда как об участии сотрудников одной газеты в другой газете, выходящей в том же городе, не может быть и речи. Это вытекает из самого понятия о литературной этике, наконец, это установлено давно редакционными традициями. Но совершенно другое дело — мое участие в газете, выходящей в другом городе. По моему мнению, каждый из нас вправе, при желании, расходовать без остатка свою литературную работоспособность, и никакой издатель, будь он самый отъявленный кулак, не может мне запретить это.

Общее одобрение пронеслось после последних слов передовика.

— В том-то и дело, что издатель в таких случаях и разговаривать не станет с вами, а просто выбросит вас за борт, — прокричал беллетрист, — и делу конец!..

Все на миг примолкли, и смущение отразилось на лицах.

В голове каждого мелькнула мысль о горькой действительности, полнейшей материальной необеспеченности и зависимости от издателя, действительно имеющего полную возможность в любой момент оставить каждого из этих тружеников печати буквально без куска хлеба.

Откажет, а тогда и питайся воздухом, пока опять не пристроишься в какой-нибудь редакции. А это ведь нелегко...

— Мне кажется, — прервал наступившее молчание заведующий редакцией, — что действительно каждый из нас может работать в другой газете, — конечно, не в том же городе, но при условии работать в другом органе печати под другим псевдонимом, но ни в каком случае не под тем, каким пользуешься в своей газете. И вот эту-то именно работу, под тем же псевдонимом, издатель всегда вправе запретить своему сотруднику...

— Известно давно, что все хозяева — кулаки! — энергично стукнув кулаком по столу, произнес беллетрист новой школы, недавно еще оставивший университетскую скамью.

— Это сказано слишком резко, — возразил ему заведующий редакцией. — Я, да и вы, наверное, знаете издателей, к которым этот эпитет совершенно неприменим. Возьмите хотя бы нашего патрона...

— Эх!.. Все они на один лад...

Только один более маскирует свои издательские поползновения, другой менее. Деньги — великий и могучий рычаг в жизни. И каждый дорвавшийся до источника, дающего эти деньги, быстро и легко забывает все доброе, чему раньше служил и светоч чего носит в груди своей...

— Что ни говорите, господа, а, в сущности, мы, газетные труженики, — рабы, настоящие рабы своего патрона-издателя по той простой причине, что желудки наши не признают никаких светочей правды, никаких идеалов: быть бы им ежедневно сытыми, больше им ничего не надо. Да-с! А насыщение этих наших желудков в той или другой степени, одного — до отвала, другого — впроголодь, всецело находится в руках нашего издателя.

Долго еще толковали они на ту же тему, слишком близкую каждому из них.

Наконец около полуночи стали расходиться по домам.

А на утро опять обычная редакционная жизнь в «Калейдоскопе» вошла в свою колею. И снова забегали перья по длинным полоскам бумаги, снова злободневный фельетонист грыз

перо, уставившись в одну точку на потолке, как бы вылавливая там тему для своего фельетона.

И у каждого газетного труженика, независимо от его литературного ранга, назойливо копошилась в голове мысль:

«Рабы мы, все рабы! Просвещенные рабы хозяйского произвола...»

Турист

Елисаветградские новости. 24.02.1904

Среди корреспондентов IV

Провинциальный фельетон

Тихо! • Какие бывают театры? • Военные суда от городов • Пятигорская военная лодка, наши «Елисаветград» и «Св. Елисавета» • Нижегородские партизаны • Владивостокские разведчики • Харьковские «увечные семьи» • Новое слово «Катенка» • Чайные трезвости • Скублинская в Бельцах • Пагшие женщины • Неведение Кишиневской земской управы

«На театре военных действий тихо»... Так извещала мир на прошлой неделе телеграмма из Мукдена — лучшая телеграмма из всех, какие доходили до нас за последние дни. Ни звука человеческих страданий, ни капли человеческой крови! О, если бы эта телеграмма была не временной, а последней вестью о том, что на театре военных действий тихо, коль скоро этому театру суждено существовать и развиваться в самом горячем пожаре, какой только может быть на свете. «На поле бранном тишина»¹⁹¹! Сколько отрады и облегчения в этих звуках поэтической строчки, свидетельствующих о беззвучии! Кажется, это единственная тишина, которая желательна на «театре», где обыкновенно требуется действие и движение. Ни один антрепренер, надо думать, не любит и не пожелает, чтобы в его театре была тишина, потому что она граничит с пустотой в зрительном зале и проникает назойливо в его карман, как это случилось, например, в минувшем сезоне у нас, в Елисаветграде.

— Или, наоборот, у нас в Кишиневе, где труппа г-на Петросяна¹⁹², подвизавшаяся всю зиму в театре Пушкинской аудитории¹⁹³, свела свои счета с небывалым раньше барышом свыше десяти тысяч рублей.

— Что же, господа, думает и делает наша провинция, как вращается колесо ее жизни, как бьется, говоря высоким языком, ее пульс?

— Настроение и думы провинции теперь определить и легко, и трудно. Легко, потому что перед нами красноречивые факты; связать их, обобщить нетрудно. В наилучших словах она сказала уже то, что думает: она благословила с молитвой дело России и заклеила позором своего врага как нарушителя мира и порядка. Она идет вперед, заглядывает в будущее и творчески работает при всяком новом полезном начинании. Блеснула мысль о народном флоте, и из рога изобилия посыпались жертвования на военные корабли; слышались требования на санитарные отряды, и целые поезда их двинулись стрелою на место назначения; сказалось слово об одежде и белье для раненых, и миллионы рук взялись за иглу как в парадных залах магнатов, так и в убогих мастерских рабочих. Этого ли не достаточно, чтобы сказать, о чем думает и что делает в настоящее время провинция.

— Больше того: отдельные города задумывают снаряжать собственные военные суда, партизанские ополчения, разведочные разъезды.

— У нас в Пятигорске образовался кружок для сбора жертвований на сооружение подводной лодки под названием «Пятигорск». Кажется, подобный проект возник и в Елисаветграде?

— И совершенно основательный проект. Миноносец под именем «Елисаветград» и подводная лодка под святым именем «Елисавета» были бы достойными носителями имени нашего города на «желтых» водах азиатского океана. Они бы, к слову сказать, были новыми наименованиями в списке воинских названий, связанных с именем Елисаветграда, бывшего когда-то исключительно военным городом. У нас есть исторический памятник прошлых войн — наша крепость св. Елисаветы¹⁹⁴, стратегический пункт южнорусской окраины XVIII века, именем нашего города называется один из русских полков¹⁹⁵, у нас есть военное кавалерийское училище¹⁹⁶; отчего бы Елисаветграду не иметь и соименных ему судов?

Было бы у нас еще военное наименование, да проморгали мы его.

— Какое же?

Вы иронически улыбаетесь, а сами знаете, что мы говорим о Елисаветградском кадетском корпусе¹⁹⁷, который ныне

процветает в Одессе; и все так хорошо ладилось, и переговоры начались, и перспективы уже рисовались вместо упраздненной не так давно военной прогимназии. Да не сбылось.

— Не вышло?

— Ну да, не вышло. Да это, впрочем, в сторону, а миноносец «Елисаветград» и подводная лодка «Св. Елисавета» были бы полезны на дальних водах; и чем мы хуже Пятигорска?

Так вот они, господа, факты из провинции; вот о чем она думает. Говорить об этом нетрудно, коли все ясно.

— А в Нижнем Новгороде целое партизанское ополчение; отставной генерал Гнедич предлагает в своем городе сформировать отряд добровольцев в тысячу человек для партизанской войны против японцев. Ведь это воскресают герои памятного двенадцатого года; новые Давыдовы, Фигнеры, Сеславины¹⁹⁸. Явятся, быть может, между ними свои певцы, каким был поэт Давыдов, прозванный «генерал-адъютантом Аполлона», живой еще до сих пор в среде военной молодежи благодаря своим песням. Это был убежденный воин-партизан, составивший капитальные труды по этому роду военной службы, из которых особенно известен «Опыт теории партизанских действий».

Помните, как в «Современной песне» он говорит о России, на которую ополчилась тогда вся Европа:

*Но, назло врагам, она
Все живет и дышит,
И могуча, и грозна,
И здоровьем пышет.*

Останется она могучей, грозной и в наши дни.

Во Владивостоке организуется добровольный конный разведочный отряд, в котором каждый доброволец обязан иметь собственную лошадь и полное снаряжение и должен содержать себя за собственный счет.

Тут, как видите, отдается делу сразу и жизнь, и имущество, без реклам, без воззваний.

— Рекламы! Они тоже на «пользу войны». Один местный торговец объявляет, что у него в лавочке, или, виноват, в магазине, отпускается товар на белье раненым со значительной скидкой. Что это: филантропическое ли влечение или гостинодворское зазывание покупателя? Подумал ли аршинник о том, что он публикует не товар, а самого себя.

Но, господа, гораздо труднее поддается определению другая сторона общественного нашего настроения.

— Какая же это другая сторона?

— А та, видите ли, с которой приходится иметь дело, выражаясь словами поэта: «внимая ужасам войны, при каждой новой жертве боя»¹⁹⁹. Это чувство — чувство, томящее каждого из нас. Вы слышите эти слова: ужас войны, жертва боя! В душе нашей живет где-то глубоко-глубоко тайное чувство сознаваемого, но не поддающегося выражению большого волнения, и все мы думаем, что было бы гораздо лучше слушать звуки мирной лиры, чем внимать ужасам войны. Жаль доблестных сынов России, и чем они достойнее, тем более их жаль. Но сами герои не знают этого чувства и не должны его знать. Мы сделаем для них все, что можем сделать. Мы не только ободрим их нашими проводами, какими провожали, например, генерала Куропаткина²⁰⁰ в Великих Луках, в Дновской волости, мы возьмем под свое общественное покровительство их семейства.

Так поступило у нас в Харькове общество ремесленников по отношению к «увечным семьям».

— К увечным семьям?

Да! А как же вы назовете те семьи, у которых не станет работника-кормильца, разве это не увечные семьи? Так их называли сами ремесленники. Слово самое подходящее.

Что же они сделали?

— Они подвели эти семейства под категорию лиц, имеющих право по уставу на пользование пособиями от ремесленного общества. Очень вероятно, что таковых пособий недостаточно, так они потребовали повышения обыкновенных членских взносов на пятьдесят копеек в месяц, что составит в год в одном Харькове свыше семи тысяч рублей.

— А меткое словцо, господа: «увечные семьи»!

— Да, богат русский язык всякими меткими словами.

— От великого до малого и смешного, говорят, один шаг: на днях мы подслушали новое народное меткое слово. Послушайте: идет по грязной улице уездного города женщина, оглядывается по сторонам, точно ищет на домах какого-то знака, в руке держит бутылку от монопольки²⁰¹, а сама такая озабоченная... «Барин, милый, — обратилась она к встречному господину, — скажите на милость: где тут "казенка"?»

— Какая, голубушка, казенка?

— Да кабачок, где водку продают...

И пойдет эта *казенка* наряду с чугункой¹ и монополюшкой в обиход русской народной речи, как вошло в нее уже многое, чем воспользовалась сама история.

— А как, кстати, господа, в провинции по части трезвенности? Что-то давно об этом не слышать.

Что наши попечительства, комитеты, чайные; ведь их забывать тоже нельзя. Как хотите, а по отделу трезвенности существуют у нас четыре специальных журнала; один из них даже наше провинциальное издание.

— Расскажите лучше, что по этой доктрине у вас, в Елисаветграде; почитай, и у вас есть такое отделение, а ведь о нем совсем не слышать; и не атрофировалось ли от бездействия?

— Это, пожалуй, еще хуже, чем у нас в Кривом Роге, где об обществе трезвости и помину нет. На нет, говорится, и суда нет. А хорошо было бы завести чайную или что-либо в этом роде.

— А вы верите в эти чайные? А не подумали ли вы о том, что под вывеской этих чайных скрывается часто что-то другое; да и как они содержатся, побывайте в них. Генерал Драгомиров²⁰², как известно, не видел в них полезного дела в бытность свою начальником Киевского края.

Да и замолчали как-то о них теперь; либо вышли из моды, либо чаек в них оказался невкусным, а по нынешнему времени стал напитком совсем антипатриотическим. Скучает русский человек без «казенки», перед вкушением которой готов и чайку попить, и рассупониться, и попреть, как следует.

— Боремся, боремся, как умеем. Ну, это хоть на виду, а есть притоны, куда глаз человеческий не проникает и куда доводит зоркое око только счастливый случай. Слышали: в Бельцах проявилась новая Скублинская²⁰³.

— Это которая уже по счету?

Да кто их сосчитает. Вот как было дело: «Несколько лет проживала у нас в Бельцах на вид весьма почтенная особа, Ольга Демьяновна Максимова, женщина самостоятельная, имела она два раза выигрышные билеты, деньжонки были в сберегательной кассе. Занималась она безобидным на вид делом — гадала на картах.

— Как у нас в Елисаветграде Шатуниха.

Ну да, как у нас Шатуниха...

— Метнет на картах — и все сейчас как на ладони: кто по ком страдает, откуда интерес или куда дальняя дорога. А то

¹ Железная дорога.

расскажет, в какую сторону уведена украденная корова или унесена курица с цыплятами. Все это она проделывала в совершенстве и никогда, конечно, не оставалась при пиковом интересе. Да только не в этом занятии была сила. Принимала Ольга Демьяновна к себе секретных рожениц и акушерствовала, несомненно, по взаимному согласию, как было нужно. Известна она была во всем округе, и из обнаруженных у нее писем выяснилось, что знали о ней и в других городах, пока наконец местный исправник, проведав об операциях сей почтенной особы, не настиг ее чуть ли не в момент услужливого деяния, причем застал тут же молодую девицу, уже облегченную от собственного бремени. В соседней каморке, в отрубях, был найден трупик ребенка, задушенного Максимовой, а затем и акушерские инструменты, и необходимые при таком деле медикаменты. Тотчас же со стороны роженицы последовало полное сознание, и судебной власти будет уже не так трудно произвести надлежащее расследование. Максимова арестована, а девицу отправили в больницу.

— Вы говорите, что у этой Скублинской найдена переписка из различных городов.

Да, очевидно, известность ее шла очень широко и далеко.

Значит, в ней ощущалась потребность; сама-то она отвечала, так сказать, спросу на ее дорогостоящее искусство. Вот и ищите тут виновного. Ведь это не кража, на которую идет непрошенный артист, не грабеж при нападении на вас ночью. Тут только широкое предложение услуг на обращенную просьбу. Исследователь жизни во всем ее бытовом и психологическом анализе найдет здесь действительно виновного. И Максимова, и застигнутая у нее девица — это только видимые выразители невидимого преступника; тут, если хотите, все: и стыд, и обман, и забвение материнского чувства, и отчаяние и ужас, и все, все страшное для оставленной одной девицы, которой пришлось быть незаконной роженицей незаконнорожденного младенца. Быть может, тут и легкомыслие, и необдуманное увлечение, и несбывшаяся надежда. И судье поставить приговор в этом деле при широком взгляде его на обстоятельства очень трудно.

— Сильна власть тьмы, и многообразны ее проявления.

— Свету, господа, побольше, свету. Страшно человеку в пути под мутным небом, в мутную ночь, а жизнь есть тот же путь: страшно жить во власти тьмы!

Да где же этот свет, укажите его нам чистым вашим перстом. Не говорите, что он с Востока; того света мы не признали и кланяемся ему фарисейски внешним, а не внутренним поклонением.

— А вот, господа, вопрос: как понять во всей его полноте решение св. Синода произвести во всех православных храмах сбор на помощь падшим женщинам и произвести его на четвертой неделе Великого поста?

Вопрос этот важен как по своей новизне, так еще в большей степени потому, что исходит от высшего нашего органа церковного управления. Церковь знает евангельскую грешницу²⁰⁴, она знает Марию Египетскую²⁰⁵, она не отгоняет от себя и наших грешниц; но какую же помощь она предполагает благословить падшим женщинам?

Преклонимся перед этим почином, тайна его велика. В отбросе народной массы, в позоре самого имени святая церковь благоволит видеть человека. Этого довольно; спрячем наши камни и не убьем, а поможем упавшим стать на ноги.

Посмотрим, что сделает по этому поводу провинция.

Беседа наша, как видно по времени, идет к концу, а я, господа, не сообщил вам вести из Кишинева.

Пожалуйста, слушаем. Не шутка сказать — Кишинев, областной город, крупная единица на целый район. Кажется, хлопочет о выделении себя из земского ведения.

Да, но не в этом дело. Видите ли: чрезвычайное земское собрание предполагается созвать в первых числах марта. Предстоит избрание двух мировых судей и обсуждение вопроса о питомнике американских лоз на вате²⁰⁶. Криково. Что, собственно, будут обсуждать — сама управа не знает.

— Вот это интересно! Сама управа не знает, что будут обсуждать на чрезвычайном собрании.

— Очередное земское собрание прошлого года, обсудив представленный управою по этому делу доклад, поручило управе разработать его детальнее. Однако, как я узнал, никакой новой разработки нет.

Отлично! Что ж, после чрезвычайного, вероятно, будет экстренное собрание, и тогда неведение станет ведением, а у собрания всегда же во власти прекрасная формула: «отложить».

Отложим, господа, и мы все, о чем еще не переговорили, только не до чрезвычайного, а до обычного нашего пятничного собрания. Доложим читателю, что имеем; подумает и он с нами над былью нашей провинции; заверим только его в

одном, что сказанное нами взято из надежного источника, из осведомленных кругов. Недоверчив стал теперь читатель к печатному слову, но и в этом есть хорошая черта: сомнение, говорят, первый и верный шаг к истине.

Zet

Елисаветградские новости. 27.02.1904

Среди корреспондентов V

Провинциальный фельетон

Дело провинциального корреспондента • Запросы читателя в Николаеве • Врачебная этика при закрытых дверях в Ростове • Ташкентский керосин и иркутский войлок • Спутники войны • Коммерческие взрывы • Путники с войны и их интервьюеры • Книжка в провинции • Обращение к старому

Наш северный собрат «Биржевые ведомости»²⁰⁷ уже давно почти изо дня в день докладывает своему читателю о том, «что думают и делают в провинции», иначе говоря, делает то, что делаем мы на наших беседах: собирает новости по всему широкому полю русской жизни и в виде цветков или колочек преподносит их вечно алчному и требовательному читателю. Доволен ли читатель провинциальными подношениями или недоволен — судить не беремся, да мы прежде всего не ответственны ни за цвет, ни за запах наших букетов; порт-букет²⁰⁸ — другое дело, это наше изделие. Но ведь сущность не в раме, а в картине. Между провинциальным корреспондентом и читателем лежит неразрывно соединяющее их звено, которое мы называем «словом жизни». Как ученый нумизмат, рассматривая в лупу обе стороны древней полуистертой монеты, старается найти в ней слово былой, давно протекшей жизни, так и мы в нашей беседе, осматривая обе стороны своей медали, имеем в виду прочесть в ней слово нашей текущей жизни. В этой жизни, в страшном ее водовороте заключены все: и мы, и наш читатель, и тот, кто не умеет и не научен читать. Наша роль лишь в том, чтобы помочь читателю наблюдать эту жизнь, следить за нею в массе ее неуловимо разнообразных влекущих и отталкивающих явлений. Мещанин Иван Поляков, дважды женатый вдовец, отвел свою трехлетнюю

дочь Анну из деревни Новопавлówki в Харьков и там бросил ее в Николаевском сквере, а сам скрылся неизвестно куда. Квартирующий в нашем городе Таганрогский полк взял на свое попечение дочь умершего своего офицера и заменил ей родителей. Это ли не два явления жизни по отношению к беспомощному ребенку, записанных на обеих сторонах ее медали! Мы сопоставили эти два явления перед вниманием своего читателя, а что возбудили они в его душе — не наше дело. Этим наша роль и закончилась. Далеко мы не заходим; мы не заглядываем в просвещенный Берлин, где интеллигентный отец убил всех своих сыновей, воспитанников кадетского корпуса, отравился сам и довел до самоубийства свою жену и девятнадцатилетнюю дочь. Словом, одним махом стер с лица земли целую многочисленную семью благодаря своей биржевой игре и преступлению в подлоге. На углу челноке мы плаваем лишь в своем океане, имя которому «провинция», здесь собираем то, что выбрасывает на его поверхность сама действительность: будет ли то жемчужная раковина или отвратительная ящерица.

Итак, что ж думают и делают в провинции?

— Думают о нас, о «слове жизни», что значит и о самих себе.

— Господи! Да где же это? Ведь это знамение чего-то целого, путь к самопознанию. Вот где твои ученики, великий греческий мудрец!

Так думают в Николаеве: здешняя общественная библиотека, идя навстречу запросам своих читателей и стремясь расширить отдел провинциальной печати, обратилась к редакциям многих изданий с просьбой содействовать просветительным задачам библиотеки присылкой по одному экземпляру каждого издания. Слышите ли: запросы читателей, просветительные задачи! Какие слова! Угодно ли вам выслушать названия этих изданий — все это: «Новости», «Известия», «Обозрения», «Отклики», «Слова», «Речи», «Вестники» и т. д., и т. д. — всех ровно тридцать, в том числе и «Елисаветградские новости». Что там «Весь Петербург» или «Вся Москва» — в Николаеве «Вся Россия»!

— Пойдем же навстречу просветительным запросам читателя. Печать имеет свою эволюцию, и для провинциальной, в частности, наступает знаменательный момент ее общественного признания.

К сожалению, еще не везде. Ростовские медики об этом толкуют иначе, по крайней мере в сфере этических вопросов;

у них как есть *medicamenta secreta*¹, так есть и этика секретная, обсуждение которой производится при закрытых дверях со строжайшим воспрещением входа представителей печати, как это было, например, 11 минувшего февраля в «ростовском отделении С.-Петербургского Общества взаимопомощи врачей».

Что же так взволновало ростовских жрецов Эскулапа²⁰⁹ или что такое они совершили, что спрятались в темную комнату, и чем могли помешать им представители печати?

Взволновала их та же презренная копейка, которая волнует все, что соприкасается с рублем, она вызвала борьбу врачей, имеющих практику, с врачами, ее не имеющими, но желающими такую иметь. Возникла в своем роде распря «оптиматов»²¹⁰ с «пролетариями». Правление, видите ли, предложило молодым врачам отказаться от частных объявлений, а они вздумали возражать, что у них-де нет другого средства получить практику, которую монополизировали старые врачи, совмещающие по несколько должностей при общественных и правительственных учреждениях и не допускающих молодых даже практиковать в больницах.

— Ишь какие ростовские врачи: все бы себе. В Елисаветграде таких нет; нет поэтому и никаких рассуждений об этике.

Все это хорошо; дурно только, что наши ростовские на-Дону врачи прячутся от света, как же теперь о них ответить на просветительные запросы николаевцев.

— Однако пусть не забывают *sapientissimi*¹¹ того, что сам бог их Эскулап был поражен Юпитером молнией, орудием света.

— А как же печать все-таки узнала про ростовских врачей?

Она воспользовалась их же средством — рентгеновскими лучами и проникла через закрытые двери в этическое заседание. Да чего печать не узнает, она знает все: на кого читатель сердит, кого он боится, кого любит; знает — куда и зачем собирается ехать, будь то ближний хуторок иль, для рифмы сказать, наш Дальний Восток.

— Ясновидица!

Видит она и то, как наши Кит Китычи и Пуд Пудычи²¹¹ в мутной воде рыбу ловят.

— Это где же? В нашем-то море-океане. Откуда же тут муть взялась?

Пошла от японских кораблей.

¹ Секретное лечение (*лат.*).

¹¹ Многомудрые (*лат.*).

— Да что море-океан! Проявится такой Китик в керосине и давай тут кувыраться; захлебывается, а пасть раскрывает; и что, подумаешь, можно поймать в керосине? А на деле так случилось в Ташкенте. Пользуясь обстоятельствами, торговцы керосином довели здесь его цену до тринадцати—пятнадцати копеек за фунт и улавливают себе копейку за копейкой, соблюдая притом строгое благородство: грошик на филантропию, а два в карман. Не вынесли ташкентцы такого благородства — все же азияты — и выкинули такую штуку: остановили на дороге возчика с железной бочкой, наполненной керосином, прогнали его и самовольно распродали между собой весь керосин. По слухам, вследствие дороговизны на керосин в городе прекращается освещение уличными фонарями.

А в Иркутске один Пуд Пудыч — мужик прозорливый — взял да закупил в городе весь войлок, сколько его было; а как дело дошло до обивки вагонов при тамошней стуже, он давай руки греть. Всем холодно, Пуд Пудычу тепло.

В Харбине куб дров — восемьдесят рублей; сахар — сорок копеек фунт...

— Коммерция — двигатель прогресса!

Нет-с, это не коммерция; это, господа, печальные спутники войны. Возьмите вы историю любой войны; посмотрите судебную летопись из ее времени. Так поступают не коммерсанты, а аферисты. Хотите для примера одесского прожектера: здесь один хитроумный домовладелец предложил управлению Красного Креста свой дом с целью разыграть его в лотерею; на доме его, ценностью в 50 тысяч, долг в 31 тысячу, выплатить долг затруднительно, а на билеты под фирмой Красного Креста пустить легко и заработать можно с десяток тысяч, а остальное отдать на братскую помощь. И с таким предложением идет этот господин в святейшее из учреждений — Красный Крест. Не подумал хорошенько благодетель; за него подумало управление Креста и отказало ему в сердобольной лепте.

— Сотрудник одной из петербургских газет, рассказывают, беседовал с профессором Д. И. Менделеевым по поводу коммерческих дел, связываемых с нашей войною; профессор будто бы сказал ему, что теперешняя война, как происходящая в пределах России, не может быть экономически вредною, так как все затраты на нее останутся в России; это не то, что русско-турецкая война, где наши пользовались братушки да и расходы по содержанию войск сравнительно не Бог весть какие.

— Не совсем, однако, согласны наши лавочники, громко выставляющие иной раз свои имена на так называемых торговых домах. Что такое, в сущности, «Торговый дом», как не условное название того, что выражается в двух словах: «купи—продай». У некрасовского дядюшки Якова²¹² тоже было товару про всякого; его товары для него тоже торговый дом, хотя он, как человек умный и понимающий свое дело, не чужд был формулы: «не обманешь — не продашь». Д. И. Менделеев уверяет, что война не может быть экономически вредною, а торговцы вопиют: разорение, несчастье, петля и давай банкротиться; да как? в пух, в мыльный пузырь. В коммерческом мире этим банкротствам и название дали подходящее — их называли «взрывами». А всякий взрыв страшен прежде всего по его неожиданности; да кому же приятно взлететь на воздух или быть осыпанным пухом, если взрыв случился «в пух». Идете вы, например, по Большой улице в Елисаветграде; вдруг взрыв, и между пушинками в воздухе 350 тысяч рублей, и каждый рублик с чьим-нибудь названием в воздухе.

— Говорят, что в нашем городе сидели в облаках семьдесят тысяч таких именных рублевиков.

— Возможно! Чего у нас не видят? Ведь говорили же, что над нашей крепостью видели воздушный шар, который появлялся три ночи сряду; в одном из местных учреждений даже решили, что это коварный англичанин осматривает наши брустверы и те две пушки, которые стоят при въезде в больницу и охраняют санитарный отряд доктора Симоновича²¹³.

— Экая предусмотрительность хитрого Альбионца²¹⁴.

— Экая догадливость и тонкая смекалка елисаветградца; ею не обладал сам Цицерон²¹⁵, прозревавший Катилину в его военном заговоре.

— А куда же делись эти рублики, что полетели в воздух.

Они, как ручные голуби, спустились опять к своему владельцу, только уже в сумерки.

— Да-с, эти голуби, эти пушинки, эти рублевики — все это спутники войны.

Оставим их пока в стороне и поговорим лучше о путниках с войны. Вот они, все эти женщины да дети, это наши сибиряки, первые услышавшие японскую канонаду, но не убоявшиеся ее кровожадных залпов, ее дикой внезапности. Они прибыли к нам по необходимости: одни из Владивостока, другие из Порт-Артура, третьи из Харбина... Встретим их да расскажем; что и как там далеко, куда стремится русское сердце.

— Уже их встретили и сейчас же интервьюировали.

А хорошее, кстати сказать, это слово — интервьюировать; немножко рогатое, а вообще отличное слово. И что оно, собственно, значит?

— Ближайший смысл его — надоедать, а дальнейший — вытягивать новости. Приедет, например, в город человек, чем-либо известный, еще порядком не осмотрится, сейчас в дверях: стук, стук, стук, стук! Войдите; что вам угодно? Я такой-то, позвольте вас проинтервьюировать. Приедет ли артистка Савина²¹⁶ в Одессу, привезут ли разбойника Сметану в Херсон, прибудет ли защитник Карабчевский²¹⁷ в Елисаветград — сейчас к нам интервьюер: расскажите, мол, то-то и то-то, да, если возможно, поподробней да попикуантней, и себя при этом не забывайте: какою ногой вступили в ваше теперешнее помещение, в котором это было часу и проч. и проч. Это значит интервьюировать, короче, не давать покоя прибывшему человеку, и чем скорее по его прибытии, тем лучше. Не вы, так кто-нибудь другой интервьюировать будет обязательно.

— Что же рассказывают путники с войны?

Говорят, что в Порт-Артуре к войне были совершенно готовы; что все знали свое дело и исполняли свой долг непоколебимо и мужественно, что вся наша эскадра в момент атаки находилась на наружном рейде, что повреждения, которые мы понесли, незначительны, что исправление пострадавших судов подвигается весьма успешно и что, наконец, того бала в ночь первого боя, о котором пущена сплетня, вовсе не было²¹⁸.

На месте было хорошо; да в пути было плохо: давка, теснота в вагонах и на вокзалах; беспокойство матерей и плач детей, дороговизна в станционных буфетах или даже пустота от всеобщего истребления провизии. Рассказывают, что один господин пожелал полакомиться сыром; за небольшой кусок продавец спросил рубль и, пока его отрезал и завертывал, довел его цену до трех рублей, не успевши повысить ее дальше только благодаря тому, что покупатель, бросив трешницу, быстро скрылся из буфета.

Особенно дорог и несчастлив был переезд на санях через Байкал в ветер и стужу. Бедные дети, матери так кричали и кутали их, что на другом берегу озера после четырехчасовой езды разворачивали их мертвыми, они задыхались в шубах и платках.

— Это, господа, тоже спутники войны.

Помощи, помощи побольше: кто чем может — словом, трудом и делом; а с ней душевной бодрости и крепости.

— Однако мы залетели в далекую провинцию. Порт-Артур, Владивосток, Харбин, Байкал — все это, конечно, близко нашему сердцу, но далеко от нашего взора. Читатель хочет всего — так нет ли чего новенького поближе?

Не хотите ли по части просвещения из Изюма, Вознесенска, Федоровки?

— А ну те, пожалуйста.

Зашевелилось библиотечное дело.

— Вот это хорошо: библиотекой начали, библиотекой и закончим. Где же, рассказывайте!

Управление железных дорог извещает местные дороги, что министерство путей сообщения ассигновало в их распоряжение особую сумму по организации небольших библиотечек на станциях для низших служащих. При этом поставлено в обязанность, чтобы плата за книги в такого рода библиотеках взималась не более пяти копеек за каждую книгу.

— Вот это так. А дешевизна какая пошла на книгу.

К тому же идет и харьковское губернское земство, которое разрешило своему книжному складу продавать на возможно льготных условиях (с продолжительной рассрочкой платежа) различного рода учебники, коих в учебном году было продано более 10 тысяч экземпляров на сумму 5 тыс. рублей.

— За ним пошло и Изюмское земство, назначив по смете на текущий год субсидию харьковскому комитету по устройству сельских библиотек в размере 725 рублей с расходованием их исключительно на приобретение книг для библиотеки.

— Доброе дело сделала и помещица этого уезда Н. И. Станкевич, которая, узнав, что окрестные женские и церковно-приходские школы переполнены учащимися, устроила в своем имении Федоровке кирпичное здание ценностью в восемь тысяч рублей и передала его в собственность уездному земству с тем, чтобы в этом здании открыта была начальная школа, которую г-жа Станкевич обязалась снабдить на свой счет учебными пособиями и библиотекой.

— Открылся у нас в Вознесенске первый в нашем городе нотнo-книжный магазин, потребность в котором давно уже ощущалась. Как слышно, при этом магазине в непродолжительном времени откроется также библиотека, что в особенности желательно, так как вопрос об открытии общественной библиотеки почти заглох.

— А каков спрос на библиотечную книгу, видно по цифрам одесской второй бесплатной народной читальни, где за

январь текущего года выдано было на дом 1783, а посетителям читальни 6287 книг.

Настает, кажется, пора, когда можно воскликнуть: пришло то времечко, пришло желанное, о котором говорил Некрасов, в надежде, что мужик наш

*Белинского и Гоголя,
А не Милорда глупого,
С базара понесет!*²¹⁹

Хорошее времечко; иди скорей, иди, желанное! Ведь это звездочки на небе, о которых мы уже говорили, светлее с ними путнику в жизни, веселей ему на его дороге.

— Туда, на эту дорогу, в эту жизнь разойдемся и мы, на наши поля и нивы, в города и веси, в храмы и школы, в суды и в управы, в театры и библиотеки; в эту жизнь, где миллионы колес и рычагов, где стуки, грохоты, где песня и плач, где радость и горе, где движенье, работа и труд на благо родины, на пользу обществу — в наш человеческий муравейник за правдой, за «словом жизни». Через неделю мы принесем и то и другое нашему читателю, принесем все, сколько найдем.

«Сознание добра и зла, — говорит Л. Толстой, — независимо от воли человека»²²⁰. Отчего же?

Куда же тогда идти и чему учиться, если от воли человека не зависит сознание добра и зла, о котором сказано ему в первый день творения?

Zet

Елисаветградские новости. 12.03.1904

Среди корреспондентов VI

Провинциальный фельетон

Герой дня • Во имя меча и креста • Текущие дела • Затруднения провинциального обозревателя • Чтение газеты в Аткарском уезде • Разноречие в корреспонденциях • В мире школьных дел: Бобринец, Александрия, Нахичевань, Елисаветград, Ростов-на-Дону, Симферополь • Весна и ее угрожающие капризы

С прошлой беседой мы повинны перед нашим читателем в опоздании. Не будем ссылаться на сторожей и наборщиков, а скажем просто: *nostra magna culpa*, наша собственная вели-

кая вина. И мы встревожены; тревожит нас в этом случае главным образом опасение: не подумал ли читатель, что для беседы корреспондентов не хватило материала, не иссяк ли источник мысли и жизни в русской провинции, не рассыпалось ли наше «дружеское общество». Спешим заверить уважаемого читателя, что ни то, ни другое не случилось. Материал растет, как растет все живое и полное соков, источник наш неисчерпаем, а дружеское общество наше стало еще дружественнее, еще теснее.

Итак, к делу; поговорим, а читатель, если угодно ему, слушает. Говорят, что разговорная форма речи лучше читается и лучше слушается; так думает и г-н Дружинин в «Юристе»²²¹ в вопросе о популяризации среди читателей юридических знаний и учений, полагая, что такая форма речи сделает больше, чем монотонная речь журнальной статьи.

Прав ли г-н Дружинин или нет — пусть рассудят другие; нам же кажется, что всякие приемы речи хороши, если они не скучны.

Давайте ж, господа, говорить.

— О ком же теперь говорить русскому слову, о ком писать русскому перу, как не о герое наших дней на чреде ожидаемых событий. К нему народная вера, ему благословение родины, за него молитвы России. Вот он среди Москвы, в стенах ее Кремля, под сенью вековых святынь.

Царем избранный вождь с Георгием на груди, с мечом и стягом в руках, идущий в первый ряд отечественных дружин на крайнюю твердыню Русской земли. Его сопутствует добрым пожеланием вся Русь, в него всматриваются приветные взоры огромных масс, и он, сам исполненный благоговения, кланяется в лице Москвы всей России земным поклоном. Добрый путь! счастливый путь! гремит народный клик и трепетно отдается в груди, не знающей смущенья пред врагом. Так история жизни вызывает из недр народа своих героев, и генерал Куропаткин уже теперь народный русский герой. Русь знает, как венчать своих богатырей, она научилась чествовать и славить их пенъем Баяна²²², и складом своих сказаний, и силою своей любви. Добрый путь! Но это не просто путь к нашим полкам и ко раблям — это торжественное шествие под знаменем всей России, светлый путь к победе с хоругвью правды и света.

*Иди ж, народный наш мессия,
Царем указанный герой;
Иди на правый честный бой!*

*Оттуда ждет тебя Россия
С победой мира над враждой!..*

Нам особенно приятно, господа, сказать эти слова сегодня, потому что именно сегодня, по расчету пути, генерал Куропаткин должен быть в г. Мукдене, в центральном месте ему порученных войск.

— Пусть наша речь немножко патетична; но таково настроение всей России, благословляющей своих сынов, идущих с мечом и крестом в далекий край войны.

— Именно с Крестом! У нас ведь две главные армии: одна вооружена мечом, который еще в ножнах терпеливого нашего воина; другая осенена Крестом, который, как всегда, спасительно высится над здоровым и раненым в войне. И вместе с тем они неразрывны.

— Читали, как дети тоже разделились на две армии. Во имя меча бегут на войну наши школьные ученики, во имя Креста уходят ученицы. Недавно из Георгиевска три девочки в возрасте тринадцати-четырнадцати лет, ученицы городской школы, мечтавая отправиться сестрами милосердия на Дальний Восток, привели свое намерение в исполнение и оставили родителей, скрывшись неизвестно куда в направлении к Ростову.

— Женщина настойчивее и хитрее мужчины. Мальчиков, как помните, задерживали чуть ли не во дворах их домов, а девочек не видели и за Ростовом.

— Слабовато у нас, мужчин, и по части храбрости.

Позвольте, а наши добровольцы, которые не просят, а рвутся в самый пыл сражений?

Но, говоря о делах военных и присоединяя свое слово к общей народной речи, мы, тем не менее, не можем и не должны оставлять в стороне наших текущих дел. Море жизни, жизни провинциальной то и дело выбрасывает на своих хребтах все новые и новые явления жизни. Слово не успевает отмечать эти явления, несмотря на то, что, облеченное в свинцовую броню типографской буквы, само расширяется и растет.

— Будто расширяется?

Несомненно. Не далее как в прошлой беседе мы указали на «просветительные запросы» николаевских читателей, а сегодня мы можем пойти еще глубже в нашу провинцию, в самую деревню, где те же просветительные запросы читателей. Газета проникает в избу сельского жителя, в тот круг, куда она

раньше попадала случайно от «барина» для единственного назначения, чтобы из нее вертеть сигарки в виде «собачьей ножки» с тютюном¹, а не для чтения.

Послушайте, как это просто совершилось.

Жил-был в одной из деревень Аткарского уезда Саратовской губернии помещик Агринский, пописывал, как мы с вами, в разные газеты и вместо гонорара за свои строчки просил у каждой редакции несколько номеров газеты для раздачи их крестьянам по деревням. Дело наладилось и пошло себе без шума и без грома. Умер этот помещик, а дело его не умерло.

В некоторой доле заступил его в тех же местах земский начальник Слепцов, который образовал групповое чтение газет при волостях. Придет в волость газета, а читатели уже наготове: кто-нибудь читает, а остальные слушают.

— Своего рода публичные чтения.

— Публичное-то оно публичное, а похоже на семейное, и, пожалуй, лучше любой лекции с кафедры.

Так-то оно ширится и растет печатное слово. И просто, и хорошо.

— Была б только правда в этом слове.

Это вы верно сказали, а то ведь такая подчас бывает путаница, что просто досада берет. Вот, к примеру, вести из Александрии, не Египетской, а Херсонской: пишет один корреспондент о докладе ревизионной городской комиссии; все в нем великолепно, отлично, вроде того, что «умнее ничего я не слышал»; а другой хват совсем наоборот: начинает раздвигать докладчика: «автор, мол, доклада, очевидно, наслушался или начитался изящных ораторов, так как внешняя сторона изложения поглотила все содержание и, кроме громкого призыва к людям и к деятельности, ничего нельзя было вынести».

Каскад красивых слов и прочее и прочее.

— Казалось бы, чего ж лучше, как призыв к деятельности, и почему этому александрийцу, живущему, очевидно, не в ладах с изящными ораторами, не понравился этот призыв?

Неужели лучше призыв к думской спячке, приглашение на мягкую постель?

— Бывает так везде. Случилось «недоразумение» и в Елисаветграде: пишет местный корреспондент в Киев, что Орленев²²³ дал у нас три спектакля, а мы сами, елисаветградцы, знаем только один.

¹ Табаком.

— Ну, Елисаветграду на счет трехдневия случай выпал: М. Г. Савиной²²⁴ — три дня; И. И. Макееву — три дня, Орлеану — тоже три дня.

Впрочем, местную ошибку легко поправить и подскоблить, а как поправить мировую ошибку, когда, по Лондону, Токио и Шанхаю, русские 27 февраля покинули Порт-Артур, а по нашему 27 и 28 февраля в Порт-Артуре все было спокойно и неприятель даже не был обнаружен. Это требует целого опровержения.

Хорошо, что в Елисаветграде пошли двойные телеграммы: всегда можно всякое известие проверить; получится краснокровное известие из «Лян-сина» или из «Плюнь-клюнь», взбудоражит публику, а на поверку окажется, что и названий таких в географии нет.

— Тем не менее, господа, мы должны взять провинциального корреспондента под свою общую защиту; все же он деятель, своего рода вестник оттуда, куда заглядывает не каждый читатель, и самой газете, которая нередко носит название «Вестник» или «Известия», он шлет местные вести. Несомненно, что газетная рубрика «Корреспонденции» требует своей реформы и большей упорядоченности; это важно и для читателя, и для автора известий. Если хотите, каждая корреспонденция носит в себе зерно газетной передовой статьи; разверните ее мысль шире, поставьте специальный принцип, и данный случай жизни даст вам прекрасный материал для общих суждений, когда из «субъективного» бытописателя вы сделаетесь выразителем общей мысли, пригодной не для вашей только местности. Пошиб корреспондента, его литературный склад — дело другое; важен факт и его правильное освещение, а если читатель занят интересами своего края во всей совокупности явлений его жизни, то корреспонденция из интересующей его местности окажет ему сугубую услугу.

— А все же обозреть недельную жизнь провинции в одной беседе — дело невозможное даже в совместной нашей работе. Затруднение встречается прежде всего в том, охватить ли возможно шире территорию провинции и собрать побольше фактов из разных сторон ее жизни или, наоборот, ограничиться меньшим радиусом и привлечь внимание читателя к некоторым только вопросам провинциальной жизни. В первом случае может получиться калейдоскоп, может быть, интересный, но оставляющий мало впечатлений при быстром

изменении узоров, во втором — выйдет целая статья, а не желаемое обозрение. Как же поступить?

— Заглянем в провинциальные школы, иначе — займемся школьным делом. Читатель, вероятно, помнит то, что говорили мы в пятой нашей беседе о народных и школьных библиотеках; несомненно, он порадовался с нами вместе, ибо по этой части дело движется вперед. Надеждой можно утешиться и тут, в особенности в то время, когда учебный год идет к концу. Мы говорим о новых школах.

— Новые школы для детей! Вот истинный подарок родителям, обуреваемым заботой, где и чему учить своих детей. Измаялись они, совсем потерялись в искании насущного удовлетворения. Кто не знает ужасного августа, когда начинается школьный, или, по громкому названию, академический, год и с ним вместе поднимается всеобщий родительский вопль, да так на целый год до следующего августа и даже дальше. Тому мальчугану годы подошли, тот перерос, а тому нет места. Куда деваться, куда идти? И не шкурный вопрос, а большее шкурного. Где же эти новые школы? Утешьте отцов и матерей.

— Сосед наш Бобринец предположил открыть у себя мужское среднее учебное заведение, и городская дума постановила уполномочить городского голову И. М. Флорина²²⁵ на поездку к г-ну попечителю одесского учебного округа с целью выяснения условий открытия упомянутого учебного заведения.

— В Нахичевани дума ходатайствует об открытии мужской гимназии.

— Александрия уже готовится с начала будущего учебного года праздновать у себя открытие мужской четырехклассной прогимназии и заготавливает хозяйственным способом материал для специального здания.

— В Елисаветграде дума разрабатывает проект городского народного училища имени городского головы А. Н. Пашутина²²⁶, причем стоимость сооружаемого учебного заведения исчислена в шестнадцать тысяч рублей.

— В Ростове-на-Дону при мореходном училище дальнего плавания решено учредить мореходную школу имени Коцебу²²⁷ на средства города.

— В Симферополе дворяне-мурзы²²⁸ возбуждают ходатайство о том, чтобы на проценты от вакуфных капиталов²²⁹ была преобразована татарская учительская школа в общеобразовательное для татар всех сословий закрытое учебное

заведение по типу реальных училищ с преподаванием народу с прочими предметами магометанского вероучения и арабского языка.

— В министерстве народного просвещения разработан проект четырехклассных женских учительских семинарий.

В этом перечне учебных заведений особенно приятно отметить то разнообразие видов школ, которое вызывается потребителями жизни, а не навязывается извне. Здесь, как видит читатель, и мужские, и женские учебные заведения, средние и низшие гимназии и реальные училища, общеобразовательные и специальные, открытые и закрытые.

На днях петербургская печать обращала особое внимание правящих сфер на безотлагательную необходимость учреждения морских учебных заведений и указывала на то, что во всей русской земле существует один только морской кадетский корпус, и считает необходимым открытие еще четырех таких же корпусов в следующих городах: Севастополе, Владивостоке, Либаве и Астрахани (речной). Стыдно, замечают «Биржевые ведомости»²³⁰, и небезопасно для России, охваченной шестью морями, иметь только один морской корпус, одну (да и то маленькую) морскую академию и одно морское инженерное училище в Кронштадте, тогда как для войсковых сухопутных нужд Русь имеет 55 учебных заведений: пять военных академий, 20 военных и юнкерских училищ, 28 кадетских (вместе с Пажеским) корпусов и две подготовительные военные школы.

— Нельзя не согласиться с указаниями петербургской газеты, в особенности если принять во внимание увеличение численности наших морских судов, на что идут обильные общественные пожертвования, достигшие уже свыше двух миллионов рублей, может действительно обнаружиться недостаток в морях при сравнительном обилии кораблей.

— А как ваш миноносец «Елисаветград» и ныряющая лодка «Св. Елисавета»?

— Ничего — растут не по дням, а по часам. По всему видно, что быть им богатырем.

Снарядим, вооружим, посадим на них собственных матросов или возьмем ростовских и отпустим в царство Нептуна «назло надменному соседу»²³¹.

— Уж не по Ингулу²³² ли?

— Не смейтесь, Ингул тоже причастен к кораблестроению.

— Хорошие школьные вести несет нам весна, хороши ли вести по метеорологической части, если еще какие-нибудь вести можно получить, как прежде, в Елисаветграде?

Капризничает весна, хотя еще не обнаружила ничем своей красоты; видимо, вступила в спор с календарем и несет не тепло и солнце, а холод и свинцовые облака. Однако капризы ее угрожают сельскому обывателю недородом. Морозы пощипывают посевы, а хозяева почесывают затылки. Будем ждать весенней выставки, которую выставляет одна управа и отставляет другая. Какая из них права, а какая крива?

Zet

Елисаветградские новости. 16.03.1904

Война и общественное настроение

Письмо из Одессы

В высшей степени было бы трудно в настоящее время даже и наблюдателю местной провинциальной жизни писать о чем-нибудь, не начав с темы о войне. Слишком громадно это событие и слишком много, почти что все, оно собою поглотило. У нас в Одессе, впрочем, пришествие войны случилось не сразу: еще накануне известий о первой битве, когда, однако, разрыв с Японией уже состоялся, можно было даже удивляться относительному спокойствию в городе, что отчасти объясняется и просто традиционной боязнью обывателя говорить вслух о том, о чем нас не спрашивают. Помню, один мещанин или мелкий торговец заговорил было что-то о войне, стоя на площадке конки, но тотчас, видимо, заробел, замялся, а потом вздохнул и наставительно закончил: «Да, всякий должен положить живот свой», указав при этом большим пальцем на свой довольно круглый живот... Но вот пришел момент, когда говорить стало можно, и даже не только говорить, а кричать, жестиковать и кому-то угрожать. Жалкая была эта картина, и я сейчас скажу — почему, но прежде всего мне хотелось бы снять с себя малейшее подозрение в тенденциозном отношении к явлениям, связанным с этой войной. Как наблюдатель местной жизни, дополняющий свои впечатления лишь газетами и кое-какими случайными сведениями об общем настроении наших соотечественников, я могу, конечно, ошибаться

в обобщениях — пусть меня поправят другие лица, более осведомленные, — но в сфере моего наблюдения и в меру моего понимания скажу все, что думаю, не подделываясь ни под чей камертон. Мне одинаково противны как всякое замалчивание, так и всякая бравада, исходят ли они от руководящих правительственных или от руководящих оппозиционных сфер. В последнем случае благонамеренная ложь поселяет во мне еще большее чувство горечи. Надо смотреть прямо в глаза совершающимся событиям и, если они принесли много такого, чего мы не предвидели, надо иметь мужество открыто признать это, чтобы из одной тенденциозной ошибки не вытек ряд других неправильных построений и чтобы нам в них не запутаться.

Лекарство, даже и горькое, полезно, и ни о каких нас возвышающих обманах или самообманах тут не должно быть и речи. Извиняясь за отступление, перехожу с облегченным сердцем к дальнейшему повествованию.

Первая патриотическая манифестация 31 января была лишена всякой импозантности: душ тридцать студентов-лигистов²³³ с двумя небольшими флажками, окруженные толпой в несколько сот человек случайного уличного состава, стояли против здания канцелярии градоначальника без шапок и напряженно, давясь на верхних нотах, пели «гимн», «славься» и «коль славен», заключая, конечно, криками «ура!» Никакой непосредственности, никакого воодушевления, безусловно, не замечалось, да и откуда его взять застегнутым на все пуговицы будущим чиновникам, выстроившимся против такого святилища, где скрипит перьями дюжина подьячих и где, кажется, в этот момент не было даже его превосходительства. Потоптавшись здесь, манифестанты пошли куда-то дальше, но, признаюсь, я за ними не следовал и ничего больше о них сказать не могу. Зато на другой день мне пришлось дважды повстречаться с более значительным шествием. Манифестировала толпа, пожалуй, тысячи в две человек, тоже очень разная по составу, но с преобладанием низших слоев населения и с массой детей и подростков, шедших впереди. В центре несли портрет Николая II и с десяток флагов; одинаковый фасон последних (в виде хоругви) наводил на мысль, что они вышли из одного места, а не были снесены сюда разными группами воодушевленных однородным порывом людей. Уверяют, что этот символ высоких чувств заготовлен был в одном из полицейских участков, но я настаиваю именно на этой версии. Толпа пела, кричала «ура» и вообще добросовестно выполня-

ла несложную программу оказательства патриотического чувства, но в этой программе было одно, что положительно ее портило, именно — грубые окрики на всех встречаемых: «Шапки долой!» Благодаря этому шествие имело вид не популярной и отрадной сердцу каждого гражданина манифестации, а какого-то дикого вражеского вступления в чужой город, где нужно озираться и насильно, с угрозой заставлять себя приветствовать. Если и не понимать буквально выражаемую теперь так часто с высоты трона уверенность, что все подданные воодушевлены в данный момент одинаковыми чувствами, то все же этот грубый рев «шапки долой!» никакого смысла, у нас, по крайней мере, не имеет: не из сочувствия, а из нежелания бравировать и по официальной обязанности каждый и без того снимал свою шапку, как в театрах и других публичных собраниях всегда встают при исполнении гимна. А между тем буйное настроение толпы шокировало даже и самую благонамеренную публику. Когда манифестанты остановили вагон конки, в котором я ехал, и стали стучать нам в оконные стекла, громко требуя снятия шапок, я слышал, как один пожилой офицер и два солидных обывателя, не будучи знакомы между собою и при рискованности известного рода разговоров, не могли скрыть своего возмущения и поделились им взаимно, причем офицер с брезгливостью сказал: «А ведь это безобразия пойдут теперь на всю неделю» (была масленица). Он, впрочем, не угадал: уже через день после того появилось во всех газетах приглашение градоначальника возвратиться к своим занятиям и «удовольствоваться уже состоявшимися патриотическими манифестациями, которые достаточно показали, как сильна любовь к отечеству у одесских жителей». Конечно, помимо воли автора, но во фразе этой как будто сквозит ирония... Аналогичные приказы других градоправителей, перепечатанные нашими столичными газетами, более откровенно обнаруживают отрицательные даже с точки зрения администрации качества этих патриотических манифестаций — я чуть не сказал... бесчинств. Таким образом в благополучном окончании, а может быть, не только в окончании, но и в возникновении манифестаций виден известный перст. В более глухих городах дело происходило еще более наивно и патриархально; если верить письмам из Елисаветграда, там манифестация имела такой вид: впереди ехал верхом на белом коне частный пристав Падейский (извиняюсь, если не точно воспроизвожу фамилию) с сыном-гимназистом, также на

коне, затем шли учащиеся и другие лица, большинство публики в нерешительности стояло в стороне на почтительном расстоянии, по новизне не зная, как себя вести, чтобы никого не огорчить. Еще так недавно в этом городе, как и в других южных городах, происходили совсем другие манифестации — кто знает, не попасть бы в какую переделку. Кроме уличных были манифестации в театре, играли гимн в некоторых клубах... не одним же петербуржцам между двумя действиями балета молитвенно воспевать: «Боже, царя храни!» Скорбя о братьях, находящихся на театре военных действий, не одним членам «русского» собрания исполнять этот же гимн на балалайках — инструменте действительно народном, но таком, на котором настоящий русский народ играет «барыню» и «трепака», а не молитвы; не одной дирекции «Аквариума»²³⁴ заменять предмет недавних увлечений «Гейшу» патриотической «Милашкой» — и у нас патриотический квас проливается в соответствующей дозе.

Между прочим, градоначальник Нейдгарт²³⁵ во время спектакля распорядился объявить публике о потоплении 11 японских броненосцев, хотя сообщение это, как и другое, о сожжении города Хакодате²³⁶, всякому мало-мальски неглупому человеку сразу должно было показаться более чем сомнительным. Впрочем, в некоторых городах по этому случаю воссылались даже к небесам благодарственные молебны. Быть может, это даже сознательный прием: когда-то еще дело выяснится, когда-то газетная утка будет опровергнута (да обыкновенно таких известий и не опровергают — их просто замалчивают, опровергая лишь все невыгодное для русской политики), а между тем обмороченный народ все-таки учтет известным образом эти несуществующие победы и, пожалуй, так и останется в наивной уверенности, что город сожжен и жители его поджарены, а броненосцы истреблены. Коммерция со своей стороны морочит некультурную и малокультурную публику: выпускаются лубочные картинки с изображениями победоносных для русских битв; я видел их две, под одной надпись «Русские топят японский крейсер», под другой — «Победа русских над японцами»; к последней картине приложен портрет адмирала Алексеева²³⁷ в качестве героя победоносной войны... Какая злая насмешка над бедным адмиралом! Эксплуатируются самые грубые, звериные инстинкты простонародья, любующегося этими оторванными руками, утопающими людьми, красными пятнами взрывающихся

бомб. Даже цензор, когда ему приносят этот товар для разрешения к продаже, наскоро взглянув на подпись, с тонкой улыбкой отвечает: «А, победа, это можно». Местные газеты тоже не упускают случая торговать сенсацией, не отличаясь разборчивостью в источниках и собственных комментариях; впрочем, между ними есть более приличные и менее приличные.

Я мог бы дополнить приведенные здесь факты и другими, не менее характерными, например о приемах к наиболее успешному сбору «добровольных» пожертвований на военные цели среди учащихся и в других учреждениях, но вряд ли кого этим удивишь у нас, где в высокаторжественные дни украшение домов флагами и иллюминация производится по откровенно публикующемуся приглашению полицмейстеров, где даже у чиновников отбирается подписка о явке на молебен в предстоящий табельный день (я сам когда-то расписывался на таком листе) и где свободное побуждение к жертве давно опошлено всяческим начальственным давлением. Не удивительно также, если к организуемым по почину административного центра манифестациям — в чем убеждает уже их удивительное однообразие, нарушаемое разве кое-где единственным оригинальным покушением на чужую собственность, — присоединяется несколько сот или даже тысяч умственной черни, плохо разбирающейся в современных событиях, и для которой пошуметь и покуражиться на виду у всех среди улицы, не только не огорчая этим начальства, привыкшего всюду тащить и не пуцать, но даже снискивая его благосклонность и одобрение, — сущее удовольствие. Ко всему этому можно относиться совершенно спокойно. Но за вычетом этих не очень искусно выполненных показных картин все же остается немало такого, от чего нельзя с легким сердцем отмахнуться рукой, как от пустяка. Только человек предвзятых мнений откажется признать, что война объединила массу самых разнообразных общественных групп на чувстве национализма, или, правильнее, государственности, понимаемой в самом примитивном смысле этого слова, безотносительно к тому, что, кем и как вершится в государстве.

Для более критически мыслящей части объединенного конгломерата война — лишь момент перемирия, после которого старые счеты с бюрократическим правительством должны идти своим чередом, но для большинства эта война с ее высмеянным еще Базаровым кличем «на бой, на бой за честь России»²³⁸ является моментом, прямо принижающим

человеческое и гражданское достоинство личности. Без всякого внутреннего убеждения в полезности этой войны эти люди — их много, слишком много — позволяют дурачить себя официальными и официозными уверениями в том, что политика нашего правительства на Дальнем Востоке все время была исполнена благородства и вся причина войны только в вероломстве «азиатов»; без всякого соображения о том, не выгоднее ли было бы поднять рынки внутри, чем искать их вне своей страны, они воскрешают в себе чисто зоологическое чувство захвата; «нововременские» и даже «комаровские» взгляды²³⁹ на наши якобы национальные задачи испытывают наименьшее сопротивление при проникновении в широкие слои публики; вырабатывается своеобразная психика, психика военного времени, когда одни и те же акты, будь они совершены нашими, возводятся в геройство, а будь они совершены неприятелем — тракуются как коварство, жестокость и зверство; все культурные дела в застое; явилось соревнование в выражении верноподданнических чувств без намека на критику или неодобрение, с одним лишь «дерзай!». Неужели все это только кем-то подстроено, неужели тут не обнаруживается политическая и гражданская невоспитанность нашего среднего обывателя и даже среднего интеллигента, все еще считающего себя более подданным, чем гражданином? Ведь эту войну до ее начала даже в самых скромных легальных газетах и журналах называли непопулярной, и тогда казалось, что, начнись она, правительство окажется в положении единоборства с врагом, до которого, в сущности, нет никакого дела русскому народу. Конечно, русское общество может заботиться об улучшении положения русского солдата, в особенности раненого или больного, но, если бы оно было достаточно сознательно, оно бы строго ограничивало назначение своих жертв именно этим направлением, оно бы резко должно было подчеркнуть, что средства жертвуются, напр., на санитарные нужды, а отнюдь не вообще на военные цели, не на усиление флота. Возможно, что общество еще одумается во время самой войны в зависимости от ее хода, тем более возможно, что по окончании войны наступит надлежащее отрезвление от шовинистического угара и от раболепия. Но все это еще впереди, все это еще desiderata¹. Кое-где, правда, являются признаки обратной волны и теперь, но кто знает еще, не затормозит ли ее какой-нибудь гром

¹ Намерения (лат.).

случайных побед, хотя бы и таких двусмысленных, как когда-то взятие Плевны²⁴⁰, стоившее сотни тысяч жизней. Не к бесплодному пессимизму, не к унынию приглашаю я читателя — наоборот, надо работать и работать усиленно в смысле разъяснения обществу настоящего положения — я только не хочу, чтобы, разъясняя другим истинное положение, мы сами оставались в слишком оптимистическом заблуждении насчет современного хода вещей; я хочу подчеркнуть, что мы не нуждаемся ни для себя, ни для других в прикрытии или тенденциозном объяснении тех фактов, которые пока не в пользу нашего дела. Мужественно выдержанная объективность и, по возможности, осторожный и спокойный тон обсуждения событий — вот в чем я скорее склонен усмотреть залог успеха освобождения, чем в приподнятом оптимистическом настроении духа.

Р. С. В настоящее время происходят здесь студенческие волнения. Редакция получит на днях обстоятельно проверенный отчет о них; пока скажу лишь, что возникли они 19 февраля²⁴¹ по поводу запрета чествования студентами этого дня. 20-го, во время сходки, ректор университета Деревницкий²⁴² объявил, что впустит в здание полицию и сделает это тотчас же, не дождавшись даже, как отнесутся студенты к его предупреждению. Производятся массовые аресты; по последним сведениям, пострадало уже до 200 человек. Характерно в этом движении то, что впервые выступили открыто и активно пресловутые «лигисты», и было уже одно крайне острое столкновение между ними и оппозицией. Чем кончится все это, пока еще трудно предсказать. Слушательницы здешних педагогических курсов выражают негодование по адресу Деревницкого, читающего у них лекции, но, впрочем, в эти дни манкирующего ими. Независимо от университетской истории в городе множество обысков и арестов. Между прочим, очень долго и тщательно обыскивали квартиру члена земской управы г-на Красильникова, человека вполне порядочного, но стоящего совершенно в стороне от какой-либо нелегальной деятельности. Обыски делают и заочно, так, напр., обыскали и взяли бумаги учительницы г-жи Калашниковой, хотя сама она была в это время в уезде, замещая там отсутствующего школьного учителя. Заметно, что и у нас война развязала еще более руки представителям полицейской расправы.

Аноним

Освобождение. 1904. № 44. 19 марта. С. 348–350

Полицейский произвол

Одесса

Назойливое вмешательство администрации в публичную и частную жизнь русского человека идет все дальше, все глубже. Под шум военных приготовлений, под грохот орудий на Востоке ведется не всегда осмысленная, не всегда удачная, но тем не менее неослабная война с «внутренним врагом» и даже не с явным врагом, а часто лишь с его призраком. На этом поле нет уважения даже к нейтралитету: самое платоническое, самое безнадежно-пассивное сочувствие освободительному течению вызывает репрессии. И это только потому, конечно, что мы, россияне, покорно позволяем вязать себя по рукам и по ногам и измываться над самыми элементарными потребностями человеческого и, пожалуй, даже просто зоологического общежития. Вот местные иллюстрации. Одесский градоначальник Нейдгарт²⁴³ издал недавно, опираясь на усиленную охрану, постановление, воспрещающее, под страхом ареста на три месяца или штрафа в пятьсот рублей, собрания, «противные общественному порядку и государственной безопасности». Постановление совершенно ненужное и лишнее смысла, если читать его буквально, как и следует читать всякие узаконения: неужели власть не имела до сих пор в своем распоряжении средств к ограждению общественного порядка, а тем более государственной безопасности, и нужно было какому-то отдельному начальнику одного из городов додумываться до особого акта, чтобы восполнить этот странный законодательный пробел? И неужели до сего времени кто-нибудь был так наивен, что, замышляя подвергнуть опасности государство и собирая для этого своих сообщников, считал себя вне риска ответственности?! Очевидно, суть только в том, чтобы облегчить себе возможность, не давая труда разбираться в действительной виновности (с известной точки зрения), сдать всех жителей под надзор дворнику и разгонять всякие вообще собрания, о которых не будет с лакейской предупредительностью испрошено разрешение полиции. А уже там какое дело статскому советнику Нейдгарту, что подобное стеснение бьет по культурным, товарищеским и вообще житейским отношениям даже самых мирных обывателей! Впрочем, администрация наша сама доказала ненужность нового постановления, так как и до него делалось то же: еще месяца за два

до его издания произведен был настоящий военный приступ на квартиру небезызвестного писателя-драматурга г-на Федорова²⁴⁴, у жены которого по случаю дня ее рождения собралось довольно много гостей. Господа Федоровы ведут довольно большое знакомство среди интеллигенции и раз в год — всегда в один и тот же день — позволяют себе делать многочисленный прием. На этот раз собралось более ста человек; пили чай, разговаривали, танцевали, артисты занимали гостей мелодекламацией, к столу подавали вино и на кухне дожаривались индюки, как вдруг в дачную местность, где стоит их дом, нанимаемый Федоровым, вступает целая колонна обыкновенной и жандармской полиции, чуть ли не в полтора человека пехоты и конницы (не захватили только пушек), и явившийся в дом помощник полицмейстера Гесберг²⁴⁵ со штабом потребовал сдачи осажденных. Гости озадачены, с некоторыми дамами сделалось дурно, но победители все-таки у всех посетителей и посетительниц произвели обыск карманов и ощупывание на теле, отпуская их поодиночке на улицу. Эта возмутительная операция заняла несколько часов. Несмотря на то, что ничего преступного нигде не найдено, никому из гостей нельзя было оставаться в доме, а ужин, вероятно, по праву военной добычи достался полицейским, оказавшим такую милую услугу хозяевам: «Вы уж извините, мы тут без Вашего позволения немного похозяйничали», — говорили околоточные, когда Федоровы увидели их за закуской. Должно быть, по чувству брезгливости хозяева смолчали на это, а следовало хоть бы пристыдить развязных мародеров... если еще можно их чем-нибудь пристыдить. Эпилогом этой грязной комедии был штраф с домовладельца (кажется, рублей сто пятьдесят), уплаченный, разумеется, Федоровым, так как домохозяин тут был решительно ни при чем. Любопытно отметить, что и сами Федоровы до съезда гостей предупредили стоявшего на ближайшем посту городского, попросив его, конечно, за *roug boir*¹, указывать их квартиру, если кто будет спрашивать; таким образом и полиции дано было знать своевременно о собрании, разве только в ненадлежащей форме...

Я позволил себе остановиться на этом случае как на типичном и кроме того вызвавшем много толков в городе; едва ли не лучшая часть местного интеллигентного общества была оплевана, обыскана, ощупана и грубо оскорблена за то только,

¹ Чаевые, вознаграждение (*фр.*).

что не предупредила полицию по рангу. И это, как я сказал, до опубликования вышеупомянутого специального постановления. Кроме частных квартир взяты под усиленный надзор и учреждения. Почти невероятный случай имел место в училище г-жи Глазер: полиция позволила себе войти во время заседания педагогического совета и, чтобы убедиться, что это действительно педагоги, а не революционеры, попросила продолжать заседание в своем присутствии. Для успокоения подозрительности скоро придется устраивать медицинские консультации, коммерческие встречи и любовные свидания в присутствии полиции...

Здесьнее литературно-артистическое общество, свободное до сих пор на правах ученого общества от участия полиции, также удостоилось посещения ее на своих литературно-научных беседах. На днях один приезжий лектор читал там о философии Шопенгауэра: уморительно было видеть, как тот же данный обществу в Вольтеры²⁴⁶ бравый ротмистр Гесберг терпеливо высидел на своем стуле три или четыре часа, пока трактовался вопрос о четверном корне достоянного основания, о максимах и антиномах, принятых, вероятно, ротмистром за «антимонию». Другой полицейский чин во время чтения рефератов по поводу 19 февраля глубокомысленно делал какие-то отметки в своей книжечке и по окончании чтения имел глупую наглость обратиться к референту со словами: «Некоторые места вашего доклада, видимо, очень понравились публике... но мне они не нравятся». «Обыкновенно так бывает: одним нравится, другим не нравится», — ответил с усмешкой референт, и разговор прекратился. Под влиянием разных подобных сюрпризов наше культурное общество так заробело, что отказалось даже от мысли о чествовании ужином памяти 19 февраля, хотя в предыдущие годы у нас, а в других городах и ныне, это делалось и делается. Зато как помпезно мы готовимся в данную минуту чествовать экипаж «Варяга» и «Корейца»! Крыловский спор пушек с парусами²⁴⁷ разрешен всецело в пользу первых. Кстати, по поводу войны. Царское пожелание, чтобы газеты писали «правду и только правду» отозвалось у нас в провинции довольно своеобразно: цензор стал вычеркивать все перепечатки из иностранных газет, какие ему почему-либо не нравятся, резонно говоря: «Разве мы можем поручиться за верность этих сообщений?» Какая «правда» получится от подобного воздействия цензуры, можно себе представить.

Студенческое движение в настоящий момент свелось почти на нет. О нем даст отчет другой корреспондент. Сообщу лишь, что из двухсот с лишком арестованных студентов выпущено пока около восьмидесяти человек. Между прочим, перед тем заключенных посетил градоначальник; намекая на окончание ареста, он обратился к ним игриво: «Скоро уже вы будете свободными гражданами». «Не умно и не остроумно», — ответил ему один из студентов. Градоначальник, сконфуженный и обозленный, круто повернулся и вышел. У полицмейстера Головина²⁴⁸ тоже был неприятный инцидент со студентами: они не пожелали встать при его посещении. Головин вспылал, но из этого ничего не вышло.

Аноним

Освобождение. 1904. № 45. 2 апр. С. 379

Среди корреспондентов VII

Провинциальный фельетон

Весенние разговоры • Вожделения и опасения охотников • Курорты и г-р Курдюмов • Профессорские и ученические чтения • Уголовщина • Просвещение и любовь

Цветочный и птичий «батько» профессор Кайгородов²⁴⁹ начал уже давно свой весенний бюллетень — значит, весна приближается.

Из далекого Петербурга он увидел, что 6 марта в ананьевских степях зацвели брандуши, а в Бахмутском уезде распустился шафран²⁵⁰.

Но на первые же цветки напали школьники, и давай их брехать для букетиков в подношение своим наставникам в знак добрых и сердечных отношений. Войдет учитель в класс, а ему сейчас пучок незабудок; физиономия у мальчугана ухмыляющаяся, и на всем выражении надпись: «Не забудь меня, дружок, ведь я очень тебя люблю». Примет этот букетик учитель, сунет в него свой нос, а ученику все-таки единицу поставит.

Так произойдет мирный обмен сердечных отношений: незабудка попадет на корсаж супруги учителя, а единица в контрольную тетрадь ученика.

— Вы полагаете, господа, что этот сезонный рассказ я выдумал так себе; ничуть — это действительная правда. И ничего

в ней, в сущности, дурного нет; нехорошо лишь, что мальчуганы рвут цветы вообще, а в подношение своим наставникам, хотя бы во имя горячих отношений, в особенности.

Слишком оно сладенько и сентиментально.

— Ну, а насчет птичек как — летят?

— Прилетели... прилетели на горе себе и на радость охотникам-спортсменам.

«Охотничий вестник»²⁵¹ по этому поводу даже стихотворение состряпал и, посвятив его марту, радуется:

*Что уж вальдишнены несутся
Из-за теплых к нам морей,
И что тяги их начнутся
Через пятнадцать-двадцать дней.*

Не правда ли: поэтично, образно и картинно! Превосходный художественный ямб даже с числовым счетом по пятам²⁵².

Но есть и литературный вестник весны, своя журнальная ласточка. Это ласточка г-на Мусселиуса под названием «Северный дачный листок»²⁵³, который появляется только с марта и летает только до сентября. В нем даже передовая статья озаглавлена «Весна», да как смачно написана, вся в цветах, при которых неизбежный капризный мальчик-амур.

Послушайте дачную передовицу:

Весна, несомненно, вступает в свои права.

Она рассыпала розы на ланитах и зажгла огоньки в глазах наших дам и девиц; даже курсистки и те не избежали общей участи.

Сколько они ни стараются придать себе серьезное, даже суровое, выражение, это им не удастся: амур, шаловливый спутник весны, против их воли заставляет искриться девственные глазки этих в большинстве случаев напрасно насилующих свою природу прелестных созданий.

Отлично написано в дачной газете, совсем в сезонном духе и вкусе. Непринужденным и даже свободным пером — совсем по-курортному. Только о какой участи говорит «Листок», которой не избежали петербургские курсистки в праздник языческого Ярила²⁵⁴.

Весенней поэзии сколько угодно. Бедная весна! Кто ее ни описывал! Одни разве судебные приставы, и то только потому, что они в решительной вражде с поэзией.

Японцы весенними картинками пользуются как образами даже для своих политических идей; так, в газете «Дзи-дзи»²⁵⁵ автор злободневного фельетона говорит своим министрам:

«А все же слушайте, вы, министры и весь мир: война будет раньше, чем зацветут вишни...»

И все поэты «Вестника», «Листка» и «Дзи-дзи» оказались правы.

— Но когда московские охотники торжествуют в ожидании тяги вальдшнепов «через пятнадцать, двадцать дней», владивостокские любители охоты, наоборот, забили тревогу.

И есть чего тревожиться не в шутку.

Дело в том, что на острове Аскольде, отстоящем от Владивостока на сорок пять верст, находится, как сообщает «Восточное обозрение»²⁵⁶, единственный в мире питомник пятнистого оленя, оценивающийся свыше одного миллиона рублей. Это то же, что питомник беловежских зубров, содержащийся под строжайшим наблюдением. Пятнистый олень представляет собой капитал чисто промышленный благодаря ценности рогов, которые как лекарство продаются в Китае на вес золота, и само животное оценивается от 300 до 500 р.

Пятнистых оленей считается всего лишь три тысячи штук, и если японец проберется на остров Аскольд, то, конечно, всех их перебьет на мясо.

Итак, весна, цветы, вальдшнепы, курорты и с ними непрерывная речь о здоровье и болезнях.

— В Гаграх уже флаг поднят: сезон открылся. Приезд купающихся начался. Собирайтесь, господа читатели, на курорты, только повремените ехать в Одессу на Куяльник²⁵⁷: здесь еще не все готово для надлежащего устройства. Само «Новое время»²⁵⁸ по этому поводу говорит, что если Куяльницкий лиман будет приведен во вполне благоустроенный вид, ему можно предсказать блестящую будущность.

— Т. е. много больных? Приятное предсказание. А теперь? Не блестящее настоящее.

— В чем же дело, чем плох наш Андреевский лиман?

Не лиман плох — если бы за границей были такие целебные грязи, то, наверно, там давно уже был бы первоклассный курорт и туда стекались бы больные со всего света.

— Плохи здесь квартиры, отношения домохозяев к приезжающим, санитарные условия. Недаром же несколько лет тому назад целая группа больных, живших на частных квартирах, вынуждена была просить одесского градоначальника

обратить внимание на антисанитарные условия и неудобства занимаемых ими помещений.

А город что же? Ведь это его доход — и сам по себе, и по жизни больных в городе.

Управа рекомендует думе оставить мысль об эксплуатации лимана путем сдачи его в аренду и настаивает на постройке на лимане гостиницы, стоимость которой определяет в 125 тысяч рублей. Почитайте «Одесские новости» — им лучше это знать.

Где же денег взять?

А десятиmillionный заем? Да, Одессе не задумываться над тем, где денег взять. Это не Новороссийск, который, по признанию городского головы, не мог уплатить субсидии почтово-телеграфному ведомству в двести рублей в 1902 году за отсутствием денег.

Лиман лиманом, а вот купальный берег в Одессе — особая статья. Впрочем, завозились и здесь, а то ведь у Пересыпи²⁵⁹ от фабричных и заводских нечистот образовалась грязь непролазная и во всяком случае не целебная.

Дело передано в комиссию...

Но говоря о курортах как о теме сезонной, нельзя обойти молчанием д-ра Курдюмова²⁶⁰, одного из членов последнего Пироговского съезда.

Г-н Курдюмов недоволен общим состоянием современных курортов, указывая на их кафешантаный и коммерческий характер, на царящую здесь врачебную рекламу и вообще на *modus vivendi*¹ между курортными врачами и публикой.

Коли хотите, вопросы поставлены д-ром Курдюмовым правильно; а если бы сюда прибавить дороговизну лечения и жизни в наших курортах с сравнительно малыми удобствами, то программа г-на Курдюмова была бы почти заполнена. По предлагаемому проекту реформа должна идти от министерства земледелия и государственных имуществ, которому следует поручить главный контроль над курортами через посредство особого курортного департамента и совета, состоящего из специалистов по бальнеологии и гидрологии.

— Может быть, г-н Курдюмов забирает слишком высоко, минуя города и земства, тем не менее насчет коммерции и чего другого на местах лечения он прав.

— Все это очень хорошо; разговоры правильные и по времени; не вести же их в самом деле в зимнюю стужу, но что же в провинции есть помимо этого?

¹ Здесь: условия сосуществования (*фр.*).

В провинции читают. Читают лекторы-специалисты. В Казани — Шершеневич²⁶¹ о Горьком, в Екатеринославе — Иванов²⁶² о Писемском, Тургеневе, Островском, Толстом и других русских беллетристах, в Одессе — Вейнберг²⁶³ о Гейне.

Дело не новое, но никогда не старое. Только отчего гг. лекторы-специалисты выбирают такие крупные центры? Казань, Екатеринослав, Одесса, конечно, слушают их с удовольствием, но не нужнее были бы они в Елисаветграде, Кременчуге, Бахмуте и т. д. Разве мы их не поняли бы или не оценили? Могли же мы интересоваться со всеми специальными сообщениями офицеров-преподавателей местного военного училища и слушали их с удовольствием. Правдивое и хорошо сказанное слово всегда интересно и приятно.

— Нужна, видите ли, инициатива; и не извне, откуда-нибудь, а изнутри, от самих себя, как, например, инициатива, вышедшая из коллегии военного училища.

— Значит, она есть или, во всяком случае, может быть.

— Несомненно; нужны только мехи, чтобы разогреть дело, да необходимо, чтобы публика поубавила в себе высокомерие. Ей все еще нужен видимый патент; без него аудиторию вы не соберете. Да надо согласиться и с тем еще, что провинциальная публика нередко идет в аудиторию потому, что там читает приезжая знаменитость, или потому, что лекция устроена председательницей или покровительницей того-то и того-то. Это стимулы чрезвычайные; интерес чтения по содержанию — дело второстепенное. Нам помнится, как в Елисаветграде председатель местного окружного суда, ныне покойный Губбер²⁶⁴, устраивая благотворительный вечер, объявил, что вначале им будет прочитана статья по специальному общественному вопросу. Долго ждали публику — она стала собираться только в одиннадцать часов в уверенности, что скучная лекция уже прошла и ее сменил уже зажигательный вальс.

— Есть искусство и умение читать; есть также искусство и умение слушать. Этого последнего наша публика в массе еще не имеет.

— Стали читать в провинции и по учебным заведениям сами учащиеся, чтения их называют рефератами.

— Великолепно!

Да великолепно ли? Вот вопрос. Мы, признаться, относимся к этому отрицательно.

— Почему же, ведь этого все желают, все это хвалят?

И пусть себе хвалят. Но обладает ли, скажем, гимназист теми средствами и той подготовкой, чтобы выступить с каким-

нибудь научным рефератом с собственной индивидуальной мыслью или с собственным умозаключением, и не прячется ли, как это обыкновенно бывает, такой референт за своей жестокой фразой, одобренной иностранными вокабулами? Молодой, с малыми еще сведениями уже спешит обыкновенно под прикрытие авторитетов, часто даже разномыслящих, и самообманывает себя, выдавая чужое за свое. Не приводит ли это к губительному полужнанию, самомнению и авторскому самообольщению? Затем: выступающий с рефератом, хотя бы в маленькой аудитории своих товарищей, вовсе не тот, кто развитее, кто больше знает и лучше может изложить. Это тот, кто посмелее, кто даже менее способен оценить свою ответственность перед вниманием собравшихся его слушателей. Всех своих учеников в качестве референтов вы не выпустите, потому что у вас на это времени нет, следовательно, научить, если можете взяться за это дело, — не научите, а способный, даровитый и знающий юноша выступит, когда нужно будет, сам*. Замечательно, что такие референты, как мы наблюдали, страстно желают печататься и осаждают редакции своими рукописями. Опасное, если не губительное дело для юноши, который впереди действительно может что-нибудь сделать серьезное.

И не уподобится ли он теперь тому плоду, что «до времени созревший, ни вкуса нашего не радует, ни глаз»?²⁶⁵

Получается нечто другое, когда мы имеем дело с непосредственным художественным дарованием. Максим Горький, принесший в газету «Кавказ» своего «Макара Чудру»²⁶⁶, никаких школьных рефератов не писал и выучкой школьных учителей не пользовался.

Да простит нас читатель, что мы, кажется, слишком долго остановились на одном и том же предмете. В свое оправдание мы можем сказать, однако, что мы привели наличную черточку из провинциальной жизни.

Пойдем к другому предмету. Что, господа, замечается еще в нашем море-океане?

— Хотелось бы сказать: все благополучно, да нельзя.

Что так? Не ветрянка ли опять, не одесская ли чума? Не думайте, что в нашей газете «чумное заседание» в самом деле чумное: и Трещоткин, и Бубенцов, и Трясогубов — люди совсем не заразные и не ядоносящие, к тому же не монополизированные и слегка только картографинированные.

* К чему будут способности у ребенка, тому он научится, хотя бы жил в захолустье (гр. Л. Н. Толстой).

— Не в том-с дело. Уж слишком много в провинции уголовщины. Ведь слова «отцеубийство», «детоубийство», «женоубийство», «самоубийство» так и пестрят в газетах. Что за причина, откуда это самоистребление человеческое? Ни церковь, ни школа, ни суд точно не существуют. И как все это просто совершается.

Вы помните недавний случай в Добровеличковке Елисаветградского уезда? Парень украл у соседа столько-то пшеницы, принес ее домой. Отец, узнав об этом, побил сына и приказал отнести ее обратно. Парень повиновался и ушел. Наутро нашли его повесившимся в клуне¹. Драма в трех действиях: украл для дома, возвратил по приказанию дома и повесился дома.

— Где же борьба в этой драме?

— Ее отыскать нетрудно: нельзя было одолеть укора совести.

Но ведь могло быть раскаяние, готовность исправления.

На это не хватило духа. А впрочем, непроглядна душа человека! Тут уже и суд не поможет, потому что некого судить.

— Как некого?

Кого же?

Подумайте, читатель.

— Начали мы светом и жизнью, а кончаем тьмою и смертью.

Что делать! Все это нужно знать. Больной, скрывающий от врача явления своей болезни, мешает правильному диагнозу; преступник, утаивающий факты своего преступления, затрудняет правосудие.

— Не пора ли перестать ссылаться на невежество, на непросвещенность? Нет ли чего-либо другого, что порождает злые деяния человека? Ведь г-жа Еремеева, объявленная несостоятельной на миллион рублей, женщина образованная; по своему образовательному патенту она выше других женщин, она врач, друг человечества, имеющая знание успокаивать его боли и страдания. А что же из ее диплома? Лучше бы она без диплома была только другом человечества, а не подрядчицей с благороднейшим званием врача.

— Или как бы было хорошо, если бы она со своей медицинской наукой явилась в александрийскую Верблюжку, где нет ни врача, ни фельдшера и где люди умирают на глазах у земства, оставившего восьмитысячное население с

¹ Гумно, рига, сарай.

прилежащими сверх того поселками без врачебной помощи по случаю выезда в отпуск местного фельдшера.

— Неужели, повторим мы напечатанные слова, разрешая продолжительный отпуск фельдшеру, не могли позаботиться о его временном заместителе?

— А если некем было заместить?

— И это возможно.

Вот тут бы г-жа Еремеева была полезна своей наукой.

Но не науки, а любви у нас мало.

Побольше любви к человеку, господа. С нею и горе легче, и нужда сносней.

Zet

Елисаветградские новости. 3.04.1904

Любовь поэтов

Польский перевод «Книги песен» дает Сенкевичу²⁶⁷ повод к психологическому рассмотрению любви поэтов вообще и к блестящему анализу сочинений Гейне.

Гейне, настоящая поэтическая натура, искал везде красоту и гармонию; он искал их также и в душе женщины. Он не только искал их здесь, но и... не находил. Говоря откровенно, я не знаю, как мне назвать эту историю напрасных, расплывчатых любовных исканий — обыкновенной или исключительной. Когда я вспомню, что не было поэта, не получавшего письма, в котором ему сообщалось, что она вышла замуж за помещика или городского землевладельца с незаложенным имением, то прежде всего благодарю Бога, что я не поэт, а потому сожалею, что я не землевладелец в городе или деревне с незаложенным имением. Однако тогда история начинает мне казаться такой повседневной, как однообразная смена дня и ночи. Но можно ли, с другой стороны, назвать историю разбитых сердец повседневной, если эти сердца принадлежат избранным, между тем как филистеры не только выходят здоровыми и невредимыми из тысячи любовных опасностей, а еще женятся, имеют детей, живут долго и в заключение мирно отходят в вечность, причем обыкновенно «убитая горем вдова приглашает друзей и знакомых...»

За гробом поэта редко идет убитая горем вдова... Почему это так? Я теряюсь в сомнениях и, пожалуй, готов вывести отсюда заключения, не особенно лестные для поэзии вообще.

С тех пор как Аспазия после смерти Перикла подала руку для супружеского союза скотопромышленнику²⁶⁸, поэтам следовало бы сделаться по крайней мере осторожнее. Но над ними, очевидно, тяготеет какой-то рок. Будь я поэтом, я в гневе оборвал бы из-за этого струны моей арфы. Клянусь Зевсом! Какая странная картина! С одной стороны, первая попавшаяся Гретхен, Кэтхен или Лизхен, а с другой — Мицкевич, Словацкий, Мюссе, Гейне²⁶⁹. Подросток ведет на веревочке Прометея... Не правда ли, положение прямо из оффенбаховской буффонады²⁷⁰? Но великий отшельник позволяет себя вести, потому что он влюблен. И вот начинается драма. Исполни в угоду девушке становится обыкновенным смертным. Чтобы не превзойти ее на целую голову, он ложится к ее ногам... Он, чье сердце объемлет целый мир, он, который любит красоту богов, человечество, природу, солнце и лазурный небесный океан и блеск весны, цветущие розы и таинственную гармонию, — он, млея от любви, лежит у ног девушки и взывает: «Ich lieb' sie nicht mehr, ich liebe alleine... die Kleine, die Feine, die Reine, die Eine...»²⁷¹ А тем временем ты, Аспазия, выходишь за торговца скотом, ты, Лаура, становишься матерью дюжины детей²⁷², а вы, Марилла и Людка, которых любили Мицкевич и Словацкий, находите себе землевладельцев с незалуженным именем... Но, с другой стороны, мы также должны быть вам благодарны: ведь если из-за вас коршун терзает внутренности Прометея, зато благодаря этому с утеса раздается песнь и будит эхо. Так возникли элегии Тибуллы²⁷³, сонеты Петрарки, стихотворения Мицкевича, а также «Книга песен» Гейне²⁷⁴. Что такое эта «Книга песен»? Кодекс любви, комизм жизни из той эпохи, когда величайшую ценность имела песня, которая действительно будит эхо, так как ее звуки вызывают отклик из всех юных, любящих сердец... Чем была ты, для которой сложилась эта симфония любви? Ничем. Что было в тебе? Ничего. Таких цветов, как ты, тысяча на каждом лугу. Ты могла бы преспокойно украсить петлицу первого попавшегося приказчика, канцеляриста или школьного учителя, в лучшем случае богатого человека, живущего капиталом, без всяких иных занятий. Только тогда, когда он, поэт, облек тебя собственной душой, ты сделалась прекрасной, потому что он дал тебе все, что было прекраснейшего в нем самом...

* Я не люблю вас, я люблю только малютку, единственную, непорочную, прекрасную, мою собственную.

Нет такой краски и нет такого блеска на небе и на земле, какими не украсил бы он возлюбленную. Все оттенки чувства, которые распускаются, разбросанные в тысяче сердец, он соединил в одно сокровище в своей собственной груди. Поэтому его чувство становится прототипом других. Поэтому каждый находит в нем знакомую ему ноту, открывает собственное томление, собственные страхи, счастье и надежды. Потому поэт понимает каждый... Когда чувственное опьянение проходит, наступают моменты тихой мечтательности, своеобразного сердечного умиротворения, когда вся душа превращается в единую, великую, кроткую музыку. Человек растворяется в любви, как капля воды в море. Что ему за дело до света, до науки, до ученых и мудрецов! Куда бы он ни взглянул, он вечно видит только ее... Каким смешным кажется ему, например, тот астроном, который следит за ходом звезд и старается найти ключ к их тайнам. Без всякой науки знает он, что такое звезды. Прекраснейшая звезда — это она. Гармония сфер — это ее любовь. И так приятно парить вдвоем в недостижимой выси над низменным миром!.. Однако во время этого парения над облаками между влюбленным и предметом его любви возникает недоразумение. Чего, собственно, от нее хотят? Она не может вечно летать; ведь она не птица, а благовоспитанная барышня и должна вращаться в обществе, должна жить вообще, как все другие; он же влечет ее кверху, в разные неслыханные области, велит ей забыться или даже прильнуть губами к его губам, что уже совсем неприлично. Что сказала бы на это мама, которая очень строга в подобных случаях! Все это начало порядком надоедать юной фрейлейн. Этот господин Генрих Гейне не подходит к мерке, которой она привыкла мерить людей. Он так не похож на г-на советника, на г-на профессора, на друга дома, на кузена, а все они такие приличные господа. Г-н Гейне чудак, смотрит волком; часто его совсем нельзя понять. Не знаешь, чего он хочет, и вообще говорят, что он плохая партия. Родители ни за что не согласятся на их брак, она же как послушная дочь... Приятельнице она, конечно, говорила: «Mais je vous dis — se ravive Heine, il est amoureux fou...»¹ В некотором отношении это, конечно, весьма лестно и придает ей вес между молодыми девушками, но ей не приходится в голову думать серьезно об его ухаживании. В конце концов, нужно прервать эту короткость, потому что он

¹ «Но я вам скажу: этот бедный Гейне, он просто голову потерял от любви» (фр.).

слишком экзальтирован и, пожалуй, способен компрометировать ее... И знакомство было прервано. Отсюда начинается любовная трагедия. Наконец поэт получает известие о замужестве своей возлюбленной. Но и тут его страдания не прекращаются... Для таких мучений был только один бальзам: безумство, кутежи, наслаждение жизнью, хотя бы даже отравленное. В подобные минуты поэту могло казаться, что для него настает новая весна. Не одна грудь вздымалась при виде его, суля блаженство, и он бросался в водоворот страстей со всем цинизмом измены. Его насмешка преследовала человеческую глупость, цинично бичевала собственную наивность, собственную юношескую веру в любовь, в дружбу, в верность. От его пламенного дыхания поблекла не одна обыкновенная человеческая душа, но также был сорван им не один цветок. Жизнь представлялась ему низкой, глупой, приторной, но вместе с тем страшной шуткой. Люди трепетали от его улыбки, которая отнимала у них единственную основу жизни. Однако и в нем изнурялись вместе с душой также и тело, жизненные силы, здоровье, и поэт стал медленно приближаться к могиле. Но он насмеялся до последней минуты. Кто знает его страшно циничное стихотворение о той, «которая смеялась», тот не поверит, что в этой же самой душе небесный ангел мог воспевать весну... Но над его могилой пронеслось столетия; недостатки человека-Гейне забыты и осталась только «Книга песен» — истинная, чистая, проникнутая правдой²⁷⁴. Каждое человеческое сердце находит в этой книге свой собственный жребий и отзывается на нее, как на голос в лесу. Вот в чем таится значение этой любовной эпопеи.

Без подписи

Елисаветградские новости. 10.04.1904

Окончившие

В актовом зале мужской гимназии по случаю окончания выпускных экзаменов шел молебен. Группа человек в пятнадцать гимназистов стояла недлинными рядами у самого окна зала и слушала слово законоучителя, одетого в блестящие белые ризы. На противоположной стороне разместились в полном составе преподаватели с директором во главе, который,

выступив вперед на несколько шагов, стоял у конца большого покрытого красным сукном стола.

Лица учеников, и лица учителей, и даже физиономия самого директора выражали нечто приятное и торжественное, гармонирующее вполне и с серебряным одеянием священника, и ярким цветом настольного покрывала. Словом, и предметы, и лица свидетельствовали о гимназическом празднике необычного годового порядка, когда, как это бывает везде, нет ни всей шумной массы учащихся, ни старательных распоряжений по части дисциплины, ни надзирательских всегда не в меру раздражительных замечаний. Напротив, сегодня в актовом гимназическом зале при всей торжественности происходящего было приветливо, просто и свободно.

Гимназисты ожидали не разъяснений правил школьной дисциплины, не назиданий и угроз, а чего-то ласкового и сердечного. Уставшие за время экзаменов, несколько побледневшие и похудевшие, они стояли не как боязливая толпа, а как люди, пришедшие за должным, заработанным своим многолетним трудом. Они сосредоточенно слушали слова своего наставника — внимательно, как никогда, быть может, на уроке в течение года.

Батюшка говорил, не толкуя классный урок, а толкуя уроки жизни вне школы, когда каждый из слушателей должен будет раскрыть перед собой и читать новую книгу. Он говорил о высшей науке, которая прежде всего должна быть для каждого важнейшим знаменем труда и деятельности; говорил о гражданственности, о служении чистой идее без примеси каких-либо материалистических расчетов, говорил о высоких устремлениях благородного человеческого духа, о всеобъединяющей и связующей любви к ближним и о том благе, которое обещано человеку за эти стремления и за эту любовь. Образы и сравнения, тексты из Священного Писания, выдержки из философов и поэтов украшали и оживляли его речь, которая звонко и музыкально раздавалась в обширном зале гимназии для нынешних слушателей-учеников в последний раз.

В заключение молебствия дьякон громогласно возревел многолетие с особенно высоко поднятой нотой о многолетии «учащим и учившимся в сем учебном заведении», на что еще громче ответил приглашенный из приходской церкви хор.

Вслед за этим у красного стола задвигались стулья, и среднее между ними место занял директор, имея по правую

руку около себя инспектора, а по левую — законоучителя, успевшего после окропления каждого из молящихся святой водой снять с себя церковное облачение.

Секретарь совета прочел имена удостоенных аттестатов зрелости, и печатные листы бумаги стали переходить из рук председателя к подходящим к столу гимназистам.

Настала минута тишины и ожидания: со своего места поднялся директор и, обращаясь к гимназистам, начал свою речь: «С этого момента, — сказал он, — вы, господа, со свидетельством вашей образованности, полученной в гимназии, перестаете быть учениками средней школы. Вы взяли у этой школы все, что она могла вам дать, и чем больше вы брали у нее, тем отрадней ей было смотреть на ваше здоровое питание. Передатчиками сокровищ школьной науки были мы — ваши наставники и воспитатели, и на нас лежала священная обязанность не утаить от вас, а отдать вам все из ее неоскудеваемых богатств, чтобы никто из вас не мог сказать, что ему того-то или того-то недодано. Мы судили вас по вашим заслугам, и последним нашим судом были блистательно закончены ваши экзамены. Теперь вы будете судить нас...» Голос директора при этих словах неожиданно дрогнул; за столом послышался легкий стук от движения стульев, точно сидящие на них хотели поправить свое положение. Директор кашлянул и продолжал свою речь и закончил ее пожеланием учащимся быть верными слугами своего долга.

Акт окончился, и шумная толпа аттестатников, смешавшись со своими учителями, которые направо и налево пожимали руку веселой молодежи, высыпала в коридор, а затем бегом спустилась по лестнице вниз к подъезду. «Господа, не забудьте снять с фуражек гербы, — прокричал сверху надзиратель, — и оставить их в канцелярии». Но это напоминание было излишним, несколько выдернутых из околышей гимназических гербов уже катилось по лестнице, не вызвав, однако, одобрения со стороны большинства молодых людей.

Пичугин, герб которого катился быстрее других, поспешно вбежал в ближайший класс, снимая по дороге свой гимназический мундир. Он приказал заранее своему портному принести в гимназию партикулярный костюм, чтобы надеть его тут же в гимназии и сейчас же после акта. Франтовато одетый портной уже разложил на классных скамьях принадлежности сезонного костюма своего постоянного заказчика и ожидал его появления в назначенном месте.

Отбросив в сторону свой аттестат, Пичугин, как обычное дело, совершил переодевание из гимназического мундира в партикулярное платье, быстрым движением обеих рук одернул борта своего красивого светло-серого пиджака, вложил в верхний наружный боковой карман небольшой фуляровый платок голубого цвета и, видимо, довольный своим нарядом, приятно улыбнулся самому себе. Легкая розовая краска набежала на его белые округленные щеки и сильнее оттенила его верхнюю приподнятую губу с пробивающимся пушком черных усов. Из небольшого портмоне он достал красивую с бигрозой булавку и воткнул ее в галстук и, повернувшись всем корпусом к портному, спросил:

— Хорошо?

— Комильфо, — отвечал тот, оправляя без всякой надобности полы красиво сшитого пиджака и, отступив шага два назад, прибавил:

— Имею честь поздравить с окончанием курса.

— Да-с, мы окончили курс, и это для нас имеет чрезвычайное гражданственное значение.

— А трудно было?

— Не так трудно, как стеснительно; трудность невелика, и учиться тяжело только беднякам, которым зато и не стеснительно, потому что им стеснение неведомо.

Философствуя таким образом, юный красивый брюнет открыл свой портсигар и тут же в классе закурил папироску, как уже свободный от стеснения.

— А это куда? — спросил портной, указывая на гимназическое платье.

— Это остается в пользу гимназических служителей по традиции, — ответил Пичугин, причем снисходительно добавил, — конечно, кто может.

Совершив окончательно свой туалет, Пичугин вышел из класса. В коридоре он встретился с инспектором и, нисколько не растерявшись, предложил ему папиросу с приветливым наклонением вперед своего стройного корпуса.

— Этого нельзя, — с улыбкой заметил инспектор.

— Теперь мы не ваши, Михаил Васильевич, можно...

— Отчего же не наши; вы были и будете нашими.

— Да-с, так сказать, в нравственном, духовном смысле, а не в правовом. А володели вы нами долго, Михаил Васильевич, и володели крепко, а впрочем, мы вам благодарны, ведь

в этой бумажке, — продолжал Пичугин, ударяя рукой по аттестату, — дух вашей власти, труд вашей воли...

Пичугин мог бы продолжать безостановочно свой высокопарный монолог, но инспектор, которого ученик его возводил в степень властителя юных душ, поспешил уклониться от дальнейшего разговора, ссылаясь на какое-то не терпящее отлагательства дело.

У подъезда гимназии еще стояли несколько окончивших гимназистов; все они были в своих мундирах и о чем-то беседовали между собой.

— Господа, — обратился к ним Пичугин с веселым смехом, — что же вы? Пора эту синюю шкуру долой; я только что за нее произнес Михаилу Васильевичу благодарственную речь. Хитрый агент воспитательного надзора смутился и поспешил с прямой дороги в переулок.

На обращение Пичугина никто не ответил ни слова.

— А кому, господа, со мной по пути? Поедемте, место есть для троих. Малюгин! Кажется, вы живете недалеко от меня, пожалуйста...

Но Малюгин, к которому обратился его товарищ-франт, отвечал одним коротким «спасибо» и не двинулся с места.

Не найдя охотников ехать с ним, Пичугин сел на поданные собственные дрожки, ответив барским поклоном своему кучеру, снявшему перед ним круглую шляпу.

Быстрый вороной рысак помчал нового российского гражданина по широкой главной улице города туда, где приезд его в красивом партикулярном платье вместо синего гимназического мундира не произведет особенного впечатления и не вызовет ни в ком особенного, соответственного моменту чувства. Он ехал к себе домой, в свой собственный богатый дом, к матери, которая на аттестат сына смотрела как на нечто обыкновенное, неизбежно принадлежащее ее сыну, как такое, которое получается в определенный лишь срок и чего не дать ему никто не смеет.

О чем думал в эти минуты сам Пичугин, поглядывая или, лучше сказать, показывая себя на обе стороны из экипажа?

Он думал прежде всего что на него смотрят все: и извозчики, на которых он так часто катался, и парикмахеры, и праздностоящие у своих магазинов торговцы, и все те, кто за делом или без дела шел по улице навстречу плавно катящемуся его экипажу. Думал он также о гражданственном, как он сам выразился,

значении его аттестата, дающего ему право быть, например, земским начальником, а следовательно, право судить и устанавливать порядки в той невежественной среде, где нужен строгий глаз привилегированного интеллигента. Думал о выборах в городские или земские гласные, где редееет среда крупных владельцев; заносился в мечтах даже в дворянские выборы и должности. Но все его мысли и мечты окрашивались в колорит какого-то эгоистического показного удовлетворения; ему виделись кружки и партии, где он, всеми принятый, мало-помалу становится центральным человеком со своим безапелляционным мнением и решением вопроса. Сердце его наполнялось удовольствием, и он полагал, что все это, о чем он мечтал, неминуемо должно исполниться быстро и беспрепятственно.

Ни одним словом не припоминалась ему речь, сказанная перед молебном гимназическим законоучителем; она совершенно не совпадала с его мыслями и осталась забытой, как ненужная и даже лишняя вещь, брошенная проезжим в номере покинутой им гостиницы.

Быстро летели мысли Пичугина, одна вслед другой, быстро бежал и его рысак, пока не остановился у подъезда многоэтажного дома, сдержанный искусной рукой кучера.

Но что же здесь, в этом доме? Здесь Пичугина встретила приветливо улыбающаяся толпа гостей. Из нее плавно выделилась вперед просто, но с большим вкусом одетая дама средних лет, величественная, с пышной прической каштановых волос, с большими черными глазами, с улыбкой на розовых полных губах. От нее веяло утренней свежестью, здоровьем и довольствием.

Это была мать Пичугина, вдова — богатая владелица имущества, оставшегося от ее мужа, умершего несколько лет назад.

Она подняла свои полные белые руки и обняла ими голову своего сына. Резким очертанием нарисовались ее красивые пальцы на черных волосах юноши и казались мрамором, на который надели золотые изящные кольца. Посмотрев прямо в глаза своему сыну, она наклонила его голову к себе и горячим поцелуем поцеловала его в лоб.

Затем Пичугин буквально отдался во власть своих гостей, которые пожимали ему руки, трепали его приятельски по плечу. Молоденькая изящная барыня из той же толпы гостей сня-

ла со своей груди едва распустившуюся белую розу и прико-
лола ее у воротника Пичугина.

Поздравительный звон бокалов с шампанским слился с
общим гулом разговора, как обычный звук на каждом богатом
торжестве.

По невзрачному переулку, недалеко от дома Пичугина,
шли два гимназиста с белыми свернутыми в трубку листами
бумаги. Это были товарищи, шедшие домой с актового молеб-
на с аттестатами в руках. Один из них был уже немножко зна-
комый Малюгин, коренастый смуглый брюнет с большой го-
ловой на широких плечах. На лице его видна была усталость,
сквозь которую зорко глядели прекрасные, располагающие
глаза; по его щекам и по бороде, широко срезанной на конце,
довольно густо прошла черная полоса первых юношеских
нежных волос, придавая всему его лицу особенную солид-
ность. Он не был красив, но в его выражении, в блеске черных
глаз и в складе его губ виделась доброта и привлекающая к се-
бе серьезность. Другой был стройный, совсем юный блондин;
тоненький и изящный, он представлял по внешнему виду пол-
ную противоположность своему товарищу. Щеки его горели
румянцем, который от понятного волнения сгустился сильнее
обыкновенного. Нежный взгляд его голубых чистых глаз был
так приветлив и так ласково освещал тонкие черты его лица,
что невольно приковывал к себе каждого, с кем он встречался,
поселяя в его душе чувства особенной радости и мира.

Этого блондина звали в гимназии Бабочкой — и действи-
тельно, Соколин по своей подвижности, резвости и какой-то
воздушности походил на нарядную нежную бабочку, довер-
чиво порхающую вокруг цветка. Однако ни молодость, ни
кажущаяся изнуренность не мешали Соколину быть наряду
с Малюгиным лучшим учеником в классе. Они же были и дру-
зьями между собой. Соколин жил безбедно с отцом и мате-
рью, Малюгин же был бедняк, помогавший уроками своей ма-
тери-старушке, которая в своем сыне видела все лучшее и всю
отраду своей тревожной жизни.

Долго оба приятеля шли молча, ступая по неровной, изби-
той мостовой переулка. Оба они были погружены в свои мыс-
ли, которые ведомы только тому, кто трудом заработал свой
гимназический аттестат. Но мысли их были не те, в каких так
самоуверенно утопал Пичугин на пути в свой дом после акта.

— А что скажешь ты о речи священника, которую он сегодня подарил нам на прощанье? — спросил Соколин своего товарища.

— Что скажу? Думал и я о ней... а скажу то, что такую речь надобно говорить не на прощанье, а на встречу, поначалу, как только наш брат-гимназист возымеет уши, чтобы слышать. Посуди сам, о чем он нам говорил: о науке, о гражданственности, об отрицании материалистических стремлений во имя высшей идеи, о всеобъединяющей любви, о жизни духа. Ведь это все новые для нас слова, которые нужно не только ставить как тезисы, а которые нужно разъяснять и разъяснять долго, а не в короткой актовой речи при выдаче аттестатов, когда не вся наша братия даже подготовлена ее слушать. Заставь-ка Пичугина повторить эту речь нашего батюшки. Ведь, пожалуй, исковеркает, и будет для всех счастье, если он ее забудет от слова до слова, потому что лучше не понимать, чем понимать превратно. Батюшка говорит: наука, высшая наука, а мы с тобой знаем, что такое наука, объяснили нам это хотя бы в 900 с лишком уроков, которые мы получили в одном лишь восьмом классе. Батюшка цитирует философов и поэтов — а для нас они все равно, что японские генералы в нынешней войне: как этих, так и тех мы ведь не знаем. Говорить о гражданственности — а ну-ка, раскуси этот орех; ты всего только и знаешь, что *civis*^I да *civilis*^{II} — а ведь это, друг мой, звуки с большим содержанием, ноты из лучшей оперы. Слушал ли ты когда-нибудь эту оперу? Да все в этом роде — всеобъемлющая любовь, жизнь духа, идея... Чтобы уразуметь эти слова, нужна не актовая речь в обычный момент отпуска. Куда ты денешь всю нашу жизнь в том виде, как она идет перед тобой, если ты остановишься над смыслом таких слов, как всеобъединяющая любовь? Ведь это божество, чистейшее божество, а жизнь есть кумирслужение. На акте говорят нам о жизни духа, а в жизни говорят об окладах жалованья, и если выбирают себе науку, то непременно ту, которая даст побольше тысяч на службе. Нет, думается мне, не теперь, не нынче надо говорить об этом, а раньше, гораздо раньше.

Соколин слушал своего товарища, не перебивая его ни одним замечанием, пока тот не сказал своего последнего сло-

^I Гражданин (лат.).

^{II} Гражданский (лат.).

ва. Он не перебивал его и потому, что вполне соглашался с его мнением.

— А что если бы так заговорили с тобой в гимназии, — спросил наконец он, посмотрев сбоку на Малюгина, — было бы ли это предосудительно или, как иначе сказать, непозволительно?

Малюгин улыбнулся на вопрос своего товарища, но прямого ответа ему не дал.

— Не думаю, — заметил он. — Самое большое, сказали бы, что это к уроку не относится, и начали бы в тысячный раз выводить, чему равняется корень квадратный из икса.

— Но ведь и это необходимо.

— Несомненно, и, вероятно, более нужно, чем двойственное число греческого склонения; тем не менее квадратный корень не выполняет идеи всеобъемлющей любви; для этого нужно думать с иным содержанием. А думали ли мы? Конечно, нет; за нас думали, и думали в известном определенном направлении. Нам хотели все вложить в голову, а самих нас шевелить мозгами не учили; жили мы чужими мыслями, и у каждого из нас был тот лучший ответ, который в точности повторял мысли и желания учителя. А кто же заверит нас, что учитель-историк или другой какой не заблуждался и был на высоте вопроса. Вот почему я говорю, что все то, что батюшка излагал нам при прощании, было для нас не выводом из прежнего, а новым, неслыханным дотоле словом.

Беседа таким образом, оба приятеля дошли до небольшого дома, где жил Малюгин; здесь они расстались, пожав крепко друг другу руки.

Малюгин вошел через двор в низенькие сени, которые приняли его приятной прохладой со знойной улицы; он отворил дверь в комнату и не успел снять с себя фуражку, как чьи-то нежные, легкие объятия охватили его шею, пригнули его к мягкому женскому лицу, спрятанному в белоснежный чепец, и стиснули его надолго. Это были лучшие в мире объятия — объятия матери, видевшей в своем сыне и радость, и счастье жизни. Беззвучно добрая старушка плакала на шее своего сына святыми слезами любви. Прошла минута, другая — счастливая мать хотела что-то проговорить, пыталась словом дополнить свою радость, но эта же радость была сильнее ее, и она уже не спорила сама с собой.

— Довольно, матушка, — прервав молчание, сказал не менее тронутый сын, — успокойтесь, благодарю вас за все, что вы мне дали, будем теперь добиваться большего.

Он взял ее, как налитую, полную руку и поцеловал ее несколько раз.

Вытирая свои слезы, старушка вошла к себе в темную от закрытых ставен спальню и тотчас же вышла оттуда с золотой цепочкой в руках, на которой висел такой же образок. Она надела иконку через голову на шею сына.

— Это тебе, Володя, наше родовое благословение; до сих пор оно было у меня, было на мне, уже много, много лет... теперь оно пусть будет у тебя и с тобой...

Голос старушки дрожал, из небольших серых глаз ее снова скатились на матово-розовые щеки крупные слезы.

— А теперь давай я посмотрю да прочитаю твой аттестат, правду ли ты говоришь, — еще шутливо заговорила мать, разворачивая аттестат зрелости своего сына. — Все, как следует — и печати, и подписи, теперь верно, — продолжала она шутливо. — А какими закорючками пишут твой учителя, и разобрать-то нельзя, в старину так не писали. Ну, да спасибо и им — они ведь тебя-то научили разным наукам. Иной-то науки и названия не прочитаешь сразу, а ты ведь ее знаешь — все же от них.

— Однако соловья баснями не кормят, заговорила я, а на кухне горячий завтрак готов.

Вскоре на застланном чистейшей белой скатертью столе появились различные блюда с горячим кофейником.

— А ты, Володичка, кушай, что тебе угодно, а я налью себе чашечку кофейку, уж большая я до него охотница, хоть и не совсем-то он мне полезен.

Завтрак матери с сыном продолжался в беседе о том, что предпринимать дальше.

Владимир заявил матери, что он хочет осуществить давнишнее свое желание быть врачом.

— Что ж, дело хорошее, — говорила согласная с желаньем сына мать, — и для себя польза, и для страждущего человечества помощь и облегчение.

— Да, матушка, врач, или, как у нас говорят, доктор, — это высший человек, это все, потому что человека, а не животное мы познаем только в нужде и при страданиях — а где же эти нужда и страдания, как не в болезни, а в особенности в болезни при бедности и недостатке. Вот бы куда хотелось мне пойти.

— И иди, голубчик мой, иди, да только не забывай и себя, врачеватели-то были и святые угодники. Помощь ближнему да любовь к нему — это божеское, святое дело.

— Поедем в университетский город, я по-прежнему найду уроки и будем себе жить, а время-то пролетит незаметно...

— Время-то, голубчик мой, одно для тебя и совсем другое для меня. Да лишь бы тебя увидеть-то на ногах, чтобы в люди-то вышел ты окончательно на моих глазах, а там уже что Богу угодно.

При этих словах в комнату вошел Соколин. Он часто бывал у Малюгина и заходил к нему, как говорится, без спроса и без доклада.

Тотчас же его усадили за стол, и беседа пошла еще оживленнее.

— А я к тебе с маленьким предложением, — сказал Соколин своему товарищу.

— А что такое?

— Не хочешь ли взять на лето урок: нарочно поспешил к тебе с этим. Прихожу домой — на столе записка с просьбой порекомендовать учителя к мальчугану десяти лет; условия отличные, здесь в городе, так что и с матушкой своей ты не расстанешься.

— Спасибо, с величайшим даже удовольствием, — поблагодарил Владимир Малюгин своего товарища.

— Матушка, — обратился он затем к старушке, наливавшей кофе юному гостю, — вот она — жизнь; ну как от нее отворачиваться, как ее не любить, когда вы не успели подумать о деле, а в данном случае об уроках, как навстречу вам протянутая рука с помощью и сочувствием.

— А что наш Пичугин? — спросил хозяин гостя.

— Разъезжает по городу, радостный и веселый, на груди болтается какой-то уже увядший цветок. С ним вместе известный всеобщий собутыльник Чепучкин: покупают вина, закуски, заезжают в кондитерские; у него сегодня пирушка по случаю окончания курса; приглашены кое-кто и наши.

— Желая ему и его приятелям веселья.

— А вы же что? Так и будете сидеть дома? — спросила хозяйка, обращаясь к сыну и к гостю. — Да и молоды же вы, — сказала она уже отдельно Соколину, — а хорошенький какой, да свеженький, совсем как барышня.

— Не конфузьте его, матушка; он теперь как роза, а то станет как пурпур. Такой он по природе, ему и аттестат зрелости не в пору, потому что он только цветет, а еще не созрел.

Оба приятеля и старушка рассмеялись остроте Малюгина.
— Так ладно? — сказал Соколин, прощаясь со своим товарищем.

— Ладниссимо! — ответил Малюгин, пожимая ему крепко руку, и проводил его за ворота на улицу.

— Итак, матушка, я окончил! — громко произнес Малюгин, встряхнувшись всем телом.

— Дружочек мой, только начал!

— Да, матушка, вы правы: сегодня я только начал, — сказал тихо Малюгин, и взгляд его задумчивых глаз утонул в какой-то неведомой, таинственной дали.

Zet

Елисаветградские новости. 10.04.1904

Среди корреспондентов VIII

Провинциальный фельетон

Сезонная тема и харьковская гума • Служба и вознаграждение • Елисаветградцы и китайцы • Смерть и стоны александрийцев • Дипломные места в городской управе • Интеллигентные цифры • Опять дети

По всем правилам беседу нашу, господа, следовало бы начать с весны. Тема благодатная и к тому же сезонная. Словом, завести речь о погоде. Так в старину начинались всякие разговоры. Их хорошо изобразил Островский в той комедии, где влюбленные друг в друга барышня и молодой человек, сгорая жаждой завести амурный диалог, начинают с погоды²⁷⁵.

Но что скажете вы о нынешней весне? Недавно была зима, а теперь настало лето. Весна отцвела, не расцветши.

*Пылью покрылась дорога;
Озимь на поле желтеет.
Ветер сердито нам веет:
«Милости нет нам от Бога!»*

Да, «озимь на поле желтеет!» Это агрономическое известие чего-нибудь стоит.

*Грустная песня несется...
Где-то она отзовется!*

— Но ведь кроме полей и нив есть сады и скверы, пусть, кому нужно, гуляет по своей десятине да слушает заунывные песни докучного ветра. Мы поедем в сады и будем наслаждаться веселыми романсами не прилетных, а в вагоне приехавших птичек.

Да как бы не так! Все было б хорошо, если бы не мораль, прописанная харьковской думой, которая, т. е. дума, а не мораль, постановила ходатайствовать о закрытии кафешантанов, открытых сцен с шансонетками и женских оркестров в ресторанах.

Гонение на женщину!

Как хотите, а культ женщины как соблазнительницы остается и в двадцатом столетии, каким он был и в древние, и в средние века.

Мы присоединяемся к харьковской думе и позволяем себе подсказать еще одно ходатайство: вместе с уничтожением открытых сцен с соблазнительными певицами просить об уничтожении открытых писем с еще более соблазнительною наготой.

А что наше предложение имеет основание, доказательством тому служит то, что в Германии, если помнит читатель, не так давно возникла мысль о воспреещении выставлять картины и вообще художественные произведения не очень скромного содержания.

А немцы куда же просвещеннее нас.

На этом, однако, сезонную тему мы закончим и предоставим читателю в сложном вопросе о нравственности разобратся самому.

Теперь же поговорим, например, по вопросу о службе и вознаграждении: кстати, и провинциальный материалаец есть.

Пусть те же моралисты и охранители душевной и телесной чистоты говорят нам, что служба есть прежде всего нравственный долг перед тем, чему мы взялись служить. Это высокий принцип, не подлежащий оспариванию; это своего рода *lex*¹ нашей совести и сознания.

Все это так, это касается того, кто служит; а какой же *lex*, какой закон совести и сознания для того, кому служба приносится, например земству, городу, обществу? Без этих двух сторон взаимодействующих нет самого акта службы.

¹ Закон, юридическая норма (*лат.*).

Полагаем, что здесь, кроме закона соответствия, никакого другого быть не может.

Так ли оно на самом деле?

Служил елисаветградскому земству долго, умело, служил с пользою у всех на глазах в качестве помощника врача елисаветградской же больницы г-н Тананайко.

Кто не знал г-на Тананайко и в городе, и в далекой окрестности? Знали его у постели больного и днем и ночью, когда нельзя было дозвониться у дверей врача; знали его по отзывам таких врачей, как д-ра Беккер и Юцевич; знали его, наконец, по радости самих больных, получавших у него облегчение. Мы лично свидетельствуем, что г-н Тананайко — опытный, знающий, с отзывчивым сердцем практик в медицинской науке.

И что же?

Этого опытного, всеми уважаемого помощника в страданиях человеческих елисаветградская земская управа довела до отставки.

Как так?

Очень просто и с соблюдением всех формальностей, с надлежащей перепиской, с номерами, печатями и подписями. Оказался г-н Тананайко ненужным при земской городской больнице, и ему предложили перебраться в деревню; а в городе у него свое имущество, семья, из которой дети воспитываются в местных учебных заведениях, и, кроме того, широкая практика с заслуженным доверием.

И решил г-н Тананайко, как решил бы, положим, член управы, выйти в отставку, если бы ему, этому члену, та же управа предложила перебраться на службу куда-нибудь в уезд.

Да так ли это?

Так, по крайней мере, до тех пор так, пока нам не скажут, что написанное в нашей газете в № 130 — неправда.

Вот вам и соответствие между службой и вознаграждением, закон прямого отношения!

— Китайцы в Сан-чо-гоу поступили иначе, чем россияне в Елисаветграде.

Был в этом городе в качестве коменданта капитан стрелковой роты Случановский, человек прямой, строгий и исполнительный²⁷⁶. Поначалу местное население встретило его недоверчиво, но затем, узнавши капитана как человека непоколебимого в правде и в гуманности отношений, до такой степени его полюбило и сжилось с ним, что, расставаясь с ним, когда

он должен был по службе оставить город, устроило самое трогательное и задушевное прощание. На проводы капитана Случановского явилось городское общество со своими представителями, принесло сюда два огромных зонтика, в знак уважения украшенных яркими лентами, и просило уходящего капитана принять от города большую сумму денег. Капитан благодарил общество за оказанное сочувствие, а от денег отказался, рекомендуя раздать их беднякам.

Что же сделал капитан Случановский для китайцев?

Служил их мирным нуждам: не допускал притеснения со стороны сильных, воспитывал свою роту в честных отношениях к жителям, два раза помог населению в разгаре страшной чумной эпизоотии²⁷⁷ и был в пределах своей власти и положения каждому полезен.

Вот просвещенный человек среди малопросвещенного общества.

Тут тоже служба и вознаграждение, тут тоже закон соответствия и прямого отношения.

А в Елисаветграде?..

Знали мы в Елисаветграде и другого деятеля, как и г-н Тананайко, прослужившего в земстве двадцать семь лет...

Роковое это число!

Но перейдем к соседям.

— Слышите ли вы, господа александрийцы, вопли и стоны больных, несущиеся из Байдаровской волости?

Не слышите, потому что смерть давит эти груди, дышащие болью и страданием.

В Байдаровской волости свирепствует тиф, и нет средств борьбы с ним, кроме помощи фельдшера, который приезжает раза два в месяц.

— Два раза в месяц фельдшерский визит!

«Смерть жатву жизни косит»²⁷⁸.

Места в земских больницах заняты, в хатах свирепствует болезнь.

Помогите, земцы!

Одна надежда, говорит очевидец, на александрийскую земскую управу.

И ждут этой помощи байдаровцы, ждут в виду надвигающихся полевых работ, когда нужны будут здоровые, крепкие руки.

— Пожалуй, читатель нас обвинит в пристрастном отношении к земству, в излишнем сгущении мрачных красок.

— Большая будет несправедливость с его стороны. Кто же когда-либо видел пристрастие в свидетельстве правды? Наконец, мы не знаем и того, что лишает александрийскую управу возможности помочь своей волости.

А что слышно про городские управы?

Там современный вопрос о цензе для служащих.

О цензе образовательном!

Петербургская дума требует, чтобы в городской управе места делопроизводителей и их помощников предоставлялись лицам с высшим образованием.

Ну, это в Петербурге, до нас еще далеко. Это насчет служащих, а насчет господ гласных?

Ни слова!

Так и полагается. А все же хорошо, что за образование так или иначе цепляются хотя бы там, откуда смотрят в Европу.

Сильней и сильней сияет просвещение.

Тьма идет к концу²⁷⁹.

— Вот вам и цифры, которые мы не можем назвать иначе, как интеллигентными цифрами.

Интересовался ли когда-нибудь специально наш читатель вопросом: сколько книг выходит в России в год?

В 1888 году их было выпущено 13 миллионов, а через три года, в 1901 году, их вышло 65 миллионов. Так значит в «Правительственном вестнике»²⁸⁰.

Следовательно, одна новая книга в год у нас приходится на двух читателей.

Сколько бумаги!

Но не удивляйтесь особенно, читатель: в более культурных странах Европы отношение иное — там ежегодно выходит 30 новых книг на одного читателя.

Составьте пропорцию, а все же — «тьма идет к концу».

К сожалению, местами она сгущается, как сгустилась она над Юрьевом²⁸¹. Здесь в одном книгохранилище оказались похищенными рукописи, имеющие научное значение для Остзейского края²⁸².

Пропажу исчисляют в тысячу экземпляров.

Похитители успели часть этой библиотечной драгоценности продать, а на вырученные деньги устроили себе кутеж.

Кто же эти похитители-варвары?

Мальчуганы в возрасте от 13 до 15 лет.

Боже мой! Опять дети...

Zet

Елисаветградские новости. 21.04.1904

Провинциальные картинки

История, каких мало, о филантропе, каких много • Ломбард-филантроп • Шаргородские раскладчики

— Слышали?..

— Слышали?!

— Слышали?!!

Таковыми возгласами удивления (и весьма радостного) обменивались недавно при встрече евреи г. Николаева... Волнение охватило все еврейское общество... И впрямь, было отчего волноваться... В городе Николаеве в еврейском обществе оказался свой Карнеги-филантроп²⁸³, меценат, покровитель просветительных общественных начинаний, поборник образования (пока только профессионального) в среде бедствующего еврейского юношества. Сей филантроп-просветитель — имя ему А. Я. Клейман (слава ему!) — в один прекрасный день, после вкусного обеда, пребывая в том исключительном настроении желудка и души, когда наш обыватель особенно настроен к возвышенным мыслям и подвигам скрытой добродетели, вдруг изрек:

— А почему бы мне не сделать хорошего дела?

(Г-н А. Я. Клейман имел в виду то, что мы, обыкновенные, мало занятые люди, называем добрым делом... Но, за неприобретением в течение своей жизни, всецело отданной «делам», привычки к правильному словоупотреблению, г-н Клейман называет доброе дело — хорошим делом.)

На ловца и зверь бежит. Не успел Клейман-делец мысленно превратиться в Клеймана-филантропа, как в двери его чертога уже просунул робко голову будущий объект его филантропических мечтаний...

— Что надо?

— Мы, уважаемейший г-н А. Я. Клейман, от нашего «Общества пособия бедным евреям»; если не изволили забыть, вы состоите членом его...

— Как же забыть? Членский взнос плачу ежегодно...

— Аккуратно платить изволите... Мы к вам не за членским — за экстренным взносом... Вы ведь знаете, уважаемейший имярек, что «Общество» хочет приобрести участок земли и на нем построить специальное здание для профессионального училища. Нашли мы место отличное и за бесценок —

2300, стоящее 6000 р. Отдано меньше, чем за полцены «Обществу» владельцем, ради доброго дела... Вот и собираем теперь с членов «Общества» эти 2300 целковых. Лучшего случая не найдем...

— 2300 за то, что стоит 6000! Лучшего случая не будет, — согласился г-н Клейман, но не вслух...

А вслух он сказал нижеследующее:

— Прекрасное дело! Профессиональное училище... И... все такое... надо, надо! Что ж, я со своей стороны... всегда... Дело хорошее!

Но что есть «все такое», что «надо» и что г-н Клейман «со своей стороны... — всегда» — было узвано Николаевским еврейским обществом впоследствии.

А что было узвано, «тому следуют пункты».

1) А. Я. Клейман привык относиться сознательно ко всякому акту общественного характера, ergo¹ и в вопрос о покупке земельного участка для профессионального училища намерен вложить свой житейский опыт, расчетливый ум и «деловую» энергию, для чего желает он, Клейман, лично осмотреть и обмыслить покупаемый участок земли.

2) А. Я. Клейман, осмотрев участок, нашел его «вполне подходящим» и дело приобретения недвижимости в 6000 за 2300 — хорошим.

3) А. Я. Клейман, растроганный и умиленный воображенной им на месте, при осмотре участка, картиной будущего блаженства питомцев профессиональной школы и вдвое ощущающая недавний послеобеденный подъем филантропических чувств, окончательно и бесповоротно постановил пред дешево продаваемой землею и своей совестью: *купить сию землю за собственный А. Я. Клеймана счет* и

4) (Слушайте! слушайте!) кроме всего — *пожертвовать «Обществу пособия бедным евреям города Николаева» 20 000 рублей на постройку здания училища!..*

Вот почему евреи города Николаева при встрече обменялись радостными возгласами.

— Слыхали?

— Слыхали?!.

Г-н Клейман «огероился»!

Те, кто не получал классического образования, говорили восторженно: «Вот человек!» Нюхавшие классицизма, вос-

¹ Следовательно (лат.).

клицали патетически: «Ессе homo!»¹ И был мир, и радость, и в человецех благоволение... Только в «Обществе пособия бедным» не было мира: стоп стоял на заседании общего собрания... Умиленное, обессиленное внутренними восторгами общее собрание из кожи лезло, чтобы похитить у потомков исключительно за ними признанное умение быть благодарным, мечтая доказать миру, что и современники — народ не последний в этом деле.

— Небывалое пожертвование! — кричали одни.

— Филантроп *nes plus ultra*!! — вопили другие.

— 20 000! 20 000! Землю купил!.. — надрывались третьи. Точь-в-точь как на цирковых афишах, о небывалом солоклоуне...

Почтить нового клоуна... то бишь — столп благотворительности, щедрого жертвователя, просвещенного мецената, покровителя образования (пока только профессионального), г-на Карнеги-Клеймана!..

Как почтить? Боги, как почтить его достойно?!

— Внести имя г-на Клеймана в «золотую книгу», внеся средствами присутствующих сто рублей в Национальный фонд! — предлагает член собрания.

— Мало! Мало!.. Принимаем! Еще! (*Аплогисменты.*)

— Закрепить приобретаемый для училища земельный участок за г-ном Клейманом!

— Принимаем! Мало! Еще! (*Шумные аплогисменты.*)

— Еще: надпись на будущем здании общественного училища: «Место и дом пожертвованы г-ном Клейманом».

— Принимаем! Bravo! Еще мало! Еще! (*Буря.*)

— Еще — (слушайте! слушайте!) — образовать капитал, который во всех отчетах, переписках и актах именовать: «Специальный капитал на пособие воспитанницам профессионального училища, пожертвованного обществу А. Я. Клейманом».

— Принимаем! Мало! Еще мало! (*Самум.*)

— Еще (слушайте!) — избрать комиссию для изъявления щедрому и великодушному жертвователю благодарности и преподнесения ему копии протокола собрания в изящной папке с выгравированной на серебряной доске надписью...

¹ Се человек! (*лат.*)

^{II} Непревзойденный! (*лат.*)

— Vivat! Crescat! Floreat! г-н Клейман! (*Смерч общественных восторгов.*)

И все это за двадцать две тысячи триста рублей!.. Автор до того размяк в этом ливне почестей, хлынувшем на голову г-на Клеймана из общего собрания николаевского общества пособия бедным евреям, что никак не может решить, где скрыт источник этого ливня: в темных ли тучах общественно-го недоразвития, возводящего с душевной легкостью элементарную обязанность помощи и ее частичное исполнение в заслугу и подвиг; в трагизме ли еврейской нищеты, ставящей многих искренних общественных деятелей в такую зависимость от капиталистов-жертвователей, что приходится усвоить тактику возношения до небес альтруистических поднявшегося еше на вершок от своего болотца буржуя, — дабы вызвать подражание, хотя бы из тщеславия, и этим привлечь средства для общественной цели; или, наконец, в ходульности, акробатических замашках всякой филантропии? Автор не может решить этого вопроса, — и душа его беспомощно отворачивается от взрыва энтузиазма вышеупомянутого общего собрания, засыпавшего фейерверком почестей г-на Клеймана.

Так был почтен обществом новоявленный николаевский филантроп...

И вдруг (а может статья — совсем не «вдруг») совершилась чудеснейшая метаморфоза, почище Овидиевых²⁸⁴. В то время как «общество пособия и пр.» с усердием, достойным лучшей участи, вырабатывало программу чествования благотворителя г-на Клеймана, оный благотворитель с не меньшим усердием сочинял заявление «обществу», полное трогательной простоты:

— Обещанные деньги дам только в том случае, если общество исходатайствует разрешение назвать будущее профессиональное училище моим именем! До сего мгновения земли обществу не дам и денег не дам...

Получив сию «ноту», правление общества, несколько прибитое, но еще не потерявшее надежды на «образумление» жертвователя, немедленно направило к богачу чрезвычайное посольство — или, как выражается местный летописец, — «почетную (sic!) депутацию во главе с раввином».

«Почетная» депутация, хотя и не предусмотренная предыдущей программой чествования, а, так сказать, «экспромтная», оказалась, однако, на высоте призвания, употребив вся-

¹ Пусть живет! Растет! Процветает (*лат.*).

ческие просительные приемы и всяческую аргументацию вплоть до ссылки на Устав, лишающий Общество возможности исполнить требование г-на Клеймана, при всей готовности первого присоединить и эту почесть к предыдущим. Но и щедрый жертвователь оказался на высоте своего призвания.

Приняв, по показанию того же летописца, «очень любезно» депутатов общества, г-н Клейман изрек:

— Я хозяин своему слову: хочу — даю, хочу — беру обратно!..

А так как хозяином земельного участка г-н Клейман уже состоял (участок был закреплен формально за ним по постановлению умиленного общего собрания), то остаться хозяином слова было нетрудно.

И снова собралось «общество пособия бедным евреям города Николаева» на заседание — заслушать новую повесть о щедром жертвователе.

И когда смущенное Правление доложило собранию все вышеизложенное, собрание уразумело, что г-н Клейман — не Карнеги, а «совсем наоборот», что «доброе дело» и «хорошее дело» в иных случаях и у иных филантропов — понятия тождественные и что г-н Клейман никакой ошибки ни в словоупотреблении, ни в сделке не совершил. И если кто совершил ошибку, так только «Общество», поверив благотворительному порыву г-на Клеймана и так стгоряча отдавшему и участок земли, и короб почетных отличий... Затрубили отступление... Но так как земля под училище уже была оккупирована неприятелем, оставалось спасти обоз почестей, еще не перешедший во владение г-на Клеймана... И собрание постановило:

1) *«Отменить постановления собрания о чествовании г-на Клеймана и выражении ему благодарности»* (sic!)

2) Вместо копии протокола о чествовании поднести г-ну Клейману подлинный протокол заседания... суда по иску Общества к г-ну Клейману о возмещении расходов, понесенных «Обществом» благодаря щедрому дару жертвователя и

3) Потребовать (легко сказать!) у г-на Клеймана возврата земельного участка...

«Так кончился пир наш бедою»²⁸⁵...

Старожилы говорят, что такого случая «филантропии» они не запомнят... Но старожилы — люди с привилегированной скверной памятью: никогда ничего не запомнят.

И потому нельзя им верить!..

Николаевские старожилы могут утешиться в своей беспаятельности уверенностью, что у них имеются товарищи: ковенские старожилы. Последние также не запомнят столь оригинального общества, какое существует ныне в городе Ковно²⁸⁶, величаясь «Опора падающим» («Seimeich Neiflim»).

«Опора падающим!» Название, безусловно, громкое, рассчитанное на то, чтобы быть услышанным в небесах.

«Опора падающим!» Читатель представляет себе, конечно, благотворительное общество, зорко следящее за каждым спотыкающимся бедняком и самоотверженно подпирающее его своими филантропическими плечами.

Так оно и есть. «Опора падающим» есть еврейское благотворительное общество в городе Ковно...

В этом не было бы ничего оригинального, если бы его не отличали от других еврейских благотворительных обществ два новых признака.

1) Оно не еврейское, а космополитическое благотворительное общество и

2) Оно не благотворительное общество, а... — ломбард...

Да не подумает читатель, что мы шутим. Боже сохрани! Мы преисполнены всяческого уважения к филантропическим начинаниям ковенских общественников и к их политической мудрости... Единственно по неумению выразиться художественными метафорами, аллегориями и прочими цветами словесности мы называем ковенское благотворительное общество «Опора падающим» просто-напросто языком грубой прозы:

«Космополитический ломбард».

Счастливым народом — ковенские бедняки! Группа общественных деятелей из местных «сливок» (по выражению туземного историка) порешили в оные годы «подпирать падающих»...

Бедняк — тот же пьяный: шатается, ежеминутно готовый растаяться... И как пьяному — фонарный столб, так и падающему бедняку необходима подпора...

Наука общественной жизни знала одну такую подпору: общественную благотворительность... Ковенские филантропы, не чуждые «идеалам века», знают, что эта прославленная подпорка ветха, давно подгнила и потому мало надежна... Слышали они также, что есть новоизобретенная подпора, называемая *самопомощь*...

— Самопомощь — это хорошо! — говорили ковенцы.

— Вместо того чтобы помогать бедняку, он сам себе помогает... Куда лучше и для общества, и для нуждающегося. И моральное чувство, и все прочее... Очень хорошая штука самопомощь!..

— Так самопомощь?..

— Самопомощь!..

И порешили члены общества подпирания падающих евреев города Ковно устроить «самопомощь». Как же ее устроить? Стали рассуждать. Ежели бедняк приходит в общество и получает пожертвование, будет ли это самопомощь? Отнюдь нет! Хотя он и сам приходит за помощью, все-таки самопомощью оно не будет... Как же быть? Как превратить благотворительность в самопомощь?

Думала, думала «Опора падающим» и — «эврика»!..

— Выдавать деньги беднякам только *под заклады*.

«Самопомощь» была найдена! В самом деле, бедняк, нуждающийся в «опоре», приносит *сам свою собственную* вещь и временно обменивает ее на деньги... Никому он, следовательно, не обязан, ни у кого помощи не берет, исключительно сам себе помогает!.. А разбогатев, он принести обществу долг и обменивает его на заложенную вещь...

И решив, что это и есть настоящая «самопомощь», общество «Опоры падающим» стало выдавать бедным евреям города Ковно временные опоры под заклад золотых и серебряных вещей, мехов, одежды, мебели и пр. и пр.

Все имеет свою эволюцию. Начав реформу с коренного принципа, общество почувствовало необходимость приладить к нему и все остальные пункты своего устава...

Пришлось учредить должность *оценщика* для определения ценности заклада...

Пришлось устроить склады для принимаемых в заклад вещей.

Пришлось назначить предельный срок выкупа, после которого приходится устраивать аукционные продажи...

Пришлось, собственно говоря, изменить и самое название общества и вместо благотворительной «Опоры падающим» назвать его Ломбардом или Ссудной кассой, — но об этом забыли.

Наконец, так как заклад есть понятие отнюдь не национальное, а вполне космополитическое, то пришлось обществу пособия бедным евреям, созданному исключительно евреями

и состоящему исключительно из евреев, ввести прогрессивный по нашему времени пункт: выдавать ссуды под заклады всем племенам и народам, населяющим город Ковно, в зависимости исключительно от ценности заклада...

Так живет и действует поныне в городе Ковно благотворительное еврейское общество, по недосмотру сохранившее старое, антикультурное прозвище «Опора падающим евреям» вместо целю характеризующего и современно-общественного: «*Космополитическая ссудная касса "Самопомощь"*».

Туземцы ковенские вполне довольны общественным учреждением — «Опорой-Ломбардом». Только заезжие туристы — народ заведомо невежественный и любопытный — недоумевают:

— Позвольте, господа: какое же это благотворительное учреждение? Просто — ссудная касса!.. Заклад, выкуп, отсрочка, продажа с аукциона — чистейшая ломбардная терминология. Какая же тут общественность?!

— Да ведь не частное лицо — предприниматель, а общество; какой же вам еще общественности надо? — отвечает «Опора падающим».

— Допустим, — уступает турист: — а выдаете вы ссуды бедным по какой оценке?..

— Обычной.

— То есть за вещь, стоящую 50 р., — 25?

— Не давать же за нее 60! Да для бедняка же лучше: легче выкупить будет...

— А в случае невыкупа в срок, что вы делаете с закладами бедняков: продаете?

— Конечно. Нужно, знаете, научить нашего бедняка уважать общественные постановления и обходиться без общественной помощи... Если заклада не продавать, так это не «самопомощь», а подаяние!.. А подаяние развращает...

— Так-с. А если у бедного человека нет вещи, которая представляла бы соответствующую ценность для заклада, — что ему дает «Опора падающим»?

— Ничего!

— ???! Благотворительное общество?!

— Человек, у которого нет ничего ценного, не может себе помочь; он — слабый человек. А слабые не должны существовать... Это сказал еще Ницше... Общество не должно поддерживать слабых...

Тут любознательный турист чувствует себя побежденным и уезжает из города Ковно, недоумевая:

Общественная благотворительность существует для абсолютно неимущих, для неспособных к труду, для нищих... Где же таким господам иметь вещи для заклада? Стало быть, именно эта категория присяжных клиентов общественной помощи лишена возможности опереться на «Опору падающим». Те же, у кого есть ценные вещи для заклада, не нуждаются в специальном общественном ломбарде... Далее: бедняк, у которого еще сохранилась зорко оберегаемая драгоценность — часы, подаренные жене к венцу, или беличья шубка, а то и просто обиходнонеобходимая единственная подушка, самовар — вынужден в конце концов заложить вещь, чтобы накормить детей. «Опора падающим» в интересах будущих клиентов оценивает вещь строго и выдает еще строже... «Падающий» находит в своей шубке, стоящей 70 рублей, «опору» всего в 35—40 р. Пришел срок выкупа, заработков у него все еще нет (есть ли вообще у массового еврея черты оседлости заработка?) — и единственная ценность бедняка — шубка, самовар, подсвечники — улетает с молотка... И выходит, что, рискнув опереться на «Опору падающим», бедняк падает еще больше.

— А проценты? Берет ли проценты ковенское благотворительное общество? — вскрикивает турист: — И если берет, то какие?

Но когда этот вопрос приходит ему в голову, он находится уже далеко от города Ковно.

Так вопрос о процентах в «Опоре падающих» и остается нерасследованным...

А следовало бы!.. Для художественной полноты физиономии сего благотворительного общества следовало бы взимать проценты.

И был бы современнейший ломбард — последнего слова науки!..

И туземному историку, вещающему о ковенских благотворителях «Опоры падающим», не приходилось бы удивляться тому, что «интеллигенты, можно сказать, сливки общества ковенского, такое неподходящее дело затеяли»...

Почему ж? И в обыкновенных частных ломбардах сидят интеллигенты... Почему ж бы им не быть в таком благородном космополитически-общественно-благотворительном ломбарде?..

Разве туземный историк не знает, что «космополитика» и реальная ценность — два великих догмата очень многих еврейских «интеллигентов»?..

Пора бы знать!..

Историки, и особенно летописцы, вообще — народ наивный... Так, летописец города Шаргорода (Подольской губ.) скорбно восклицает:

— К несчастью, всякий думает только о себе, о своей утробе! На младших братьев (сиречь неимущих) — нуль внимания! Неужто у нас нет уж добрых людей?..

Шаргородский летописец, должно быть, не читал Смайлса²⁸⁷. Почитай он сего буржуазно-добродетельного мыслителя, он знал бы, что самому думать о себе — значит быть самодеятельным. А самодеятельность — великая добродетель!..

Зато шаргородские богачи, по-видимому, читали «Самодеятельность»²⁸⁸, но немножечко не поняли. Правило «заботься о себе сам» они превратили в «заботься о себе самом». Возможно, что ошибка здесь только этимологическая, объясняемая тем, что шаргородские обыватели учились русской этимологии в гимназии...

Как бы там ни было, но шаргородским беднякам от этого не легче...

Ибо ни Смайлс, ни самодеятельность и ничто другое не может спасти обывателя-еврея от необходимости уплатить вовремя свечной сбор²⁸⁹...

Когда приходит время раскладки свечного сбора, еврейское общество выбирает раскладчиков из «обеспеченных». Шаргородские авгуры запираются на несколько дней в *Sohl-Stiebel*¹ и раскладывают... не то пасьянс, не то свечной сбор...

Может быть, выборные раскладчики, сидя в «*Sohl-Stiebel*», играют и в «стуколку» или в «око»²⁹⁰, так как времени для исполнения возложенной на них общественной задачи у них оказывается всегда больше, чем нужно...

Они решают задачу весьма просто.

— Зачем нам, господа, голову ломать над расчетами, кто может в этом году платить, кто не может... Давайте прошлогодний список: перепишем, и будет новая раскладка!.. Всего-то на каждого 60 с лишним копеек приходится — за год уплатить не трудно.

Сказано-сделано. Взят прошлогодний список, написан на свежей бумаге, и раскладка готова... А теперь, хоть за стуколку!..

¹Здесь: моельня (*игиш*).

Так «раскладывают» свечной сбор, строго согласно платежеспособности обывателя, выборные Шаргородского еврейского общества.

Устное предание Шаргорода говорит об одном смельчаке-новаторе, который осмелился однажды в заседании раскладочной комиссии громогласно заявить:

— Позвольте, господа, это невозможно! В списке плательщиков прошлого года имеются бедняки — нищие, которые решительно не могут заплатить и 60 к. и действительно не заплатили. За ними недоимка прошлого года. Теперь, не глядя, мы опять внесем их в список, следовательно, заставим заплатить вдвое... Так нельзя, господа! Мы могли бы сделать кое-что: исходатайствуем общественным приговором из коробочных сумм²⁹¹ рублей 200 в год и покроем ими свечной сбор, причитающийся с нищих. А оставлять из года в год голодающих в списке плательщиков нельзя!

Что сделали шаргородские авгуры с этим новатором, неизвестно. Предание после этого случая о нем уже не упоминает...

И теперь шаргородские обыватели наблюдают ежедневно милые сердцу еврейскому картины...

— Хайм-Бер Феферман! — взывает полицейский: — Недоимки свечного сбора за прошлый год — 62 копейки; за текущий год — 62 к. Всего с тебя 1 р. 24 к. Давай!

— У меня второй день нет хлеба в доме...

— А мне какое дело: требуют!

— У меня нет...

— Так самоваром заплати...

Шествует полицейский из мазанки в мазанку с требованиями; плательщики свечного сбора в Шаргороде отдают в уплату единственный самовар, последнюю подушку, зимнее пальто, ложки — чем кто «богат».

А члены раскладочной комиссии в это время играют в стуколку и ставят ремизы²⁹² в размере свечного сбора и годовой недоимки — по 1 р. 20 к., а то и больше!..

Ох вы, гой еси, господа общественники еврейские — николаевские, ковенские, шаргородские и прочие, и прочие!..

Иш-Мацлиах

От редакции. В целях возможно более полного освещения провинциальной еврейской жизни редакция журнала покорнейше просит читателей сообщать всевозможные факты, события из местной жизни, нисколько не стесняясь изложением.

От присылаемого материала требуется только строгая проверенность факта. Для удобства сортировки получаемой редакцией корреспонденции просим на письмах, направляемых в отдел провинциальных картинок, пометать: «Иш-Мацлиаху».

Еврейская жизнь. 1904. № 5. С. 201–212

Ожидание погрома. Настроение общества

Одесса

Из легальных газет (кор. «С.-Петербургских ведомостей»²⁹³) известно уже, что в Одессе перед пасхальными праздниками переживалось напряженное состояние в ожидании возможного еврейского погрома и что городской голова нашел вынужденным даже войти с официальным представлением к градоначальнику относительно активной агитации в этих целях, выразившейся в массовой бесплатной раздаче газеты «Знамя»²⁹⁴, приезде агитаторов из Кишинева и т. д. Следует прибавить к этому, что подобная же агитация коснулась и других соседних южных городов, как, например, Елизаветграда, Кишинева, Николаева, и что в Одессе на Малороссийской улице в двух местах — в прачечной и еще каком-то пустующем помещении — найдены были склады топоров, вил, ножей и т. п. орудий нападения. Установлено, что эти склады заготовлены именно для нападающей стороны, а не для самообороны, потому что у последней, в свою очередь, в других местах найдены склады оружия, причем несколько человек арестовано. Кадры самообороны евреев пополнялись, между прочим, почти наполовину христианами, преимущественно из среды рабочих, причем представители партий социал-демократов, социалистов-революционеров и «бунда» временно объединились, а сионисты организовались особо. В общем, говорят, дружина самообороны состояла приблизительно из 1200 чел., готовых к планомерному отпору против громил с оружием в руках, а к ним, несомненно, присоединилось бы немало и из более пассивной еврейской массы. Это вызвало бы уже серьезное осложнение в глазах администрации, тем более что представители крайних партий угрожали в случае такого возмутительного отношения к погрому полиции и властей, как было в Кишинева, начать громить казенные учреж-

дения: таких учреждений в Одессе, конечно, очень много, и пришлось бы все их охранять войсками, не говоря уже о том, что такой оборот дела походил бы на настоящую внутреннюю войну с большим с обеих сторон кровопролитием. Эти ли соображения или вообще урок кишиневской истории, но что-то отрезвило администрацию, и в настроении как будто произошел какой-то переворот: до известного момента перед праздниками можно было опасаться бездействия властей, а с некоторого момента администрация заметно зашевелилась. В наивной части еврейства так и говорили, что «погромы вы соч ай ше отменены». Выражение, кажется, вполне отвечающее истине, разумея, конечно, под высочайшею властью — власть г-на фон Плеве²⁹⁵. Как бы то ни было, от одесского градоначальника и кишиневского губернатора последовали предостережения по адресу громил и их вдохновителей, а кн. Урусов²⁹⁶ выслал даже из Кишинева на время Пасхи известнейшего Пронина²⁹⁷; Пронину этого очень не хотелось, он ссылался на болезнь, но губернатор прислал своего врача, не нашедшего никакой болезни, и беспардонный агитатор был удален. На газету «Бессарабец»²⁹⁸ тоже оказано давление. Затем, как известно, губернатор обратился к местному архиерею ради воздействия на население через священников. Вообще, кн. Урусов, говорят, искренний противник погромов, но, как я уже сказал, с некоторого момента все заметно успокоились и праздники прошли без всяких инцидентов. Зато появились некоторые беспokoйные симптомы в среде рабочих ввиду все развивающейся и развивающейся безработицы по случаю войны. Этот глухой еще пока ропот вынудил уже градоначальника Нейдгарта²⁹⁹ выехать в порт и там беседовать с рабочими-грузовщиками; они ему откровенно заявили, что если положение не улучшится, то повторятся прошлогодние июльские события (всеобщая забастовка и демонстрация).

Настроение в обществе по отношению к войне, как говорят люди, более меня осведомленные об этом, заметно изменяется. Даже в кругу благонамереннейших негоциантов, землевладельцев и других «столпов общества» чисто русского происхождения выражается неудовольствие. Как в старину говорили: «Жомини да Жомини, а об водке ни полслова»³⁰⁰, так и теперь говорят: «Все герои да герои, а о победах не слышно». И в самом деле — умиляться одним патриотизмом да героизмом можно еще, когда действительно речь идет о спасении отечества, как у нас в 1812 или у французов в 1871 году,

а когда мы сами ведем агрессивную колониальную политику, то надо же рассчитать силы и не угощать публику одними реляциями о героических поражениях; вчера проломили бока целым трем броненосцам, сегодня командир всего флота с удивительной меткостью расстреливает себя и свой огромный экипаж не то японской, не то собственной миной, завтра еще что-нибудь в этом роде — долготерпение российского обывателя, наконец, не беспредельно. Не умно разыгрывается и подогревание народного патриотизма; едва ли хватило бы где, например, одинаково восторженного настроения на целых три партии героев Чемульпо³⁰¹, прибывших сюда последовательно одна за другой: уже вторая встреча была смята несколько под предлогом Страстной недели, не располагающей к празднованию; третью партию с самим Рудневым встретили совсем незаметно, ссылаясь на траур по «Петропавловску»³⁰². Вообще, отдавая все должное личному мужеству и бесстрашию «Варяга» и «Корейца», нельзя не пожалеть, что чествование их приняло характер какой-то суетливой назойливости. И пресса тоже постаралась. О героях под разными заголовками в газетах печатался ряд невыносимо безвкусных и пошлых статей. Кстати о газетчиках или, собственно, об одном редакторе газеты. В газетных иллюстрациях фотографическая группа, где сняты приезжавшие сюда моряки Чемульпо вместе с синклитом здешних начальствующих лиц и представителей городского управления. Передний ряд сидит на стульях, задний стоит за ними... и только одна-единственная фигура приютилась на полу, как раз у ног градоначальника Нейдгарта, в позе, в какой рисуются шуты прежних времен у ног своих владык. Веселый, со счастливым выражением лица, уже седобородый старичок во фраке — не кто иной, как редактор-издатель наиболее старой и богатой местной газеты г-н Навроцкий³⁰³, носящий, к стыду нашему, и звание городского гласного. Позиция в группе — не случайность, а вполне точный символ настоящей позиции г-на Навроцкого, добровольно пресмыкающегося домашнего сплетника, а кто говорит — и наушника при Нейдгарте. Это пресмыкательство не оправдывается даже материальной захудалостью, потому что наш юркий газетчик едва ли не миллионер. Таковы нравы! От карьериста совсем низкопробного, позволяю себе перейти мысленно к карьеристу высшей марки. Газеты только что сообщили о назначении начальником главного управления по делам местного хозяйства г-на Гербеля³⁰⁴, харьковского губернатора. Этот чрезвычайно важный новый пост — пост «земского на-

чальника всея России» — отдан человеку ограниченных дарований, которого даже в губернии не считали достаточно способным к руководству хозяйством всего губернского земства³⁰⁵ и только после долгих домогательств, в критический момент, когда старые деятели херсонского земства сошли со сцены, а новые люди уклонялись, выбрали наконец председателем губернской управы. Будучи сторонником земства без земских принципов, он сначала втерся в милость тогдашнего херсонского губернатора князя И. Оболенского³⁰⁶, был его сотрудником и вместе собутыльником, совершив, между прочим, с ним одну знаменитую прогулку по Херсонскому уезду для экзекуции крестьян, одним словом, очаровал князя, бывшего когда-то тоже, с позволения сказать, земцем. Ставши харьковским губернатором, Оболенский вытащил за собой Гербеля, а теперь последний настолько приглянулся самому фон Плеве, что назначается даже в президенты его «Плевого» парламента в качестве первого знатока и хозяина земского дела. И ведь, пожалуй, у облинявшей бюрократии за оригинальный талант сойдет, а со временем, поглядишь, и в министры вынырнет — чего не бывает у нас на Руси?

Недавно сильно опростоволосилась администрация одесской тюрьмы. Арестованы были по политическому делу дядя и племянник, оба по фамилии Шнайдер. Когда пришел приказ освободить дядю, освободили, по ошибке, племянника, попавшегося на распространении литературы. Он, конечно, скрылся, и вот уже несколько недель его не находят, хотя полицмейстер поклялся найти его в несколько дней. Дядя в свою очередь потребовал освобождения, и его, конечно, освободили. Смещен с должности помощник начальника тюрьмы за этот промах.

Аноним

Освобождение. 1904. № 47. 2 мая. С. 422

Среди корреспондентов IX

Провинциальный фельетон

«Русская правда» • Мытарства елисаветградской гимназистки • Наша филантропия — веселящая и благотворящая • «Агресный стол благотворительности»

Нашего полку прибыло!

— Откуда? Как?

В Москве родилась «Русская правда»³⁰⁷.

— Позвольте, будто русская правда только что родилась. Да-с; ей от роду нет и месяца.

— Да как же так? Русская правда, в Москве, в апреле сего года? А та «Русская правда», о которой мы учили еще мальчуганами, за которую единицы получали?

За правду-то единицы? Что вы?

— За «Русскую правду»,

А... то особь статья; то была правда юридическая³⁰⁸.

— А эта?

Эта «Правда» — литературная, политическая, экономическая, общественная и проч. и проч.

— Вот это хорошо: правда политическая, экономическая, общественная — значит и земская, и городская?

Ну, конечно!

— И как это в Москве все стройно, все одно к одному. Тут и «Русская мысль», и «Русское слово», и «Русские ведомости», и «Русский архив»³⁰⁹, а теперь и «Русская правда». Был еще когда-то тут и «Русский вестник», и как неустойчивый легат перебежал в Петербург³¹⁰.

— Ну, кажется, теперь слово «русский» использовано уже окончательно.

А нам думается, что нет, не окончательно.

— Чего ж бы еще?

Хорошо было бы почитать газету «Русские новости»³¹¹.

— Еще чего захотели; довольно вам и «Елисаветградских»³¹².

Оно так, да не все новости тут вмещаются.

— Вот, к примеру, елисаветградскую новость мы узнали, как вы думаете где?

Интересно знать.

— В Ярославле, из тамошней газеты «Северный край»³¹³.

И что же за новость?

— Новость под заглавием «Мытарства гимназистки».

Не длинен рассказ; не много в нем слов, но много в нем горя и слез:

«Около двух месяцев назад в Николаеве в семью Богуславских поступила в услужение Мария Остапенко, девочка 14 лет. Несмотря на то, что девочка была одета в лохмотья, видно было, что она не из простой семьи. Еще более были поражены супруги Б-ские, когда увидели, что их юная служанка помогает их детям, обучающимся в гимназии, приготавливать

уроки и говорить по-французски. Знание языка девочка объяснила тем, что она в Елисаветграде, откуда недавно приехала, служила в доме преподавателя французского языка. Так прошло два месяца. Как вдруг все перевернулось. На днях утром в квартиру Б-ских явились в сопровождении полиции две дамы. "Где барышня?" — обратились они к г-же Б-ской. — "Какая барышня? У меня только служанка есть, девочка Маша".

— Это... моя дочь! — воскликнула одна из дам.

После долгих поисков девочку разыскали в погребке, спрятавшуюся на дне стоявшего там большого ящика... С трудом ее уговорили оставить свое убежище и идти в комнаты. — "Это и есть моя дочь! — подтвердила дама. — Она не Маша, а Лидия М-о", — и дама назвала известную иностранную фамилию. Девочка Лидия М-о — из богатой интеллигентной семьи и училась в гимназии. В прошлом году при переходе в 4-й класс ей дали переэкзаменовку. Переэкзаменовки девочка не выдержала, тщеславие матери было задето, и девочка была наказана. Ее взяли из гимназии и отдали в модный магазин. Патронесса оказалась жестокой дамой, расправлявшейся со своими ученицами за малейшую оплошность. Девочка не выдержала этого режима, в родительский дом вернуться было нельзя, и несчастная, измученная, она бежала... Где она мучилась больше года — девочка не говорит, за исключением того лишь, что она была в Елисаветграде. Боясь за дальнейшую судьбу несчастной девочки в доме матери, г-н Б-ский намерен обратиться к обществу защиты детей и просить его заступничества».

— Слышали ли вы, господа елисаветградцы, эту историю о четырнадцатилетней Лидии, именующей себя Машей?

Что же тут нового? — скажете вы.

Да, ничто не ново под луной! Нервы... скажет спокойный психолог. Нервы матери, нервы дочери,

— Нервы всей нашей семейной и общественной жизни. Слишком усиленно бьется наш пульс, и сами мы сгораем в собственном жару, не оглядываясь на стороны и не вопрошая себя: что мы делаем.

Накажете ли вы эту Лидию-Машу так, как наказывали ее мать и моднорукодельная учительница?

— А есть такие общества покровительства детей, к которым можно обратиться с просьбой о заступничестве?

Вероятно.

Об обществе попечения о детях пишет, между прочим, наш собрат из Феодосии в «Крымский курьер»³¹⁴. Только дела самого попечения тут не важны.

— А что?

Ничего; только стены помещения, в котором живут дети, до такой степени мокры, что чувствуешь страшную, пронизывающую сырость.

— И каких только обществ попечения у нас нет?

А попробуйте стукнуть в их двери. Ответ один: мест нет. Где делся елисаветградский приют подкидышей? На что сходит елисаветградское общество охранения народного здоровья?

Правда — много их; но правда и то, что нужды еще больше.

Однажды мы, просматривая номер газеты «Волгарь»³¹⁵, насчитали в нем девять заметок о девяти саратовских благотворительных обществах. Тут были и пожарные любители, и приют для бедных детей, и педагогические курсы, и потребительные общества, и вспомоществование бедным и проч.

— Конечно, откроется и общество охранения женщин?

В Саратове, на Волге-то, на дороге к Каспию — несомненно!

— Но все это общества сострадательные, а есть и развлекательные. Таково «Московское общество содействия устройству общеобразовательных народных развлечений».

И то дело.

— По случаю наступившего летнего сезона общество это позаботилось уже об устройстве предстоящих гуляний в Сокольниках и в Петровском и сбалансировало смету в 23 тысячи рублей.

А что ж? Здоровье человека нужно не только охранять, но и питать. Наилучший способ для этого — гулянье на чистом воздухе.

Хотели бы погулять у себя в колонии и елисаветградские детки, да не на что; у охранителей денег нет. За них погуляют москвичи.

В столице на другой реке есть другое общество, если хотите, и с громким и длинным названием. Вывеска его такова: Комитет для оказания содействия молодым людям в достижении нравственного и физического развития в С.-Петербурге³¹⁶.

Образовалось это общество быстро и решительно, совсем по-американски. Некий американец Джемс Стокс вынул из собственного кошелька пятьдесят тысяч рублей и сказал: быть комитету!

— И бысть комитет...

И засверкали лучи света на пользу нравственного и физического развития русской столичной молодежи. Светят они уже четыре года на тысячу человек членов этого общества, принимающего в свои ласковые объятия лишь тех, кому не меньше 17 и не больше 25 лет с платою по 8 р. в год с каждого.

— Это, должно быть, самое веселое общество! Тут есть все: библиотека, читальня, классные комнаты, музыкальный зал, оркестр, хор, гимнастика, бильярд, шахматы, шашки, буфет (конечно, без крепких напитков). Летом прогулки, игры, а зимой катанье на лыжах.

— Прекрасно — что и говорить!

Но не рано ли семнадцатилетним юношам удаляться в собственные комитеты, хотя бы с целью физического и нравственного воспитания, без руководства старших? Что ни говорите, а комитет м-ра Джемса Стокса — все же собрание, нечто вроде клуба, хотя бы без карт и горячительных напитков, семнадцати же летний его член, если он не в школе, во всяком случае, еще не на твердом пути жизни. Он, конечно, не гимназист и еще не студент, следовательно, или *не окончивший*, или человек свободной профессии вне общего образования. О более взрослых членах мы не говорим.

— В одной из крымских газет мы прочли об этом комитете следующие строки: «было бы желательным, чтобы комитет столичного общества раздвинул рамки своей полезной деятельности и уделял часть забот крупным провинциальным центрам».

Зачем же только крупным? Уж если раздвигать рамки, то шире, до Миргорода и Ольвиополя включительно,

Да! Каких только не бывает благотворительных обществ, а в действительности?

— Жутко становится от этой действительности; а она у нас на глазах то в чердачной жизни, то в болезни, то в смерти. На днях у нас в Елисаветграде умер адвокат Рывкин, один из честнейших поверенных и не лишенный таланта, но безжалостно обойденный судьбой. На закате дней он жил почти впроголодь и оставил сирот своих в ужасной квартире где-то на чердаке.

Что же благотворительные общества?

— Пока еще молчат. Хорошо, что заговорила местная газета и наши «Новости» собрали сотню рублей в пользу сирот. Но прочитайте имена жертвователей. Это тоже характерно.

В Архангельской губернии, в глубине Кемского уезда, обнаружен очаг проказы.

— Шевельнулся ли кто-нибудь из благотворителей?

Неизвестно!

— В Одессе умер помощник классных наставников 2-й гимназии Косинский, оставив в бедности вдову и трех детей.

Пришел ли кто-нибудь к сиротам?

— Пришли: горе и нужда.

Откликнитесь, благотворители! Взываем к вам, а не в пустыне, потому что, как оказывается, в России есть благотворительное общество, которое жалуется, что к нему никто не обращается.

— Полноте шутить!

Какие шутки! Читайте сами эту жалобу не где-нибудь, а в столичной газете. Здесь буква в букву сказано со слов деятеля этого общества:

«До сих пор к нам почти никто за помощью не обращался». Причем этот деятель просит распространения сведений путем газеты о сказанном обществе и зовет нуждающихся.

— Удивительно. Предложение превысило спрос.

Как в американских банках: оказались лишние капиталы, которые лежат без движения, и некуда их девать.

Не может быть. Тут просто какое-то недоразумение. Бедняков не обобрать, а нам говорят, что благотворительные общества не дождутся их к себе.

— Все может быть, и никакого недоразумения тут нет, и не свести ли нам речь на простое разуменье.

Одесский Финн³¹⁷ предлагает для устранения подобного рода тяжелых затруднений благотворительных обществ завести адресный стол благотворительности.

И это — мысль на помощь столице от провинции.

Zet

Елисаветградские новости. 13.05.1904

Общественное настроение

Одесса

В прошлом письме я указал на симптомы перемены в настроении нашего среднего обывателя по отношению к войне. С тех пор по сей день, т. е. до мая, ничего не случилось, что бы повлияло в обратную сторону, и, наоборот, много случилось такого, что утверждает его в критическом отношении к войне и ее авторам. Я враг иллюзий и не преувеличиваю значения этого настроения: будут военные удачи, будет какая-нибудь

громкая победа — и многие опять вострубят: «Веселися, храбрый росс!»³¹⁸ — но пока веселиться решительно нечему. Переход японцев через Ялу, битва у Кюленджена, высадка новой армии у Бидзыво, критическое положение Порт-Артура, оставление Фын-Хуан-Чена³¹⁹ — какая серия фактов однородного характера нагромоздилась почти за одну неделю! Нас стараются успокоить: таков, мол, обдуманый план главнокомандующего, но если бы он умышленно и невынужденно отступал, желая завлечь неприятеля в глубь Маньчжурии, зачем было приносить богу войны такие ужасные жертвы, как кюленченская — в 2500 русских душ, не говоря уже о брошенных орудиях, убитых лошадях и других потерях? Можно не верить остроумию такого плана, когда целая неприятельская армия высаживается на берег при страшно неблагоприятных для нее условиях, идя по горло в воде целых 4000 метров, а мы пальца о палец не ударяем, чтобы ей воспрепятствовать! Едва ли уже много найдется теперь простецов, которые бы говорили: «Все, что ни делается, делается к лучшему», — большинство начинает понимать, что мы имеем дело с непредусмотрительностью, которая началась до возникновения самой войны и повторяется теперь на ряде фактов. Напрасиваясь сами на войну, мы как-то и готовились, и не готовились к ней, избрали какой-то нелепый средний путь: эскадру в Тихом океане держали, но не такую, которая могла бы достойно померяться с японским флагом; войска стягивали, но тоже в недостаточном, как теперь оказалось, числе. И попали впросак. Вероломство японцев и личный героизм наших войск — эти два конька, на которых, за неимением другого, более существенного, мы хотим выехать, — никуда не вывозят, так как результаты военных действий остаются пока плачевными. Могут упрекнуть наше общество в том, что оно слишком материалистично, что оно начинает охладевать к делу в такой момент, когда, наоборот, несчастье должно бы вызывать особые проявления симпатии и поддержки, но это было бы несправедливым упреком — если мы сами, что называется, лезли на рожон, то не в несчастье тут дело, а в собственном преступном легкомыслии и в бездарности инициаторов. При этом общество не знает даже достаточно, что творится во внутреннем механизме войны: Старка³²⁰ заменили Макаровым³²¹, после смерти Макарова вступил в командование флотом кн. Ухтомский³²², потом его имя как-то совсем исчезает, хотя он в воду и не канул, а выплыл неизвестно откуда Витгефт³²³, но и он лишь временный,

пока не придет Безобразов³²⁴, а как он придет при изолированном состоянии Порт-Артура, неизвестно; Стессель³²⁵ в роли коменданта был заменен, по газетным известиям, Сахаровым³²⁶, а потом снова фигурирует в прежней должности; Засулич³²⁷ и Куропаткин³²⁸, по прозрачным намекам газет, не поняли друг друга или не хотели понять, когда устроили «славный» бой на Ялу³²⁹; неизвестно даже, кто, собственно, у нас фактический главнокомандующий на войне: на суше есть Куропаткин, в Порт-Артуре и во Владивостоке — адмиралы, но ведь действия этих отдельных частей должны быть строго согласованы и объединены каким-то штабом и каким-то одним высшим стратегом! Алексеев, по-видимому, носит только звание главнокомандующего, оставаясь гражданским наместником, а об его штабе ничего не слышно. В дополнение к этой странной таинственности в общество проникают вести о серьезных дефектах по интендантству, по ведомству Красного Креста, по организации медицинской части. Из частных писем, здесь получаемых, мы узнаем, что врач затрудняется сделать после сражения операцию за недостатком нужных инструментов; в другом месте не находится перевязочного материала, так что, по словам автора письма, хоть полу скрутка отрезай для повязки; еще задолго до изоляции Порт-Артура из солдатских писем здесь узнали, что крепостному гарнизону уменьшен был на полфунта паяк хлеба (в то время как кричали об избытке провиантских запасов в крепости), и т. д. Отрезвлению нашего общества содействует и довольно правильный взгляд на вещи, высказываемый здесь нередко и офицерами: к их чести, они чужды фанфаронства и не скрывают, напр., факта лучшего вооружения японской артиллерии. Правда, корпусный командир генерал Мылов³³⁰ имел неприличие в обращении к матросам «Варяга» благодарить их за то, что они «не побоялись японской обезьяны», но этим он только сам себя низвел на культурный уровень издателей с Никольского рынка, продолжающих снабжать и нашу Одессу «патриотическими» картинками. Кстати, чего только не рисуют эти предназначенные для народа и одобренные правительственной цензурой картинки! На одной, напр., вы видите аллегорическое изображение неудачной попытки японцев проникнуть в Маньчжурию: громадных размеров русский матрос с выпученными глазами и глупо улыбающимся лицом отсек крошечному японцу нос — тот стоит за чертой Маньчжурии в жалкой позе, нос валяется на Маньчжурской

земле, а из раны ручьем льется ярко-алая кровь; на другой русский богатырь изображен наказывающим плетью (универсальный русский инструмент!) японца; под третьей, где трактуются порт-артурские дела, помещены стихи: «Воевать с нами, микадо³³¹, тебе браться бы не надо — шутка не легка: подкрался к эскадре нашей ты с командой Того-паши³³² — хитрого плута, но кулак вдруг канонира залепил японцу в рыло, зубы вышиб изо рта — знай, что сильный Ретвизан³³³ — боевой наш великан — храброе судно — разберет скорей делишки, а затем твои кубышки пустит все на дно!» Я посвятил бы это чудовищное лубочное вранье императору Николаю, заявившему, что он требует от печати «правды, только правды», и рукой своих чиновников открывающему подобным изданиям широкий доступ к темному и без того обмороченному народу. А попробовал бы кто-нибудь во имя дорогой сердцу монарха правды представить цензору изображение этого самого «Ретвизана» — не пускающим на дно все японские «кубышки», а спасающимся от них в гавани с пробоиной на боку, — воображаю, как бы сказала тут провозглашаемая свыше любовь к правде!.. Между прочим, характерно, что на всех почти аллегориях рядом с посрамленным японцем стоят карикатурные фигуры англичанина и американца (иногда и китайца), — дипломаты могли бы видеть в этом возбуждение против нейтральных пока держав. Мне могут поставить в упрек, что я долго останавливаюсь на какой-то жалкой мазне лубочников, но не в лубочниках, конечно, дело, а в том, что поощрением лжи и цинизма при запрещении правды растлевается душа простого, доверчивого в своем неведении русского народа. Ведь эти картинки благодаря пестроте своих красок и современности темы имеют массовый сбыт и даже в таком сравнительно культурном городе, как Одесса, собирают у киосков толпу зрителей.

Возвращаюсь, впрочем, к настроению более культурных общественных слоев. И сюда, конечно, если не с картинками, то со своеобразным лубочно-патриотическим языком устремились «правдивые» писатели-националисты, старающиеся или по крайней мере старавшиеся уверять, что японцы для нас только «япошки», «макаки», «желторотые» и т. д. Трудно даже понять, к чему эта манера: ведь гораздо почетнее победить солидного, сильного и смелого врага, чем ничтожество. А уж если это прославленное ничтожество заставляет нас то отступать, то тонуть, то терять тысячи наших богатырей, тогда

и вовсе — срам. Насколько можно заметить, бахвальство и мальчишески задорный тон все больше и больше теряют кредиты в читающей публике. Пора нам и в самом деле быть воспитаннее и поучиться корректности хотя бы у этого самого «макаки». Вообще, хотя и дорого достается нам некоторое отрезвление от националистического угара, но его нельзя не приветствовать: ведь любить родину можно и не по рецептам с Никольского рынка или из редакции «Нового времени».

Аноним

Освобождение. 1904. № 48. 21 мая. С. 436

Провинциальные картинки

Гонение на книгу • «Культура», принятая в члены Одесского общества приказчиков-евреев • Национальные прожектеры с оглядкой • Обилие проектов и еще большее обилие нужд • Общественная математика в городе Плоцке • Меновский гвуликий Янус • Иудейство как «смягчающее вину обстоятельство»

Лодзинские еврейские чудотворцы-раввины, цадики и «добрые евреи» («gute-Juden») сотворили великое чудо: единым взмахом уничтожили науку, литературу, прессу.

Что хасидские цадики страдают «печатебоязнью», давно известно. Репетилов верил, что «водевиль есть вещь, а прочее все — гиль»³³⁴, а почтенный хасидский «реб» верит, что слово «реб» — вещь, а прочее все — гиль! Особенно книги, газеты и всякое печатное слово. Это уж не гиль, а гниль, разъедающая зорко оберегаемый цадиками организм еврейства.

К великой скорби польских цадик и раввинов, печатное слово, как рак, вьелось в тело еврейства и, несмотря на все старания непризванных терапевтов еврейского духа — разрастается вширь и вглубь.

Читательские наклонности в правоверном еврее — не по нутру раввинам. Книга — смерть для еврейства, говорят раввины, но думают иначе: «Книга — смерть для нас, раввинов».

Как калиф Омар, сжегший Александрийскую библиотеку, лодзинские раввины говорят пастве: «Если в книгах, газетах и журналах, которыми не в меру зачитываются евреи, заключается то же, что и в наших священных книгах, — они излишни, если в них есть нечто другое — они вредны»³³⁵. И в том,

и в другом случае, стало быть, они подлежат изъятию из обращения. Были времена, когда печатная ересь торжественно сжигалась по постановлению собора.

Эти благодатные времена священных аутодафе прошли. Теперь книга, выдержавшая цензуру, огню более не подделжит... Как быть лодзинским раввинам?..

Не оставить же в самом деле еврейя расплотившиеся как грибы еврейские газеты, журналы и книги, которые, как некогда римские тараны — стены Иерусалима, расшатывают изо дня в день цельный религиозный дух еврейства.

Особенно пресса! Это — змеиная ересь, проползающая в умы и души правоверных поклонников раввинов, яд, разъедающий раввинский авторитет, зерно свободомыслия и своеволия, поток, положительно грозящий снести многовечное здание цадикизма, практического хасидизма, раввинизма, — здание, в котором благоденствовали наши раввины и цадики. Помилуйте: газета осмеливается подвергать критике бывшие догматы: цадииков-чудодеев, раввинов-демагогов. Слова не скажешь теперь без того, чтобы не быть раскритикованным и — *horribile dictu!* — осмеянным (по заслугам!) газетными писателями.

«Чина, звания не пощадят!»³³⁶ Сам король мракобесов, достославный полтавский маэстро, не избежал участи печальной: расписали!..

Нет, воля ваша, — а так нельзя!.. Долой книжки! И так у нас еврейства чистого, «раввинского» — капелечка осталась — так и ту книжки проклятые слопают... Долой книжки!

Так мыслили лодзинские духоборцы... Автор начинает подозревать, что они, гонители печатного слова, сами не устояли пред искушением и начитались «Московских ведомостей», «Света»³³⁷, а то и самого г-на Меньшикова³³⁸. Иначе откуда бы столь ясное познание вреда книги?..

Как бы там ни было, а постановили раввины: воспретить правоверным польским хасидам читать книги (за исключением, конечно, одобренных раввинами мыслей благочестия и уважения к цадикам), дабы не быть сведену с пути истинного еврею.

Великая сила — солидарность интересов! Под приказом, изгоняющим из обихода лодзинских и других польских евреев печатное слово, подписались многие и многие раввины и «добрые евреи».

¹ Страшно сказать! (*лат.*).

Прочли лодзинские хасиды приказ своих «ребе», развешанный по синагогам, молитвенным домам и — *lehavdil!* — баням, прочли смертный приговор безвинному печатному слову — и ничего!.. Ребе знает, что делает! Ребе говорит — нельзя, стало быть, нельзя. Ребе находит, что чтение губит еврейский дух, — стало быть, губит! Не читать — так не читать. И никаких недоумений, а тем менее протестов вызвало бы в хасидах раввинское запрещение, если бы не было войны с японцами.

Среди евреев и в мирное время немало политиканов... Известно, что самые завязтые политики (внешние!) — еврейские меламеды и шамесы³³⁹... Правда, что политика интересует их только теоретически, что участие их в вопросах внешней политики исключительно платоническое и ограничивается кругом критических мыслей, высказываемых между «минхэ» и «майрив'ом»^{II} у синагогальной печки, — но все-таки политика их интересует...

Особливо же теперь, в горячие дни событий на Дальнем Востоке... И вдруг — не читать... А откуда же внять известия с театра войны, ежели не читать хоть газет еврейских. И недоумение объяло лодзинских хасидов.

Они говорили:

— Ну, хорошо: мы охотно откажемся (да и отказались уже давно) от Пинскера, Герцля, Лилиенблюма, Ахад-Гаама, Абрамовича, Дубнова³⁴⁰, от кого угодно, но от известий о войне — не можем!..

И послали нижайшую просьбу к раввинам:

— Клянемся не заглядывать ни в один столбец прокаженных еврейских газет и журналов; разрешите нам только телеграммы и корреспонденции о войне!..

Подумали раввины и сказали:

— Нет, братие! Начнете с телеграмм, а кончите фельетоном... Нет уж — а ни-ни! Ни строчки еврейской литературы и журналистики! А хотите знать, что на Востоке делается, — читайте «Варшавский курьер», «Новое время», «Петербургскую газету», «Знамя»³⁴¹...

Так решили мудрые лодзинские раввины. И теперь польские хасиды зачитываются писаниями Меншикова, Крушевана³⁴² etc., глотают вслед за сведениями о войне всякую пакость о евреях...

^I Здесь: не смешивать (*ивр.*).

^{II} Между дневной и вечерней молитвой (*ивр.*).

Но зато еврейская пресса в Лодзи искоренена; еврейскому духу, так ретиво оберегаемому раввинами, не грозит никакой опасности со стороны еврейских книжек, газет и журналов.

Слава пекущимся о судьбе народа своего! Честь лодзинским раввинам и их послушникам!..

Вообще, просвещению еврейскому не везет. В Лодзи обошлись с ним круто г-да раввины. В Одессе лаврам лодзинских мракобесов позавидовали члены общества приказчиков-евреев.

Случилось так, что на последнем годичном собрании кто-то из «детей» кинул неосторожно слово «культура!»

Опыт последних лет еврейской общественной жизни показал, как опасно это слово, опасно главным образом потому, что его не понимают...

Не понимают его «отцы», и прекрасно понимают «дети».

Потому-то всякий раз, как прозвучит слово «культура» (понимай — просветительная деятельность), отцы всполошатся непременно — и грянет бой!..

Так было и в обществе одесских приказчиков-евреев, где молодые потребовали расширения программы деятельности...

— Не единым хлебом жив человек, а еврей особенно, — говорили они. — Не одними же денежными подкреплениями исчерпывается взаимопомощь между сочленами общества. Довольно того, что хозяин-купец видит в приказчике только приказчика, автомат за стойкой. Общество же приказчиков должно заботиться об улучшении приказчичьего быта во всех его сторонах. Дайте что-либо человеку, а не приказчику. У нас есть библиотека — ее мало посещают, ибо у членов общества нет никакого метода самообразования... Руководите их учением. Устраивайте лекции, знакомьте членов с историей, литературой, экономическими науками... Работайте над развитием личности приказчика! Дайте ему здесь, в обществе товарищей, ту атмосферу свободного развития, которой он лишен за душевной стойкой, под строгим оком хозяина, за каторжным непрерывным трудом... Что сделано обществом в области просветительной работы? Ничего!.. Нужно начать делать!..

Не знаю, так ли именно говорили культуртрегеры одесского общества приказчиков, но думаю, что так.

И если так, то, несомненно, они проповедовали ересь. Так, по крайней мере, посмотрели на дело старейшины общества.

Чуткое ухо их уловило слово «культура»...

— Культура! Ага! Знаем, чем это пахнет!.. Нет, у нас — общество приказчиков, а не ученых... У нас не университет, не академия, а общество взаимопомощи! Если нуждающийся член общества находит достаточную материальную поддержку, цель общества достигнута... А просвещения нам не нужно: для этого есть общество просвещения... Слава Богу, сорок один год жили без «культуры»: слухом не слышали, видом не видали. И вдруг явились молодые с какими-то «культурами». Все это сионисты наделали, несомненно!

Как видите, «отцы» в обществе одесских приказчиков рассуждают прямолинейно и с неумолимой логикой...

Вся сила этой логики в ее несложной последовательности «историческим посылкам»: «сорок один год не мыслили о просветительской деятельности — и впредь не будем мыслить».

И хотя один из членов общества, бросив шаткую «историческую» почву и перейдя на «жизнь», воскликнул:

— Г-да! Раньше всего — желудок, а потом уже — разум! На голодный желудок ученье нейдет!.. Рано нам о науке думать — дайте раньше накушаться!.. И т. д.

Все-таки «культура» восторжествовала, хотя и к концу заседания, этак за полночь...

Стало быть, «просвещению» будут открыты двери в общество одесских приказчиков...

Но какому просвещению? Вопрос не праздный. Будь это общество англичан, папуасов, гонолулу — автор не поставил бы этого вопроса; он был бы уверен, что у англичан просвещение будет национально-английское, у папуасов — папуасское и т. д.

Только у евреев оно может быть и не еврейское, а чужое, и не цельное, а какое-то исковерканное, лоскуточное, обрывочное...

Еврейское просвещение!.. До сих пор еще, несмотря на двадцать с лишним последних лет усиленной национальной работы, мы не приобрели права на уверенность, что просвещение у нас — национальное... И каждая попытка национализировать еврейское образование вливает горечь и опасение в душу еврейского народного деятеля: «а что как оно — просвещение это самое — не будет еврейским, а обезьяно-интернациональным?..»

Вот почему, узнав, что Одесское общество приказчиков, хоть и с бою, но вводит просветительную работу в программу, невольно сдерживаешь радость вопросом:

— А какое ж оно будет — просвещение?..

Дай, Господи, чтобы оно было тем, чем должно быть, и чтобы наши опасения за «просвещение» (тем более основательные, что оно — одесское «Просвещение») были опровергнуты Одесским обществом приказчиков.

Будем думать, что одесские приказчики-евреи, представители класса тружеников, за каторжной работой в магазинах еще не успели ложно «объевропеироваться» и уйти от представлений и интересов той родной среды, в которой проходит их полная борьба за существование, а не научных формул жизнь, — в неопределенную атмосферу ходячих фраз, шаблонных догматов и якобы неизблемых, исключительно истинных идеалов.

Тогда, пожалуй, просвещение в этом обществе будет еврейским.

А ради этого стоило и подражаться на заседании...

К такому выводу пришли — гласит молва — и варшавские евреи, решившие организовать публичные лекции для еврейской массы...

Впрочем, дело это пока еще в проекте, а всякий проект есть только красивый мираж...

Особенно в Варшаве, где горизонт еврейской общественности, говорят, прямо-таки разрисован видениями, миражами общественных начинаний, отнюдь не воплощающимися...

Блеснуло, например, недавно видение «Проект общества взаимопомощи» — и испарилось, рассыпалось в воздухе. За ним мелькнуло «Общество пособия бедным учащимся-евреям», захватило даже с собой с земли «устав» — и все-таки рассыпалось...

А теперь на еврейском небе Варшавы горит «Проект организации публичных лекций для народа»...

Что проекты проваливаются — известно, даже нормально... Проваливаться — призвание проектов... Но жаль, если они проваливаются в среде варшавских и вообще польских евреев. Ибо в то время как проекты вообще ничего не стоят — польско-еврейские проекты национально-общественного характера стоят дорого инициаторам и их сторонникам.

Им приходится побеждать не только обывательский индифферентизм к общественному делу, не только национальный

еврейский индифферентизм, но и особый — свойственный исключительно евреям, и особенно польским, — пошленький страх, выражаемый возгласом:

— А что скажут христиане-поляки?

«Ученые» холопы из евреев употребляют в таких случаях хорошие слова, как «сепаратизм», «шовинизм», «контрреволюция» и прочая, и прочая... Холопы непривилегированные с ужасом в опущенных долу глазах восклицают:

— Они скажут, что мы уходим от них, что мы не настоящие поляки!

— Да позвольте, — говорят им «сепаратисты»-«реакционеры», — ведь у них на каждом шагу возникают общественные организации, учреждения — просветительные, экономические, ученые, в которые нас не принимают! Они уходят от нас и не боятся, что мы скажем про них: «они не настоящие евреи». Чего же вы боитесь?

Но еврей-поляки отвечают упрямо:

— Нет, нет, мы — поляки, настоящие поляки...

Подите — убеждайте! «Мы — поляки», «мы — немцы» и мы — что угодно, только не то, что мы есть, не евреи — и basta.

Толкуйте с господами «мы-поляками» из евреев!.. Да и толковать бы не стоило, если бы они не тормозили всякое общественно-национальное предприятие! Беда-то в том, что их материальное содержание чаще всего пропорционально духовному убожеству. А так как ничего хорошего без денег не сделаешь, то приходится толковать с «мы-поляками», убеждать, доказывать, что и еврейский пролетарий имеет право на национальную организацию самопомощи экономической, образовательной, духовной...

К счастью, ничто так не убедительно для «метафизиков», как реальное ощущение. Недаром ученый крестьянский сын понял, что такое «грабли», только тогда, когда, наступив на них ногою, получил отнюдь не метафизический удар по ученому лбу и ощупал на нем самую реальную шишку.

Точно так же и г-да «мы-поляки» понемногу, ощупывая шишки на своей еврейской физиономии от «мы-польского» обуха, начинают понимать, что такое космополитический обух, и склоняются к участию в национальных интересах...

И когда они вполне сие уразумеют, то явятся без труда и лекции для народа на еврейском языке или жаргоне, и национальное воспитание, и национальная общественная жизнь в самых широких формах, по определенной идее и направлению.

Тогда проекты перестанут быть проектами, а станут живым делом...

Больно уж много у нас проектов... Загляните, читатель, в жизнь нашей еврейской провинции и увидите, как она сплошь вымощена проектами и добрыми намерениями, которыми, говорят, вымощена и дорога в ад.

Если вы будете просматривать газетную хронику или обзаведетесь собственными корреспондентами, то скоро утонете в море намерений, проектов и слез о безвременной гибели последних.

А дела так много! Жалоб и просьб не оберешься! Загляните в провинцию.

Длинной, однообразной, как провинция, вереницей побегут перед вами города, городки и местечки черты оседлости, и из каждого уголка протянутся к вам руки и послышатся слезливые голоса:

— Дайте нам талмуд-тору! Была у нас старенькая, хиленькая и умерла. А новой наши «баалей-габатим»¹ строить не хотят... Бегают детишки наши по улицам: учиться негде — ни талмуд-торы, ни хедера³⁴³, ни училища!..

— Дайте на поддержку нашей школы: обыватели не хотят ничего давать.

— Дайте нам ремесленное училище!.. Наше скончалось.

— Оживите нашу талмуд-тору!..

— Приведите в порядок наше общество пособия бедным.

— У нас общество взаимопомощи ремесленников погибает...

— У нас кризис и голод!..

Плачет провинция... Не счесть жалобных голосов.

Слушаешь их и думаешь: где же эта «признанная» еврейская экономическая высота, где эти еврейские деньги, заполонившие все и вся, где прославленная антисемитами еврейская плутократическая и духовная солидарность? Голод, нужда — это ли капиталы еврейские? Жалобы на равнодушие обеспеченных единиц к материальным нуждам и интеллигентов к духовным потребностям масс — это ли еврейская солидарность? Кто-либо из двух да лжет: или антисемиты, или все эти «голоса из провинции», полные жалоб.

Но... крик боли правдивее многоречивых статей с «научными» выводами.

¹ Здесь: зажиточные прихожане, хозяйева (*ивр.*).

Вся еврейская провинция — один сплошной крик, болезненный, полный трагизма, самого безыскусного и самого безнадёжного... Трагизм! Одно это слово достаточно охарактеризует содержание жизни в несметном ряде провинциальных пунктов, откуда «нам пишут».

Старый «плач на реках Вавилонских!»³⁴⁴

Жаль мне вас, читатель, и потому на этот раз не поведу вас ни в Киев, ни в Вилькомир, ни в Каменку, ни в Ровно, ни в Плоцк — ни в другие пункты, куда зовут нас корреспонденты.

Впрочем, в Плоцк заглянем. Хотя бы для того, чтобы открыть в трагизме комизм или наоборот...

В 1900 году в городе Плоцке нежданно-негаданно для самих обывателей-евреев выросло общественное ремесленное училище.

Как оно случилось — неизвестно, решительно неизвестно. Очевидно, ремесленное училище явилось в Плоцк таким же еретическим путем, какой некоторые натуралисты устанавливают для животного мира: самозарождением.

Иного объяснения подобрать нельзя, так как плоцкие евреи решительно неповинны в создании ремесленного училища. Свою непричастность к сему общественному делу они блестяще доказали несколько позднее, когда «самозародившееся» училище умерло от недостатка питания.

Евреи Плоцка денег училищу не давали, основательно находя, что можно прожить без наук, чистых и прикладных, особенно еще, если наука просит денег.

Плоцкие евреи не любят попрошаек, — и ремесленное училище благополучно исчезло через полгода после своего появления.

В семье не без урода. Нашлись в Плоцке уроды, которые привязались к погибшему училищу и пожелали восстановить его из праха...

Но ни страстная речь этих уродов, ни слезы осиротевших деток покойной *alma mater*, с воплями бегавших вокруг заколоченных дверей училища, — ничто не могло рассеять несложного, но крепкого, как сталь, убеждения «баалей-габатим» города Плоцка:

— Можно счастливо прожить сто двадцать лет без училищ. Но мы вам не мешаем: открывайте училища, гимназии — что хотите.

— А деньги?

— А денег мы не дадим...

— Но без денег мы не можем открыть училища...

— Не открывайте...

— Но детям нужно учиться наукам и ремеслу.

— Если нужно, то учите их.

— Для этого нужны нам деньги.

— А денег мы не дадим ни копейки!..

И т. д. сначала.

Диалог сей длился бы, вероятно, до пришествия Мессии, если бы не распространился среди обывателей Плоцка слух о том, что ИКА³⁴⁵ имеет на себе (среди прочих) обязанность субсидировать еврейские училища.

Брать деньги — не то, что давать деньги. Первое сделать легче, и на это согласились даже евреи Плоцка.

После некоторых осведомлений, установив, что ИКА не жена барона Гирша и не дочь барона Ротшильда (как думали некоторые, никогда не слыхавшие об этой попечительнице еврейства)³⁴⁶, а «Общество с такими-то целями» — написали:

— Пришлите!

Общество ИКА отвечало письмом:

«Согласны дать вашему ремесленному училищу две тысячи рублей единовременных и тысячу шестьсот рублей ежегодно...»

Дальше восхищенные обыватели Плоцка не читали...

— Хорошо, очень хорошо! Молодец ИКА!..

Но восторг обывательский длился не долго. Кто-то из любопытных дочитал письмо до конца, и то, что он прочел, сразу заморозило восторг общественников города Плоцка. В конце письма была краткая, но оглушающая приписка:

«Деньги эти дает Общество ИКА под условием, что еврейское общество Плоцка даст ремесленному училищу столько же».

На это предложение обыватели отвечали еще более кротко.

— Фе-е!..

Но не дать денег — значит отказаться от денег, которые предлагает ИКА. А как же это возможно — не взять, коли дают? А взять — значит и дать. Как бы ведь и не дать?

Мудрый Эдип, разреши!

И плоцкие Эдипы разрешили.

Деньги от ИКА взяли. Но дабы ничего не дать от себя, отрезали четыре пятых комплекта учащихся в ремесленном училище.

Теперь там вместо шестидесяти мальчиков учатся только двенадцать, и деньги, данные обществом ИКА, вполне обслуживают училище без помощи местного общества...

Вот уж подлинно «и волки сыты, и овцы целы».

Но плоцкие волки, кажется, слишком уж сыты... Не мешало бы им немножко поголодать...

— Послушайте-ка, что могло случиться в Мене! — восклицает корреспондент.

— Послушаем.

Мена — небольшой городок Черниговской губернии и, как все небольшие городки черты оседлости, переполнен евреями, выходцами окрестных деревень, изъятых из черты.

В Мене общественная самодеятельность высоко развита, чему доказательством — синагога, три благотворительные общества, погребальное общество и местный габай¹.

Этот габай — нечто вроде двуликого Януса: одна физиономия его служит обществу в качестве габая синагоги, другая — в качестве габая погребального братства.

Служить жизни и смерти одновременно, да еще будучи монополистом в обеих службах, — дело хотя и доходное, но нелегкое и неудобное для обывателей.

Когда евреи Мены собираются на молитву в синагогу — они ищут габая синагоги в погребальном братстве; а когда умирает человек — приходится искать габая погребального братства в синагоге.

Сам же старшина, оказывается, никогда не торопится: ни к живым, ни к мертвым.

Уверенный, что мертвый от него не уйдет за присущей всем мертвецам неподвижностью и за отсутствием конкурентов, габай заламывает такие цены, что для бедняка оказывается более выгодным жить, чем умирать.

¹ Здесь: синагогальный староста (*ивр.*).

Терпели, терпели меновцы и решили свергнуть своего двуглавого габая — и пошли собирать голоса-подписи среди обывателей...

Узнал об этом габай и затаил месть... Случай скоро представился. Одно из существующих в Мене благотворительных обществ, празднуя не то юбилей, не то крупное пожертвование, устроило в местной синагоге особое торжество «ásude»¹.

Собрались приглашенные. Закуска на столах, все на местах. Тут же по праву и старшина синагоги (он же и старшина погребального братства).

Узрев в числе участников торжества своих врагов, вотиновавших за другого старшину погребального братства, габай торжественно заявил собравшимся:

— Никаких торжеств в синагоге я не разрешаю. Прошу вас разойтись...

Протесты собравшихся, уже раскрывших рты для закусывания, привели только к тому, что звон речей и тарелок были заменены звоном... пощечин, не менее оглушительных, чем восторги общества.

Побитый герой-габай, недолго думая, кинулся за подкреплением к уряднику:

— Ваше благородие! Евреи в синагоге тайные сборища учиняют.

— Эге! — сказал урядник — и «тайное сборище» бескровной закуски рассыпалось в прах.

Теперь меновцы-евреи ищут место, в какое можно бы больнее укусить своего габая, хотя бы при благосклонном участии того же урядника...

И благородный габай занят мыслью: «что бы донести про местных евреев куда следует? Какой бы еще доносик учинить?»

Вот что случилось в Мене! — удивляется корреспондент...

И чему только он удивляется? Какое общественное значение может иметь эта история, интересная разве только для меновских евреев и их двойного габая? Вот разве доносик пакостненький!.. Оно — правда, донос — гаденькая штука и немало зла евреям причинившая... Да только, ради Бога, берегитесь обобщений!.. А то сейчас: «еврейское зло», «еврей-доносчик» и т. д.

¹ Трапеза (*угиш*).

И совсем тут не еврейское зло... Сделал человек пакость — ну и воздадим ему честь по заслугам... Другой сделал — и другому воздадим...

А «евреизировать» всякую дрянь вовсе нет надобности... Ибо доносительство — вовсе не наша, еврейская, привилегия, и мы в этой области отнюдь не монополисты... Напротив...

Оставим уж нашим присяжным клеветникам право бесплатной выделки всяких обобщений на наш счет, а сами откажемся от скверной привычки чуть что — приниматься за самообличительные завывания с биением в перси своя...

Очень уж мы любим всенародные покаяния — даже в том, в чем никогда виновны не были...

— Вот, мол, люди честные, сами мы свои грехи открыто признаем и наказуем... Видите, как мы благородны, объективны и строги к себе!..

И совсем от этой готовности к самообличительным обобщениям не благородством пахнет и не объективной строгостью, а... лакейской...

Нет уж, оставим обобщения тем, кому это понадобится...

Да только обобщения эти надо делать умеючи... Возьмешься за них неумело, и выйдет не обобщение, а просто клевета.

Неудача подобного сорта постигла одного из южных адвокатов, как видно из «Одесских новостей». Защищал г-н защитник юношу-еврея по обвинению в грабеже... И дело-то не Бог весть какое сложное, самое элементарное... Грабил NN — и судят этого NN... Какое тут поле для обобщений? Но хорошему наезднику — всюду дорога...

«Как бы найти смягчающие вину обстоятельства? — размышлял г-н адвокат, готовясь к защитительной речи. — Молодость, нужда, среда, воспитание — все старо... Как бы новенькое?... Ба! Эврика! Подсудимый-то ведь — еврей...»

И в речи перед присяжными заседателями и судом г-н защитник, свято исполняя возложенную на него великую обязанность защиты, стал доказывать:

— Подсудимый — еврей, а евреи не отличаются нравственной чистоплотностью и не брезгают никакими средствами для того, чтобы заполучить какую-либо материальную выгоду. Для еврея все средства наживы нравственно законны — даже преступление. Следственно, надо понимать, принадлежа к национальности, не ведающей никакой общественной морали, подсудимый не мог получить о последней какие-либо представления и мог легче других совершить преступление. Так

вот, принадлежность подсудимого к столь уважаемой нации и должна быть принята судом как «смягчающее вину обстоятельство» при оценке виновности.

Как видите, читатель, «еврейство» может еще кое на что пригодиться.

История учила меня считать иудейское происхождение отягчающим вину обстоятельством... Искреннее спасибо г-ну адвокату (имя и отчество его, к сожалению, мне неизвестны) за то, что он уличил меня в заблуждении глубоком: оказывается, еврейство — смягчающее вину обстоятельство.

Но — вообразите — суд иначе посмотрел на это положение.

Председательствовавший на суде, остановив словоизвержение г-на защитника, авторитетно заявил:

— Г-н защитник, я не позволю вам набрасывать тень на целую нацию. Вы можете защищать подсудимого, но не касайтесь того, что не входит в круг ваших суждений!

Мне также кажется, что вопрос о характере еврейской национальности не входит в круг суждений и даже «в круг понятий» г-на защитника и помимо суда...

И никогда не входил, по-видимому.

Мне даже кажется, что ни юридические требования каза, ни общественная мораль, которой должен руководиться всякий защитник, не вошли в круг его суждений.

Ибо если бы они вошли в круг суждений, они бы шепнули г-ну защитнику, что, помимо логической нелепости такого построения защиты, этот способ так же далек от адвокатской и общечеловеческой этики, как и рассказы г-на защитника о евреях — от истины...

И если отсутствие нравственных догматов есть «смягчающее вину обстоятельство» для невежественного преступника-еврея (так думает только этот адвокат), то для просвещенного представителя адвокатского сословия и христианина оно — что же такое?

Я смею думать, что отсутствие прочных нравственных догматов — одинаковое зло и для еврея, и для христианина и ведет к разным преступлениям: в одном случае к грабежу, в другом — к клевете, в виде особых способов защиты...

Иш-Мацлиах

Еврейская жизнь. 1904. № 6. С. 244–257

Подвиг полицейского. Памятник прапорщику Щеголеву

Одесса

Недавно среди бела дня на людной Тираспольской улице постовой городской Ежиков захотел отправить в участок сильно пьяного рабочего Мурачева; тот вырвался, и городской, догнав его, ударил его обнаженной шашкой по голове с такой силой, что тот упал на землю. Из аптекарского магазина, против которого происходила эта сцена, убежала родственница владельца, акушерка Хайлович и хотела защитить рабочего от дальнейших ударов; тогда городской кулаком по лицу свалил с ног и ее, выбив несколько зубов. На помощь ей выскочил из того же магазина приказчик Розумный, но получил от городского удар шашкой в грудь, от чего также повалился на землю, обливаясь кровью. Тяжело раненный Розумный врачом станции «Скорой помощи» доставлен в больницу. Врачи опасаются заражения крови. В больницу же отправили раненого Мурачева, а г-же Хайлович оказана медицинская помощь на дому. На месте этой сцены собралась огромная толпа и едва не возникли беспорядки. Производится дознание. В газетах на другой день в отделе происшествий появилась лишь краткая заметка об избиении и поранении таких-то лиц, а кто с ними так мило расправился — не упоминается. Наивно, как у ребят: нашалил, а кто виноват? — Кошка. Как ни дик сам по себе факт описанной расправы, но о нем все-таки можно бы было не распространяться: вошел в раж человек, озверел — и давай крошить направо и налево. Гораздо характернее другие обстоятельства, сопровождавшие дело. Во-первых, действия городского Ежикова нельзя не поставить в связь с только что объявленным перед тем разъяснением градоначальника Нейдгарта³⁴⁷ по полиции относительно употребления оружия в случае нападения на чинов ее в ночное время: полиция всегда склонна к распространительному толкованию своих прав насчет обывателя, и Ежиков явился только наиболее ярким представителем типа, которому день показался ночью, а собственное нападение самозащитой. Во-вторых, из числа возмущенных дикой сценой некая Розенберг, если не ошибаюсь, дантистка, вызвалась тут же быть свиде-

тельницей при дознании: ей этого не пришлось осуществить, так как той же ночью у нее сделали обыск и арестовали ее как политически неблагонадежную личность. Комментарии, полагаю, излишни. Говорят также, но за достоверность этого я не могу поручиться, что когда Ежикова водворили в участок, то у него сорвали плечевые жгуты и испортили одежду, чтобы придать вид, что на него кто-то нападал, а он оборонялся. Конечно, здесь не об Ежикове заботились, а о репутации полиции. Об этой репутации полиции, начиная с ее главного представителя в Одессе г-на Нейдгарта, мне придется говорить еще в следующем письме; слишком неистощима эта тема и слишком много материала для одного раза — есть и другие заслуживающие внимания темы...

Вообще говоря, не принято — и вполне справедливо — ставить памятники героям, еще не сошедшим с земного поприща. В России и великие люди десятилетиями после смерти остаются без памятников!.. Вспомним Гоголя и Белинского. Но вот что случилось недавно. В Москве благополучно проживает скромный, даже и в военных сферах мало заметный отставной генерал Щеголев — и ему-то выпадет необычная доля увидеть свой собственный монумент в самом недалеком будущем. Существует предание, будто полвека назад прапорщик Щеголев спас Одессу от нашествия если не двенадцати, то какого-то другого числа языков, а спасши Одессу, быть может, спас и Россию. Эта история была года полтора-два назад извлечена из пыли забвения штабом Одесского военного округа, сильно муслирована и попала в думу в виде бумаги командующего округом, в которой предлагалось городу воздвигнуть тот или иной памятник избавителю. Бумага носила какой-то странный характер: приказов по городскому управлению командующему военным округом издавать не присвоено, просить — ниже достоинства, — выходило то, что называется оказанием давления на думу. В думе нашлись скептики из стариков, переживших лично события Крымской войны, толковавшие факты не совсем так, как истолкованы они в бумаге. По-видимому, действительно спасения тут никакого не было, так как если бы неприятель хотел настойчиво овладеть Одессой, а не произвести только нечто вроде морской демонстрации, то не прапорщику с его пушкой было бы заградить ему путь; дело, быть может, сводилось просто к проявлению личной храбрости, без сомнения, весьма почтенной, не только обычной, но и прямо обязательной во время войны

для каждого военного. Увековечить имя героя дума все-таки решила, особенно после речи гласного, генерала Делпа³⁴⁸, с удивительной бестактностью заявившего в конце, что если дума отклонит предложение командующего войсками, то «нас за это не похвалят». В зале не нашлось никого, кто бы поддержал достоинство думы надлежащей отповедью на неприличную фразу забывшегося генерала — дума нынешнего состава привыкла ладить со всеми нужными людьми и получала плевки оскорбительнее этого... Не знаю, что было дальше с постановлением думы — оно всплыло снова только недавно, подкрепляемое духом военного времени и круглой датой пятидесятилетия с момента подвига Щеголева: теперь известно, что памятник будет украшать бульвар, названный только что Итальянским, — совпадение не совсем остроумное, так как итальянцы были в Крымскую войну в коалиции против нас.

Аноним

Освобождение. 1904. № 49. 2 июня. С. 453–454

Провинциальные картинки

Кошнствующие современники • О том же • Еще о том же

*Нет великого Патрокла,
Жив презрительный Терсит.*

Шиллер

В жизни бывают минуты, когда с человека сразу срывает всю наросшую на нем кору будничных интересов, эгоистических, маленьких желаний, пошленьких мыслишек... Точно налетевшим ураганом сорвет, отшвырнет все обычное, «нормальное», которым всякий день тесно окутана и опутана живая душа человеческая. Отшвырнет — и обнажится чистая душа человека; и видно, как горит в ней раздуваемое ураганом яркое и чистое пламя живого, искреннего чувства и как вся она полна содержанием этой могучей минуты.

Это минуты или великого счастья, или великого страдания... Мы пережили на днях такие минуты... Великое страдание, как ураган, налетело на нас и сорвало с нас все, что изо дня в день наслаивает на душу жизнь, обнажило нашу скорбящую и скорбью очищенную душу...

Это было в те дни, когда мы узнали, что у нас нет Герцля...

Нет Герцля!.. Эти два слова были ураганом, обрушившимся на еврейскую жизнь и закружившим, как пыль, всю огромную массу еврейства, семь последних лет связывавшую с именем великой тени свое духовное существование... И когда этот ураган надвинул на наши умы и сердца новые злые тучи, и когда тучи эти хлынули потоками слез и громом рыданий и стонов, тогда обнажилась во всей своей чистоте скорбящая душа еврейства. Будни исчезли, рассыпаны, как пыль, ураганом скорби... Интересы дня, интересы всей бедной жизни еврея забыты... Лавочник перестал быть лавочником в день скорби.

Думающий о хлебе — перестал думать о хлебе, полный одной печальной мысли: нет Герцля!.. Все обычные, неизменные повседневные скорби еврея поглощены одной скорбью: нет Герцля!.. И эта скорбь тем страшнее, тем величавее и тем чище, что она — скорбь *народная*...

Страшные и великие минуты... Великие — ибо загнанная, забитая еврейская душа, обнищавшая в борьбе за существование, растерявшая все свои сокровища в вынужденной тьме еврейской жизни — в эти минуты вырвалась на волю и взлетела на высоту народного страдания, народных стремлений, народного счастья и народных потерь; ибо в эти минуты не было среди рыдавших о Герцле ни одного, кто не был бы евреем во всем объеме этого понятия — звеном общей цепи, соединенной еще крепче общей утратой; ибо в эти минуты сын народа был сыном народа народа среди толпы братьев, а не одиноким, рыдающим в углу и пугливо прячущим свою «незаконную» печаль; ибо в эти минуты мы все, скорбные, рыдающие, были на высоте понимания нашей народной задачи.

И не хотелось думать, что в потрясающую симфонию народной печали, гремевшую во всех уголках еврейского мира, внесет диссонанс крикливый голос торгаша, который весь мир видит в своем лотке...

Но торгаши нашлись!

Вот какое письмо получил я из *Кишинева*.

Милостивый государь г-н Иш-Мацдилах. Покорнейше просим поместить в Вашем отделе «Еврейской жизни» следующий факт, глубоко возмущивший всю нашу интеллигенцию (за достоверность факта вполне ручаюсь). 26 июня в местной синагоге «Бес-Гамедраше» некий духовный раввин Зельман Прейгер³⁴⁹ не допустил совершить молебствие по усопшем д-ре Герцле. Большинство прихожан синагоги этого настойчиво

требовало, и кантор уже склонился было на их сторону и хотел приступить к совершению панихиды. Но в это время раввин Прейгер поднялся с места и разразился на всю синагогу приблизительно такими словами: «*Морду лобью тому, кто посмеет совершать панихиду!* — Я тебе голову разломаю здесь же!» — сказал он, обратясь к кантору. Бедняк кантор, испуганный этим возгласом, не решился начать панихиды. Конечно, такой факт произвел удручающее впечатление не только на прихожан синагоги, но и на всех сионистов нашего города. (Следует полная подпись и указание адреса, по которому можно обратиться за справками по этому делу.)

Я привожу это письмо целиком как живой голос непосредственного негодования, как точное воспроизведение факта и как речательство достоверности его и искренности негодования, которые я вижу в полной подписи и указании адреса справок...

Раввин Прейгер запрещает панихиду по Герцлю, и как запрещает! Формула его: «я лобью морду», «я поломаю голову» (кантору).

И я, и вы, читатель, привыкли ко всяческим гадостям, которые умеет творить человек. Безотрадный, но мудрый принцип «*nihil admirari*»¹ давно нами усвоен. И все-таки не хочется верить сообщению (я, увы, нимало не сомневаюсь в его правдивости) — так отвратительна, так исключительно скверна выходка Прейгера.

Разберитесь. Кишиневские евреи узнают о смерти Герцля. Пораженные, потрясенные, они идут в синагогу молиться за упокой души своего любимого, незабвенного печальника и радетеля. Они запирают свои лавки, оставляют свои дела, отгоняют свои заботы, и все, без различия положений и рангов, соединяются в одну плачущую семью. Они идут молиться о мире дорогой души... Они переживают великие минуты, они болеют не маленькой эгоистической болью, но великим страданием целого народа. И идут они выплакать это народное горе пред лицом Божиим...

Желание так закономерно, печаль так нормальна, что местные власти не находят возможным препятствовать им. Двери синагоги открыты для всех, готовых плакать и молиться о Герцле.

И вдруг они закрываются. Закрываются *евреем-раввином*... Духовный глава кишиневских евреев становится на дороге идущих на молитву и дерзко кричит им: «Назад!»

¹ Ничему не удивляйся (*лат.*).

Мало. Он грозит им грубо, цинично, грозит кулаком людям, пришедшим пролить слезы над усопшим другом, братом, отцом, ибо всем этим был Герцль для евреев.

— Голову разломаю!.. Морду побью!..

Брр!.. Как-то дико, трудно выговариваются эти жестокие, разнузданные слова в такой обстановке. Пред лицом смерти, пред реющей тенью чистой Герцлевой души — этакая площадная, грязная речь!..

— Не смей служить панихиды! Не смей плакать!..

Отчего? Почему? Что подсказало раввину Прейгеру эту безмерную жестокость!.. Я хотел бы верить, что раввин Прейгер — фанатик, слепой, крайний, но глубоко искренний фанатик веры... Я хотел бы верить, что раввин Прейгер как фанатик ненавидит Герцля как врага своего народа, как узурпатора прав Мессии, как нарушителя Богом указанных путей к еврейскому спасению... Я хотел бы верить, что ненависть еврея-ортодокса к сионизму и его крупнейшему представителю толкнула Прейгера к протесту против почитания памяти Герцля.

Если бы я верил этому, мне было бы тяжело наблюдать этот слепой фанатизм, мне было бы больно видеть в еврее еще не рассеявшуюся тьму ортодоксальной мысли и чувства, закрывающую евреям путь к спасению, мне было бы больно — но я *понял бы* протест Прейгера. Мне было бы тяжело, но я в известной мере оправдывал бы Прейгера: его заблуждение было бы ему некоторым оправданием.

Но я не могу этому верить. Ибо если бы Прейгер был искренно верующим евреем-ортодоксом, если бы он глубоко почитал нашего Иегову, он был бы кроток, как наш Иегова, он был бы чист и справедлив, как его вера, он был бы любящ к своим «заблудшим» братьям, как были кротки, чисты и любящи все величайшие ревнители нашей веры. И, почитая Герцля трижды отступником и нарушителем заповедей Божиих, он боролся бы с его влиянием и даже с его памятью всеми силами своей веры, но не всеми *средствами* озлобленного человека. Духовный глава, истинно почитающий святыню дома Божия, не мог бы осквернить эту святыню нечистой мыслью и нечистым словом.

Но *раввин* Прейгер пришел в храм молитвы и печали и, став пред обездоленной и осиротевшей толпой, желавшей *молиться* и плакать, бросил в лицо этой обессиленной толпе и великой скорбной тени, реявшей в храме, — ком грязи...

Пред ликом смерти, примиряющей и смиряющей самые строптивные сердца, величием своего таинства закрывающей все мелкочеловеческое, он — *раввин* — оскорбил страдание толпы людей, осквернил храм молитвы, залил грязью чистые души скорбящих. Он произнес слова, скверные, омерзительные и жестокие слова, которые я, пишущий эти строки далеко от места и времени их произнесения, не могу поставить в своей мысли рядом с именем Герцля... Он, Прейгер, надругался над самым чистым, самым бескорыстным движением человеческой души — отдать последний долг мертвому.

Этого не мог сделать духовный глава евреев.

Истинно верующий не станет надругаться над верою братьев. Чистый в мыслях и побуждениях не станет осквернять чистоту мысли и побуждений других. Служитель Божий не станет осквернять дома Божия и молитвы детей Его! Друг народа не станет глумиться над скорбью народною...

Духовный глава не мог сделать этого! Это мог сделать только — торгош!

Раввин Прейгер как торгош веры — внес в храм молитвы базар своей разнузданной речью, своей бессмысленной злобой и бесцельной жестокостью!..

Не из побуждений веры, не как духовный противник выступил Прейгер с протестом против сионистов, пришедших плакать о Герцле.

Будет нам маскарадничать: долой маски!..

Мы знаем, чем является сионизм для многих раввинов. Это — тот свет, который медленно, тяжело, но упорно рассеивает мрак ортодоксии, цепко сдерживаемый раввинами, питающимися этим мраком. Сионизм должен призвать к жизни все элементы еврейства, открывая им путь к возрождению и жизни, а не к самоистощению и смерти; и призывая евреев к себе, сионизм отзывает их от тех раввинов, которые давно уже в глубине души заменили Бога Мамоной³⁵⁰.

В цвете сионизма — яд, который должен рано или поздно убить паразитизм раввинов этой категории...

И раввины этой категории ненавидят сионизм всеми силами своей темной и трусливой души. Но слишком слабые и трусливые, чтобы бороться с ним открыто, они мстят ему, как могут, из-за угла и в те минуты, когда враг для них не опасен.

Раввин Прейгер из Кишинева не посмел бы раскрыть рта против живого Герцля. Но он нашел в себе достаточно «мужества» и силы, чтобы бросить грубый вызов безвредной тени.

Но он ошибся. Тень бывает опаснее живого. Оскорбленная тень Герцля может завопить тысячами живых голосов, которые изрекут проклятие и презрение Прейгеру и ему подобным...

Да будет же им презрение воздаянием от живых и памяти их — от грядущих поколений!..

Если описанное выше могло произойти в Кишиневе, где всякое еврейское горе должно бы ощущаться острее и сочувствие ему должно бы быть ярче, то приходится ли удивляться тому, что нечто подобное повторилось в Бресте?

Правда, форма брестского протеста против памяти Герцля была мягче, слабее. Может быть, это объясняется тем, что брестский оппозиционер ниже рангом кишиневского; в Кишиневе неистовствовал раввин, в Бресте — синагогальный староста.

Синагогальный староста города Бреста г-н Шац поступил проще. Он велел запретить синагогу, в которой местное еврейское общество собиралось совершить панихиду по Герцлю. Менее ли грубый, чем Прейгер, или менее решительный, г-н Шац не выступил с «активной» руганью, но, скромно скрывшись от чужих глаз, повелел запретить двери синагоги.

Вот что пишет по этому поводу корреспондент «Виленского вестника».

Единственный город, не почтивший Герцля и отказавший ему в последнем напутствии, был Брест. 24 июня, в 7 часов вечера, с разрешения административной власти, весьма сочувственно отнесшейся во всей России к вполне законному стремлению еврейского общества почтить память Герцля, было назначено в главной синагоге служение и подобающее случаю надгробное слово, но синагога оказалась запертой по приказанию синагогального старосты, и толпа, которой отказали в удовлетворении ее духовной требы, чистое и святое желание которой было оскорблено, *разошлась как один, не выражая ни малейшего протеста против незаконного, возмутительного распоряжения представителя молитвенной власти* (курсив мой. — И.-М.). Но нужно было видеть эту толпу. Сколько горя и страданий было написано на лицах с опухшими от слез глазами.

Глумиться над чувствами тысяч почитателей Герцля, и тем более в такой форме, мог только брестский староста г-н Шац.

Увы! Из предыдущего читатель мог убедиться, что не «только брестский староста Шац мог глумиться над чувствами тысяч» евреев и что форма глумления г-на Шаца значительно уступает в силе форме, принятой г-ном Прейгером.

Что же сказать еще г-ну Шацу? Что он в своей закоренелой фанатической глупости не мог понять ни большого горя народного, ни трагизма момента, ни величия народной скоби, горевшей в «опухших от слез глазах». Что он не может понять всего огромного значения каждой из бесчисленных панихид, отслуженных в бесчисленных углах земного шара! Что он не мог понять, что в каждой панихиде проявилось в миллион раз более народного самосознания, понимания национальной задачи, служения своему народу и Богу и горячей, бесхитростной любви к еврейству, чем в его никому ненужном благочестии? Что лишить всю эту бедную, исстрадавшуюся массу еврейскую единственного облегчения — поплакать и помолиться о мире для души народного подвижника и в этот миг лишней раз выплакать свое многовековое горе — есть преступление, которого не вымолить г-ну Шацу никакими покаяниями, никаким «Alchet!»?.. Что г-н Шац... Но к чему все это говорить г-ну Шацу? Он не понимал этого раньше, не поймет и теперь... Ответом ему и всем ему подобным будет само будущее, сама жизнь...

Можно запереть двери синагоги пред толпой сионистов, будучи синагогальным старостой. Но, даже будучи синагогальным старостой, нельзя запереть двери критической мысли, которая благодаря тем же сионистам упорно входит в умы еврейских масс и шаг за шагом уводит их все дальше и дальше от обветшалых форм жизни, от ортодоксальной плесени, от бессмысленной взаимной ненависти, невежества, хамства и их представителей — Прейгеров, Шацов и др. — к иному, светлому, полному духовной чистоты и национальной творческой жизни будущему!..

И еще маленькое письмо о том же. Пишет корреспондент из Верхнеднепровска (Екатеринославской губ.).

Читая корреспонденции со всего света о панихидах по усопшему д-ру Герцлю и о произнесенных речах, я прихо-

¹ Покаянная исповедь (*ивр.*).

жу к заключению, что в нашем городе допущена настоящая наглость: у нас, в Верхнеднепровске, в субботу, когда кантор провозгласил «Eil molei rachmim»¹ — начало поминальной молитвы, в синагоге присутствовали *восемнадцать* человек, между тем как евреев в городе до *трех тысяч*. *Раввинат отсутствовал*.

Ну, конечно, — раввинат отсутствовал! Да и зачем ему было присутствовать? Чего он там не видал? «Этих сионистов»? Этих еретиков-мечтателей, легкомысленных идеалистов? Нет, тут, среди сионистов, хотя бы и плачущих, раввинату не место... Пусть идут на панихиду по Герцлю лавочники, ремесленники и всякая «простота», живущая дневным своим заработком и имеющая глупость пожертвовать этим дневным пропитанием, бросив станок и закрыв лавку для панихиды по Герцлю. Пусть интеллигенция, которой делать нечего, говорит речи о Герцле... Но раввинату, главе и соли еврейского общества, не след смешиваться с толпой и плакать с нею вместе по Герцлю.

Нет, положительно верхнеднепровский раввинат хорошо сделал, что не пошел на панихиду. Он был бы там не у места. Наш раввинат в большинстве случаев обходится без сионизма, и сионизм, слава Богу, обходится без раввината. Их отношение к еврейским интересам избравшего их общества и к общееврейским (за немногими светлыми исключениями) — какое-то формально-служебное... И мыслят, и чувствуют они еврейство только «по должности»...

И если бы верхнеднепровский раввинат вздумал почтить память Герцля, то непременно занял бы центральное место по должности — и произнес бы речь *ex officio*^{II}. О, эти речи раввината *ex officio* — мы слышали их — как безотрадно тяжелы они, как они мучительны! Нет, сионизму этого не нужно!.. Сионизму нужна искренность, порыв, непосредственность, горячность, а не осторожное ковылянье хромоногого сочувствия...

Потому-то центр тяжести в верхнеднепровской панихиде лежит в отсутствии народа, а не раввината. *Восемнадцать из трех тысяч*... Только восемнадцать человек пришли поклониться памяти человека, положившего жизнь за миллионы евреев, и в том числе за тех остальных из трех тысяч верхнеднепровских евреев, которые остались дома в день панихиды.

^I Боже милосердный (*ивр.*).

^{II} По должности (*лат.*).

Воображаю, как был бы искренне изумлен любой из этих верхнеднепровцев, если б ему сказать, что Герцль работал за него и для него!

— Герцль за меня?.. Гм... Как это?..

— Герцль для нас?.. Вы шутите!..

Что вы им на это скажете, г-н корреспондент? Ничего не скажете! Разведете беспомощно руками и с грустной душой отойдете в сторону для того, чтобы еще поплакать, но уже не о мертвом, а о живых. И, пожалуй, не назовете уж «наглостью» — как вы это делаете в своем письме — отсутствие ваших однокорожан на панихиде по Герцлю и не будете удивляться отсутствию на ней раввината, а объясните его себе просто:

— Народ достоин тех представителей, каких он имеет.

Но не будете же вы отчаиваться! Ведь и это минет!.. Ведь недаром восемнадцать человек рыдали в синагоге, поминая самоотверженного борца за еврейское будущее! Помните: будущее принадлежит детям, а не отцам... И если эти восемнадцать в Верхнеднепровске, как тысячи из других мест, не забудут тех клятв, которые мысленно произносили пред тенью Герцля, не забудут его лозунга и его заветов, то будут иные времена и иные люди.

И на будущее торжество наших стремлений — не вечно же нам справлять панихиды! — стекутся все до единого! Никто из евреев не останется «дома». Все придут — и воочию убедятся, что восемнадцать сильных верою в национальную идею побеждают три тысячи, этой веры не имеющих!..

Довольно на эту тему! Довольно тревожить светлую память того, чье великое сердце до последней минуты билось любовью, еще не оцененной всеми, кого оно любило... Еще не закрылась могила, еще в душе так остра боль от раны, нанесенной его смертью, а уже звучат кощунственные голоса невежд и злобные крики врагов... И белый саван, чистый, как душа незабвенного мертвеца, грубо хватают грязные человеческие руки, вчера робко опускавшиеся пред ним...

Прости нас, великая, прекрасная тень! Прости, что над гробом твоим уже звучат крикливые голоса злобствующих и не понявших тебя. Прости, что в негодовании за тебя мы нарушили твой покой и имя твое сочетали с именами тех, кто не

достоин чести поклониться твоей могиле. Мы знаем: не оскорбит тебя их равнодушие и не заглушат грома славы твоей их грубые голоса. Но нам стыдно! Но нам больно, что не вся еще наша народная семья столпилась вокруг гроба твоего; что есть еще братья, сердце которых не дрогнуло от мысли, что нет тебя с нами, глаза которых не наполнились слезами, рыдания которых не вознеслись к небесам...

Мы виновны в том, что они не полюбили тебя. Мы не сумели научить их любить свой народ. Научив их любить свой народ, мы научили бы их понимать и любить тебя... Прости нас, прекрасная тень.

Но посмотри кругом! Взгляни! От полюса до полюса и от восхода к закату, всюду, где только бьется истинное скорбное сердце еврея, — видишь ли ты слезы? Слышишь ли стоны? Видишь ли ужас в глазах и нелицемерную любовь, и безысходное горе? Это — тебе! Это — нашему народу!.. Слышишь ли клятвы? Это — тебе! Это — нашему народу!.. Они клянутся тебе мертвому, как клялись живому, не забывать того, чему ты отдал по капле кровь своего сердца! Видишь ли ты этих братьев своих? Слышишь ли их! Пусть еще мало их... Мало для будущего — но уже много для прошлого!..

Взгляни на восток!.. Оттуда свет, оттуда солнце жизни!.. И тысячи глаз глядят туда, куда первый бросил ты свой смелый взор! Тысячи рук протягиваются туда, куда ты властно и смело простер одинокую руку! Гимн тысяч голосов звучит там, где еще недавно звучал твой одинокий могучий голос.

И взоры, и руки простерты на восток, к Солнцу, на котором вечными чертами горят слова: «Сион и Герцль!» И гром голосов полон одним звуком: «Сион и Герцль!»

Вот памятник тебе!.. Не холодный и недвижный камень, но жизнь, сама жизнь, живой и растущий народ — памятник тебе... Ты не мертв! Ты сам себя похитил у могилы... Ты оставил нам в одном лозунге «Сион» — всего себя... Как любящий брат ты разделил между братьями все свое владение — свою великую душу, — и в каждом из нас есть частица твоей души! Ты по капле раздал нам кровь своего сердца, — и в каждом из нас есть капля этой крови! Ты поделил между нами свою мысль, — и в каждом из нас есть доля этой мысли... Мы — урна, в которой ты схоронен! И когда мы передадим то, что завещал ты нам, другим, когда у каждого из евреев будет капля твоей крови, твоей мысли, твоей души — тогда весь народ наш станет урной, в которой бережно будет храним Герцль...

И урна эта будет перенесена туда, куда так страстно рвалась твоя душа...

Ты будешь там *в нас*! Ты будешь там — «во что бы то ни стало»! Мы клянемся тебе в этом, клянемся тобою, славная тень!

А пока... спи с миром! Мир тебе, мятежный, огненный дух, горевший чистейшим пламенем любви к своему народу и его будущему — и так безвременно сторевший!..

Да будет легка тебе чужая земля!.. Спи... Не далека родная!..

Иш-Мацлиах

Еврейская жизнь. 1904. № 7. С. 191–200

Градоначальник и городское управление

Одесса

Жалостную картину представляет собой наше городское общественное управление. Градоначальники, и особенно нынешний — Нейдгарт³⁵¹, мудрят над ним без устали, мудрят не в силу даже бюрократически понимаемой необходимости, а просто, входя во вкус сильной власти, вмешиваются в несущественные, чисто хозяйственные мелочи, вмешиваются назойливо, без всякого уважения к предоставленной как бы то ни было законом компетенции городским управлением.

Как же реагируют на это отцы города? Большинство их совершенно не интересуются принципиальной стороной дела и только когда вопрос касается материальной стороны, кряхтят и морщатся, стараясь вежливой отпиской как-нибудь поскорее окончить конфликт миролюбивым образом. На городскую управу наш градоначальник воздействует, руководствуясь правилом «*divide et impera*»¹ — по разным делам он, минуя управу как коллегиальное единое учреждение, обращается к отдельным ее членам, ведающим той или другой отраслью. Расчет довольно верный: коллегия безлична и может смелее защищаться, а в отдельности взятые ее представители слишком не герои, и кто их знает, как они себя там ведут в кабинете Его Превосходительства. Бесцеремонность градоначальника и приниженность представителей управы дошли до того,

¹ Разделяй и властвуй (*лат.*).

что он обязал их являться к нему с докладом в определенные дни недели. По крайней мере это известно относительно городского головы, получающего всемиростивейшую аудиенцию по четвергам, и относительно членов управы — генерала Полетаева³⁵² и г-на Климовича. От генерала Полетаева нельзя требовать принципиальной разборчивости, но г-да Зеленый и Климович³⁵³ по своему общественному воспитанию могли бы понять, что, являясь с периодическими докладами в приемную градоначальника, они добровольно становятся в ряды самых обыкновенных подчиненных ему чиновников. Я не представляю себе, чтобы даже какой-нибудь беспринципный Лелянов³⁵⁴ позволил себе это: если не принцип, то простое самолюбие лорд-мэра удержало бы его от такой предупредительности. Есть вещи, которые можно делать только по предписанию, и то, если его нельзя обжаловать. Желая, очевидно, сохранить за собой репутацию человека кипучей деятельности, привезенную из... Плоцка³⁵⁵, Нейдгарт популяризирует себя здесь рядом мелких глупостей, заставляющих горожан смеяться: то он прогоняет цветочниц с места, которое они, оказывается, самым законным образом купили у городской управы, — пришлось идти на попятную, придавая делу такой вид, что торговки не могут занимать лишь полосы тротуара, хотя это, конечно, оговорено и управой; то дает своей властью некоему Бальцу право на эксплуатацию переносного способа объявлений*, — оказывается опять-таки, что права на подобные предприятия выбираются только из городской управы, и дума даже отважилась было принести жалобу на действия градоначальника в Сенат, да сам этот Бальц выручил — поспешил добровольно отказаться от упомянутой эксплуатации; правда, город все-таки должен был бы жаловаться, так как предупредительность Бальца несколько не обеляет Нейдгарта, который в своем самоуправстве не признался и, следовательно, может его повторить, если его не поставит за это в угол Сенат. Иногда вдруг захочется нашему несмышленому помпадурю разрешить мановением перста социальный вопрос: едет в порт и объявляет рабочим-грузчикам, что хозяева им будут платить по полтора рубля в день. Само собой, никакого такого права приказать пароходным обществам и подрядчикам платить больше того, что они платят, у него и во сне не было, и фокус умиротворения не только не удастся, а еще больше портит

* Этот инцидент был рассказан в русских подцензурных газетах. — *Ред.*

отношения между работодателями и рабочей массой. Здешнее отделение Русского общества пароходства и торговли послало в свое главное управление бумагу, в которой, тонко насмехаясь над непризнанным вершителем социальных проблем, просит, однако, сделать представление о его рискованных попытках в надлежащие сферы. Домовладельцев градоначальник обязал завести особые книги с белыми листами, на которых им (или их дворникам) приказано наклеивать портреты всех разыскиваемых полицией лиц, а так как портреты эти печатаются на страницах «Ведомостей градоначальства»³⁵⁶, то неизбежна, значит, выписка этого милого издания, ввиду чего полицейские любезно разносят по домохозяевам, не ожидая шага с их стороны, квитанции в соответственном получении подписной платы. Дворники, отправлявшие сначала полицейские обязанности только по дому и двору, постепенно, так сказать, отчуждаются от своих хозяев ради общей полицейской службы: сперва ими стали заменять городских на ближайших к дому постах, потом начали вызывать в наряд, куда угодно полицмейстеру, особенно в таких случаях, когда предвидится скопление толпы, как, напр., при отправке войсковых частей и т. п. Наконец, они несут даже конную службу — мне самому приходилось видеть группы арестантов под конвоем наряда дворников; прежде дворники занимались и увольнялись теми, кто их действительно занимает, то есть платит им деньги, — теперь нанять дворника можно только с соизволения начальства, а уволить его начальство может в любую минуту, вовсе не считаясь с вашим соизволением. Такое постепенное пленение дворников, начатое, надо сказать правду, еще при предшественниках Нейдгарта, дало в руки администрации, без гроша затраты с ее стороны, ни много ни мало целую армию полицейских агентов чуть не в десятках тысяч человек!

Воздействие градоначальника на другие армии несколько более невинно, но зато и более забавно: недавно, например, вышел строгий приказ, чтобы все легковые извозчики выезжали не иначе, как в белых воротничках. В городе жара, на окраинах пыль, а наши неуклюжие «ваньки» давятся и парят себе шею накрахмаленными воротничками, в полчаса, конечно, превращающимися из белых в грязно-серые. Требование, не выдерживающее даже эстетической критики: едва ли к кучерскому русскому кафтану стильным дополнением может служить европейский белый воротничок. Но об этих пустяках

только к слову, для характеристики чисто полицейской опеки даже эстетических запросов обывателя. Перехожу опять к более серьезному вмешательству в городские хозяйственные дела. Градоначальник присылает городскому управлению приказ перемостить целый ряд улиц, не уклоняясь от этого ссылкой на недостаток средств, каковые город во всяком случае должен изыскать. Когда это доложено было думе, она по предложению одного гласного постановила вновь возбудить, ради изыскания средств, отклоненное ходатайство о снятии с города части расходов на полицию и другие административные надобности. Это, конечно, ни к чему не поведет, но идея ответа вполне справедлива: требуешь средств, так не тормози их изыскания. Вопрос о содержании полиции еще и раньше обострял отношения между муниципалитетом и градоначальником: когда городской голова обратился к градоначальнику с письмом об угрожающих городу антиеврейских беспорядках (о чем сообщалось в газетах), тот не преминул в своем ответе развить мысль, что, мол, если возникнут беспорядки, город должен пенять на себя, так как он постоянно ропщет на тяготу от избытка полиции, содействия которой теперь добивается; ответ был чрезвычайно сух и даже дерзок. А полиция сверх хронических грубостей и взяточничества по-прежнему подчас неистовствует, точно на Дальнем Востоке среди неприятелей: вслед за рассказанным в предыдущем моем письме кровавым боем на Тираспольской улице аналогичный факт имел место в другой части города на Воронцовке: после ссоры мещанина Гензенбанта с городовым Лугом первый был отправлен в участок, причем «у задержанного обнаружены сильные поранения рук и колотая рана на спине». Г-н Нейдгарт издал какой-то достойный щедринского пера приказ по полиции, в котором приглашает чинов ее «незаметными средствами достигать заметных результатов»: всеми так это и было понято — «лупи, только чтобы шито-крыто оставалось!» Но неблаговоспитанные Мымрецовы³⁵⁷, как видите, сверх незаметных средств не слишком стесняются прибегать и к средствам весьма заметным.

Недавно командир одесского порта генерал Перелешин³⁵⁸ разослал конфиденциальное предупреждение всем пароходным обществам и судовладельцам о том, что, по его сведениям, в Одессу могут прибыть из Голландии или из Бельгии анархисты с намерением производить взрывы судов, могущих быть пригодными для военных надобностей. Говорят,

что меры предосторожности против едва ли не мифических анархистов принимаются также и по другим портам. Но что уж ни с чем несообразно и непростительно, так это то, что в нашем обществе почтенные и неглупые люди, передавая друг другу в избытке циркулирующие теперь слухи о разных покушениях на целостность военных кораблей, не обинуясь, приписывают это русским социалистам. Нужно ли доказывать нелепость подобного предположения?!

Аноним

Освобождение. 1904. № 51. 2 июля. С. 25–26

Слухи и вести

Огесса

Г-жа Гербель³⁵⁹, жена известного ставленника г-на фон Плеве³⁶⁰, находясь теперь в своем херсонском имении, рассказывает за достоверное, что не дальше как в сентябре или октябре сего года будет объявлено о новой земской реформе, заключающейся в фактическом упразднении губернского земства³⁶¹. Уездные земства, по ее словам, останутся в прежнем виде, в губернии же учреждается взамен губернской земской управы комитет по хозяйственным делам под председательством губернатора, в котором соответственными отраслями будут ведать высшие губернские чиновники — врачебный инспектор, губернский инженер, директор народных училищ и т. д. Периодически будут вызываться на губернские заседания представители уездных земств, но, очевидно, по выбору губернатора, а не уездных собраний. Вообще, хозяйственное управление губернией является сколком с главного управления хозяйственными делами, во главе которого стоит г-н Гербель. Законопроект, по уверению его супруги, готов уже и теперь, затруднение пока только заключается в вопросе, как поступить с многочисленными учреждениями и предприятиями, руководимыми непосредственно губернским земством и составляющими его собственность: губернские комитеты, конечно, сами никаких предприятий вести не будут — их задача только взять под команду чужой производительный труд. Новость, привезенная к нам г-жою Гербель, очень правдоподобна по духу времени, думается только, не упреждает ли она несколько ход событий: трудно допустить, чтобы в обществе

не знали о такой важной реформе почти вплоть до ее осуществления, ведь не может же проект ее миновать хотя бы стен Государственного совета³⁶².

На недавно бывшем одесском уездном земском собрании председатель уездной управы барон Рено³⁶³ неожиданно для присутствующих выступил с докладом об отмене того установившегося порядка, по которому на открывающиеся медицинские вакансии представляет кандидатов коллегия земских врачей, мотивируя это тем, что многих кандидатов не утверждает административная власть, вследствие чего участки продолжительное время остаются без персонала. Последнее, разумеется, очень прискорбно, но дал ли себе труд подумать почтенный барон, кто тут больше виноват: врачи, на которых он ополчился, или администрация, перед которой он только умеет изгибать спину? Конечно, у всякого барона могут быть свои фантазии, но у нашего они во всяком случае отдают не рыцарским замком. Против врачей со стороны г-на Рено это уже не первая вылазка: еще раньше он хотел, например, не допустить к прочтению на совещании врачей доклада одного из них о командировке на Пироговский съезд³⁶⁴, находя в нем «общие рассуждения», от которых, разумеется, Боже нас избави. Предложение г-на Рено о замещении должностей собрания сдало в долгосрочную комиссию, оставив пока *status quo*¹. Если земство будет гнаться только за тем, чтобы все места были заняты, а кем — это неважно, то есть следуя правилу: «числом поболее, ценою подешевле»³⁶⁵, то поздравить его не с чем. В городском общественном управлении (в его санитарной комиссии) некоторыми гласными также ведется неприличная и неприкрытая даже соображениями г-на Рено кампания против кандидатов, рекомендованных врачебным советом. Удивительное непонимание или сознательное пренебрежение к солидарности интересов выборных представителей муниципалитета и так называемого третьего элемента! Пора бы понять, что один элемент без другого в общественном деле лишен всякой животворной силы.

Этим летом робкие обыватели Одессы побаивались, что наш морской берег, пожалуй, подвергнется обстреливанию со стороны неприятеля. Этого, слава Богу, не случилось. Зато на берегу оказался неожиданно другой внутренний недруг, который не на шутку теснит мирного обывателя: полицейские,

¹ Существующее положение (лат.).

получив инструкцию предупреждать сходки, на всякий случай для своего спокойствия гонят с берега всех располагающихся там в числе пяти-шести и даже трех человек. Гарантировать от этого может разве особенно барский вид и туалет.

В городе опять много арестов по подозрению в принадлежности к социал-демократической партии. На фоне тяжелой безработицы у нас возникла группа так называемых махаевцев (по имени идеолога и инициатора этого движения Махайского)³⁶⁶. Зарождение такого течения не случайно совпадает со временем войны и развивающегося всеобщего кризиса.

Недавно одесситы были взволнованы исключительным по своим обстоятельствам происшествием. Колесами поезда железной дороги отрезало головы двум девушкам простого звания. Третья девушка, очевидно, их подруга, найдена тут же с поврежденной рукой и в состоянии острого помешательства. В газетах запрещено писать об этом факте, хотя трупы выставлены были для опознания в анатомическом покое несколько дней. Это запрещение, смысл которого трудно понять, вызывает разные объяснения: говорят, например, о насилии над девушками со стороны лиц военного сословия и проч. Даже простая уголовщина прячется от публики под покров тайны! Или это и в самом деле кому-нибудь нужно?

Аноним

Освобождение. 1904. № 53. 2 авг. С. 58–59

Провинциальные картинки

Помогите экстернам • Бобруйский талмуд-торный раскол • Вывеска мешает учиться • Понинковский доброволец сыска • Люблинские ряженые • Опять «мы — поляки» • Передовой студент и передовой попугай • Брест-Литовские разбойники

Слыхал я анекдот. В еврейскую корчму заехал на ночлег голодный как волк путник.

— Дайте, хозяйшка, поужинать... Не найдется ли у вас жаркого?

— Нету, родименький: проезжие купцы съели.

— Нет ли куска рыбы?

— Нету...

- Ну — яиц?
- Нету...
- Масла?
- Нету...
- Сметаны?
- Нету...
- Ну, хлеба, пары огурцов!!

— Удивительно требовательный человек, — рассердилась хозяйка: — *всего* ему хочется!..

Этот анекдот мне вспомнился теперь, когда я прочел кипу писем моих корреспондентов. Три четверти этих писем — жалобы на недостаток средств к образованию еврейского юношества. Три четверти корреспондентов плачут то о плохой постанове дела в талмуд-горе, то об отсутствии какого-либо училища, то о падении существовавшей школы... Учиться! Учиться! Учиться! — кричат письма евреев. Читаю их и думаю: людям приходится голову ломать над тем, как бы прокормить семью и себя, как бы прежде всего не умереть с голоду, а то и от других постоянных и случайных причин, которых к услугам еврея множество, — а они о просвещении хлопочут!

Тот же анекдотический диалог с корчемной хозяйкой: хлеба — нету; душевного спокойствия — нету; здоровья — нету; уверенности в ближайшей минуте — нету; ощущения жизни — нету... И они еще хотят — образования! Удивительно требовательный народ: *всего* им хочется!

И как еще хочется!.. Послушали бы вы, как плачется одесский корреспондент. Существуют, рассказывает он, в Одессе в течение двух лет «Курсы русского языка и словесности Рапопорта» и «Курсы математики и физики Иглицкого»³⁶⁷. На эти курсы, точно души праведников в рай, рвутся еврейские экстерны — со всех концов «черты». Еврейский экстерн есть совершенно исключительный зоологический феномен: существо, в котором дух съел плоть; настолько законченно съел, что все потребности плоти убиты и все идет на удовлетворение ненасытного аппетита духа... В угождение этому злomu духу еврей-экстерн творит чудеса, как средневековый рыцарь — в угоду избранной красавице. Разница только в том, что девиз еврея-экстерна скромнен и миролюбив: «свидетельство зрелости» или «свидетельство шести классов»... Но в настойчивости, решимости, беззаветной преданности цели, мужестве и постоянстве он не уступит самому Баяру³⁶⁸... Одной добродетелью он даже значительно превосходит рыцарей: нищетой.

Она не добровольна, как у первых христиан, но неизменна, как у современных евреев. Такие-то рыцари духа, прозванные на канцелярском языке экстернами, толпами бегут в Одессу, город, прославленный, по какому-то роковому недоразумению, на всю «черту» — неистоцимым благотворителем... Впрочем, приезжий (вернее, приходящий, так как весьма часто он приходит в Одессу пешком) экстерн не требователен. Он никогда не просит ни крова, ни пищи, но всегда ищет одного: бесплатного учителя. Но бесплатный учитель, умелый и добросовестный, ныне такая же редкость, как белый слон. (Что поделаешь: благотворительность редко сочетается с аккуратностью...) Нищенствующий экстерн, не нашедший единственного, чего искал в Одессе, — учителя, видит крушение своих надежд и с ними всего своего будущего... И вдруг — открываются курсы, правильные, систематические курсы с программой, приноровленной к девизу экстерна: «свидетельство зрелости»... Экстерны... Но дадим слово самому корреспонденту...

Можете себе представить, каким благодетельным учреждением являются для приезжего экстерна курсы, где под руководством опытных преподавателей можно изучить необходимые предметы. Но, увы — есть нечто, мешающее этому симпатичному учреждению правильно развиваться, и даже грозит совсем его уничтожить. Это «нечто» — недостаток средств. Курсы ни откуда не получают субсидии (за исключением минимальной субсидии в 200 р. от Одесского отделения Общества распространения просвещения между евреями; и то, говорят, общество отказало уж и в ней). Могут ли при подобной поддержке существовать курсы? Правда, курсы — платные (40 р. в год), но плата не приносит почти никакого дохода. Ибо — кто составляет контингент слушателей? Не получая из дому никакой помощи, приезжий экстерн начинает с первого дня приезда в Одессу искать уроков и *счастлив, если удастся найти несколько грошовых уроков, на которые он может прожить лишь впроголодь* (курсив везде мой. — И.-М.). Но имея сильнейшее желание поступить на курсы, он с большим трудом, отказывая себе в хлебе, уплачивает за первый месяц. Во второй месяц он уже не в силах заплатить и принужден нехотя оставить курсы... Кое-как, влача жалкое существование, курсы прожили два года. Но вот в конце текущего года, по окончании занятий, преподаватели нам заявляют, что в будущем году курсы навряд ли будут существовать и что этот день можно считать последним. *Известие это как электрический удар поразило нас. Все как-то приумолкло, приуныло,*

были ошеломлены. Потом, опомнившись, обратились к преподавателям и стали их умолять что-либо сделать для спасения курсов. Преподаватели советовали нам самим обратиться к членам Общества просвещения... Но что мы можем сделать? На все наши просьбы о помощи они предлагают нам поступить на другие курсы, субсидируемые ими. Но те курсы имеют минимальную программу (для начальных учителей), и если принять во внимание, что большинство приезжающих в Одессу учиться имеют уже такое образование и приезжают исключительно для пополнения своих скудных знаний, а не для повторения уже приобретенного, то станет понятным, почему не все могут принять совет общества. Как видите, очень мало надежд на существование курсов в будущем году...

Далее следуют призыв к одесской филантропии, к любвеобильному сердцу «цивилизованных» — по выражению корреспондента — одесситов и мольба, полная слез, — о спасении курсов.

«Один спектакль, один вечер танцевальный, одно гулянье — и курсы спасены! — восклицает мой корреспондент. — Сколько здесь устраивается концертов в пользу разных учебных заведений! Неужели при желании не нашлись бы люди, которые откликнулись бы и на это и взяли бы на себя труд сделать хоть что-нибудь!.. Очень и очень будут вам благодарны, г-н Иш-Мацлиах, если вышеописанное найдет в вашем журнале надлежащее освещение и вам удастся помочь, пока еще не поздно!..»

Лучшее освещение, какое я мог дать сообщенному корреспондентом материалу, я дал: я привел почти целиком его горькую жалобу... Нужно ли еще какое-либо освещение, читатель?.. Не достаточно ли ярко горят в этом письме все муки и мытарства наших экстернов? Не достаточно ли видно равнодушие к важнейшему из наших дел — обучению младших братьев — со стороны старших и прежде всего тех, кому ближе всех эта обязанность? Я не знаю, почему одесский отдел общества просвещения отказал курсам Раппопорта и Иглицкого в субсидии. Но я знаю, что все те бедствующие, голодающие ради того, чтобы заплатить хоть за месяц ученья, экстерны — теперь глубоко несчастны, безгранично страдают и что трагизм их положения достаточно велик, чтобы вызвать сочувствие (конечно, не платоническое)... Я знаю также, что им можно помочь и легко помочь — стоит только захотеть

одесситам... Весь смысл в этом хотении... А насчет этого я уже совсем твердо знаю, что захотеть необходимо...

Еврейский экстерн — явление весьма поучительное и весьма общественно важное для евреев... Чуть ли не ежедневно слышишь жалобы: русское еврейство обеднело дарованиями... Нет у нас ни публицистов, ни беллетристов, ни общественных деятелей! Умерли наши русско-еврейские таланты! Печальны эти жалобы, вдвое печальны тем, что они справедливы... Но не потому у нас нет деятелей, что нет дарований, а потому, что мы не умеем уберечь наших дарований... Сколько даровитых людей самого разнообразного содержания погибают у нас раньше, чем успевают обнаружиться... Сколько таких дарований рассыпано среди экстернов-аутодидактов!.. Еврейские Ломоносовы — явление отнюдь не редкое. Кто из нас не встречал этих полуголодных, измученных грошовой работой и неустанными умственными занятиями, с ввалившимися щеками и светящимися пытливой мыслью возбужденными глазами?.. Это — люди подчас с огромным, сильным интеллектом, с большой волей, с безграничной отвагой и ненасытной жаждой знания... Это глина, из которой нормальные условия жизни могли бы вылепить очень заметных писателей, художников, общественных деятелей, ученых... Я знал несколько человек — из аутодидактов, имена которых произносились бы с уважением в кругах науки, литературы и искусства. Но они не дошли до той высоты, до которой могли бы подняться. Или организм, не выдержав давления, рухнет, или жизнь заставит уйти от книги к слесарному станку... Более чем ненормальны условия, при которых они живут и работают, предоставленные самим себе.

И думается мне, что задача устройства этих погибающих дарований — великая народная задача... Наше обеднение силами при той нужде в них, которую выдвигает теперь народная еврейская программа, делает особенно заметной обязанность прийти на помощь всякой, хотя бы и малой, силе в еврействе. Дать выйти на дорогу еврейскому юноше (а он так малотребователен!) — есть акт не только филантропии, но и национальной важности... В сложной работе решения нашего национального вопроса все силы народа нужны. Будем же дорожить ими... Будем их культивировать в целях народного укрепления и нашей национальной программы...

Конкретно: помогите, г-да одесситы, гибнущим курсам для экстернов, раз они действительно отвечают их требова-

ниям... Дело еврейского просвещения и так недостаточно организовано, чтобы терять зря хоть одно из просветительских учреждений...

Право, помогите экстернам!.. Оно и нетрудно, в сущности...

О просвещении — так о просвещении! В городе Бобруйске — тридцать тысяч евреев и две талмуд-торы. По одной на каждые пятнадцать тысяч: чего еще желать? Но беда в том, что одна талмуд-тора — хасидская, а другая — миснагидская³⁶⁹. Хасиды в Бобруйске — богаты; миснагиды — бедны. Хасиды обставили талмуд-тору и со стороны инвентаря, и преподавательской очень недурно; миснагиды, за удостоверенной бедностью, — очень дурно... В хасидской талмуд-торе еврейские дети успевают приобрести тот объем сведений, который полагается талмуд-торе; в миснагидской не успевают... Хасиды ничего не имеют против того, чтобы дети миснагидов посещали их талмуд-тору; миснагиды хотят иметь во что бы то ни стало свою и не пускают своих детей в учение к хасидам...

Что вооружает бобруйских миснагидов против бобруйских хасидов? Говорят, что бобруйские миснагиды сами не знают, из-за чего воюют с хасидами. Разве из-за унаследованного от прародителей сектантского антагонизма?.. Но на что он теперь нужен, этот архаический антагонизм? Какой толк в том или ином толке? Совершенно достаточно быть попросту евреем, а быть ли миснагидом или хасидом — дело совсем второстепенное. Когда же из-за толка начинают страдать дети — то оно уж совсем скверно... Сидеть бы им всем в одной талмуд-торе за одной книжкой и учиться одной мудрости: как сохранить в себе еврея (а не миснагида или хасида), чтобы сохранить еврейство...

Пора бы уж помириться отцам, чтобы не мешать жить детям... Оправдывать проклятие: «грехи отцов отзовутся на десятом поколении» — вовсе уж не заслуга!..

Помиритесь, отцы: дайте деткам поучиться!..

И сколько этих помех еврейскому учению — не перечтешь!.. То денег не хватает, то учителей опытных не находится, то хасиды с миснагидами не поладят, а то вдруг такая казалась бы маловажная вещь, как вывеска, не дает еврейским детям учиться...

Есть в городе *Херсоне* три талмуд-торы: Центральная, Забалканская и Принабережная... После долгих мытарств первые две обзавелись новыми зданиями, хорошо приспособленными к делу... В новых зданиях обеих талмуд-тор так много простора, света, воздуха и красоты, что херсонцы-евреи глядят-глядят, любят, да и начнут недоверчиво качать головами:

— Быть не может, чтобы этакая роскошь была нашей родной... Верно, все это — чужое!..

Зато Принабережная талмуд-тора, покачиваясь на курьих ножках, полусгнившая, холодная, сырая и хмурая, всем своим нищенским видом кричит херсонским евреям:

— Я — ваша! Я — ваша!..

Но... «и в рубище почтенна добродетель...»³⁷⁰ Принабережная талмуд-тора пользуется больше других благосклонным вниманием херсонцев... Все — до последнего прохожего — охотно заглядывают в нее, к чему больше всего влечет обывателя... расположение окон: почти у самой земли, и бойкость занимаемой талмуд-торой позиции: между синагогой и баней...

И вдруг патриархально мирному существованию Принабережной талмуд-торы стала угрожать опасность со стороны цивилизации... Так как она, Принабережная, облегчена уставом и снабжена в достаточном количестве попечителями, то немудрено, что нашлись еретики-новаторы, возмечтавшие о переустройстве ее по образцу Забалканской и Центральной.

Старой плесени, гнили и тьме Принабережной грозил позорный конец...

Но они были спасены... Старина восторжествовала благодаря одному из попечителей, г-ну К.; не столько г-ну К., сколько его жене; и не столько жене г-на К, сколько — вывеске...

Жена г-на К. несколько лет тому назад пожертвовала в пользу талмуд-торы 2000 р. в память торжественного события. Благодеяние г-жи К. в свое время было увековечено в огромной вывеске, которая и была водружена на стену талмуд-торы... Для г-жи К. это был единственный путь в историю... Вывеска стала ее памятником (хотя и рукотворным), краткой, но много выражающей летописью ее общественно-плодотворной жизни...

С того времени имя г-жи К. могло быть вырвано из истории человечества только вместе с гвоздями, державшими вывеску на стене талмуд-торы.

И именно на это и посягнули попечители Принабережной, пожелавшие выстроить новое здание на свои деньги...

Могло ведь так случиться, что, построив новое здание на новые деньги без участия г-жи К., попечители не найдут необходимым переносить на него старую вывеску, увековечившую двухтысячный героизм жертвовательницы... Иными словами — г-же К. придется уйти вместе с вывеской из истории...

Этого г-жа К., натурально, не пожелала. Не пожелала этого и ее муж, один из попечителей «Принабережной», — и встал в оппозицию...

Как только заходит в попечительном совете речь о постройке здания для талмуд-торы, г-н К. встает и говорит гордо и решительно, как римский трибун: «Veto!..»

При этом он умеет придать своему «veto» такую формулу, которая зажимает рты другим попечителям. Г-н К. «такое слово знает...»

И ничего поделаться нельзя. Попечители говорят: «Новое здание!», а г-н К. — «veto» в магической формуле...

Так оно и остается. Избушка на курьих ножках, холод, гниль, плесень, на них вывеска, возвещающая миру о г-же К., а над вывеской на страже грозный трибун — г-н К.

А плохо от всей этой глупой и грубой истории бедным детям, ученикам талмуд-торы...

Да Бог с ними, с супругами К. Накормите честолюбивых крокодилов: повесьте им вывеску на новом здании, если уж без этого нельзя!.. Чего вам это стоит и к чему обязывает?

А еще лучше обойтись без гг. К. и без вывески: ни те, ни другая для просвещения не нужны.

Бывают такие счастливые обстоятельства, когда даже вывеска не помеха еврейскому образованию, — и все-таки дело не ладится. Так обстоит дело в *Понинках*.

Понинки заселены преимущественно рабочими местной писчебумажной фабрики. Еврейские дети в Понинках до 12 — 13 лет находятся в науке у меламедов³⁷¹, а с 13 лет, закончив свое образование, переходят к практической деятельности — на фабрику...

Большинство понинковских детей работают на тряпичнице... Условия труда и вся обстановка жизни на тряпичнице так, должно быть, привлекательны, что понинковские еврей-работчие, малолетки, целиком уходили — душой и телом — в тряпичную пыль и мглу.

Так как пытливому разуму нельзя было перешагнуть границу, поставленную меламедской наукой (просветительных учреждений в Понинках, кроме тряпични, не имеется), то постепенно пытливость разума уходила на заработки, а ассимилирующая среда привила евреям-рабочим Понинков высшие блага фабричной культуры: пьянство, разврат, истощение.

Но вот на горизонте всееврейской жизни запылал сионизм... И хотя Понинки, как гоголевский город N, есть пункт, от которого хоть три года скачи — ни до какого государства не доскачешь³⁷², — сионизм, однако, доскакал до Понинков... Появились молодые сионисты. Заглянули в тряпичню, ахнули и тотчас взялись за «подъем национально-культурного уровня» понинковских евреев. Появились чтения, организованные занятия с детьми по еврейскому языку, еврейской истории и общим предметам.

Пошла мирная работа национального просвещения... За два года этой сионистской работы Понинки переродились! — уверяет корреспондент...

Еще год — и Понинки стали бы неузнаваемы, приобретая вполне чистую физиономию еврейского городка... Конечно, этого не должно было случиться!.. И на спасение Понинков от культуры выступил местный денежный туз.

Как Амос Федорович Ляпкин-Тяпкин³⁷³, он объяснил себе деятельность местных сионистов догадкой:

— Нет ли где измены?..

И едва сия блистающая проникновением мысль пришла в его многодумную голову, туз торжественно решил:

— Упразднить!..

Упразднить гораздо легче, чем учредить... Туз попробовал урезонить своего зятя-сиониста:

— Эй, зятюшка: ты завиральные идеи эти брось!..³⁷⁴

— Помилуйте, тещюшка, какие же это завиральные идеи? Мы всего только детишек грамоте обучаем; да немножко еврейского хотим им внушить; да от пьянства отучиваем. Что же тут преступного?

— Знаем мы, знаем... Смотри, зятюшка! Я человек благонамеренный и не желаю, чтобы тут у меня всякое-такое заводилось...

— Да что «всякое-такое»? Учиться нельзя, что ли? Это и законом разрешается...

— Не хочу!.. Я человек благонамеренный.

И благонамеренный человек из чувства долга взял на себя добровольный сыск. Через малую толику времени благонамеренный «имел честь донести» куда следует... А откуда следует пришла резолюция:

— Упразднить!

И упразднили. Опять понинковские еврейские дети до 13 лет усваивают меламедскую премудрость, а с 13 копошатся в грудах тряпок на тряпичне... Учиться негде. А благонамеренный торжествующе улыбается:

— Упразднил!

И чувствует себя Брутом³⁷⁵: зятя родного не пожалел во имя «долга»!

Не во имя ли того же «долга» благонамеренные г-да Люблина помешали местным сионистам почтить память Герцля?

Доктор Ш., корреспондент одной из северо-западных газет, любезно прислал нам следующее полученное им из Люблина письмо.

Высокочтимый доктор! Из газет, равно от проезжих лиц, я узнал, что благодаря вашей инициативе и стараниям у вас (в Бресте. — *И.-М.*) получено разрешение г-на министра на панихиду (по Герцлю. — *И.-М.*) и Брест, благодаря Вам, достойным образом почтил великую память Моисея XX века. Так как, невзирая на все старания здешних сионистов, нам не дадут устроить панихиду, и, имея в виду, что мешают нам не только раввин, но к великому нашему стыду — стоящие у кормила правления интеллигенты (все поляки Моисеева закона): врач X., юрист Y. и финансист Z., — то мы без легального разрешения не сможем даже выплакать свое горе. Покорнейше поэтому прошу Вас сообщить: текст посланной Вами на имя министра телеграммы и кто был под телеграммой подписан?

К этому письму, пересланному нам, доктор Ш. делает следующую приписку:

Когда я получил это письмо и указал люблинцам путь, то получил вслед за тем второе письмо, в котором то же лицо сообщает, что вряд ли удастся люблинским сионистам что-нибудь сделать, так как «поляки Моисеева закона» прибегли к доносу, и, по всей вероятности, местная власть не даст разрешения на панихиду.

Разумеется, сионистам не удастся задуманное предприятие: отслужить панихиду по Герцлю.

Помилуйте: против сионистов раввины, врачи, юристы, финансисты. Этакое блестящее соединение духа, ума и капитала!.. Попробуйте-ка одолеть!.. Особенно при оружии неравной силы: с одной стороны, горячее чувство любви к народному делу, а с другой — доносительство.

Где уж тут о равенстве сил говорить!

В этой области поляки Моисеева закона сильнее нас, и мы за их лаврами угнаться и мечтать не смеем!..

У нас только — благие намерения, а у них — благонамеренность. В этом огромная разница!..

Надо, однако, отдать справедливость полякам Моисеева закона: они постоянны, неизменны, верны своему высокому призванию — перекраивать себя на чужой фасон...

Спрячет этакий субъект свое еврейство под толстый слой польских белил и румян, придет к братьям-полякам и горделиво похаживает:

— Мы — поляки!

Нужды нет, что поляки презрительно улыбаются, поводя брезгливо носом:

— Жидек!..

А то и попросту подойдет брат-поляк, мазнет губкой по физиономии разукрашенного поляка Моисеева закона, сотрет сразу белила и румяна и скажет:

— Эге, да ты, брат, — жид!..

Улыбнется угодливо обнаруженный и — ничего: уйдет, опять намажется и к другим пойдет...

Черт возьми, вкусны, должно быть, подачки с барского стола, даже приправленные пинками!..

Только вкус нужно иметь к ним подходящий — подстольный!

Мой *сувалкский* корреспондент также приходит к этому выводу, ибо ничем другим не может объяснить того, что произошло в Сувалках. А произошло следующее.

Есть в Сувалках школа, в которой преподают две еврейки. Одна — жена врача — женщина широко образованная, интеллигентная, сердечная. Другая — прекрасная преподава-

тельница, умная, чуткая, отзывчивая, образованная, интеллигентная... Хорошо, так хорошо, что даже не верится! Преподают в школе, между прочим, и еврейский язык (руководит занятиями молодой сионист) и воспитывают детей в духе национальном... И не дорого: 40 рублей в год...

Все обстояло великолепно — до нынешнего года... В нынешнем году некая польская дама открыла здесь школу с польско-национальной программой...

И точно ветром — смело всех учениц еврейской школы в польскую...

В польской школе плата — 50 р.; в польской школе девочки еврейские не услышат ни одного еврейского слова и ни одного слова о евреях... Польская школа, имеющая свою национально-воспитательную программу, вполне последовательно постарается ассимилировать еврейских детей.

В польском населении раздаются возгласы удивления:

— И чего эти жидаы лезут к нам?

Сувалкские евреи не смущаются и «лезут».

Своя школа с двумя милыми, преданными родному делу руководительницами — пустует, а «интеллигенты» гонят своих детей в польскую...

Выгонят их из Сувалкской польской школы — пошлют в Люблинскую...

О, благородные потомки крыловской мухи, свято исполняющие ее полный высшего достоинства девиз:

...Пустое:

*Коль выгонят в окно — так я влечу в другое!..*³⁷⁶

Один из моих корреспондентов горько жалуется на некоего еврея, студента Новороссийского университета В-на, за то только, что сей студент, попав на лето в село Суслены (Оргеевского уезда Бессарабской губ.) на кондицию — обучать еврейских детей разным наукам (в том числе и еврейскому языку), выразил ему, корреспонденту, свое недовольство в такой форме:

— Попал на невыгодную денежно кондицию к проклятым жидам...

Продолжая, однако, жить в Сусленах и получая у проклятых жидов деньги, студент познакомил подробнее корреспондента со своим образом мыслей:

«Я совершенно отказался от евреев и от еврейства. Мне наплевать на все ваши мнения! Я часто и охотно бываю у знакомых священников — они в высшей степени образованные и симпатичные люди. (Охотно верим. — И.-М) Я ем совершенно свободно трепное, курю, езжу, делаю что угодно по субботам, никогда не молюсь — словом, делаю все то, *что должен делать всякий передовой человек!*

А чтобы окончательно убедить собеседника в том, что он, студент, — во всех отношениях передовой человек, он о сионистах выразился так:

— Эх вы, «сыцынисты»! Герцль был большой сыцынистский деятель: жаль!..

Корреспондент мой настаивает на том, чтоб я уделил «передовому студенту» В-ну место в провинциальных картинках.

Полноте, г-н корреспондент: стоит ли на какого-то студента из Сусленов читательское внимание тратить?..

Я уж лучше расскажу вам забавную историю...

У моей тетушки был некогда попугай — молодой, пестрый, преуморительный болтун, как все попугаи...

Этот попугай умел произносить очень отчетливо мудреные и модные по времени слова (подслушанные из разговоров хозяев):

— «Культура»... «Прогресс»... «Человечество»... и еще несколько в этом же роде...

Смысла слов настоящего он, конечно, не понимал, но произносил их с таким апломбом, с такой подавляющей авторитетностью и такой уморительной серьезностью, что даже мы, дети, еще не понимающие как следует значения этих высоких слов, покатывались со смеху...

Но сам попугай — по всему было заметно — глубоко верил в свою ученость и считал себя во всех отношениях передовой птицей, а нас, детей, ставил в грош...

И чтобы показать свое превосходство над нами, он, умея очень отчетливо произносить фразу «Попочка хочет кусать», всегда умышленно, насмехаясь над детьми, коверкал ее и говорил:

— Попочка хоцет кусать...

И при этом высунет язык, щелкнет и зальется самодовольным хохотом.

Так у него вся жизнь и проходила... Прокричит глубокомысленно:

— Культура!.. Прогресс!.. Человечество!..

И закончит:

— Попочка хоцет кусать...

И язык покажет...

Вспоминая теперь об этом попугае, прихожу к выводу, что то был, несомненно, умный, ученый, вполне передовой попугай (он делал все то, что должен делать всякий передовой попугай).

Но писать о нем в провинциальных картинках, по-моему, все-таки не стоит!..

Мне прислан номер «С[еверо]-З[ападного] края»³⁷⁷, из которого я узнал следующее.

В Брест-Литовске появилась шайка разбойников, совершающая набеги на одиночных прохожих среди бела дня и на людных улицах. Разбойники не щадят ни пола, ни возраста... Похищаемое разбойниками имущество (главным образом — палки, зонтики, шляпки, носовые платки и прочие мелочи) тут же, на месте нападения, ими уничтожаются. Излюбленный день разбойничьих набегов — суббота... Атаман шайки разъезжает по градам и весям Северо-Западного края и за хорошее вознаграждение проповедует в синагогах субботний поход против неверных... интеллигентов... Силой убеждения и ненависти к неверным атаман не уступает Петру Амьенскому, отличаясь от него только прекрасными башмаками (Петр Амьенский, как известно, был бос), сшитыми на средства общины, организовывающей поход³⁷⁸. Оратор-атаман призывает к избиению интеллигентов, не соблюдающих субботы... Ближайшими жертвами разбойничьего благочестия сделались три дамские шляпки и два зонтика... Обладательницы и обладатели этих вещей получили вещественное доказательство разбойничьей ревности к чистоте субботы в виде внушительных синяков, каковые вместе с тем являются для побитых и нагляднейшей иллюстрацией к заповеди: «помни день субботний»!..

Имя великого подвижника-атамана — Эльюкум Гецель.

Подметные письма шайки грозят интеллигентам-евреям смертью... В Брест-Литовске, по словам «С[еверо]-З[ападного] края», — паника...

«Следует наконец властям обратить внимание на страшный вред, приносимый этим ханжой», — говорит корреспондент «С[еверо]-З[ападного] края».

Так как можно быть уверенным, что власти уже обратили внимание на это общественное событие, то нам уж обращать на него внимание не приходится...

Иш-Мацлиах

P. S. Принимая с благодарностью сообщения корреспондентов, мы не находим возможным пользоваться анонимными корреспонденциями, каковые уничтожаем, не читая.

И.-М.

Еврейская жизнь. 1904. № 9. С. 176–188

Отголоски убийства Плева. Местные нравы и новости

Одесса

Телеграмма об убийстве Плева распространялась здесь по городу вместе с военным бюллетенем часов с четырех в день самого происшествия³⁷⁹. Гуляя вечером по улицам, по паркам и бульварам, самый проникательный наблюдатель, однако, не заметил бы никакой внешней перемены: всюду играла музыка, тысячи нарядно одетых дам вели легкую перестрелку со своими расфранченными кавалерами, солидные папаши восседали за буфетными столиками, стремясь поближе к открытым сценам, — ничто не говорило, что сегодня, несколько часов тому назад, пал фактический правитель всей империи, пал так трагически, так знаменательно. Такова легкомысленная Одесса... Но, конечно, и в ней под густо распутившимися пустоцветами есть в почве здоровые корни: во многих домах, в культурно обставленных квартирах и в самых бедных конурах рабочего люда эта весть «ударилась по сердцам с неведомою силою». Как крепки были товарищеские рукопожатия, каким огнем светились глаза на сияющих лицах! Отсутствие в первой телеграмме обычного в таких случаях добавления о задержании кого-либо на месте катастрофы и о других жертвах оставляло еще некоторую надежду, что поплатился только один ненавистный министр. Не говоря уже о социалистах-революционерах, даже их непримиримые противники, социал-демократы, не скрывали своего удовольствия. Да и как его скрыть, видя вокруг такие же довольные лица. В одном месте мне при-

шлось даже услышать от вполне зрелой и убежденной социал-демократки такую фразу: «Даже завидно, что *им* досталась честь свалить такого медведя». И это не было только шуткой, так как дальше развита была мысль, что за все террористические времена на Руси не пало при таких условиях ни одного лица в одинаковой мере и сильного, и ненавидимого всем русским обществом. Но удаление Плеве со сцены жизни — факт, конечно, интересующий не только наши крайние партии: именно все сознательное и образованное русское общество, исключая отпетых ретроградов и балансирующих балетоманов «нововременского» пошиба, ненавидело его политику, выкованную в ищейских кабинетах департамента полиции. К волчьему зубу своего предшественника Сипягина³⁸⁰ он прибавил свой собственный лисий хвост, которым иногда ему удавалось обольстить на время даже самых солидных общественных деятелей, скоро, однако, прозревших истину. Нельзя удивляться поэтому, что и у более сдержанных и совершенно далеких от террористической деятельности людей телеграмма вызвала чувство удовлетворенности и облегчения: наконец-то пал «лучший из лучших», как назвал его фон Валь³⁸¹, от комплимента которого поморщились бы, вероятно, многие и из сановников, кто поумнее.

Местная наша администрация почтила память своего шефа, как могла, как принято в ее среде: она разослала повестки, приглашавшие явиться на панихиду — сперва в канцелярии градоначальника, а на другой день в соборе. На панихидах присутствовали и представители городского общественного управления, а представители уездного земства с бароном Рено во главе (о нем я писал в предыдущей корреспонденции), не ведая, что творят, приняли на себя роль нарочитых плакальщиц и отслужили панихиду в земской управе. Не довольствуясь церковным поминовением, администрация прибегла к наиболее оскорбительному способу вынужденного чествования памяти покойника: через цензора внушено было редакциям всех здешних газет выпустить ближайший номер с траурной каймой. Газеты подчинились, одни — с полной готовностью, другие — не желая ссориться с цензурой, хотя среди отдельных журналистов возникла справедливая мысль — опротестовать каким-либо способом ни на чем не основанное требование; в самом деле, это уж слишком: траур в газете считается обязательным только по смерти царствующих особ, и сопричисление к таковым министра внутренних дел можно

трактовать даже как некоторое непочтение к прерогативам верховной власти... В официальных «Ведомостях градоначальства» сам г-н Нейдгарт³⁸² разрешился поминальной передовицей, где говорит, что «весть эта (об убийстве) пополнила (хоть бы сказал "наполнила"!) горечью сердца всех и с т и н н о р у с с к и х людей» и что «...м н о г и е из призванных служить своей родине (!) не устроятся ни пуль, ни бомб». Характерно для нашего времени, что в официальных сферах не говорят уже вообще о русских, а выделяют из них только «и с т и н н о р у с с к и х», пуская, таким образом, в оборот чисто субъективную, а следовательно, и спорную оценку значения этого слова: каждый волен считать истинно русским то, что ему нравится и что соответствует его понятиям. Недурно также это «многие» в словах превосходительного автора глупенькой передовички: где уж тут рассчитывать на преданность всех чиновников самодержавию, «не щадя живота своего», — как они лживо клянутся в установленной присяге, — слава Богу, если найдутся хоть только «многие». И уж, конечно, среди них первый — сам г-н Нейдгарт, который этой статьей так и просится: «призови!..» Читая эти банальности и любуясь траурными рамками, украсившими одесские газеты не в пример всем другим газетам, нельзя было не вспомнить вырвавшееся прямо из сердца известное стихотворение Добролюбова «На смерть особы»³⁸³.

Сейчас получил известие, что в наших полицейских застенках опять практикуют жестокую кулачную расправу над арестованными (в числе около 130 человек) на недавней сходке рабочими. Бьют без милосердия и со всяческим издевательством. Между прочим, мать одного из арестованных, ходившая к сыну обменять его белье, показывала его рубашку — всю в кровавых пятнах. Очевидно, режим Нейдгарта не лучше режима Шувалова³⁸⁴ в этом отношении: кроме благоглупостей, его характеризующих, остались и рукобойные нравы полиции, стремящейся достигать «незаметными средствами заметных результатов». Не сомневаемся в храбрости г-на Нейдгарта, не боящегося «ни пуль, ни бомб», но очень боимся, чтобы чаша терпения избиваемых рабочих не переполнилась.

Умер помощник градоначальника Старков³⁸⁵ — любопытный тип доктора медицины, совершенно одичалого и в полицейском усердии превосходившего своих принципалов, которых он часто замещал. Опять черный ободок на извещении в газетах и опять приходит на память:

*Ликуй же, смерть, в стране унылой,
Все в ней отжившее рази!..*³⁸⁶

Аноним

Р. С. В мою корреспонденцию в № 51 вкралась опечатка, искажающая передачу факта: напечатано, что дворники несут «конную» службу, тогда как речь шла не о конной, а о «конвойной» службе. Во избежание нареkania в пренебрежении к истине прошу напечатать эту поправку.

[А.]

Шаевич. Трижды наказанные

Вологда

Только теперь нам удалось собрать некоторые сведения о пребывании Шаевича* в Вологде. Хотя эти сведения относятся еще к осени прошлого года, мы считаем нелишним, ввиду того интереса, который вызывала к себе личность Шаевича, поделиться ими с читателями «Освобождения».

Шаевич был прислан в Вологду в половине августа прошлого года. Вологодский губернатор имел полицейские сведения о его прибытии, но он сам говорил, что он не получал никаких распоряжений от департамента полиции относительно него. Кто такой Шаевич — сам губернатор узнал только из передовой статьи в № 28 «Освобождения». Приведенные там сведения, по-видимому, поразили его, так как по получении 28-го номера он спрашивал своих знакомых из общества,

* Напомним читателям, что д-р Шаевич устраивал в Одессе под покровительством полиции рабочие союзы «независимовцев», деятельность которых сыграла крупную роль в прошлогоднем стачечном движении. Во время стачки Шаевич был арестован и выслан в Вологодскую губ. — *Ред.*

читали ли они статью о Шаевиче. Несомненно, что в Вологду Шаевич был прислан не на общих основаниях как политический ссыльный, а на совершенно особенных, так как вскоре по приезде он занял место табельщика на вновь строящейся железнодорожной линии «Вологда — Петербург». Тем не менее он сам выдавал себя за политического ссыльного и искал встреч и знакомств с ссыльными. Но для знакомства с ссыльными он избирал такие пути, которые совсем не приняты в Вологде, благодаря чему его старания не увенчались успехом. Как это ни странно, но новоприбывающие ссыльные в Вологду обыкновенно получают адреса уже живущих в Вологде ссыльных в полиции, и такой способ знакомства считается вологодскими ссыльными наиболее нормальным и наименее возбуждающим подозрение. Между тем Шаевич почему-то решил, что познакомиться с ссыльными удобнее всего через местную общественную библиотеку. Он просиживал в ней все свое свободное время, внимательно наблюдал за всеми проходящими и уходящими, и обращался к служащим в библиотеке с просьбой назвать ему фамилии хоть нескольких вологодских ссыльных, и, конечно, получал уклончивый ответ, что они никого не знают. Однако если свести знакомство с ссыльными Шаевичу не удалось, то знакомство с еврейской молодежью в Вологде не только увенчалось успехом, но и дало возможность Шаевичу немедленно приступить к деятельности*. Мы позволим себе привести почти дословно слышанный нами рассказ о нем очень наивного юноши, беспристрастность которого в данном случае стоит вне всяких сомнений. «Мое знакомство с Шаевичем началось следующим образом: в субботу приходит ко мне товарищ и предлагает пойти вместе с ним на вечеринку, устраиваемую местной еврейской молодежью по инициативе только что приехавшего в Вологду доктора Шаевича, который выдает себя за политического ссыльного и который на предстоящей сходке будет говорить о сионизме. Приняв приглашение, я отправился на собрание, где Шаевич произнес речь, начинавшуюся такими словами: "Некоторыми из присутствующих было выражено желание, чтобы сегодняшняя наша сходка была посвящена вопросу о сионизме". В своей речи г-н Шаевич сделал беглый

* Ссыльных евреев в Вологде нет, так как всех евреев, подлежащих ссылке, назначают в Вост. Сибирь.

обзор сионистского движения, далее коснулся положения евреев в России, говорил о недавних антиеврейских погромах и закончил тем положением, что евреям нельзя ждать от русского правительства ничего лучшего. После речи оратор сделал перерыв, а в заключение дебатов предложил играть в почту. Этой игрой и закончился вечер. Воспользовавшись нарядом с другими приглашением Шаевича бывать у него, я отправился в понедельник по данному мне адресу в гостиницу "Эрмитаж". Однако в номере, который занимал Шаевич, вместо последнего встретил незнакомку, которая предложила мне остаться и подождать, говоря, что "Генрих" скоро вернется. Действительно, вскоре пришел Шаевич и, отрекомендовав мне встретившую меня незнакомку как Марию Вильбушевич³⁸⁷, стал говорить о Вологде. Шаевич жаловался на отсутствие здесь интеллигентного еврейского общества, на низкий уровень культурного развития вологодских обывателей (доказательства чего, между прочим, он нашел в тетради для записи желательных в местной общественной библиотеке книг) и потом обратился ко мне с несколько неожиданным для меня вопросом, ведется ли в Вологде революционная пропаганда. Не получив на этот вопрос утвердительного ответа, Шаевич выразил по этому поводу крайнее удивление. "Здесь много политических ссыльных, — сказал он, — а ссыльные, где бы они ни находились, стараются распространять свои идеи". Я не мог рассеять недоумение Шаевича, но он продолжал поддерживать беседу, переводя ее с одного предмета на другой, и вскоре разговор зашел об известном ренегате Льве Тихомирове³⁸⁸. "Я не встречала еще человека, — заявила, между прочим, Вильбушевич, — который так хорошо и так глубоко знал и понимал бы все нужды России, как этот светлый, гениальный ум". После первого посещения я еще два раза был у Шаевича. В эти посещения он старался объяснить мне свою экономическую программу, рассказывал о том, что хотел сначала организовать партию "независимых" нелегально, но так как представилась возможность легальной организации, то он поспешил этим воспользоваться. "Я подавал доклад г-ну Плевэ, — между прочим, сказал он, — и добился у него права собраний. Хотя на первый взгляд и кажется странным, что министр, который действует заодно с капиталистами, разрешил организации против них, но я ему доказал, сославшись на английские тред-юнионы, что мои организации несколько не

повредят промышленности и что промышленные организации, сколько бы ни препятствовали их возникновению, все-таки будут существовать". В последнее мое посещение Шаевича мне пришлось присутствовать при его аресте. Мы сидели в общем зале ресторана, когда туда вошел полицмейстер и пригласил моего собеседника следовать за ним. Через четверть часа Шаевич в сопровождении околоточного надзирателя возвратился и на мой вопрос: "что случилось?" заявил, что его ссылают в Восточную Сибирь. "Мою ссылку называют комедией, — сказал он, между прочим, — однако эта комедия заходит слишком далеко". Отправившись в номер, чтобы взять свою фуражку и трость, я нашел двери номера открытыми. Полицмейстер и околоточный рылись в вещах Шаевича, выброшенных из чемодана и корзины. Полицмейстер, не впуская меня в комнату, подал мне мои вещи, и я, попрощавшись с Шаевичем и пожелав ему счастливого пути, отправился домой. Арестованный Шаевич был увезен в тюрьму, откуда в непродолжительном времени был отправлен, как говорят, в Восточную Сибирь».

Где теперь Шаевич — мы не знаем, но что в Вологду действительно пришло предписание об отправке его в Восточную Сибирь, об этом говорил также губернатор своим знакомым.

[Аноним]

Освобождение. 1904. № 55. 2 сент. С. 93–94

Письмо из Одессы

Недавно здесь умер редактор газеты «Южное обозрение» Цакни, пользовавшийся репутацией безупречного журналиста и прогрессивного общественного деятеля³⁸⁹. Одесское городское управление потеряло в нем одного из лучших сочленов, только что избранного в состав городской управы (утверждения выборов администрацией до смерти покойного не было получено). И вот к изумлению товарищей и почитателей покойного, собравшихся к выносу его тела, на гроб его среди других венков возлагается венок от цензора Богдановича и помощника его Фрома с надписью: «Искренние слезы над твоей могилой»... Эти не то маниловские, не то крокодиловы

слезы явились настоящим поруганием праха человека, которому всю жизнь цензура портила кровь, и если покойник не мог в гробу повернуться спиной к венку своих мелких мучителей, то не мешало бы тем или другим образом со стороны присутствующих дать понять господам отдельным цензорам всю неуместность и неприличие их иудина лобзания. Впрочем, некоторые из друзей покойного, увидев у его гроба цензоров и инспектора типографии Плаксина³⁹⁰, почувствовали себя так скверно, что поспешили уйти от этого милого общества. Курьезен финал этой недостойной комедии. Когда репортеры в своем отчете о похоронах воспроизвели, между прочим, все надписи, бывшие на венках, цензор, сохранив все другие, вычеркнул эту свою надпись об искренних слезах!!! Таким образом, собственное цензорское произведение оказалось недостаточно благонадежным и не могло быть оглашено в печати. В истории русской цензуры было много примеров, когда заподозривались архиблагонадежные лица, но до того, чтобы цензоры сомневались в самих себе, дело еще, кажется, не доходило. Кстати, вообще о наших одесских цензорах... Они усердно ищут популярности, особенно в высших местных сферах, ибо покровительство находишь там, где не метишь³⁹¹. Г-н Богданович, во-первых, занялся с женой командующего войсками округа баронессой Каульбарс собиранием книг для армии на Дальнем Востоке. Прочитав в газетах обращение за таким сбором известного кн. П. Д. Долгорукова³⁹², г-н Богданович тотчас сообразил дело и обратился сам к публике нашего района, доказывая, что не стоит пересылать книги куда-то в Москву, раз он беретя при содействии баронессы устроить это в Одессе, откуда книги, конечно, профильтрованные через его собственное цензорское ситечко, будут прямо направлены на театр войны. И в самом деле, вместо одной цели — доставления книг войскам — здесь попутно достигаются еще две: цензорский таможенный досмотр и популярность имени г-на Богдановича. Прямой расчет постараться обывателю. Другое дело, на котором кует себе популярность г-н Богданович, — защита молодых девиц. Дело, конечно, хорошее, если за него приняться не для рекламы, без барабанного боя. Средства собираются пожертвованиями, между прочим, довольно откровенно вымогаемыми от зависимых издателей местных газет; приют для девиц устроен в нездоровом помещении и в такой части города (возле порта), где ни

одной женщине пройти нельзя позже шести-семи часов вечера. Помощник г-на Богдановича г-н Фром тоже не бездействует: в одной из газет он лепит сенсационный роман из современной войны с кричащим патриотическим заглавием и с действующими лицами, взятыми без всякого изменения фамилий из настоящей хроники войны. Отважный юный цензор без лишних церемоний обращается с разными генералами Кашталинскими³⁹³, священниками Щербаковскими³⁹⁴ и другими получившими известность лицами как с предоставленным его ведению материалом, влагая в их уста все, что ему захочется. О разрешении на это с их стороны, конечно, не могло быть и речи. Бояться, очевидно, нечего. По крайней мере со стороны цензуры препятствий не встретится.

Недавно член городской управы г-н Климович оставил эту должность ради места директора одного из банков, куда он был избран. Г-н Климович далеко не боевой человек, хотя по своим ресурсам мог бы играть хорошую активную роль, но среди своих коллег в управе он все же был лучшим и пользовался заслуженной симпатией среди порядочных людей. Городские медики, состоявшие в его заведывании, решили почтить его прощальным ужином, на котором, между прочим, произошел следующий эпизод. После ряда приличествующих случаю спичей встал один пожилой врач и якобы в шутливом тоне, но с довольно едким сарказмом начал высказывать свое возмущение тем, что лучшие городские деятели систематически бросают «службу Богу для того, чтобы служить мамоне»; один (имярек) ушел в кредитное общество, другой — в банк внешней торговли, третий в частном ломбарде извлекает доходы господам акционерам и т. д. Г-н Климович, немного смущенный, стал приводить какие-то оправдания своему поступку и уверял, что, уходя из управы, он не теряет связи с городскими делами в качестве гласного думы. Одним словом, отступил в полном порядке; кто-то из присутствующих добавил не без ехидства: «В полном порядке и без урона!», подразумевая, вероятно, директорский оклад, более солидный, чем оклад члена управы (далеко, впрочем, тоже не нищенский — 6000 рублей).

Аноним

Освобождение. 1904. № 56. 7 сент. С. 109

Царский приезд и впечатления от него

Одесса

Царский приезд к нам состоялся. Под городом был смотр войскам, а затем Николай заезжал в самую Одессу на один лишь момент, из приличия, так как неловко же было не заглянуть в такой крупный город, находясь от него в нескольких верстах. Охрана на улицах оказалась менее строгой, чем можно было ожидать, судя по приготовлениям. Это объясняется тем, что «десятников», то есть лиц, избранных полицией для охраны и для привода благонадежных лиц, потребовалось много и туда попали простые обыватели, не имеющие ни надеждающей сноровки, ни рьяности. Билеты, которыми был снабжен «народ», редко где проверялись, и много было на улицах безбилетных. Не знаю, кто в этом виноват, но вышло так, что о времени царского въезда в город публика не была извещена приблизительно и, собравшись, кто часов с 12, а кто и с утра, все ждали его до 5 часов. Но жалко не публику, добровольно несшую свой крест, а детей обоего пола, учащихся в гимназиях, училищах и разных приютах, которые тоже расставлены были с 12 часов в шеренги и ожидали до шестого часа, сперва под непрерывно припекающими голову лучами солнца, потом в довольно прохладных сумерках, без пищи и питья, стесненные во всех потребностях организма. Не говорю уже о низших чинах, например — карантинной стражи, стоявших возле собора во фронте с 11 часов утра. Как это у нас всегда выходит грубо, бестолково, жестоко!.. Что касается самого приезда, то все прошло по самому точному шаблону. На смотре император сказал несколько милостивых слов одному солдату, георгиевскому кавалеру; на вокзале — благодарил депутацию за приветствия; в соборе спросил архиерея, давно ли собор построен; учащимся сказал: «Учитесь, дети!» Немного выделилось из общего шаблона разве то, что городской голова г-н Зеленый в речи высказал «твердую надежду на скорый мир» и Николай, не в пример прочим, дважды пожал ему руку. Заслуживает, пожалуй, внимания и то, что некоторые местные газеты в своих обязательных приветственных статьях этого дня тоже упомянули о жажде мира и даже прилично намекнули на назревшую потребность страны во внутренних реформах. Зато студенты-лигисты³⁹⁵, выстроившиеся у собора,

не жаждали и не требовали ничего, кроме... царского носового платка на память. Они его милостиво получили и разрезали на лоскутки для каждого. Лоскутки вышли не особенно малы, так как группа встречавших царя студентов была невелика: для этого ведь надо было иметь парадный мундир, шпагу и, главное, соответственное настроение. Публика, разумеется, вела себя при проезде так, как и везде, и полицмейстер, ехавший стоя во главе царского кортежа, напрасно только дискредитировал ее верноподданнические чувства, энергичными жестами приглашая ее кричать «ура!» В одном месте на Полицейской ул. раздавались, впрочем, даже свистки и, как говорят, развернули или хотели развернуть красное знамя, но это прошло настолько незамеченным, что никого даже не привлекли к ответственности. И если что заставляло бледнеть следовавших в царском поезде особ, так это — бросавшиеся неожиданно на мостовую коленопреклоненные просители с листом бумаги в руках. Прощения их принимались. Любопытно впечатление, произведенное видом царя на разные слои публики. Я не слышал двух мнений на этот счет: все говорят в разных выражениях, что у него вид крайне доброго, простого, но несчастного и жалкого человека. «Царь-то наш скучный-прескучный», — сказала мне одна женщина. И действительно, улыбка, с которой он раскланивался с публикой, была совсем печальна, точно он благодарил за сострадание к себе; в фигуре ничего царственного, внушительного, и приходило на память удачное выражение Л. Н. Толстого в его последнем произведении о войне: «Бедный, запутанный молодой человек»³⁹⁶. Запутанный и, очевидно, подавленный всеми последними событиями, совершающимися, однако, если не по его прямому желанию, то во всяком случае по его попущению. И ему более, чем кому-либо из его предшественников на престоле, которые не были так слабы, как он, пора бы понять, как страшно одному брать на себя ответственность за судьбы всей страны и за миллионы человеческих жизней. Формула «рече и быша»³⁹⁷ слишком тяжеловесна для его небольшой фигуры, и, не делясь властью с народом, он все равно делится ею со своими министрами, вчера с одним, сегодня — с другим.

Аноним

Освобождение. 1904. № 57. 2 окт. С. 127

Еврейский погром

Екатеринослав

На второй или третий день после объявления мобилизации в Екатеринославе толпой запасных³⁹⁸ был убит городской при следующих обстоятельствах. Запасные в ожидании распоряжений были загнаны в циклодром³⁹⁹, входы которого охранялись верховыми полицейскими. Жена одного из запасных, пожелав передать что-то своему мужу, хотела пройти к нему, но ее городской не пустил. Тогда она прорвалась насильно. Городской погнался за ней и ударил ее шашкой. В один миг толпа стащила его с лошади и так избила, что часа через три-четыре он скончался. Слух об этом быстро облетел весь город; стали распространяться слухи о готовящемся серьезном возмущении запасных. Полиция, по-видимому, растерялась, так как никаких «мер пресечения» ею предпринято не было. Так продолжалось дня два, до прибытия запасных из деревень. К этому времени, то есть к субботе, когда уже стали проявляться частичные случаи ограбления еврейских лавок, прибыли запасные из деревень. Их согнали в казармы на Сенной площади. Все лавки и «монополька»⁴⁰⁰ на прилегающем к площади верхнем базаре были закрыты. Усталые, голодные и тоскующие мужички уныло слонялись по площади, базару и прилегающим улицам. Негде было даже за деньги достать ни водки, ни хлеба. Мне рассказывали, что утром (в субботу) запасные разбили одну булочную, чтобы заставить потом хозяина п р о д а в а т ь им хлеб. Узнав об этом, я тотчас же (часов в 10 утра) отправился на Сенную площадь. Не успел я проехать на трамвае и двух кварталов по проспекту, как встретил группу пьяных запасных. Они шли посреди улицы, пили прямо из бутылок и затем со злобой разбивали их о мостовую или тротуар. Рядом с ними по тротуару шел городской и бесечно покуривал папироску. По-видимому, он охранял их от возможных столкновений с мирными прохожими. Эта встреча заставила заговорить весь вагон. Соседка моя, дама, возмущаясь, рассказывала, что подобные же «пьяницы избивали прохожих на базаре, откуда я теперь иду»; другой пассажир, молодой человек, говорил, что утром около вокзала «компания запасных напала на кондуктора одного из вагонов трамвая,

избила его и отобрала выручку» и т. д. Не дослушав возмущений и упреков по адресу полиции, я вышел из вагона и отправился по Воскресенской ул. вверх по направлению к Сенной площади. Вся почти площадь и прилегающие к ней Базарная и Воскресенская до Казачьей ул. были заполнены голодными, грустными и скучающими запасными. Большинство из них без толку слонялись по улицам, не зная, как убить время. Встретив спускающуюся к Казачьей ул. толпу таких запасных, я изредка слышал уже возглас: «Ходили жидов бить». Я поднялся до угла Базарной. На углу, окруженный шутилой толпой, стоял какой-то пьяный «в городском» и, размахивая руками, кричал: «Мне что? Мне ничего не надо. Мне только бы разбить вдребезги, чтоб ничего не осталось! А жидов надо бить. Потому что мы идем помирать, а они деньгами откупаются» и т. д. Несмотря на, по-видимому, ироническое отношение толпы к этим разглагольствованиям, идея о «жидах» распространялась. В толпе на эту тему стали больше говорить. Вдруг раздается направо от меня страшный визг, свист и хохот. Я обернулся, толпа заметила проходящего молодого еврея, погналась за ним и стала его немилосердно бить. Городовой, единственный среди тысячной толпы, шел следом за толпой и хохотал, хохотал, пригибаясь к земле. Еврея били недолго, так как он успел вырваться, но снова попал в другую кучку запасных, там он опять был избит. Наконец ему как-то удалось все-таки вырваться, и он без шапки скрылся в ближайшие ворота. Ниже по Воскресенской ул. поймали еще одного еврея и стали также нещадно бить кулаками по голове. Но и ему удалось вырваться. Видно, что били как-то вяло, нехотя, больше шутя. По крайней мере ни на одном лице я не мог еще прочесть злобы, остервенения. Так за гикающей толпой я снова спустился к Казачьей ул. На углу погуливал второй городской и, по-видимому, вовсе не замечал происходившего вокруг него. Но вот налево на улице толпа окружила околоточно го на коне со свитой в 5—6 городских тоже верхом.

Красный, с потным лицом, нервно куря папироску за папироской, околоточный всем своим существом выражал большое затруднение, он был в непривычной ему роли: ему нужно было увещевать толпу. Перед ним с обнаженной головой стоял рослый детина и настойчиво просил открыть «монопольку», чтобы можно было купить водки. Толпа возгласами и жестами поддерживала делегата. Я расслышал только следующий разговор:

— Дозвольте, ваше благородие, бо жидаы з нас дерут за водку.

— Так вы не давайте им драть, берите сами, — отвечает околоточный. Затем на просьбу разрешить хоть одному выборному пойти в «монопольку» и к у п и т ь водки околоточный отвечает:

— Так что ж, господа, вам дай водки, так и жидам достанется, и нам достанется.

[Аноним]

Освобождение. 1904. № 57. 2 окт. С. 127

Мобилизация. В ожидании царского приезда

Письмо из Одессы

«Интересная телеграмма! Большое сражение! Двадцать пять тысяч японцев!»

«Очень интересная телеграмма — только что получена! Тридцать тысяч японцев...»

О, как ненавистна эта война, порой не за то даже, что она несет с собой гибель жизни и разорение страны, а за ту пошлость и ложь, которые ее сопровождают! И когда уличный гамен¹, большей частью со сверкающими из башмачных дыр пальцами и без белья, но в присвоенной ему от администрации зеленой форменной фуражке, выкрикивает свои сенсационные новости, хочется сказать ему: да замолчи же хоть ты, несчастный, не морочь и без того обмороченного и развращаемого мирного русского обывателя! Официальные рассказы о неповинности нашего правительства в возникновении настоящей войны, патриотическое бахвальство газетчиков, угрожающих из редакторского кабинета наказать японцев так, чтобы целый ряд поколений не мог очнуться от ужаса нашего мщения; лубочные карикатуры, о которых так много уже говорилось; корреспонденты с театра войны, серьезно передающие нам вранье каких-то беглых китайцев; военная и гражданская цензура, озобоченная тем, чтобы мы знали «правду,

¹ Мальчишка, разносчик газет (от фр. gamin).

одну только правду»; финансовое ведомство, старающееся показать, что у нас все еще обстоит благополучно в то время, как мы видим кругом и переживаем на себе тяжесть все растущего страшного экономического кризиса; официальные уверения, что везде будто бы и в армии, и у запасных чинов, и у населения большой подъем боевого патриотизма и готовности пожертвовать жизнью и достоянием в то время как мы слышим только плач и видим на лицах черты глубокого отчаяния! Даже либеральная наша печать иногда, не ведая, что творит, пытается вселить в нас вредные заблуждения. Недавно, например, иностранный обозреватель такого почтенного журнала, как «Вестник Европы»⁴⁰¹, усердно развивал мысль, что наша война — только колониальная война и что Япония — это только маленький мопс, укусивший в ногу огромного сенбернара: хороша колониальная война, если она требует напряжения всех сил страны, не меньше, чем другая война; хорош укус мопса в ногу — вроде хотя бы ляоянского сражения, признаваемого даже военными историками величайшей битвой, какую только видел свет!..⁴⁰² Как только не морочили нас! Перед самым ляоянским боем один развязный российский корреспондент всенародно объявил, что «час возмездия настал». Час возмездия! — когда сам командующий нашей армией, бросив в Ляояне стоившие столько трудов и средств укрепления и провиантские запасы, доносит с видимым чувством облегчения о том лишь, что ему удалось, слава Богу, избежать крайней опасности — погубить все свое войско в тисках окруживших его японских армий. Чей же это настал час возмездия, милый господин корреспондент? Донесения генерала Куропаткина по общему признанию наиболее скромны и «честны», но и они разве дают нам полную и правдивую картину происходящего на театре войны? Во-первых, они так редки, кратки и вообще скупы, что кажется странным, отчего в штабе командующего не удосужатся хоть по четверти часа в день уделять на регулярные известия, которых с нетерпением ждет вся Россия, а во-вторых, скромность телеграмм не исключает, к сожалению, и скромного умалчивания о наиболее грустных фактах, имеющих место в армии. Ложь активная чередуется с ложью пассивной. Но как ни прост и ни лежковерен наш обыватель, и он наконец начинает разбираться в событиях сам, устраняя указку. Едва ли даже самый наивный человек из самых низших слоев общества думает теперь, что война ведется с нашей стороны так, как она должна

вестись. Лубочные бравады давно потеряли прежний кредит. Те, кто вчитывается в газеты, не могут не видеть противоречия между реляциями об отступлении в полном порядке и известиями хотя бы о том эпизоде, когда русские пытались переправиться через реку Тайдзыхе⁴⁰³ по напрудившим ее трупам собственных наших лошадей (и наших людей, конечно), но эта страшная живая плотина, сама по себе свидетельствующая уже о беспорядочном бегстве погибших конных частей, раздалась под тяжестью бросившихся на нее солдат и погубила также их. Что бы ни говорили об удивившем мир искусстве отступления ген. Куропаткина, эти картины плохо вяжутся с такой аттестацией. Конечно, могло быть и хуже, возможен был и Седан⁴⁰⁴, но достаточно с нас и этого, чтобы не умиляться перед гениальностью наших полководцев. Флот разбит, армия поспешно отступает, трудно замазать какими бы то ни было обещаниями растущее недовольство в городах и даже в деревнях. Если бы я не боялся сделать слишком определенных общих выводов из доносящихся сюда отдельных отзывов крестьян нашего района о войне, я привел бы их достаточно. В мужицком представлении большей частью рисуется, что царь затеял войну «за якийсь клин», то есть за кусок земли где-то на краю света, причем говорится иногда, что вместо всех ужасных жертв — человеческих и других — лучше бы они, крестьяне, сделали складчину и тем дали возможность царю купить этот самый клин. Не всегда, однако, недовольство выражается так благодушно, слышится и ропот, и довольно едкие остроты деревенских грамотеев. Пользуясь, например, созвучием слов, они говорят, что у японцев и око (Оку), и нос (Нодзу), и ноги (Ноги), и курок (Куроки)⁴⁰⁵, а у нас одна только куропатка, да и та «мабуть, маленька!»... Недовольство в культурных кругах много раз уже констатировалось в прежних письмах, теперь оно растет и вширь, и вглубь. Остроты здесь более тонки; говорят, например, что Куропаткину перед войной так много подносили образов, что он теперь решительно не знает, каким образом победит японцев. Но остроты — это только соль, приправа к общему настроению, которым питается наш обыватель и которое далеко не весело. Особенно невесело это настроение теперь, с момента объявления мобилизации в Одесском округе. Нет других разговоров, как о призыве запасных, и не надо быть сентиментальным, чтобы видеть, что этот призыв у нас — действительно ужасная вещь, с которой не идет ни в какое сравнение обычный

набор новобранцев. В запас призваны люди с сорокалетнего возраста, а знает ли читатель, что делает жизнь с ремесленниками, рабочими, извозчиками и другим трудовым людом к их сорокалетнему возрасту, особенно если они обременены большим семейством? Ведь это совсем уже старики, сгорбленные под тяжестью труда, истощенные нуждой, с развинченной походкой, часто полуседые и с глубокими морщинами на постоянно озабоченных лицах! Прошу покорно такую фигуру превратить в бравого боевого солдата, заставить его молодецким маршем идти под современным ружьем, из которого он и не стрелял никогда прежде. Но если такой вояка и преодолет как-нибудь физическое отвращение и приспособится, то уж наверное не удастся переделать его психологически: никакого воинственного азарта в него уже не вдохнуть, все его помыслы, все его сердце останется здесь, дома. Впрочем, и русская печать уже отметила, что «старички»-запасные понижают дух войск и чаще всего показываются в отставных при трудных походах. Конечно, в 1812 году воевали даже бабы, но ведь то не была война за неведомую Маньчжурию. Что чувствуют отправляемые на войну, что чувствуют их покинутые семьи в покинутом и неизбежно расстроеном хозяйстве — мое перо слишком слабо, чтобы описать это. Перед наклеенным на улице объявлением о мобилизации две девочки, разбирая его по складам, засмеялись почему-то. «Чего смеетесь, — хмуро заворчал на них какой-то чужой им старик, — плакать надо, умереть на месте надо!»... И вот через два или три дня после того, как мне пришлось услышать эти слова, читаю в местной газете:

Вчера после 4 часов дня какая-то старушка, громко рыдая, проходила по Ризовской. Достигнув угла Раскидайловской улицы, она вдруг упала. Врачи со станции «Скорой помощи» констатировали смерть старушки. Труп доставлен в анатомический покой при Старохристианском кладбище.

В следующем номере газеты разъяснено, что у этой старушки взяли на войну сына. Она действительно «умерла на месте», подтвердив буквально трагические слова того старика. Старик был еврей, она — христианка, но их поверстало общее безысходное горе. Рядом с этим происшествием в газете было описано другое, как жена одного запасного, вернувшись домой от взятого мужа, усталая и разбитая, повалилась на постель и, тяжело заснув, нечаянно задушила своего ребенка.

Рассказывают о более ужасных случаях, не нашедших себе места в подцензурной печати. Но суть все-таки не в отдельных случаях, а в массовом крайне тяжелом и местами скрытно-озлобленном настроении. Все идут только из-под палки, проклиная войну и свою судьбу; всех запирают в казармах, как преступников, готовых ежеминутно разбежаться, а между тем пройдет несколько дней — придет царь, и мы прочтем в газетах о неопишемом восторге, о беззаветной готовности и боевом рвении отправляемых на Восток частей... И не разберешь тут: царь ли обманывает, или его самого обманывают?! Одно несомненно — что эта ненавистная война, кроме всех страданий, несет с собой массу пошлости и лжи и искупить все это могло бы только просветленное столь жестоким новым уроком сознание если не всего русского народа, то хотя бы культурного общества, которому пора уже наконец проснуться для серьезной работы по обновлению нашего строя.

Покойный Верещагин⁴⁰⁶ оставил много прекрасных картин, но больше всего, кажется, он стяжал себе популярность знаменитым художественным истолкованием донесения генерала Радецкого: «На Шипке все спокойно»⁴⁰⁷. Фраза эта благодаря Верещагину стала бессмертной и вошла в лексикон русских классических изречений наряду с афоризмами из «Горя от ума», из «Онегина», из «Крыловских басен». И не напрасно. Очень уж метко отлилась в этой фразе черта всяких наших начальников, любящих констатировать во вверенной им части спокойствие и благополучие, не справляясь с глубокой сущностью положения. Вот и у нас теперь несомненно доносится по команде, что мобилизация в Одесском округе проходит благополучно, и тихо, и гладко, а между тем надо жить в мобилизуемой местности, чтобы видеть, сколько горя, недовольства и озлобления она вызывает всюду. Чувств этих уже нет возможности задержать всецело внутри себя: так или иначе они выносятся наружу — и чем дольше, тем больше. У нас происходит ряд отправок навербованных запасных, и каждая отправка теперь уж вот третий раз сопровождается беспорядками, правда, хаотическими и неосмысленными, но несомненно выражающими общее настроение. Начинается обыкновенно с того, что родственников стесняют в проходах, не допускают вовсе или допускают только матерей и жен к вагонам, где размещаются запасные; в протесты против этих распоряжений вплетается более и более выражение и общего недовольства. Толпа ругает полицию, военных начальников,

градоначальника, потом прокладывает себе дорогу силой, а когда ее теснят, берется за камни, полиция обнажает свои алебарды, являются казаки с нагайками, и начинается побоище, в результате которого — отправки раненых по больницам. Таким образом, наши солдатики, прежде чем принять участие в маньчжурских боях, принуждены видеть у себя на родине при собственной отправке сражение с кровопролитием между теми, кто их гонит на войну, и своими братьями и товарищами. Назидательное напутствие! В последние отправки войск внесен был и организованный элемент протеста со стороны наших рабочих партий, были возгласы «Долой войну!», «Долой самодержавие!», но преобладал в общем характер стихийного, непосредственного недовольства. Оно прорывается и просто на улице в непочтительных выражениях. Я слышал, например, как, глядя на проходящую партию запасных, говорили вслух: «Государь-то наш — что делает! Каких солдат себе берет!» В другом месте на конке ехали две женщины, и, когда мальчик-разносчик предложил им купить портрет генерала Куропаткина, одна из них громко сказала: «На что мне твой генерал? Что он добро сделал?» Соседка поддержала ее в выражении ее задушевных чувств. Если прислушиваться специально, можно немало было бы собрать подобных выходящих прямо из сердца отражений глубокого недовольства. Из деревень продолжает доноситься то же. Мне передавали как факт, что в Елисаветградском уезде в некоторые пункты приходилось вызывать усиленные наряды полиции и даже войска, потому что крестьяне не хотели отпускать запасных, говоря: «Мы наших людей не дамо», «Нам маньчжурской земли не треба!» Разумеется, все эти отдельные проявления протеста пока еще не внушительны и в конце концов ломятся под напором организованной полицейской силы, но настроение уже создано, война непопулярна всюду, сверху донизу (ведь это признал даже новый министр внутренних дел⁴⁰⁸), и надо иметь большую наглость, чтобы говорить еще и теперь об единении самодержавного правительства с русским народом.

В Одессе в данный момент нет малого ребенка, который бы не знал о том, что сюда на днях ожидается приезд царя*, и в то же время из этого делается какая-то забавная конспирация. В газетах мы читаем, что представители города совеща-

* Царь уже побывал в Одессе. Письмо о царском приезде же напечатано в № 57 «Освобождения». — *Рег.*

лись «по поводу предстоящего большого смотра войск», что архиерей отменил свою поездку «по случаю предстоящих приездов» и т. п., но прямо о царском приезде — ни звука. Неужели же этим наивным, детским и, с позволения сказать, глупым секретничаньем можно кого-нибудь провести или предотвратить какую-нибудь опасность?! Разве Плеве и Сипягин погибли от того, что об их последнем роковом выезде террористы прочитали накануне в газетах? Так много толкуют о единении царя с народом, а между тем верноподданный народ не должен знать о готовящемся его прибытии!.. Предварительно приезжал сюда директор департамента полиции Лопухин⁴⁰⁹, тоже якобы законспирировавший свой визит. Он преподал здесь рецепты к охране императора и уехал далее по пути следования последнего. Теперь уж достоверно известно, как «делается» народ для встречи русского государя. Полицейские надзиратели, каждый в своем околотке, намечают десяток-другой лиц, кажущихся им вполне благонадежными, учтиво являются к ним на дом (по крайней мере к привилегированным) и просят их принять участие в охране государя. На вопрос, в чем же будут состоять обязанности по охране, надзиратель поясняет, что охранник должен в известный час, о котором его оповестят — будь то днем или ночью, — выйти на известную улицу и привести с собой 10 мужчин и 4 женщин, за которых само собой ручается, как за самого себя. Затем он должен осматриваться вокруг на всякий случай, кричать, конечно, вместе со своим отрядом «ура» и т. д. Если таких охранников назначено в общем, положим, тысяча человек, то, значит, они приведут толпу в 10 000 мужчин и в 4000 женщин, если их (2000) две тысячи — толпа будет в 20 000 мужчин и в 8000 женщин, но непременно пропорция между полами остается неизменной. Можно безошибочно теперь же составить рецептурную формулу того «народа», который выйдет навстречу своему монарху:

Rp.: официальных лиц — столько-то;
учащихся обоего пола — столько-то;
охранников — столько-то;
обывателей, иже с ними — столько-то;
обывательниц — столько-то;
шпионов — *quantum satis*¹.

¹ Сколько требуется (лат.).

Между прочим, некоторые из приглашенных в охрану отказывались по тем или иным причинам от этой роли; от лиц более или менее интеллигентных отказ принимался, хотя и с видимым огорчением. Тем же, кто попроще, говорили, что отказываться нельзя; в одном случае полицейский чиновник, явившийся с приглашением, заявил напрямик: «Нет, нет, отказа не принимаем, — этак и всякий бы отказался, мы бы и сами отказались; нельзя никак отказываться!» Домовладельцам Пушкинской и Полицейской улиц, по которым проектируется царский проезд, приказано заколотить наглухо окна нижнего этажа, а в верхнем могут быть только свои жильцы и — никого посторонних, в чем и отобрана подписка. Подвальный этаж кафедрального собора уж теперь запечатан. Все это, вместе взятое, создает такое впечатление, будто это не слияние царя с народом, а отчаянная вылазка во вражеский стан. А в сущности... думает ли теперь кто-нибудь о покушении на жизнь Николая?

Аноним

Освобождение. 1904. № 58. 14 окт. С. 133

Посылки и вывод

Мы присутствуем при интереснейшем историческом моменте. Еще вчера на Руси безгранично хозяйничал министр, политика которого не внушала никаких сомнений⁴¹⁰. В основе всего внутреннего управления страной поставлено было им одно магическое слово: п о л и ц и я. Полицейская подозрительность к обществу и ко всему населению; полицейский надзор в виде повсеместной почти усиленной охраны; полицейский произвол, предоставленный широко губернаторам, агентам сильной власти на местах; полицейская расправа в участках и на улицах при всяких народных движениях; полицейские тиски для прессы; полицейская наглость по отношению к основным законам Финляндии и такая же бесцеремонность со всеми инородцами в России; наконец, полицейское презрение к личности вообще. Конца краю не было видно в стремлении подчинить всю русскую жизнь полицейскому началу: проект сыпался за проектом, ревизия шла за ревизией. Так было до половины июля. И вот уже в сентябре мы слышим новые речи, определяются новые тоны на горизонте внутренней полити-

ки. Не будем слишком оптимистичны: весьма возможно, что глубоких реформ от «нового курса» не будет и фактически мы далеко не продвинемся, но для той мысли, которую я хочу здесь высказать, и не надо входить в оценку результатов; достаточно уже одного решительного признания перемены курса, а такое признание мы имеем налицо, и оно подкрепляется удалением ближайших сподвижников прежнего вершителя судеб. И вышло так, что, кроме этих немногих сподвижников, никто в сущности не жалеет о совершившейся перемене. Не только вся сознательная часть населения России ощутила прилив радости по этому случаю, рады сановные коллеги сошедшего со сцены министра, рад даже в душе, как уверяют, сам император. Тяжела была эта толстая рука с короткими пальцами, лежавшая на руле нашего государственного корабля! Но если перемена состоялась ко всеобщему удовольствию или удовлетворению, то не худо призадуматься над тем, как она произошла? Ушел ли министр сам, потеряв веру в себя и в возможность дальнейшего преследования своих опустошительных идеалов? Спасовал ли он под давлением общественного мнения или народных волнений? Низвергла ли его какая-нибудь интрига, пущенная в ход завистниками высокого ранга? Или, наконец, сам царь решил положить предел одной системе управления ради другой, милостиво уволив министра в отставку? Ничего подобного. Самоуверенность Плеве нисколько не была поколеблена; ни перед кем он пока не пасовал, а напротив, становился все развязнее; мины соперников вроде Витте⁴¹¹ умел отлично устранять контрминами, а Государь продолжал санкционировать его политику, раздавая по его указанию благодарности Зиновьевым, Штюмерам и Оболенским⁴¹². В свободной заграничной прессе говорилось иногда, что Плеве сам роет под собой яму, что дни его политики сочтены. Разумеется, всякая система, не находящаяся в соответствии с современными ей потребностями, рано или поздно должна уступить место иной; однако это «рано или поздно» — совершенно неопределимая вещь, и мы на нашей собственной русской истории отлично знаем, как назревшие народные потребности могут оставаться без удовлетворения десятки, едва ли не сотни лет; достаточно вспомнить о нашем крепостном праве. Фон Плеве мог смело продолжать свою политику год, два, пять, десять лет, а может быть, и дольше. Никакой гарантии в противном у нас не было. Но вот вышел на улицу человек с бомбой, и в мгновение ока всемогущий министр был

сметен с лица земли. И только тогда, когда это бревно было убрано с дороги, стали серьезно и уже практически думать, по какому же пути теперь идти? И откровенно признались, что прежний путь был нехорош, что надо, что необходимо свернуть влево. Об этом заговорили все, до кн. Мещерского включительно⁴¹³. Плеве по всей справедливости мог бы жаловаться на небо Богу: «Господи, ведь они меня подвели! Зачем же им нужно было ждать бомбы, зачем они, и Николай, и Мещерский, и все, кто имеет какую-либо власть и влияние, терпели меня и улыбались мне? Ведь если они не дети, если у них самостоятельно назрело из наблюдений над жизнью убеждение, что я устарел и что нужна светлая струя в политической жизни, то им просто, с соблюдением традиционных приличий, следовало уволить меня при милостивейшем рескрипте, пожаловав орденом Андрея Первозванного⁴¹⁴, и я, не без огорчения, разумеется, но по крайней мере в добром здравье удалился бы под лепные своды Мариинского дворца в звании члена Государственного Совета. Одно из двух: или сохранить жизнь в почетной отставке, или если уж трагически умирать, то с сознанием, что тебя ценили и будут продолжать твоё дело. Меня же допустили умереть и потом надругаются над моей политикой. Так для чего же я умирал?! Вильгельм⁴¹⁵ даже такого колосса, как Бисмарк⁴¹⁶, сумел удалить, когда признал это нужным, они же трусливо ждали, когда их избавит от меня неведомый террорист!» Так должен роптать теперь дух погибшего министра, и всеправедный Бог не может не принять его жалобы...

Я пишу не для органа, пропагандирующего террор. Но разберемся совершенно объективно в значении акта 15 июля как фактора совершающейся перемены режима. Если верховная власть и все, кто имеет на нее влияние, еще при жизни Плеве сознавали необходимость перемены политики и только не знали, как за это приняться, ожидая какого-нибудь удобного случая, то Сазонов⁴¹⁷, и никто иной, создал этот случай, помог им, как рука, устранившая нравственно осужденного уже правителя. Если же до самого конца жизни последнего верховная власть искренне следовала его системе и только с момента его смерти задумалась, не вел ли он ее по ложному пути и не следует ли вступить на путь совсем иной, то остается сознаться, что бомба, и именно она, произвела то благотворное сотрясение мыслительного аппарата верховных сфер, которое повело к перемене политики на более разумную. Тогда не-

умолимая логика приводит нас к тому заключению, что Сазонов сыграл здесь роль уже не только помогающей руки, но педагога, сумевшего пробудить мысль. Я знаю, как нелегко в этом сознаться не то что уж представителям верховной власти, но и всем, кто против террористической тактики воздействия, но что делать с фактами, которые красноречиво говорят за себя? Мы, конечно, будем стараться доказывать себе как-нибудь, что прямой связи тут нет, что *post hoc*^I не значит еще *propter hoc*^{II}, что бывали и другие результаты террористических актов; но все это будут только одни умственные навороты, так как факты и вся связь их поразительно наглядны. Не нужно вовсе обобщений, что террор ведет к одному исходу, не нужно доказывать целесообразности его как системы, не нужно умалять его отрицательных сторон, как всякого кровавого деяния, — на все это могут быть у всякого свои взгляды, — но настоящий случай, взятый *in concreto*^{III}, совершенно неопровержимо устанавливает политическое сцепление причины и следствия, и надо иметь мужество это признать, даже будучи противником терроризма. Что ни говорите, как ни ужасайтесь кровавому поступку Сазонова, а все-таки невозможно отделаться от мысли, что Сазонов, сознательно или бессознательно, хорошими или дурными средствами, но оказал крупную услугу и обществу, и даже государству.

И что же дальше? А дальше суровый суд, виселица или — в виде особой милости — замурование на десятки лет в Шлиссельбургском каменном мешке. Неужели же это справедливо не с какой-нибудь тенденциозной, а с простой человеческой точки зрения? Налицо два обстоятельства: во-первых, обвиняемый шел на свое дело из чистых идеалистических побуждений, для себя из этого поступка он не только не извлекал выгоды, но нес в жертву высшее свое достояние — свою молодую жизнь; во-вторых, его поступок послужил исходной точкой к политике умиротворения, которое, может быть, и не будет достигнуто, но по крайней мере уже возведено. Неужели же и при наличности этих бесспорных обстоятельств суд произнесет свой приговор, обосновав его только на букве закона, а не на голосе общественной совести? Неужели он

^I После этого (*лат.*).

^{II} Вследствие этого (*лат.*).

^{III} Конкретно (*лат.*).

скажет: «fiat justitia — pereat mundus»¹? А верховная власть, которая многому научилась с момента 15 июля, даст конфирмацию жестокому приговору? Поступок Сазонова квалифицируется как преступление государственное. Пусть же его разберут с государственной точки зрения, с точки зрения вреда, принесенного им государству. Уголовный характер тут отходит на второй план, да и когда же в таких процессах специальные политические суды фиксировали главное внимание на уголовной стороне дела? Они карали смертью и каторгой за злодеяние государственное. Настоящее дело тем более выходит за пределы чисто юридического рассмотрения по вышеприведенным соображениям. И все русское общество не должно бы оставаться безучастным к судьбе виновника новых веяний, столь горячо обществом приветствуемых. Амнистия, хотя бы и не полная, была бы тут только актом справедливости.

Аноним

Освобождение. 1904. № 59. 28 окт. С. 148–149

На очереди

К провинциальным корреспондентам

Еще задолго до выхода первого номера редакция «Нашей жизни» начала получать из провинции многочисленные предложения сотрудничества. Все лица, желающие осведомлять нашу газету о житье-бытье провинции, характеризовали, по возможности, тот круг вопросов, на которых они предполагали сосредоточить свое внимание.

По странной ли случайности или по причинам, поддающимся определению, все или почти все письма говорят об одном и том же: корреспонденты желают сосредоточиться на вопросах городского и земского хозяйства.

Только один корреспондент из Прибалтийского края обещает познакомить нас с общественными отношениями латышей и другой — из далекой Сибири — с жизнью крестьян и их бытом.

¹ Да свершится правосудие — пусть даже мир погибнет (*лат.*).

Таким образом, если судить по письмам корреспондентов, земство и городское самоуправление являются единственными фокусами общественной жизни провинции. Если прибавить сюда печать, которой не могли, конечно, касаться в своих письмах корреспонденты, то это трио — дума, земство и печать — претендует, по-видимому, на почетное звание явлений общественных по преимуществу.

Однако вовсе не нужно большой остроты ума или тонкого знания жизни провинции, чтобы сразу же решить, что вся жизнь и мысль провинции, все ее творческие силы не могут уложиться в эти рамки — узкие и по форме, и по содержанию. Университетская жизнь крупных провинциальных центров, потрясения, ею переживаемые, бытовые условия крестьянской жизни, крестьянские движения Харьковской, Полтавской губерний, их причины и неизбежные последствия, положение рабочих, занятых в крупных и мелких производствах, почти не прекращающиеся уличные демонстрации, южные забастовки всего рабочего люда, различного рода общественные организации, наконец, бесчисленные аресты и высылки лиц разного звания и состояния — все эти факты, общеизвестные и, безусловно, общественные, не подлежали до сих пор не только обсуждению, но иногда и сообщению на страницах наших газет.

Тяжелая завеса падала между действующими лицами и зрителями, и провинциальный корреспондент не смел ее ни сдернуть, ни даже приподнять. А между тем там, за этой завесой, актеры — живые и общественные люди — играли и играют тяжелую драму, творят живое общественное дело, творят новые формы жизни. Чтобы понять эти формы, чтобы признать или отвергнуть их общественное значение, их право на существование, нужно знать все, что их определяет, из чего складывается то новое, то непризнанное, что чуждо старому укладу жизни, старому строю мысли. Осветить, осознать эти явления, ввести их в ранг общественных, сосредоточить на них работу общественной мысли — задача до такой степени настоятельная, но и до такой степени само собой понятная, что долго говорить о ней стыдно и поздно: она должна быть решена, и решение ее неотложно.

Вот почему мы думаем, что теперь, когда рамки печати несколько расширились, когда можно, по-видимому, говорить не только о том, что «Волга впадает в Каспийское море, а лошади кушают овес и сено⁴¹⁸», когда можно наконец коснуться

живой человеческой жизни — иногда больной и страшной, иногда радостной и торжествующей, — нужно приложить все усилия мысли, нужно обострить все свое внимание, чтобы охватить это многообразие проявлений общественности, чтобы добросовестно передать на суд общественного мнения весь тот материал, из которого слагается русская жизнь, ее настоящее, а следовательно, и ее будущее.

Отсюда ясно, что «Наша жизнь» в кавычках, как и наша жизнь без кавычек, налагает на своих провинциальных корреспондентов общественную обязанность: сдернуть завесу со всей русской жизни и приковать усталую, но пробуждающую общественную мысль к той живой драме, которая разыгрывается во всех углах нашего необъятного отечества.

Эта обязанность и почетна, и ответственна.

Без подписи

Наша жизнь. 6.11.1904

На очереди

Живительные волны общественного возбуждения, прокатившиеся и по нашей провинции и встреченные там радостной улыбкой всех культурных элементов, ударились о мрачные, неподвижные скалы «футлярничества» и «независящих обстоятельств». В то время как культурный человек провинции, радостно возбужденный впущенной в окружающую его душную атмосферу струей чистого воздуха, быстро разминает свои члены, оцепенелые от слишком долгого пребывания в скованном состоянии и, как бы боясь, что «весеннее солнышко», заглянувшее в его оконце, может очень скоро вновь заслониться какой-нибудь надоевшей противной тучей, старается поскорее воспользоваться моментом, чтобы высказать все, что так сильно наболело у него на сердце, сказать прямо и решительно, — в это время «человек в футляре»⁴¹⁹ оглядывается вокруг со своей обычной подозрительно-недоверчивой улыбкой и злобно бормочет: «Так-то оно так, но я все-таки должен доложить, кому следует». Он твердо уверен, что «веяния» с их весенним оживлением и ожиданиями — вещь проходящая, «начальство» же и «докладыванье» ему есть нечто незыблемое и прочно устойчивое. Для этих господ, по превосходному замечанию Чехова, в «разрешении» и «дозволении»

всегда кроется элемент «сомнительный, что-то недосказанное и неясное, и, наоборот, для них вполне ясно и понятно все то, что говорит о запрещении и ограничении. Теперь эти «футлярные человеки» находятся в особенной тревоге. Новые «веяния» вывели их из равновесия и привели в какое-то озлобление. Им сразу стало ненавистно оживление, охватившее культурных людей провинции, их душат эти радостные надежды, о которых говорится кругом даже не шепотом, а вслух, без оглядок в обе стороны, решительно и энергично. И «человек в футляре» становится в «оппозицию». Как бы желая насладиться последними днями своего существования, «человек в футляре» всячески старается подчеркнуть или, говоря его канцелярским стилем, «поставить на вид» обществу, что он «еще жив», что веяния — веяниями, а фактически господином положения остается он, и что все, что только от него зависит, должно остаться в прежнем виде, запрещенным, замурованным, закопанным живым в землю. И чем нетерпеливее, чем настоятельнее чувствуется потребность в том или ином культурном деле, тем назойливее выступает это опекунство футлярного человека, этот его всепроникающий глаз, это его всюду торчащее ухо, его над всем властная и все убивающая длань. В Саратове этот футлярный человек никак не мог переварить «смелости» местной интеллигенции, задумавшей провести целый вечер не за зеленым полем⁴²⁰, а в чтении, посвященном памяти любимейшего из современных писателей.

И любовь к писателю — вещь небезопасная; времена, правда, другие, но все же... «как бы чего не вышло!» И вот, в ответ на это, в таком культурном центре, как Саратов, не нашлось соответствующего начальства, от которого зависело бы разрешение прочитать на вечере коротенький очерк, посвященный характеристике деятельности Чехова. «Человеки в футлярах», к которым попеременно, следуя строгой чиновной иерархии, обращались организаторы вечера с просьбой о разрешении, делали невинные глаза и, разводя руками, говорили каждый: «Я ровно ничего не имею против, я даже очень рад и считаю это совершенно своевременным; но, видите ли, это не от меня зависит»... Словом, совсем как у Чехова: «Так-то оно так, да кабы чего не вышло». И в результате «вышло» то, что очерк о Чехове оказался не запрещенным и не разрешенным и, разумеется, прочитан не был — на это у нашего интеллигента, даже под влиянием «весенних» веяний, дерзости не хватило. Публика, однако, отнеслась к такому

издательству над ее попыткой почтить дорогого писателя несколько несдержанно и, узнав о судьбе очерка, потребовала его прочтения, ссылаясь на то, что он значился в программе вечера, отпечатанной с разрешения того же коварного начальства. Не получив удовлетворения, публика предпочла совершенно отказаться от вечера, который и был прерван в самом начале к великому удовольствию местных «футлярных человек».

Еще более «устарелым» представляется поведение «футлярного человека» в г. Ельце (Орловской губернии), о подвигах которого помещены две очень содержательные корреспонденции в последних номерах «Руси». В виде такого «футлярного человека» фигурирует там местный инспектор народных училищ г-н Краснов, который в качестве члена комитета попечения о народной трезвости был приглашен в прошлом году на беседы преподавателя местной гимназии о коллекциях, находящихся в музее при губернской управе. Уж, кажется, трудно выдумать более благонамеренную тему: речь должна была идти о лепестках и травках, и что же бы вы думали: г-н Краснов, получив приглашение, немедленно же сел за стол и написал «донесение» подлежащему начальству, что означенные беседы «не столько напоминали собой объяснение наглядных пособий, сколько имели вид учения курса ботаники», и что, как ему кажется, «не стоит в согласии с действующими положениями о собраниях и съездах учащих». Узнав же затем, что участник этих бесед был предложен после чтения «чай» и что их собралось около ста человек, г-н Краснов до того взволновался этим совершенно из ряду вон выходящим событием, что написал обо «всем происшедшем» новое донесение. Все это было в прошлом году. В нынешнем году была сделана вновь попытка организовать эти чтения, и... несмотря на все старания, разрешение получено не было. Очевидно, донесение о «чае», расписанное чуть не сотней педагогов, возымело свое действие, и г-н Краснов мог облегченно вздохнуть в уверенности, что ныне все обстоит благополучно...

Вы видите теперь, читатель, какие яркие проявления «футлярности» наполняют собой провинцию и как сильна должна быть струя свежего воздуха, чтобы озонировать и дезинфицировать эту смрадную душную атмосферу. Мы глубоко уверены, что даже после того как наша ожидаемая «весна» вступит решительно в свои права и фактически будет объявлена действующим «курсом», потребуется масса энергии и дружных уси-

лий, чтобы удовлетворение самых законных культурных потребностей нашего общества не встречалось со старыми, глупо укоренившимися привычками «футлярных людей».

Без подписи

Наша жизнь. 8.11.1904

Мобилизация и погром

Александрия Херсонской губернии

В Александрии Херсонской губернии происходил шестого и седьмого минувшего сентября большой погром, фактически антиеврейский, но разыгравшийся на почве совершенно иного характера, чем это бывало при других погромах. Благодаря мобилизации в городе получилось скопление нескольких тысяч запасных чинов, а с ними еще большего числа провожавших их родственников. Ни администрация, ни земство⁴²¹, ни городское управление не позаботились дать хотя бы какой-нибудь приют для этой массы народа, и она осталась под открытым небом, расположившись преимущественно на городском бульваре. Шли сильные дожди, и люди вымокли до нитки. С пропитанием вышло еще хуже: запасы снеди, взятой из дому, иссякли, а купить что-нибудь оказалось негде, так как торговцы хлебом, как и все другие лавочники и магазинчики — почти исключительно евреи, — заперли свои заведения и прекратили вовсе торговлю под страхом беспорядков и буйства пришедшей массы, всюду более или менее сопровождавших нашу мобилизацию. Но если суждено было и без того возникнуть беспорядкам, то закрытие торговли послужило только закрытием клапана, быстро взорвавшего котел. Голодные и застывшие под сентябрьским дождем пришлецы, выведенные из равновесия уже самим фактом мобилизации, расстроившей в корне их семейную и хозяйственную жизнь, не остановились перед разносом сперва хлебных, селедочных и вообще съестных лавок, а вошли во вкус и начали настоящий погром, воскресив попутно веками воспитанное, но мирно дремавшее до сих пор юдофобство. Разгромлено много рундуков, лавок, в том числе и лучшие для Александрии магазины; многих евреев избили, иных тяжело, с переломом

ребер и другими серьезными повреждениями; один студент, защищавший евреев с револьвером в руках, убит. Вызваны были из Екатеринослава и Елисаветграда пехота и казаки, которые, в свою очередь, затоптали одну женщину с ребенком и били кого попало, так что в результате в местную больницу поступило серьезно раненных и тяжело избитых 120 человек. На разгром имущества, впрочем, солдаты и офицеры смотрели довольно спокойно; так, известно, напр., что из первого в Александрии бакалейного и винного магазина Штрамберга уже по водворении спокойствия и при охране города патрулями продолжали с огнем в руках тащить бутылки с вином не то запасные, не то сами строевые солдаты на глазах у начальства. Вообще, куда ни глянь — одно безобразие, одно попрание человеческой личности и человеческих правил общежития: правительство своей преступной войной ударило по запасным и их семьям; эти ударили по евреям, а вызванные для «порядка» войска ударили по ком попало, затоптав, с одной стороны, жену и дитя запасного, а с другой — хладнокровно допуская ограбление евреев.

На той же почве расстройства и озлобления запасные при следовании в Александрию разгромили усадьбу помещика Ерузальского, побив его самого, и хотели то же сделать с усадьбой помещицы Кнорринг (матери адъютанта при Куропаткине)⁴²², но она откупилась деньгами, а сама скрылась у священника.

Аноним

Освобождение. 1904. № 60. 10 нояб. С. 170–171

На очереди

Поездка по России, предпринятая ныне министром народного просвещения генерал-лейтенантом В. Г. Глазовым⁴²³, интересует, безусловно, очень многих из тех, кому дороги интересы просвещения в России. Эти интересы уже давно служат излюбленной темой обсуждения прессы; они же вызывают посильную работу земств и общества, поскольку последние успевают преодолевать те препятствия, которые воздвигаются на их пути благодаря существующей точке зрения,

прочно укоренившейся на этот предмет в руководящих сферах. Точка зрения полицейского государства, давно уже покинутая государственными людьми Западной Европы, продолжает, как известно, существовать у нас и сильно тормозить, между прочим, и дело народного просвещения.

Естественно, что всякий, кто следил за частыми изменениями в направлении деятельности нашего министерства народного просвещения, ждет в особенности теперь, что оно изберет наконец правильную дорогу, предполагает в поездке нового министра какую-либо серьезную цель и ищет объяснения этой цели в газетных отчетах о поездке. Отчеты дают сведения о многом: о посещении министром учебных заведений, о приеме им местных deputаций, о чествованиях приезжающего министра и многом другом. Если мы обратимся к кратким выдержкам из того, что передавалось в газетах из речей самого министра, то они невольно приведут нас к некоторым пессимистическим выводам. Вот корреспонденция из Москвы («Наша жизнь», № 3): директор училища (технического) обратил внимание министра на крайнюю недостаточность помещений училища, которые необходимо было бы расширить. Министр предложил ему подать об этом докладную записку и между прочим сказал: «Вот, победим японцев, тогда все можно будет сделать». Странно откладывание важного дела просвещения, составляющего предмет непосредственного попечения г-на министра, на столь неопределенный срок. Странно ставить такое важное дело в зависимость от исхода войны. Но все же эти слова дают еще место большим надеждам, ибо впоследствии министр обещает «все» сделать. К гораздо более печальным выводам приводит корреспонденция из Харькова в № 236 «Руси». Deпутация «Общества взаимопомощи трудящихся женщин» ходатайствовала о разрешении открыть в Харькове высшие женские курсы.

«В ответ на это министр сказал, что высшие женские курсы с первых же своих шагов заслужили плохую репутацию, вследствие чего в министерстве народного просвещения к ним относятся не сочувственно. Совсем иное дело женский медицинский институт: там работают серьезно, но это потому, что там есть серьезная определенная цель, которой высшие женские курсы, по словам В. Г. Глазова, не имеют. Особенно нежелательно открытие подобных курсов в настоящее время, когда и так достаточно волнений среди молодежи, когда и студенты,

и технологи, и ветеринары устраивают между собою стачки. Женские многоголовые и многоголосые курсы только осложнили бы положение.

Затем министр рекомендовал представительницам женского общества устройство при гимназиях специальных курсов языков и научных предметов, наподобие тех, которые существуют в варшавском округе».

Грустно прочесть такую отповедь на ходатайство профессоров и депутатов почтенного общества и на те мотивы, которые они представили при своем ходатайстве. В этих мотивах указывается на цель общества — «улучшение нравственных и материальных условий жизни женщины», указывается на «единодушное и твердое убеждение» членов общества, что цель эта может быть достигнута единственно путем доставления женщине высшего образования, указывается на «страстное стремление молодежи к высшему образованию», наконец, на то, что «нет ни одного такого университетского города, в котором бы не проектировались к открытию высшие женские курсы». Неужели же на все эти проекты будет один и тот же ответ? Неужели этот ответ является ответом на ожидания всего русского общества?

Русская женщина так давно и так жадно стремится к высшему образованию, так назойливо стучится в двери чужих университетов, что это стремление никем не может быть сочтено ни за моду, ни за каприз.

Оно, несомненно, диктуется глубокими причинами нашей социально-политической жизни. Что же касается указания на «беспорядки» и «стачки», то явления эти — крайне тяжелые для всякого культурного народа — лечатся не уменьшением числа учащихся, не стеснением законного желания образования, а изменением тех условий, в которых протекает жизнь нашей учащейся молодежи. Ее покой, как и ее беспокойство, лишь показатели порядка или беспорядка не только университетской, но и общенациональной жизни страны.

Другой вопрос — цель курсов. Но едва ли можно говорить о целях образования; ребенок, женщина, человек, общество — хотят образования, стремятся к нему — в этом вся цель, цель самодовлеющая, сама себя оправдывающая и определяющая.

Для достижения этой, ни в каком оправдании не нуждающейся, цели нужны средства, и это — единственный вопрос, который в подобных случаях может и должен быть поставлен.

Ниже мы печатаем две корреспонденции из истории той же поездки г-на министра народного просвещения. Одна из них рисует условия, при которых народные учителя готовятся исполнять в будущем свою великую национальную задачу: по окончании курса в учительском институте им вручается дело народного образования, они являются первыми каменщиками того здания, которое служит очагом культуры нации. Немецкий народный учитель побеждает мир; такая бескровная победа высоко поднимает нацию: ее успехи — прочные успехи, ее борьба — культурная борьба. Четырем стенам того закрытого заведения, которое готовит будущих воспитателей нашего народа, нужно широко раздвинуться, чтобы впустить яркие лучи истинного просвещения, чтобы изгнать казенный формализм, мертвящий ум, губящий душу.

Не в четырех стенах, не в затхлой атмосфере «запрещенный» рождаются те люди, которыми нация движется вперед, всегда вперед, всегда из мрака — к свету.

Без подписи

Наша жизнь. 16.11.1904

На очереди

Не так давно князь Мещерский⁴²⁴ спрашивал «Русские ведомости»⁴²⁵: кто мешает работать, когда и кем полезная народу работа пресекалась? «Русские ведомости» показали князю — когда и кем, показали немногими, но яркими примерами удаления профессоров, кары тверского земства, неутверждения сотен земских работников. С тех пор прошло немного времени, но уже много успела порассказать нам печать из печальной сказки о том, «кто кому мешал»... Неприятно спорить с князем. Неприятно именно ему что-либо доказывать. Всякий спор предполагает прежде всего взаимоуважение, доверие к аргументам, доверие к мотивам спора с обеих сторон. Этого уважения, этого доверия мы не можем чувствовать к князю Мещерскому.

Не потому, что он высказывает консервативные убеждения, а мы не согласны с ними. Не потому. В культурных странах Запада нередки примеры глубокой и серьезной дружбы даже таких крайностей, как социалисты и католики. Бельгийский социалистический депутат Вандервельде⁴²⁶ с большим

уважением относится даже к Вусту, шефу католической партии⁴²⁷. И это уважение — не маска, не лицемерие. Под политическим ярлыком воспитанные люди Запада всегда умеют вскрыть человека, его искренность, его преданность своим убеждениям, его честность в поисках аргументов для обоснования своего *credo*. Но бессильно опускаются руки, когда человек с несомненным политическим темпераментом, постоянно «изучающий» и «объясняющий» действия и поступки русского общества, наивно спрашивает «кто мешает?», или объявляет все общество сумасшедшим, или истерично вопрошает: «Что такое общество, для которого разные говоруны и писаки требуют какой-то хартии?»...

И это в такое время, когда всякая резкая ругань, всякое грубое обращение к кому бы то ни было невыносимо бередит измученные нервы русских людей, когда похоронные вести с Востока обязывают к той несколько торжественной вдумчивости, к той проникновенности, которая свойственна всякому важному в истории народа моменту. Погибли воины, погибло много русских работников, отцов и братьев. Оставшиеся на родине точно проснулись от векового сна и усиленной жизнедеятельностью, усиленной работой мысли и чувства хотят вознаградить тот огромный урон жизни, который понесло отечество. Иначе оно обессилит, иначе оно умрет само, как умерли те, кого послало оно умереть за себя на далеких полях Маньчжурии. И в это время... окрик князя: «сумасшедшие!» «говоруны!» «писаки!» «кто мешает?!» Кто мешает? Ответ даётся князю ежедневно, ежеминутно. Мешает та глубокая, как злоредная гангрена, всепроникающая некультурность русской жизни, описать которую не смогут все «писаки», вместе взятые, все «говоруны», разом заговорившие... Эта «мешающая» некультурность глядит на нас из необутых ног наших солдат, из несогретых тел, подставленных под пули, из ненакормленных семей, оставшихся на родине. Она глядит на нас из всей провинции, забитой и молчаливой, как гроб, в котором кишат те, кто... не мешает жить... не мешает работать. Она глядит и со страниц «Гражданина»⁴²⁸, постоянно заменяющего честное оружие писателя — свободное слово, уважение к чужому мнению — другим оружием, оружием не то крепостника, не то блюстителя порядка. Откуда не глядит она?!

А князь велит молчать, не говорить. Или он так непоколебимо убежден, что для будущего обновления России исторически необходимо только одно мнение, мнение его, князя

Мещерского? Всякий, кто с ним не согласен, подлежит отдаче в сумасшедший дом? И этот окрик «несогласного со всеми» раздаётся, повторяем, в такой момент, который вызвал бы на Западе глубокое и страстное обсуждение всех дел и всеми заинтересованными в судьбе своей и своей родины...

Но князь предпочитает уподобиться врачу, озверевшему на роженицу в самый тяжелый момент родов. «Замолчи! не кричи! ты — сумасшедшая!..» А роды идут и, как все естественное и нормальное, совершатся так или иначе, с любовным ли уходом умного или же с окриком грубого целителя несчастной роженицы...

Но если бы с князем можно было спорить... Этого делать нельзя, поэтому, читатель, спустимся опять в провинцию и посмотрим, кто, где, когда и кому мешает жить...

Без подписи

Наша жизнь. 21.11.1904

На очереди

Анархия в провинции

Всякому, кто сколько-нибудь внимательно следит за теми известиями, которые притекают ежедневно из провинции, не может не броситься в глаза одно чрезвычайно характерное обстоятельство, совершенно немислимое ни в каком организованном государстве, ни в одной стране, основанной на прочном правовом порядке. Явление, на котором мы позволим себе задержать внимание читателя, собственно говоря, весьма давнего происхождения и составляет, так сказать, один из «устоев» современной формы нашей общественности. Но то общественное возбуждение, которым охвачена в настоящее время провинция, подчеркивает существование этого явления с такой особенной резкостью, что современный наблюдатель невольно останавливает на нем свое внимание, невольно должен пользоваться им как характерной иллюстрацией для показания ненормальности всего существующего режима.

Перед нами ряд фактов, с более чем достаточной выпуклостью обрисовывающих ту правовую анархию, которая господствует ныне во всей нашей беспредельной провинции. Внимательно вдумываясь в них, взвешивая их совершенно

противоречивое содержание, приходишь к заключению, что наша провинция живет до сих пор чуть ли не в удельно-вечевом периоде: до того прихотливо разнообразны оказываются правовые условия, существующие ныне в различных районах и губерниях. То, что почитается вполне законным и нормальным в одном городе, объявляется чуть не «бунтом» в другом; что печатается в одной провинциальной газете с полного разрешения местной цензуры, безжалостно вытравляется в газетах другого города, и т. п. По сообщению «Одесских новостей», например, на днях в Одессе в Литературно-артистическом обществе был устроен чрезвычайно интересный вечер, посвященный памяти Н. Г. Чернышевского, 15-летие со дня смерти которого исполнилось в минувшем октябре месяце. Это сообщение должно было вызвать в других городах — главным образом в Саратове, где знаменитый писатель и родился, и нашел место последнего успокоения своего после долгих лет тягостных гонений, — чувство глубокой, мучительной досады, горькой обиды и явного раздражения. Саратовцам не только не удалось почтить память Чернышевского, но одной из местных газет не разрешено было поместить на своих столбцах портрет замечательного писателя. Просьба разрешить помещение этого портрета встретила такое заявление со стороны предержавных властей, что об этом-де «должено будет» кому следует, так как помещение портрета означало бы-де, своего рода... призыв к демонстрации... И годовщина смерти Чернышевского прошла в Саратове совершенно ничем не отмеченной. То, что оказалось вполне доступным для одесситов, признано было страшно опасным для саратовцев. Совершенно аналогичные факты можно подобрать из любого номера газет. В «Киевских откликах»⁴²⁹ появилась на днях заметка, уведомляющая публику, что лекция проф. Булгакова⁴³⁰ о Чехове, прочитанная, между прочим, в Ялте, не будет прочитана в Киеве, ибо хотя лекция эта разрешена двумя попечителями — Одесского и Петербургского округов, но она вызвала сомнения у попечителя Киевского округа, который и предъявил новые требования, признанные г-ном лектором неприемлемыми. Таким образом, киевская интеллигенция очутилась в своего рода «исключительных» условиях по отношению, например, к ялтинской или одесской. В газете «Русь» приводилось даже на днях сообщение, что в Ростове-на-Дону

цензор вычеркивал все, что местные газеты пытаются перепечатывать из газеты «Русь», как бы невинны ни были выдержки. Таким образом, «Русь» признается своего рода «нелегальным» органом для ростовской прессы. Мы не станем загромождать наших заметок дальнейшими примерами — читатель без всякого труда присоединит к тому, что приведено здесь, целый ряд своих собственных, быть может, еще более разительных и ярких. Мы укажем только на такое чрезвычайно распространенное у нас в провинции явление. При приеме служащих в земские учреждения требуется, как известно, утверждение местной администрации, и вот сплошь и рядом оказывается, что то или иное лицо, прослужившее целый ряд лет в одном земстве и вздумавшее почему-либо перейти на службу в другое земство, встречает непреодолимые препятствия: его не утверждают, его появление на новом месте оказывается опасным. Бывает также, что целый ряд губернаторов в провинции отказывают в своем утверждении лицу, либо уже служившему в столичном ведомстве, либо получающему потом утверждение служить в столице и т. д. Ни о каких определенных условиях, как видим, не может быть и речи в данных случаях. *Sic volo, sic jubeo*¹ — является единственным и почти ничем не ограничиваемым принципом «управления» нашими провинциями. «Что город — то Норов, что столица — то Закревский»⁴³¹, — острил когда-то Герцен, и эта острота сохранила всю свою соль и до наших дней. Отсутствие правового, строго нормированного и формально гарантированного порядка лишает нашу страну главного условия нормального существования национальной жизни — единства правовых условий для всех областей и частей государства.

Русские граждане, считающиеся членами одного и того же государства, фактически во многих случаях оказываются в различных правовых условиях в зависимости не только от губернии, в которой им приходится жить сегодня, но и от данного лица, которому вверена та или иная власть, а зачастую и от его минутного настроения и пресловутого столь капризного у наших властей «усмотрения».

И эта форма чистейшей и грубейшей государственной анархии признается у нас «порядком», а всякое указание на

¹ Так я хочу, так велю (*лат.*).

ее антиправовой характер, на ее разрушительное значение с точки зрения нормального развития национального организма встречается воплями: «Caveant consules!¹ — или, говоря более понятным нам российским выражением чеховского городского: «Никак, ваше благородие, беспорядок!»⁴³²

Без подписи

Наша жизнь. 26.11.1904

Драматический театр

25 ноября шла в первый раз новая пьеса г-на Найденова «Авдотьиная жизнь»⁴³³. Откладывая подробности до завтра, можем сказать, что г-н Найденов написал интересную и содержательную драму. Драма совершается в душевной атмосфере тусклой провинции «трех сестер»⁴³⁴. На этом фоне развертывается картина старой жизни, насквозь пропитанной пошлостью традиционных устоев и подавившей личность. Идет борьба с новой жизнью: она еще не вошла, но она войдет и положит конец старой. В пьесе видимая победа остается за старой жизнью: в последнем акте главное протестующее лицо пьесы Авдотья Степановна смиряется и идет в баню, а наиболее размышляющее лицо пьесы Картинкин стреляется. Но победа только призрачна: «Авдотьиная жизнь» переживает последние минуты.

И Авдотья, и Картинкин — последние жертвы. В сценическом отношении пьеса построена очень оригинально. Развязка совершенно неожиданна. Быть может, оригинальность приемов отозвалась и на успехе пьесы. Автора (отсутствующего) вызывали после второго акта, после третьего и четвертого, по нескольку раз вызвали исполнителей. Шероховатости, обычные для первого представления, должны в последующих сгладиться. Исполнителям автор дал трудную задачу, с которой вчера они еще не совсем справились. В исполнении г-жи Комисаржевской⁴³⁵ были подчеркнуты моменты подъемов, но не слишком ярко была оттенена безвольность Авдотьи, а эта безвольность должна бить в глаза. Не совсем определенный в пьесе

¹ Пусть консулы будут бдительны (*лат.*) — предупреждение о грозящей опасности, возможной неприятности и т. п.

Картинкин и у г-на Бравича⁴³⁶ вышел неярким и неопределенным. Пожалуй, г-н Александровский (отец Авдотьи)⁴³⁷ лучше других схватил свою роль: он дал живую фигуру.

Justus

Наша жизнь. 26.11.1904

На очереди

К провинциальным корреспондентам

Ровно месяц прошел с тех пор, как мы обратились к нашим корреспондентам с просьбой писать нам о всех фактах, волнующих провинцию, писать так, чтобы мы за Россией, «цензурой дозволенной», увидели наконец Россию другую, не исправленную, не окровавленную красным карандашом жестокого провинциального цензора. Мы пригласили. Но вместе с этим прямым приглашением мы, косвенно, брали на себя обязательство приютить на страницах своей газеты всех этих «свободно» пишущих корреспондентов. Они добросовестно откликнулись, а мы, кажется, добросовестно старались выполнить данное обязательство. Нецензурная до сих пор Россия сначала робко и неуверенно, потом все смелей и смелей стала проявлять себя в «свободной» печати. И если бы бумага имела способность чувственно отражать весь смысл того, что на ней пишется и печатается, то в этот месяц — только месяц! — ее белые листочки трепетали бы от звуков того широкого, веселого общественного пира, который, точно по мановению волшебной руки, справлялся по всей России. Будущий историк, вероятно, с большим недоумением остановится на этой странице нашей жизни. По случаю чего это ликование в этой уютной необщественной стране? И в момент, когда остро отточенная коса в костлявой руке смерти непрерывно сверкает и жадно косит свою обильную жатву. Но ведь у историка будут подлинные документы — все то, что было написано в этот странный месяц. «То пировало взбесившееся общество...» — прочтет он в «Гражданине». «То пировало себя сознавшее общество...» — скажут ему почти все другие органы печати. «То праздновали свою победу японцы...» — своими глазами увидит он в «Московских ведомостях»⁴³⁸.

«То праздновали свое гражданское пробуждение русские патриоты...» — как эхо откликнутся другие. Кто прав? Пусть тот историк ответит на этот жгучий вопрос нашим будущим поколениям. Пусть он ответит, была ли это эпоха страшного общественного психоза, проявленного в удивительной форме однородных галлюцинаций, или же это нарождалась эпоха великих народных желаний, таких желаний, которые, раз зародившись — не умирают... Холодно и беспристрастно будет перелистывать историк те документы, к которым мы, современники, не можем прикоснуться без волнения. Так, радостно и гордо волнуясь, мы призывали людей провинции все раскрыть, все описать. Так же радостно пробегали мы строки писем, живых писем о новой жизни. И сейчас еще лежат перед нами эти невинные листочки, не подозревающие своей участи. Они не знают, что рука наша прикасается теперь к ним с грустью, с глубокой жалостью. Многие и многие листочки уже не помчатся, перегоняя друг друга, в типографию, чтобы назавтра хвастливо показаться всем неверующим в их новое, свободное бытие, в их свободную, красивую одежду. Так все меняется... И так быстро меняется! А как же обязательство?! Да, это хуже всего... Хуже всего сознание, что обязательство дано опрометчиво, что условия для его выполнения слишком капризны, слишком неясны, настолько неясны, что никакой опытный нотариус не закрепил бы этой сделки. Пусть поэтому простит нас читатель за нашу явную неосторожность. Прошел месяц, всего только месяц, и мы пишем к нашим корреспондентам другое письмо, даже другим стилем. Друзья! На многое не тратьте труд, чернила и бумагу. Вы слышите, что говорят: та, другая, народная, но нецензурная Россия еще не выросла, ей нужно дорасти... Вы спросите с тоской — когда же? и кто определит нам срок молчания? Не знаем. Мы знаем лишь одно: пусть даже правы те, кто говорит, что мы не доросли; наш лозунг был и есть: чтобы дорасти — нужна свобода...

Без подписи

Наша жизнь. 6.12.1904

Социал-демократическая демонстрация

Одесса

Происходящее 18 ноября годовичное заседание соединенных секций здешнего отдела Общества охранения народного здоровья имело совершенно необычный характер и окончилось при исключительных обстоятельствах. Предметом заседания были два доклада: д-ра Вельштейна «К задачам общественной санитарии» и д-ра Богомольца «Основы народного здоровья». Так как оба доклада уже по их заглавию обещали быть интересными с общественной стороны, в зал думы, где назначено было заседание, собралось до тысячи человек публики, принадлежащей преимущественно к трудовому пролетариату. Вначале эта масса, вплотную наполнившая большой зал, стояла и сидела спокойно, и порядок заседания, начавшегося речью председателя общества, городского головы г-на Зеленого⁴³⁹, ничем не был нарушен; иногда в тех местах докладов, где desiderata¹ ставились вполне определенно, раздавались оглушительные аплодисменты, но проходили две-три минуты, и чтение возобновлялось при соответствующей тишине. Когда же второй докладчик закончил, вместе с громом рукоплесканий началась хаотический шум, крики; многие из публики повскакали на стулья лицом к центру толпы и задом к столу, где сидели председатель и бюро Общества, и только спустя довольно долгое время тишина возобновилась, чтобы дать возможность говорить специальным ораторам социал-демократической партии. Они были окружены плотным кольцом своих единомышленников и скрыты от посторонних взоров. Обращались они только к своим же товарищам. Затем, когда речи — небольшие и торопливо сказанные — были окончены, масса начала выходить, но почему-то не вся сразу, а частями, что давало большую возможность справиться с ней полиции. Полиция ютилась в большом числе в кулуарах думского здания и еще где-то поблизости, но пока демонстранты были в зале, никаких мер не принимала и все усилия свои направила лишь к тому, чтобы помешать им продолжать демонстрацию на улицах. Для этого она частью оттеснила их

¹ Пожелания (фр.).

в переулочек к Карантинному спуску, частью старалась рассеять в разные стороны. Говорят, что были отдельные случаи побоев ножами шашек и кулаками, но, по-видимому, на сей раз это было не во исполнение, а в отмену приказаний свыше; по крайней мере лично мне, наблюдавшему довольно долго то, что происходило невдалеке от думы, не пришлось этого видеть. Низшая наша полиция, грубая и звероподобная, видимо, приходила еще в большую ярость именно оттого, что ей велено было рассеять толпу, но без рукоприкладства. Городовые и околоточные на моих глазах рычали, как звери, крепко ругались и бросались, как остервенелые, за демонстрантами, кажется, готовые вцепиться в них не только руками, но и зубами, но бить открыто не смели и, вероятно, позволяли себе это только где-нибудь в более темных закоулках. Что ж... прогресс и это!*

Аноним

Банкет 20 ноября

Одесса

Непривычное, совершенно новое явление в Одессе представлял собою праздник 20 ноября, собравший на товарищеский ужин в один из клубов свыше четырехсот человек из разных слоев местного интеллигентного общества. Подписка на этот ужин собиралась за два дня и очевидно не могла охватить всех желающих, так как к началу вечера являлись все новые и новые лица, которых уже трудно было принять сверх комплекта. Состав собравшихся в клубе можно было определить одним словом: граждане. Тут были и гласные думы, и лица из земства⁴⁴⁰, и профессора, и юристы, и врачи, и литераторы, и представители промышленности, и т. д., было много также дам из общества. Банкет был открыт приветственной речью председательствовавшего в нем городского главы г-на Зеленого, предложение которого почтить, между прочим, вставанием первых деятелей судебной реформы было заслуженной данью далекому прошлому. Следующие ораторы в достаточно сильных выражениях охарактеризовали дальнейшие события нашей истории, как в отношении к судебным уставам, так и в отношении ко всей русской жизни вообще. Лицом, прибывшим только что из столиц, рассказано было также о современ-

*Петербургскую полицию к этому еще не успели приучить! — *Ред.*

ном моменте, как он переживается в Петербурге и в Москве, и, в частности, о съезде земских деятелей. Затем предложена и принята была следующая резолюция:

«Лица из разных слоев одесского общества, собравшиеся 20 ноября для чествования памяти одного из важнейших событий русской общественной жизни — обнародования судебных уставов 1864 года, считают своим гражданским долгом, долгом совести высказать, что, по единодушному их мнению, отечество наше находится в культурном, политическом и экономическом отношении в очень печальном положении, грозящем опасными последствиями в ближайшем будущем, и что единственным выходом из этого положения могут служить лишь коренные реформы во всех областях государственной и общественной жизни. В этом убеждении собрание считает неотложно необходимыми те реформы, которые намечены съездом земских деятелей 6, 7 и 8 ноября и выражены в следующей резолюции» (далее воспроизведены известные пункты, выработанные съездом в Петербурге).

Изложенное здесь заявление по подписании его присутствующими посылается министру внутренних дел кн. Святополку-Мирскому⁴⁴¹. Все подписи четки, ясны, с обозначением звания или занятий. Одним из первых подписал лист, между прочим, бывший одесский городской голова, камергер, тайный советник Маразли⁴⁴²; имеются подписи нескольких других лиц в генеральских чинах (отмечаю это ввиду нашей непривычки к тому, чтобы люди такого положения заявляли открыто и вместе с лицами других рангов и состояний свои политические мысли), двух заслуженных профессоров, многих ординарных и экстраординарных профессоров и др. — в том составе, который приблизительно назван мною вначале. Подписей оказалось около 300; часть присутствующих подписывала другой лист, где формула резолюций съезда земских деятелей взята не целиком, а с поправками, предложенными сторонниками социал-демократического направления. Банкет продолжался и после принятия резолюций: говорили еще много ораторов. Рабочие, собравшиеся по собственному почину или по почину своих организаций, устроили, как говорят, демонстрацию на улицах и имели столкновение с полицией. Так как я пишу наскоро утром 21-го, то не мог еще собрать сведений о размерах и характере этого движения.

Аноним

Освобождение. 1904. № 62. 18 дек. С. 123

На очереди

Ниже мы помещаем описание странной или, правильнее, возмутительной истории, героиней которой является тринадцатилетняя девочка. Последнее время печать энергично бичевала «бюрократию», «произвол» и прочие необходимые атрибуты несчастной русской жизни. Печать бичевала. Но благодаря ли короткому времени, отпущенному на «свободу печати», или по непривычке русских людей говорить прямо, без обиняков, в конкретных образах, за это время появилось сравнительно мало живых фактов: идея по-прежнему преобладала над раскрытием чисто фактической стороны нашей действительности. За это время раскрылось дело Ковалева⁴⁴³, проф. Коновалова⁴⁴⁴, произведены разоблачения Кладо⁴⁴⁵, еще несколько фактов того же порядка, более скромных и потому незаметных, и — только! Но даже и этот небольшой уголок «настоящей действительности» убедительно доказывает, что весь ужас произвола состоит не столько в том, что самый закон недостаточно охраняет права граждан, сколько в том, что *de facto* нет таких учреждений, которые *фактически* следили бы за исполнением закона и *фактически* гарантировали бы граждан от правонарушений со стороны разного рода власть имущих. Создание таких учреждений необходимо, неотложно: нравы некультурного народа могут быть исправлены только и только ограждением законом как прав личных, так и общественной безопасности.

В петербургских канцеляриях, вероятно, искренно возмущаются «правами» многих провинциальных «исполнителей» канцелярских предначертаний и говорят, пожимая плечами: «Но такого закона нет, это личный произвол исполнителя!» Совершенно верно, и совершенно понятна обида бюрократии на то, что она и за нравы должна теперь расплачиваться общественным негодованием. Да, нет такого закона, который бы утверждал произвол, но нет и такого закона, который бы его карал. Поэтому-то произвол и гуляет по свету, как ветер свободный, и цинично отвечает: «Ведь это нравы, не закон». Тесно переплетаясь в причудливой игре факторов общественного воспитания, «закон» и «нрав» являются детищами-близнецами всего того юридического строя жизни, в коем живет народ. Своеобразное непротивление злу насилеи — законом

нраву — и порождает ту зловещую атмосферу разложения, в которой «дурной нрав» свободно творит свое злое дело. Чтобы обуздать нрав, нужен закон: закон придет тогда, когда бесчисленное множество живых фактов вроде нижеописанного, выйдя на поверхность, разбудит наконец общественную совесть и заставит ее перейти от сентиментальной надежды на постепенное исправление дурных нравов к неотложному требованию насаждения хороших нравов *законом*. Иначе «преступные» тринадцатилетние дети будут по-прежнему беззащитными мышками, которыми безнаказанно играют дикие и злые кошки.

Без подписи

Наша жизнь. 20.12.1904

На очереди

О ЧЕМ ПИСАТЬ

Письмо от нашего корреспондента

В одном из первых номеров «Нашей жизни» редакция напечатала обращение к нам, провинциальным корреспондентам, предлагая изображать в корреспонденциях жизнь провинции, жизнь России — во всей полноте, не умалчивая о самых важных, животрепещущих явлениях, не искажая в своих корреспонденциях действительной картины жизни в угоду «независящим обстоятельствам». Мы глазам своим не верили, читая это приглашение... Однако нам не нужно было дважды повторять его: за месяц, один только месяц, газетные столбцы дали столько яркого, разнообразного материала для изображения нашей общественной жизни, сколько ранее не могли бы они дать и за год. Но через месяц наша «свобода печати» окончилась, и редакция снова обращается к нам, корреспондентам, предлагает не беспокоиться напрасно и не изводить бумаги и чернил на изображение многого такого, что недавно еще было доступно нашему перу... Нас, российских «обывателей», это последнее сообщение, конечно, не удивило, а если, может быть, кого-нибудь и удивило, то, без сомнения, гораздо меньше, чем первое извещение — о внезапной и совсем «несвойственной» нам «свободе печати»... Тем не менее надо сознаться: после мимолетного чудного весеннего сна очень

неприятно проснуться среди осенней, серой, пронизывающей слякоти... И невольно теснятся в голове назойливые вопросы, которые прежде, до этого странного «весеннего» месяца, казались как будто разрешенными, а теперь вдруг оказались не только не разрешенными, но даже довольно запутанными.

Вы говорите нам, что теперь о многом уже нельзя писать, а об остальном — мы знаем это — придется опять писать «применительно» к... «независящим обстоятельствам». Но спрашивается: о чем же все-таки можно писать и о чем нельзя? Вы, входящие в состав редакции, имеете «на сей предмет» «совершенно секретный» циркуляр, а мы, провинциальные корреспонденты, имеем только ваше открытое обращение к нам, в котором — мы понимаем это — вы не можете сообщить нам точное содержание полученных вами «секретных» циркуляров. Как же быть нам, о чем прикажете писать и о чем не писать? А ведь писать для редакционной корзины — не весьма приятно... а для людей, живущих этим заработком, даже и просто невозможно.

Прежде, до «весны», мы кое-как уже «применились» к... секретным циркулярам и довольно удачно угадывали ту черту, за которой оканчивались «пределы нашей компетенции» и «круг нашего ведомства». Но «весной» все эти циркуляры пошли на смарку, а теперь вышли новые циркуляры, имеющие прежде всего то общее со старыми, что те и другие — «секретные»...

Спрашивается: отчего же все эти циркуляры — «секретные»?.. Обыкновенно под покровом тайны укрывают либо то, что преступно, либо то, обнаружение чего может кому-либо повредить, либо, наконец, то, обнаружение чего — «стыдно»... Но ведь очевидно, что всякое законное распоряжение правительственной власти не должно быть ни преступным, ни вредным, ни постыдным. Если же власть признает свои распоряжения не преступными, не вредными и не постыдными, то зачем же облекать их покровом тайны? Зачем эти тысячи «секретных», «совершенно секретных», «конфиденциальных» и «совершенно доверительных» отношений, предложений, предписаний и циркуляров — по всем ведомствам?..

Обращаюсь к редакции и ко всем «сведущим» лицам с вопросом: нельзя ли нам, российским гражданам, ознакомиться со всеми этими «секретами», от которых вся наша жизнь зависит не менее, чем от «явного закона»? Нельзя ли, в частности, нам, корреспондентам, заблаговременно знакомиться с теми «секретами», в силу которых те или иные явления жиз-

ни изымаются из «пределов нашей компетенции»? А если всего этого нам знать не полагается, то нельзя ли, по крайней мере, узнать, почему именно все это — «секрет»? И о чем же, наконец, нельзя и о чем можно писать?

Ваш корреспондент

Наша жизнь. 21.12.1904

На очереди

ОТВЕТ НА ПИСЬМО НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА «О ЧЕМ ПИСАТЬ?»

Письмо ваше, помещенное нами в № 46 «Нашей жизни», ставит нас в очень затруднительное положение. Ответить вам нужно, вопрос ваш серьезен, вы имеете право требовать от редакции указаний, дабы не пропал ваш труд, не опустились руки. Но... посудите сами, какие указания может дать вам редакция? В смысле тем — сколько угодно, а дальше? Тему и темы дадим — и все-таки: ваша статья может очутиться в редакционной корзине, хотя бы написана она была превосходно. Впрочем, вы сами очень скоро перенесли вопрос с частной почвы — обращения к нашей редакции — на общую. Мы думаем, однако, что вопрос вами сильно сужен: он шире и глубже вопроса о тайных циркулярах. Если бы сейчас вышло распоряжение, позволяющее нам во всеуслышание объявлять о всех тайных циркулярах, предписаниях, рекомендациях, увещаниях и других приемах доброжелательной опеки нашей строгой гувернантки — цензуры, дело нисколько бы не изменилось. Ну, что было бы из того, если б все видели, какими именно веревками связывают народный дух, его слово? Не в характере веревок тут дело, а в самом *праве* такого связывания. Когда в 1865 г. была произведена «временная» реформа цензуры, многие восторженно встретили ее, очевидно, не поняв ее смысла. «Освобождение современных изданий от предварительной цензуры!» Это ли не перспективы? «Современник»⁴⁴⁶ не возрадовался и сразу понял, что значит это «освобождение». В № 3 (1865) Антонович⁴⁴⁷ писал о той пытке, которую должны испытывать издания без предварительной цензуры (!!), когда над ними постоянно висит дамоклов меч, кара наказания, опасение потерять их. Эти висячие опасности заставляют издание не преступать предписаний закона.

Но... какого? «Представьте себе, читатель, — писал Антонович, — что перед вами недосыгаемая пропасть, через которую перекинута какая-то узкая и чрезвычайно неопределенная полоска, предназначенная для вашего перехода по ней; может быть, она и сдержит вас, а может быть, она до такой степени хрупка, что сломается от первого шага по ней, что при малейшем неосторожном шаге вы оборветесь и слетите в пропасть. Согласитесь, что в подобном положении позволительно сильное раздумье...» И далее: «Что писать и как писать без предварительной цензуры — это для нас вопрос вроде гамлетовского — быть или не быть». Так писали в 1865 г. Но... позвольте, мы отвлеклись, ведь тот же вопрос — о чем и как писать — задается нам и теперь — в 1904 году, — через сорок лет? А гамлетовское «быть или не быть», а узкая полоска над пропастью все еще составляют главный нерв писательской жизни. Поэтому

*Тут полнейшая возможность
К обвиненью без суда...
Ради Бога, осторожность,
Осторожность, господа!*⁴⁴⁸

Эта шутливая некрасовская песенка — единственный и наш шутливый ответ. Положение то же, что и в 65-м году. Нет гарантий, нет точных указаний, есть произвольное толкование отдельных цензоров, отдельных управлений, отдельных министров. Когда в 60-х годах происходили работы по выработке цензурного устава, барон Корф⁴⁴⁹ горячо протестовал против предоставления министру внутренних дел права решать единолично судьбу изданий, потому что министр по самому положению своему находится «в постоянном соприкосновении со всеми важнейшими вопросами дня», а потому будет невольно «подчинять законы о печати временным административным видам», «обращать их в орудие к достижению разнообразных, меняющихся целей». Отсюда Корф делает заключение: «Никакие качества ума и характера и никакое внимание к делу не могут спасти государственного деятеля в таких обстоятельствах от пагубных по своим последствиям ошибок, а сверх того, с каждою переменою лица, стоящего во главе министерства внутренних дел, будет неизбежно меняться весь дух правительственной политики в отношении к печати. Произвол, противоречия, непоследовательность останутся, как бывало прежде, характеристической чертой этой

отрасли управления, а между тем лицо министра делается мишенью для нападок всего сонма тех, которые будут недовольны то излишней снисходительностью, то недостатком энергии, то ее избытком, то запрещением такой-то статьи, то пропуском другой и т. п.». С этой точки зрения Корф полагал, что «система административных взысканий еще более заражена произволом, нежели предупредительная цензура, ибо наказывает за вину, непредвиденную никаким положительным законом» (Мих. Лемке, «Эпоха цензурных реформ». С. 363 — 365). Реформа была произведена, и вся печать отдана во власть министра внутренних дел и исполнителей его воли. Эта власть тяготеет над печатью и до сегодняшнего дня.

Между тем и общественное самосознание, и общественное движение, да, наконец, и вся жизнь государства сверху донизу развилась, выросла и требует непрерывной и честной работы мысли, не осложненной никакими практическими соображениями, и в особенности мерзким и недостойным чувством страха перед выскакивающей из-за угла карой. И шутившая некрасовская песенка об осторожности в полной силе и сейчас. В этой осторожности нетерпеливая и болезненно-нервно настроенная публика с особенным жестокосердием обвиняет печать сейчас, когда Россия переживает тяжелый кризис. «Смелости бы, смелости!» — слышится отовсюду. «Замолкли, испугались, струсил!» — пишут нам наши корреспонденты. Позвольте, в чем же, однако, может проявиться эта смелость? Мы понимаем еще, в чем состоит честность печати: она может молчать о тех вещах, о которых дозволяется говорить только рыбьим языком. Но смелость? В том, чтобы в один миг подлететь под кару и закрыться? Это очень легко сделать всякому изданию. Мы не думаем, чтобы мало было смелости у тех работников многострадальной русской печати, которая «существовала», несмотря ни на что. Да, они существовали, не закрывались, они не доводили арену литературной деятельности до пустыни, оглашаемой только дикими криками бессмертных Грингмутов⁴⁵⁰, кн. Мещерских⁴⁵¹ и других «деятелей» растления. Нет, не самоубийство, а неустанная борьба за достойное существование должна быть уделом печати. Высочайшим указом 12 декабря нам обещана реформа печати. Что подарит она нам? Как далеко уйдет от реформы 65-го года? Вот важные, тревожные вопросы. Проф. Фойницкий⁴⁵² в своей работе об общегерманском законодательстве о печати характеризует два направления, боровшиеся

в Германии за и против свободы печати. Характеристика эта настолько интересна, настолько — к моменту, что мы, извинившись за длинные выдержки, позволим себе привести ее хотя бы кратко.

Противники свободы печати доказывали, что к печати необходимо «относиться точно так же, как к другим общеопасным промыслам, например к торговле ядовитыми веществами. Администрации должно дать такие же и даже еще более сильные меры для предупреждения распространения печатного яда, как и те, которые имеются в ее распоряжении относительно мышьяка, синильной кислоты и пр. Такими именно соображениями в свое время оправдывалась цензура, когда при распадении патримониального государства, где она была выражением владельческого отношения правительства к народному знанию и народной мысли, ей понадобились более широкие основы».

Защитники другого направления, стоявшие за полную свободу печати, горячо возражали против вышеприведенных доводов. «Ошибочно исходить из взгляда об общеопасности всей прессы: убийство может быть совершенно и столовым ножом, даже булавкой, но не считаете же вы общеопасным производство столовых ножей и булавок. Мы столько же, если еще не более, не расположены давать потачку той прессы, которая служит орудием преступлений; но мы восстаем против рекомендуемых вами мер потому, что они в высшей степени компрометируют эту задачу своею несправедливостью. Как иначе назвать оковы, в которые заключаются тысячи человек только потому, что один из них может совершить преступление? Мы восстаем против них и благодаря непополитичности. Меры, ставящие административный произвол на место права, страшны для государства уже потому, что они подрывают в обществе чувство права и ставят на его место любовь торжества силы и разгула страстей. Вместе с тем, ваши меры не достигают своей цели: история уже доказала их бесполезность. Назовите нам хоть одну мысль, которую была в состоянии убить цензура, найдя ее расходящеюся с интересами господствующих элементов своего времени. Монтескье⁴⁵³ был запрещен, Руссо⁴⁵⁴ запрещен, Вольтер⁴⁵⁵ запрещен, Кант⁴⁵⁶ находился в опале, Шиллер⁴⁵⁷ должен был бежать от преследований — и что же? Не стали ли теперь эти сочинения нашими настольными книгами? Успело ли римское духовенство убить открытие Галилея⁴⁵⁸? С другой стороны,

остановили ли хоть раз ваши меры наклонность печати к преступному образу действий? Не видим ли мы, напротив, что чем менее свободна печать, тем более она склонна нарушать чужие права, не умея уважать их за отсутствием собственных прав? При несвободном положении печати не привыкает ли читатель искать смысл статьи между строк, и одно и то же слово не имеет ли гораздо более увлекающего характера при печати несвободной, чем при печати, могущей говорить прямо и ясно? Зато вред, приносимый цензурой, — ясен: отрицание литературной собственности, как права, и вытекающее отсюда сокращение книжной торговли и обогащение заграничного книжного производства в ущерб местной производительности. Это — результаты экономические. Духовные — неисчислимы. Даже с полицейской точки зрения цензура должна быть вредной, потому что подчинение печати усмотрению «отнимает у тех голосов печати, которые даже искренно высказываются в смысле правительственных интересов, нравственную силу свободного убеждения; общество относится к ним недоверчиво, так как оно помнит, что за спиной мнения, высказанного гласно, может стоять страх высказать противоположное мнение». Таким образом, цензура выгоняет с честного поля действия как противников, так и защитников правительства. «Есть много лиц, весьма серьезных и любящих правительство», — прекрасно заметил Малерб⁴⁵⁹ еще в конце прошлого столетия, — которые очень хорошо понимают светлые стороны правительственной деятельности и не замедлили бы выступить в защиту правительства против его противников, если бы их не останавливало соображение, что их защита, прикрываемая материальными мерами правительства, будет нарушением правила: лежачего не бьют. Таким образом, и независимая консервативная печать может появиться только при условии свободной печати (Фойницкий, «На досуге»).

Какое из этих двух направлений определит русскую реформу 1905 г. — мы не знаем. А до тех пор — простите: редакторы и редакции столь же бессильны определить границы «свободного языка», как и сама цензура. И те, и другая бредут ощупью: если нет явного нарушения, то ведь есть еще «тон» и «направление», а это такие тонкие и неуловимые вещи, для которых необходимо шестое чувство. Поэтому примите во внимание «общие условия», не бойтесь редакционной корзины и помогите нам хоть шепотом говорить ту правду о жизни, которая неудержимо рвется наружу. А когда-нибудь и для

России придет настоящий день, и от «ядовитой» печати наших дней, от алчных редакционных корзин останутся только одни воспоминания. Французы говорят: *que la femme veut, — Dieu le veut!*. Мы скажем: *que l'histoire veut, Dieu le veut!*¹. Чего же захочет капризная русская история? Освобождения или же нового порабощения великого человеческого духа? Покажет будущее.

Без подписи

Наша жизнь. 24.12.1904

На очереди

Мы получили несколько писем из провинции с упреками в том, что в наших рассуждениях о цензуре и свободе печати мы принимаем во внимание только интересы издателей, редакторов и писателей, совсем позабыв о другой стороне — о читателях. Хотя мы их и не забывали, считая вопрос о свободе печати общим вопросом всех русских людей, тем не менее считаем не лишним привести одно из писем на эту тему. Писатель стонет, читатель стонет; где же врач, и когда он приедет?!

О «ВРЕДНОМ НАПРАВЛЕНИИ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ

В последнее время в нашей прессе много толкуют о ненормальном и тяжелом положении печати в России, но, кажется, во всех многочисленных статьях, написанных по этому вопросу, речь идет только о двух заинтересованных сторонах: одной стороной являются писатели, редакторы, издатели и вообще деятели печати; другой стороной — различные «органы», которые неусыпно наблюдают за печатью и всячески «не пропускают» ее... При этом как будто упускается из виду существование третьей заинтересованной стороны, которая заинтересована в судьбах печати не менее первых двух и права кото-

¹ Что хочет женщина, то угодно Всевышнему (*фр.*).

² Что хочет история, то угодно Всевышнему (*фр.*).

рой в этом деле гораздо больше, чем права первых двух сторон вместе взятых. Эта третья заинтересованная сторона — *читатель*.

Если бы лет десять тому назад мы, читатели, в качестве русских граждан вздумали бы предъявить какие-то свои права в деле регулирования положения печати и вмешаться в то вековечное единоборство, которое чуть ли не со времени напечатания первой русской книги неустанно ведется между печатью и «обуздывающей» ее администрацией, мы рисковали бы за такую дерзость очутиться если не в доме для сумасшедших, то, во всяком случае, в месте уединенном и покойном... Но за эти десять лет мы, русские обыватели, стоящие на всех ступенях общественной лестницы, люди всех классов, званий, состояний, стоящие на самых разнообразных ступенях культурного развития и образования — от рабочего до профессора, — мы сделали огромный шаг вперед в деле развития *самосознания*... Прежде русский обыватель твердо знал, что над ним стоит начальство — стоит *над ним* — и может ему, обывателю, приказывать, что угодно, и имеет право и возможность заставить его, обывателя, подчиняться начальственным приказаниям. Теперь обыватель догадался наконец и быстро и глубоко проникается сознанием той простой истины, которая была прекрасно сформулирована много веков тому назад, а именно: что «не человек для субботы, а суббота для человека»⁴⁶⁰, не он, обыватель, существует для пользы и удобства начальства, а, напротив, начальство, всякое начальство и все учреждения существуют для него, обывателя, и заслуживают сохранения постольку, поскольку они отвечают нуждам, пользам и удобствам обывателя; а если они не отвечают этим нуждам, пользам и удобствам, то должны быть заменены новыми, согласно воле и указаниям обывателя... и это сознание превращает русского «обывателя» — в *гражданина*. А что это превращение не миф, а совершившийся факт, тому доказательства мы видели в последнее время в виде многочисленных заявлений, резолюций и постановлений самых разнообразных общественных групп, громко и единодушно требующих *прав*...

И вот, с точки зрения читателя-гражданина, положение нашей печати представляется не то что ненормальным, но прямо-таки ни с чем не сообразным. В самом деле, присмотримся внимательно к той сумме явлений, которые называются «положением печати в России».

Различные группы деятелей печати, более или менее отличающиеся одна от другой по своим воззрениям на общественные явления, основывают различные органы печати, в которых общественная жизнь освещается и обсуждается с точки зрения того «направления», которого придерживается данная группа писателей. Само собой разумеется, что литературные «направления» не падают с неба, а лишь являются литературным выражением «направлений», существующих в самом обществе. И вот мы, граждане-читатели, на свои трудовые деньги выписываем себе те органы печати, которые наиболее отвечают нашему собственному «направлению», т. е. которые сообщают нам наиболее интересные, на наш взгляд, факты и освещают их, по нашему мнению, наиболее правильным образом. Но на те же свои трудовые деньги — и не малые деньги! — мы содержим цензуру, которой, впрочем, мы не учредили и об учреждении которой мы никого не просили... Затраты наши на выписку органов печати вполне производительны и отвечают насущнейшей нашей потребности: деятели печати делают все от них зависящее, чтобы сообщить нам по возможности все, что нас интересует, и освещают окружающую жизнь именно с той точки зрения, которая и им самим, и нам, читателям, представляется наиболее правильной. Но вот мы замечаем, что в органах печати вдруг прекратилось сообщение и обсуждение явлений жизни, которые, как нам хорошо известно, из самой жизни не исчезли и которые имеют первостепенное значение для нас, читателей, и для всей нашей общественной жизни. Впоследствии мы узнаем «по частным слухам», что это непонятное и досадное умолчание происходит вследствие «секретного» предписания цензурного ведомства, изъявшего на основании ст. 140 устава о цензуре и печати данные явления и вопросы из обсуждения печати... Далее мы узнаем из «официальных сообщений» о целом ряде чувствительных кар, наложенных на различные органы печати, о предостережениях, воспрещении розничной продажи, воспрещении печатания частных объявлений и даже о «строгих внушениях»... За что? Опять-таки — за сообщение самых интересных для нас, читателей, фактов жизни или за обсуждение их с точки зрения, не соответствующей известным «видам». Наконец в одно скверное утро вам не приносят *вашей* газеты, а из других газет вы узнаете, что ваша газета закрыта — временно или навсегда — за «вредное направление»... Конечно, для деятелей печати, издававших данную газету,

закрытие ее, хотя бы временное, является тяжким ударом — моральным и материальным. Но не следует упускать из виду, что и мы, читатели, живо чувствуем тяжесть этого удара. Ведь с закрытием газеты несколько тысяч, а может быть, и несколько десятков тысяч ее читателей лишаются своей привычной духовной пищи, а нередко лишаются и нескольких десятков тысяч своих трудовых рублей, уплаченных в виде подписной платы, ибо редакция закрытой газеты не всегда имеет возможность высылать своим подписчикам какую-нибудь другую газету, а если и имеет возможность, то ведь эта другая газета является лишь суррогатом того, за что читатель уплатил подписную плату. Но главная обида для читателя не в материальном ущербе и не в том неудобстве, которое приходится испытывать, оставшись без *своей* газеты, — главная обида заключается в грубом попрании «естественного права» читателя, права «сметь свое суждение иметь»... Ведь закрытие газеты является наказанием «за вредное направление» не только для деятелей печати, но и для тех тысяч читателей, которые выписывали данную газету именно ввиду ее «вредного направления». Прежний читатель, читатель-*обыватель*, относился к подобным казусам примерно так, как относятся к неожиданному падению карниза на голову прохожего или как крепостные люди относились к командировкам в часть для экзекуций, то есть как к несчастью, которое предусмотреть трудно, а предотвратить невозможно. Нынешний читатель понимает и ясно сознает, что подобного рода казусы вполне устранимы, как и само крепостное право... Поэтому нынешний читатель относится к подобным казусам весьма критически и делает из них такие выводы, на которые едва ли рассчитывают лица и учреждения, столь щедро расточающие раны и скорпионы «вредным» органам печати...

«Вредное направление»... Что такое это «вредное направление», и кому именно оно «вредно»? Мы, читатели, огромное большинство грамотной и читающей России, — мы отлично знаем, что «вредным направлением» называется стремление открыть и исследовать те страшные гнойные раны, которые истощили, обессилили наш народный организм, привели великий народ на край гибели; мы знаем, что «вредным направлением» называется стремление указать истинную причину всех наших несчастий и единственный пусть спасения от этих несчастий. И эта причина, и этот путь также хорошо нам всем

известны: мы громко говорим о них и у себя дома, и в общественных собраниях, и на улицах... Так для кого же «вредны» эти речи?

Для начальства?

Но ведь мы уже знаем, что «не человек для субботы, а суббота для человека». Для нас же, для граждан, для всего русского народа — «не вредны» эти речи, а необходимы — необходимо открытое указание и исследование причин нашей болезни и обсуждение способов ее лечения. Это совершенно необходимо нам для правильного и по возможности безболезненного исцеления. Стремление же утаить эту болезнь, превратить ее в «секретную» — действительно опасно и в высокой степени «вредно», ибо этот путь чреват едва ли желательными и для самого начальства последствиями. Мы же, читатели, думаем, что теперь уже прошло время, когда знаменитая формула — «все обстоит благополучно» — успокаивала сонного обывателя; и обыватель проснулся, да и жизнь усложнилась до крайности. А в сложной да еще не очень «благополучной» жизни обыватель без печати, распутывающей без препон все нужные вопросы, не может решать никаких своих дел, ни малых, ни больших. Этой новой психики нельзя не принимать во внимание; преследование «вредного направления», явленного на бумаге, не может искоренить «вредного» направления мозгов обывателя, разбуженного бурным потоком налетевших событий.

Читатель

Наша жизнь. 31.12.1904

¹ «О писателе, который зазнался» М. Горького». Маленький фельетон — опубликован без подписи между двумя текстами Жаботинского (*Altalena*. Вскользь; *Alt*. Гастроли А. Зандрок. «Гамлет» // Одесские новости. 1901. 11 янв.; см. также: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 1. С. 471 — 472). Основанный на реальном эпизоде, очерк-рассказ Горького был напечатан в газ. «Русский Туркестан» (1901. 31 окт., 4 нояб.). Горький и Чехов пришли в МХТ, где их окружили восторженные поклонники. Горький жестко реагировал на выкрики и рукоплескания толпы. Эта история описана Жаботинским и в других текстах: *Altalena*. Невежа // Одесские новости. 1900. 23 дек.; *Altalena*. Вскользь // Одесские новости. 1902. 11 янв. (см. также: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 1. С. 365 — 371.; Т. 2. Кн. 2. С. 34 — 38).

² *Аристарх* — один из эпитетов Зевса (происходит от сложения двух корней: арист — наилучший, превосходный; арх — повелеваю, властвую).

³ *Георг Брандес* — см. : ВЗЖ. Т. 2. Кн. 2. С. 756. Примеч. к с. 638.

⁴ *Ипполит Адольф Тэн* (1828 — 1893) — фр. философ-позитивист, писатель, историк, психолог; создатель культурно-исторической школы в искусствознании.

⁵ Автор ссылается на: *Брандес Г.* Главные течения литературы девятнадцатого столетия / Пер. В. Неведомского. М., 1893. В оригинале первая фраза в приведенной цитате имеет следующий вид: «Какой-то Скене, возвратившись из поездки по Германии, рассказал Скотту, как живут там евреи, какая у них одежда, какие нравы и с какой жестокостью с ними обходятся».

⁶ *Джеймс Скене* (1775 – 1864) — худ. и антиквар, друг В. Скотта.

⁷ Якобиты — приверженцы изгнанного в 1688 г. в результате «славной революции» англ. короля Якова II и его потомков, сторонники восстановления на англ. престоле дома Стюартов.

⁸ *Тори* (англ. *Tory*) — консервативная партия в Англии.

⁹ *Гебхард Леберехт фон Блюхер* (1742 – 1819) — кн. Вальштадтский, прусский фельдмаршал, командующий прусскими войсками в боевых действиях против Наполеона.

¹⁰ *Матвей Иванович Платов* (1753 – 1818) — рус. военачальник, атаман Всевеликого войска Донского (с 1801 г.).

¹¹ Речь идет об Александре Кемпбелле (1764 – 1824), шотландском музыканте и писателе, друге В. Скотта.

¹² *Оливер Кромвель* (1599 – 1658) — англ. гос. и полит. деятель, военачальник, участник англ. революции, после победы которой (1649) власть была сосредоточена в руках его сторонников; в 1653 г. установил режим единоличной военной диктатуры — протекторат.

¹³ *Пуританизм* (от лат. «чистота») — идейное движение в христианстве, сложившееся во второй половине XVI в. в англиканской церкви и направленное на искоренение католических элементов (отказ от пышной обрядности, замена торжественной литургии проповедью, ликвидация института епископов, отделение церкви от гос-ва и др.).

¹⁴ *Менашше* (Менассе, Манассе) бен-Израэль — общественный деятель, еврейский ученый-богослов, философ, талмудист, интерпретатор Библии (1604 – 1657).

¹⁵ *Готхольд Эфраим Лессинг* (1729 – 1781) — нем. писатель, просветитель, один из основоположников нем. классической литературы.

¹⁶ Герой драмы У. Шекспира «Венецианский купец» (1596).

¹⁷ Речь идет о книге рос. социолога и экономиста греческого происхождения Якова Александровича Новикова (1849 – 1912) «La Fédération de l'Europe» (Р.: Felix Alcan, 1901). Новиков родился в Константинополе, но жил в Одессе и окончил Новороссийский университет, в котором впоследствии преподавал. Его главные книги написаны на французском языке, к которому он относился как к языку международного общения.

¹⁸ Франсуа Мари Шарль *Фурье* (1772 – 1837) — фр. философ-утопист, социолог; Клод Анри де Рувруа, граф де *Сен-Симон*; 1760 – 1825), фр. философ-утопист, социальн. реформатор; Пьер Жозеф *Прудон* (1809 – 1865) — фр. публицист, экономист и социолог, один из основоположников анархизма; Фердинанд *Лассаль* — см. ВЗЖ. Т. 3. С. 789; Карл Генрих *Маркс* (1818 – 1883) — нем. философ, социолог, экономист и журналист, основоположник марксизма.

19 1-я Гаагская мирная конференция, созданная по инициативе России, проходила с 18 (6) мая по 29 (17) июля 1899 г. (в ее работе приняло участие 26 государств, включая Османскую империю, т. е. Турцию).

20 Международная конференция по рабочему вопросу была созвана в 1890 г. в Берлине по инициативе германского императора Вильгельма II (несмотря на ее неуспех, впоследствии нем. правительство выработало некоторые важные законы об установлении обязательного воскресного отдыха, о недопущении к фабрично-заводским работам детей до 13 лет и запрещении ночной работы для женщин).

21 *Наполеон III Бонапарт* (полное имя Шарль Луи Наполеон Бонапарт; 1808 – 1873) — племянник Наполеона Бонапарта; президент Французской республики (20 декабря 1848 – 1 декабря 1852), фр. император (1 декабря 1852 – 4 сентября 1870).

22 *Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен* (1815 – 1898) — кн., нем. гос. и полит. деятель, первый канцлер Германской империи (прозван «железным канцлером»).

23 *Виктор Мари Гюго* (1802 – 1885) — фр. писатель, глава и теоретик фр. романтизма; член Французской академии (1841).

24 В ночь на 2 декабря (в годовщину Аустерлицкой битвы) Наполеон III, бывший в то время президентом республики, совершил государственный переворот (coup d'état): распустил национальное собрание, госсовет и объявил военное положение.

25 Полностью: «Ругон-Маккары. Естественная и социальная история одной семьи в эпоху Второй империи» (1871 – 1893) — собирательное название цикла из 20 романов В. Гюго.

26 Речь идет о Крымской войне 1853 – 1856 гг., в которой против России выступили коалиционные войска Британской, Французской и Османской империй и Сардинского королевства.

27 По всей видимости, говорится о циркулярной ноте, с которой 12 августа 1898 г. министр иностранных дел России М.Н. Муравьев обратился к представителям России за границей и в которой шла речь о сохранении мира и сокращении накопленных разными странами вооружений.

28 *Август Бебель* (1840 – 1913) — деятель нем. и международного рабочего движения, один из основателей социал-демократии.

29 *Жозеф Эрнест Ренан* (1823 – 1892) — фр. писатель, философ, историк.

30 *Дело Дрейфуса* — см.: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 2. С. 745. Примеч. к с. 385.

31 *Александр Федорович Ланжерон* (наст. имя Луи Александр; 1763 – 1831) — граф; француз, принятый на рус. службу, генерал от инфантерии (1811); херсонский военный губернатор, градоначальник Одессы, управляющий по гражданской части Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний (1815); с 1 июля 1826 г. — член Верховного суда над декабристами. Ланжерон был участником двух русско-турецких войн: 1806 – 1812 и 1828 – 1829 гг. (имеется в виду первая из них).

32 Речь идет о Сергее Григорьевиче Волконском (1788 – 1865), в 1810 – 1811 гг. принимал участие в русско-турецкой войне. Герой Отечественной войны 1812 г. Декабрист.

³³ Битва при Рущуке (Болгария) между русскими войсками под руководством М.И. Кутузова и турецкой армией Ахмет-паши произошла 22 июня (4 июля) 1811 г.

³⁴ Имеется в виду японо-китайская война 1894 — 1895 гг.

³⁵ *Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесиль*, 3-й маркиз Солсбери (1830 — 1903) — англ. гос. деятель; в 1885, 1886 — 1892 и 1895 — 1902 гг. — премьер-министр Великобритании; депутат палаты общин от консервативной партии, член палаты лордов.

³⁶ *Критский вопрос* (Критский кризис) остро проявил себя в европейской политике в 1896 — 1897 гг. в результате намерения присоединить Крит к Греции, чему противостояли интересы Османской империи. Критский кризис привел к греко-турецкой войне 1897 г.

³⁷ Имеется в виду англо-бурская война 1899 — 1902 гг.

³⁸ Подразумевается пьеса Г. Ибсена «Враг народа» (1882), которая шла на рус. сцене как «Доктор Штокман» (по имени главного героя).

³⁹ *Жан Антуан Ватто* (1684 — 1721) — фр. живописец и рисовальщик, основоположник стиля рококо, характеризующийся изысканностью, грациозностью, причудливой изящностью и орнаментализмом.

⁴⁰ Повесть Е. Н. Чирикова «Инвалиды» вышла из печати в 1897 г.

⁴¹ *В. С. Соловьев* — см. ВЗЖ. Т. 3. С. 774. Примеч. к с. 298. Автор имеет в виду рецензии В. С. Соловьева (Вестник Европы. 1894. № 8; 1895. №№ 1, 10) на три выпуска сборника «Русские символисты» (М., 1894 — 1895), составленного *В. Я. Брюсовым*.

⁴² Название очерка Глеба Ивановича Успенского (1843 — 1902), в котором говорится о девальвации ценности человека как венца творения и соответствующем оскудении интереса в обществе к конкретной человеческой жизни.

⁴³ Образ купона (банковского билета, ассигнации, чековой книжки и пр.) как власти капитала над человеком проходит через целый ряд очерков Г. Успенского.

⁴⁴ «Немецкий Михель» — образ, воплощающий народное простодушие и недалекость, к которому в своем творчестве обращались нем. писатели Людвиг Берне (1786 — 1837) и Генрих Гейне (1797 — 1856).

⁴⁵ Опера нем. композитора Вильгельма Рихарда Вагнера (1813 — 1883), основанная на средневековой саге «Состязание певцов» (премьера — 19 октября 1845 г.).

⁴⁶ «Голубой цветок» — образ из романа нем. писателя и поэта Новалиса (наст. имя: Фридрих фон Харденберг; 1772 — 1801) «Генрих фон Офтердинген» (1797 — 1800), выражающий романтическое томление по невозможному идеалу.

⁴⁷ *Людвиг Тик* (1773 — 1853) — нем. писатель-романтик.

⁴⁸ Перечислены драмы нем. драматурга Г. Гауптмана: «Микаэль Крамер» (1901), «Ганнелз» (1893), «Одинокие» (1891), «Потонувший колокол» (1896).

⁴⁹ См. примеч. 38.

⁵⁰ «Призраки» («Привидения», 1881), «Росмерсгольм» (1886), «Гедда Габлер» (1891), «Строитель Сольнес» (1892), «Нора» («Кукольный дом», 1879) — пьесы Г. Ибсена.

⁵¹ Бьёрнстjerne Мартиниус Бьёрсон (1832 — 1910) — норвежский прозаик, драматург; пьеса «Леонарда» была написана в 1879 г., «Перчатка» — в 1883 г.

⁵² Одноактная драма М. Метерлинка «Непрошенная» (1890).

⁵³ Это не совсем так: одной из первых попыток сыграть на рус. сцене Метерлинка нужно признать окончившийся провалом спектакль «Тайны души», поставленный в 1895 г. в петербургском Театре лит.-худож. общества (иначе Суворинском); а в 1901 г. Н.А. Попов, организовавший театральный кружок Агс, показал в Зале А.И. Павловой спектакль «Втируша» по пьесе Метерлинка «Там, внутри» (сведения приведены по кн.: *Петровская И., Сомина В.* Театральный Петербург: Начало XVIII века — октябрь 1917 года: Обзорение-путеводитель. СПб., 1994. С. 331).

⁵⁴ *Иван Михайлович Шувалов* (наст. фам. Егоров; 1865 — 1905) — актер и антрепренер.

⁵⁵ *Мария Николаевна Ермолова* (1853 — 1928) — актриса; роль Федры в одноименном спектакле Ж. Расина впервые сыграла в 1890 г.

⁵⁶ Аллюзия на книгу Ф. Ницше «Сумерки богов», или «Сумерки кумиров» (1888).

⁵⁷ *Владимир Осипович Трахтенберг* (1861 — 1914) — драматург.

⁵⁸ Далее речь идет о спектакле «Комета», который петербургский Александринский театр привез в Одессу, где он гастролировал с 25 марта 1902 г.

⁵⁹ Его в этом спектакле играл артист Николай Николаевич Ходотов (1878 — 1932).

⁶⁰ *М. Г. Савина* — см.: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 2. С. 734. Примеч. к с. 135.

⁶¹ *Роман Борисович Аполлонский* (1865 — 1928) — актер Александринского театра, в котором он прослужил всю свою творческую жизнь.

⁶² *Владимир Сергеевич Лихачев* (1849 — 1910) — переводчик, поэт, драматург, автор пьесы «Мамуся» (1902), которая шла на сцене Александринского театра; *Сергей Александрович Найденов* (наст. фам. Алексеев; 1868 — 1922) — драматург; его первая пьеса «Дети Ванюшина» (1901) так и осталась лучшей из всего им написанного.

⁶³ *Тит Титыч Брусков* — купец-самодур, персонаж пьесы А.Н. Островского «В чужом пиру похмелье» (1856).

⁶⁴ *Рюи Блаз* — главный герой одноименной драмы В. Гюго (1838) — человек низкого происхождения, который, будучи влюблен в исп. королеву Марию, быстро поднимается благодаря ее патронажу по социальной лестнице.

⁶⁵ *Л. Тик* — см. примеч. 47; *Генрих Лаубе* (1806 — 1884) — нем. прозаик, драматург и театральный деятель; *Карл Гуцков* (1811 — 1876) — нем. прозаик, драматург, публицист, общественный деятель; *Новалис* — см. примеч. 46; *Людвиг Уланд* (1787 — 1862) — нем. поэт-романтик, литературовед.

66 Перечислены герои ранних горьковских рассказов: Челкаш («Челкаш»), Мальва («Мальва»), Коновалов («Коновалов»), Изергиль («Старуха Изергиль»), Лойко [Зобар] («Макар Чудра»).

67 *Жан-Жак Руссо* (1712 – 1778) — фр. писатель и мыслитель.

68 Герой горьковского рассказа «Бывшие люди» (1897) — содержатель ночлежки.

69 Герой комедии А.Н. Островского «Бедность не порок» (1853).

70 Речь идет о книге очерков Горького «Мужик» (1899).

71 Перечислены писатели, тесно связанные в своем творчестве с крестьянской темой и образом мужика: Г.И. Успенский, Николай Николаевич Златовратский (1845 – 1911) и Федор Михайлович Решетников (1841 – 1871).

72 *Эммануэль* (Иммануил) *Кант* (1724 – 1804), Фридрих Альберт *Ланге* (1828 – 1875), Фердинанд *Лассаль* — нем. философы.

73 *Д.С. Мережковский* — см. ВЖ ПСС. Т. 3. С. 767; С.Н. Булгаков, там же. С. 762.

74 *Петр Бернгардович Струве* (1870 – 1944) — общественный и политический деятель, экономист, публицист, историк, философ.

75 *Йоганн Готлиб Фихте* (1762 – 1814) — нем. философ.

76 Имеется в виду сборник рассказов нем. писателя Эрнста Теодора Амадея Гофмана (1776 – 1822) «Серапионовы братья» (1819 – 1820).

77 Роман Всеволода Владимировича Крестовского (1840 – 1895) «Петербургские трущобы» (1864 – 1867).

78 *Евгений Андреевич Соловьев* (псевд. Андреевич; 1866 – 1905) — литературный критик, историк литературы, беллетрист.

79 «Жизнь» — см.: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 2. С. 759. Примеч. к. с. 668.

80 Деклассированные слои общества (бродяги, нищие, уголовники и т. п.).

81 Рассказ Горького «Васька Красный» (1900).

82 Рассказ называется «Супруги Орловы» (1897).

83 Роман «Фома Гордеев» и повесть «Трое» появились соответственно в 1899 и 1900 гг.

84 *Шарль Мари Рене Леконт де Лиль* (1818 – 1894) — фр. поэт.

85 *Фердинанд Брюнетьер* (1849 – 1906) — фр. писатель, историк, теоретик литературы, критик.

86 Повесть С. Каронина (наст. имя и фам. Николай Елпидифорович Петропавловский; 1853 – 1892) «Снизу вверх» была составлена из опубликованных в журналах «Отечественные записки» (1883) и «Северный вестник» (1886) пяти рассказов, объединенных образом главного героя.

87 *Н. Михайловский* — см.: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 2. С. 736. Примеч. к. с. 324.

88 Имеется в виду статья Н. К. Михайловского «Об одном неосновательном мнении. Рассказы Леонида Андреева. Страх смерти и страх жизни» (Русское богатство. 1901. № 11. С. 58 – 74).

⁸⁹ Толстой, напротив... возмущался рассказом «Бездна» — имеется в виду ст. Л. Толстого о творчестве Ги де Мопассана (см. в кн.: *Андреев Л. Бездна*. Берлин, 1903). О полемическом вкладе Жаботинского в дискуссию по поводу «Бездны» см.: *Штейман Зел.* Литературная провинция // *Вечерняя красная газета*. Л., 1929. 16 марта. Штейман сообщает, что действительным автором писем персонажей рассказа (Немовецкого — «Курьер», М.; Зиночки — «Одесские новости»; трех насильников — «Вольнь», Житомир, и персонально Федора — «Бездна». Берлин) был Жаботинский. Об этом журналисту говорил Н. С. Лернер, работавший с Жаботинским в газ. «Елисаветградские новости» (1903).

⁹⁰ *Макс Норгау* — см.: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 1. С. 790. Примеч. к. с. 165.

⁹¹ Перечислены герои и героини драматических произведений М. Метерлинка: *Синяя борода* («Ариана и Синяя борода, или Бесплезное освобождение», 1896), *Аглавена и Селизетта* (одноименная пьеса, 1896), *Мелисанда* («Пелеас и Мелисанда», 1893).

⁹² Драма Метерлинка «Монна Ванна» (1902).

⁹³ *Василий Васильевич Кангинский* (1866 — 1944) — живописец, график и теоретик изобразительного искусства.

⁹⁴ *Передвижники* — Товарищество передвижных худож. выставок в России (образовалось в 1870 г.), куда входили худ. реалистического направления.

⁹⁵ *Сергей Павлович Дягилев* (1872 — 1929) — театральный и худож. деятель, антрепренер, один из основоположников группы «Мир искусства», а также организатор «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева».

⁹⁶ *Герасим Семенович Головков* (1863 — 1909) — живописец, пейзажист; уроженец Одессы.

⁹⁷ По всей видимости, имеется в виду норвежский худ.-пейзажист Фриц Таулов (Frits Thaulow; 1847 — 1906), который в конце XIX в. поселился во Франции (умер в Голландии).

⁹⁸ *Кириак Константинович Костанди* (1852 — 1921) — живописец, уроженец Одессы, значительная часть жизни и деятельности которого связана с этим городом; *Леонид Осипович Пастернак* (1862 — 1945) — живописец, уроженец Одессы, с 1889 г. жил в Москве; в 1921 г. эмигрировал в Германию, с 1938 г. жил в Оксфорде (Англия).

⁹⁹ Л. О. Пастернак несколько раз посещал Л. Толстого в Ясной Поляне (впервые в 1901 г.) и делал зарисовки писателя и членов его семьи.

¹⁰⁰ *Джованни Сегантини* (1858 — 1899) — итал. худ.-пейзажист.

¹⁰¹ Перечислены одесские худ.: Шерешевский, Григорий Михайлович Гольдштейн (1878 — 1938) и Финкельштейн (упомянут также в ВЖ ПСС. Т. 2. С. 564).

¹⁰² Имеются в виду известные в будущем живописцы: Юлий (Иоиль-Рувин) Рафаилович Бершадский (1869 — 1956) и Борис (Борух) Исаакович Эгиз (1869 — 1947), эмигрировавший из России в 1920 г.

103 *Эмил Венедиктович Гирифельд* (1867 – 1922) — живописец, уроженец Одессы. В конце XIX в. эмигрировал во Францию, жил в Бретани, хотя продолжал выставляться в Одессе.

104 *Петр Павлович Ганский* (1867 – 1942) — живописец; с детских лет жил в Одессе; в 1919 г. эмигрировал во Францию, где перешел в католичество и принял сан священника.

105 Речь идет о рус. художниках *Афанасии Прокофьевиче Размарицыне* (1844 – 1920-е) и *Иване Павловиче Похитонове* (1850 – 1923; с 1893 г. периодически жил в Бельгии, а в 1919 г. поселился там окончательно).

106 *Павел Михайлович Третьяков* (1832 – 1898) — предприниматель, меценат, собиратель произведений рус. изобразительного искусства, основатель Третьяковской галереи.

107 *Петр Александрович Нилус* (Нилус-Словецкий; 1869 – 1943), с детства жил в Одессе, откуда эмигрировал в 1919 г. во Францию.

108 *Николай Карлович Грандковский* (1864 – 1907) — живописец.

109 *Светославский Сергей Иванович* (1857 – 1931) — худ.-пейзажист.

110 *Владимир Степанович Бальц* (1864 – 1939) — живописец.

111 *Николай Дмитриевич Кузнецов* (1850 – 1929) — живописец-портретист и бытовик.

112 Имеется в виду худ. Дмитрий Дмитриевич Кузнецов (1852 – ?), брат Н. Д. Кузнецова.

113 *Евгений Иванович Шульц* (ум. 1909) — одесский купец, действ. статский советник; гласный Одесской городской думы и председатель Одесского биржевого комитета; товарищ председателя Одесского отдела Императорского русского общества птицеводства.

114 *Евгений Иосифович Буковецкий* (1886 – 1948) — живописец.

115 *Вячеслав Константинович Развадовский* (Розвадовский; 1875 – 1943) — живописец.

116 *Виктор Михайлович Васнецов* (1848 – 1926) и *Михаил Васильевич Нестеров* (1862 – 1942) — известные рус. живописцы.

117 *Григорьев Аполлон Александрович* (1822 – 1864) — поэт, лит. критик.

118 *Белинский Виссарион Григорьевич* (1811 – 1848) — лит. критик, философ, публицист.

119 *Боборыкин Петр Дмитриевич* (1836 – 1921) — прозаик.

120 *Аверкиев Дмитрий Васильевич* (1836 – 1905) — прозаик.

121 *Суворин Алексей Сергеевич* (1834 – 1912) — журналист, издатель, театр. критик, драматург, владелец петербургского театра Лит.-худож. общества (иначе: Малый театр, или Суворинский).

122 Очевидно, имеется в виду следующее высказывание из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (гл. «О поэтах»): «Мы очень мало знаем и плохо учимся: потому и должны мы лгать».

123 В своем дневнике от 19.07.1893 Л. Н. Толстой записал: «Искусство, говорят, не терпит посредственности. Оно еще не терпит сознательности».

124 «много званых, но мало избранных» — в Евангелии: «Так будут последние первыми и первые последними; ибо много званых, а мало избранных» (Мф. 20: 16).

125 Парадокс [об актере] (1773 — 1778; изд. 1830) — трактат фр. философа и писателя Дени Дидро (1713 — 1784), который ставит «чувствительность» актера в зависимость от его склонности и способности изучать человеческую природу и умело «подражать» ей.

126 *Антиномия* — противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых признается логически доказуемым; антиномии — пустые, бессмысленные разговоры.

127 *Льюис Джордж Генри* (1817 — 1878) — англ. эссеист, лит. и театр. критик; одна из его книг о театре — «Актеры и сценическое искусство» — выходила в рус. переводе (Варшава, 1876).

128 *Сальвини Томмазо* (1829 — 1915) — выдающийся итал. актер.

129 Речь идет о романе нем. поэта и мыслителя Иоганна Вольфганга Гете (1749 — 1832) «Ученические годы Вильгельма Мейстера» (1795 — 1796) и книге нем. писателя-просветителя Г. Э. Лессинга «Гамбургская драматургия» (1767 — 1769), в которой в теоретическом плане развенчивается эстетика классицизма.

130 «Лекции о сценическом искусстве» П. Д. Боборыкина печатались в журнале «Артист» в 1891 — 1892 гг.

131 По-видимому, речь идет о книге Ч. Дарвина «Выражение движения чувств у человека и животных» (1872).

132 *Прудон Пьер Жозеф* (1809 — 1865) — фр. философ, социолог, экономист, теоретик анархизма.

133 *Аверкиев Дмитрий Васильевич* (1836 — 1905) — драматург, прозаик, театр. критик, публицист.

134 *Коровяков Дмитрий Дмитриевич* (1849 — 1895) — театр. деятель, критик, педагог.

135 «Укрощения строптивых» — аллюзия на название комедии У. Шекспира «Укрощение строптивой» (1593).

136 *Marga* — героиня драмы «Родина» (1893) нем. драматурга Г. Зудермана (1857 — 1928).

137 *Сарсе Франсиск* (наст. имя и фам. Франсуа Сарсе де Сутьер; 1827 — 1899) — фр. писатель, театр. критик.

138 Porte Saint Martin — парижский театр на Больших Бульварах; открылся в 1814.

139 «Отечественные записки» (СПб.; 1868 — 1884) — лит. и обществ.-полит. ежемесячный журнал, издававшийся Н. А. Некрасовым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, Г. З. Елисеевым; вел энергичную борьбу с реакционной журналистикой; подвергался гонениям со стороны царского правительства и был закрыт.

140 «Русское богатство» — ежемесячный лит.-науч. и полит. журнал, с 1893 был центром либерального народничества.

141 «Ольгин день» (1904) — комедия прозаика и драматурга А. Н. Бежецкого (наст. фам. Маслов; 1852 — 1922), отображает быт захолустной помещичьей усадьбы.

142 *Плетеный Ташлык* — населенный пункт в Елисаветградской губ. (ныне Кировоград, обл.), ж.-д. станция на пути из Киева в Одессу.

143 «Русские ведомости» — одна из крупнейших рус. либеральных газет (Москва; 1863 — 1918); с 1905 была близка к идеологии кадетов.

144 *На заре ты ее не буди...* — начало одноименного стихотворения А. Фета (1842).

145 *Иоргань* — крещальная купальня, прорубь в водоеме, сделанная к христиан. празднику Крещения для совершения обряда водосвятия.

146 *Земства* — выборные органы местного самоуправления в Российской империи (земские собрания, земские управы); введены спец. земской реформой (1864), упразднены после большевистского переворота.

147 *Шевченко Тарас Григорьевич* (1814 — 1861) — укр. поэт и худ.; стихотворение «Думы мои» вошло в его поэтический сборник «Кобзарь» (1840).

148 *Эльвортиевское* — от имени Роберта и Томаса Эльворти, англичан, построивших в Елисаветграде завод по выпуску с.-х. техники (конец XIX в.).

149 *Епархиальные училища* — средние женские учебные заведения; учреждены в России (1843) гл. обр. для дочерей священников; содержались на церковные средства и находились в ведении Синода.

150 *Ефимовская О. Н.* — владелица частных женских гимназий в Елисаветграде.

151 *Дорошевич Влас Михайлович* — см.: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 2. С. 735. Примеч. к с. 165. В рецензии на «Вишневы сад» А. П. Чехова (Русское слово. 1904. 19 янв.), писал: «Помещица Раневская, ее брат Гаев, помещик Симеонов-Пищик, это — morituri» (*лат.*: обреченные на гибель).

152 *Шахназаров Аршак Исаакович* — вице-директор департамента земледелия Министерства сельского хозяйства России; автор книг по агрокультурной тематике.

153 *Фистула* — фальцет.

154 *Эдем* (от ивр. ган-эден) — райский сад, первоначальное место обитания людей.

155 *Гebbель Фридрих Кристиан* (1813 — 1863) — нем. драматург, поэт, прозаик, теоретик искусства.

156 Венгерка, падекатр, миньон — бальные танцы.

157 *Ярмарок* — обыгрывается повесть «Сорочинская ярмарка», вошедшая в сборник прозы Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831).

158 *Гопак* — укр. танец.

159 *Бандурист* — исполнитель народных песен, аккомпанирующий себе на бандуре (укр.).

160 *Падепатинер* — бальный танец.

161 *Крушеван* — см. ВЗЖ. Т. 3. С. 773. Примеч. к с. 259.

162 «Киевские отголоски» — вероятно, имеется в виду газета «Киевские отклики» (Киев; 1903 — 1907; редактор-издатель Н. В. Калишевич).

163 «Вольнь» — газета, выходившая в Житомире (1879 — 1917).

164 *Титулярный советник* — по табели о рангах Российской империи соответствовал гражданскому чину 9-го класса; коллежский асессор — 8-го.

165 Речь идет о русско-японской войне (1904 — 05).

166 *Гаагское совещание* — международная конференция в Гааге (1899), призвавшая к прекращению войн и установлению мира на земле.

167 *Гаяши Тагасу* — яп. посланник в Великобританию; имел титул виконта, что приравнивалось к средневековому рыцарю.

168 *Лорд Лансгоун (Лансгаун) Генри Чарльз Кейз Петти-Фицморис* (1845 — 1927) — англ. и ирланд. полит. и гос. деятель; министр иностр. дел Великобритании, один из главных авторов англ.-яп. альянса.

169 «Иду на вы» — выражение принадлежит князю новгородскому и великому князю киевскому Святославу Игоревичу (942 — 972), посылавшему предупреждение врагам, на которых шел войной.

170 *Рид Томас Майн* (1818 — 1883) — англ. писатель, автор приключенческих романов и произведений для детей и юношества.

171 «Власть тьмы» — драма Л. Н. Толстого (1887), в основе которой лежит подлинное уголовное дело об убийстве ребенка, прижитого от падчерицы.

172 *Саровская обитель* — Свято-Успенский мужской монастырь в г. Сарове (север Тамбовской губ.; ныне Нижегородская обл., основан в начале XVIII в.), где служил послушником преп. Серафим Саровский, почитаемый православной церковью как святой и подвижник.

173 *Дивеевский монастырь* — Серафимо-Дивеевский православный женский монастырь в селе Дивеево (Нижегородская губ.).

174 «Всходы» — журнал для юношества; выходил в Петербурге (1896 — 1917), редактор-издатель Э. С. Монвиж-Монтвид.

175 *Земство* — см. примеч. 146.

176 *Краев Евгений Семенович* — известный в Елисаветграде присяжный поверенный.

177 *Лопари* — рус. название саамов (финно-угорский народ, живущий на сев. Европы); *самоеды* — устаревшее название ненцев, энцев, нганасан, селькупов (современное название — самодийские народы).

178 *Михайловский Николай Константинович* (1842 — 1904) — публицист, социолог, критик, общественный деятель; умер незадолго до появления этого фельетона — 28 янв.

179 *Корочевский (Карачевский) Дмитрий Андреевич* (1842 — 1903) — беллетрист, публицист, журналист, антрополог; умер 18 дек.

180 *Гердер Иоганн Готфрид* — нем. философ, скончался 18 дек. 1803 г.; *Иммануил Кант* — нем. философ, скончался 12 февр. 1804 г.

181 *Рапс* — масляная культура.

182 *Гердер Иоганн Готфрид* — нем. философ, ум. 18 дек. 1803 г.; *Эммануэль (Иммануил) Кант* — нем. философ, ум. 12 февр. 1804 г.

183 *Немешаев Клавдий Семенович* (1849 – 1927) — инженер путей сообщения, гос. деятель; начальник Юго-Зап. железной дороги (1896 – 1905), министр путей сообщения (1905 – 1906; в связи с увольнением премьер-министра С. Ю. Витте и его кабинета вернулся на прежнюю должность; 1906), член Гос. совета (1912).

184 *Меннониты* — последователи течения в протестантизме, основанного голландцем Менно Симонсом (1496 – 1561); принципы меннонитского вероучения изложены в его «Декларации главных статей нашей общей христианской веры» (1632); крещение людей в зрелом возрасте, отрицание церковной иерархии, самостоятельное управление религиозной общиной и пр.

185 *Причт* — состав лиц, служащих при какой-либо одной церкви (приходе).

186 *Великий праздник Александра II* — 19.02.1861 Александр II издал манифест, отменивший крепостное право.

187 *Аршавский Файвель Моисеевич* — городской санитарный врач Херсона; во время русско-японской войны работал в подвижном лазарете; зарекомендовал себя как пламенный патриот и первоклассный специалист.

188 *Витарский* (1864 – 1928) — театральный антрепренер.

189 *Показать им с помощью фонаря...* — речь идет о так называемом волшебном фонаре (*Laterna magica*).

190 *...стол на двадцать кувертов...* — т. е. на двадцать персон.

191 *На поле бранном тишина...* — начало стихотворения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812).

192 *Петросян Геворк* (наст. фам. Тер-Петросян; 1859 – 1906) — актер, антрепренер.

193 *Пушкинская аудитория* — первое театральное здание в Кишиневе; построено в 1900 г., в том же году в нем начал работать Пушкинский народный театр.

194 *Крепость Св. Елисаветы* — Елисаветинская крепость, названная в честь императрицы Елисаветы Петровны и положившая начало городу Елисаветграду (1754).

195 *...один из русских полков* — речь идет о 3-м гусарском Елисаветградском полке (сформирован в 1783).

196 *...военное кавалерийское училище...* — Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище (сформировано в 1865; с 1902 — Елисаветградское кавалерийское училище) для комплектования офицерского состава кавалерийских частей Киевского, Харьковского и Одесского военных округов.

197 *Елисаветградский кадетский корпус* — учрежден в 1830 г., но не был открыт из-за отсутствия необходимого финансирования.

198 *Давыдов Денис Васильевич* (1784 – 1839) — генерал; *Фигнер Александр Самойлович* (1787 – 1813) — полковник; *Сеславин Александр Никитич* (1780 – 1858) — генерал; все — герои Отечественной войны 1812 г., прославившиеся как руководители партизанского движения. Д. Давыдов известен также как автор военно-истор. работ (в их числе «Опыт теории партизан-

ского действия»; 1821) и как поэт, автор многих песен. Современник Давыдова А. Ф. Воейков в своем «Парнасском адрес-календаре» (1818 — 1820) охарактеризовал его так: «Действительно поэт, генерал-адъютант Аполлона при переписке Вакха с Венерою». «Современная песня» написана Д. Давыдовым (1836).

199 *Внимая ужасам войны, при каждой новой жертве боя...* — начало стихотворения Н. А. Некрасова «Внимая ужасам войны...» (1855).

200 *Куропаткин Алексей Николаевич* (1848 — 1925) — генерал, военный министр (1898 — 1904), во время русско-японской войны командовал армией на Дальнем Востоке; после поражения под Мукденом был смещен (март 1905).

201 *Монополька, или казенка* — казенная винная лавка, монопольно торговавшая водкой (впоследствии название перешло на саму водку).

202 *Драгомиров Михаил Иванович* (1830 — 1905) — военачальник, гос. деятель, известен и как военный писатель; командующий войсками Киевского военного округа, а также (с 1897) Киевский, Подольский и Воынский генерал-губернатор.

203 *Скублнская Марианна* — варшавская акушерка, содержавшая тайный приют для рожиц; брала на воспитание «незаконнорожденных» младенцев и доводила их до смерти голодом и жестоким обращением (первые сообщения о преступлениях Скублнской относятся к нач. 1890-х гг.).

204 *Евангельская грешница* — Мария Магдалина (Мария из Магдалы), исцеленная Христом от злых духов (Лк. 8: 13) и ставшая одной из благочестивых жен.

205 *Мария Египетская* — христиан. святая, почитаемая как покровительница кающихся женщин.

206 *...о питомнике американских лоз на вате...* — речь идет о филлоксероустойчивых американских лозах, которые разводили отец и сын Вольфензоны.

207 *«Биржевые ведомости»* — ежедневная газета (СПб, 1877 — 1917; издатель С. М. Проппер).

208 *Порт-букет* — миниатюрный футляр для цветов; здесь: украшение.

209 *Эскулап* — в древнеримской мифологии бог врачевания.

210 *Оптиматы* (от лат. *optimus* — превосходный) — консервативно-аристократическая партия последних времен Римской республики, исчезнувшая (133 до н. э.) в результате борьбы с прогрессистами; зажиточная аристократия.

211 *Кит Китычи и Пуд Пудычи* — купец Тит Титыч Брусков, персонаж комедии А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье» (1856), получает прозвище Кит Китыч. По той же модели создан иносказательный Пуд Пудыч.

212 *Дядюшка Яков* — персонаж одноименного стихотворения Н. А. Некрасова (1867).

213 *Симонович И. Я.* — врач Елисаветградской городской больницы.

214 *Альбион* — древнее название Британских островов.

215 *Цицерон Марк Туллий* (106 – 43 до н. э.) — древнеримский политик, философ и оратор; *Катилина* (ок. 108 – 62 до н. э.) — римский претор (68 до н. э.), пытался захватить власть (66 – 63 до н. э.), но заговор был раскрыт Цицероном.

216 *Савина* — см.: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 1. С. 774. Примеч. к с. 370.

217 *Карабчевский Николай Платонович* (1851 – 1925) — известный адвокат, писатель и общественный деятель.

218 *...того бала... вовсе не было* — по слухам, в ночь с 26 на 27.01.1904, когда японцы провели первую атаку на рус. эскадру, основной состав офицеров флота Тихого океана находился на балу по случаю именин супруги командующего эскадрой адмирала О. В. Старка (см. примеч. 320).

219 *Белинского и Гоголя <...> С базара понесет* — неточная цитата из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1866 – 1876).

220 *Сознание добра и зла, говорит Л. Толстой...* — см. статью Л. Н. Толстого «О народном образовании» (1874): «Мы убеждены, что сознание добра и зла, независимо от воли человека, лежит во всем человечестве и развивается бессознательно вместе с историей, что молодому поколению так же невозможно привить образованием нашего сознания, как невозможно лишать его этого нашего сознания и той ступени высшего сознания, на которую возведет его следующий шаг истории» торую возведет его следующий шаг истории» (см.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М.: Гослитиздат, 1936. Т. 8. С. 24).

221 «Юрист» — еженедельное издание, знакомившее широкие слои населения с основными положениями права (СПб.; 1902 – 1905); Николай Петрович Дружинин был постоянным автором журнала.

222 *Баян* — легендарный древнерус. певец-сказитель.

223 *Орленев* — см.: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 2. С. 741, примеч. к с. 314.

224 *М. Г. Савина* — см.: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 1. С. 774.

225 *Флорин Иван Моисеевич* — городской голова г. Бобринца, волостно-го центра Елисаветградского уезда.

226 *Пашутин Александр Николаевич* (1846 – 1905) — городской голова Елисаветграда (1878 – 1905).

227 *Коцебу Павел Евстафьевич* (1801 – 1884), граф — рос. военный и гос. деятель.

228 *Мурза* — аристократический титул в некоторых тюркских гос-вах. В России татарские мурзы во времена правления Екатерины II были уравнены в правах с дворянами.

229 *Вакуфный капитал* (от араб. вакф — остановка, удержание) — в мусульманском праве капиталы, переданные на религиозные или благотворительные цели.

230 «Биржевые ведомости» — см. примеч. 207.

231 *...назло нагменному соседу* — из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833).

232 *Ингул* — река, впадающая в Бугский лиман Черного моря.

233 *Студенты-лигисты* — члены Кружка (или Лиги) монархически

настроенных рус. студентов (впоследствии — Союз рус. студентов); в Одессе были две организации студентов-лигистов: «Единение — сила» и «Рассвет».

234 Речь идет о московском театре «Аквариум», на сцене которого многие годы шла оперетта С. Джонса «Гейша».

235 *Нейгарт* — см.: ВЗЖ. Т. 3. С. 743. Примеч. XLVIII.

236 *Хакотаге* — город на юго-зап. оконечности острова Хоккайдо.

237 *Алексеев Евгений Иванович* (1843 — 1918) — военный и военно-морской деятель, адмирал (1903), главный начальник и командующий войсками Квантунской обл. и Тихоокеанской флотилией (1899 — 1903), царский наместник на Д. Востоке (1903 — 1905), член Гос. совета (1905).

238 «*на бой, на бой за честь России*» — реплика Евгения Базарова, героя романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (гл. XXI).

239 «Нововременские» взгляды — от названия праворадикальной газеты «Новое время» (1868 — 1917; издатель А. С. Суворин); «комаровские» — по имени полковника В. В. Комарова (1838 — 1907), одного из учредителей националистического Рус. собрания, редактора еженедельной газеты «Свет» (1882 — 1917) и ряда других патриотических изданий.

240 *...взятие Плевны, стоившее сотни тысяч жизней...* — речь идет об одном эпизоде русско-турецкой войны (1877 — 1878), когда рус. армия при поддержке румын взяла тур. крепость Плевну (ныне на территории Болгарии).

241 19 февраля — день отмены крепостного права в России (1861).

242 *Деревицкий Алексей Николаевич* (1859 — 1943) — специалист по греч. словесности; декан истор. факультета (с 1893), затем ректор Новороссийского университета в Одессе (1903 — 1905).

243 *Нейгарт* — см. ВЗЖ. Т. 3. С. 743. Примеч. XLVIII.

244 *Федоров* — см. ВЗЖ. Т. 2. Кн. 1. С. 782. Примеч. к с. 461.

245 *Гесберг Александр Дмитриевич*, фон (1861 — 1915) — помощник начальника Одесского жандармского управления.

246 *...данный обществу в Вольтеры...* — ироническая аллюзия на реплику полковника Скалозуба из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «Я князь-Григорию и вам / Фельдфебеля в Вольтеры дам. / Он в три шеренги вас построит, / А пикнете, так мигом успокоит» (д. 2, явл. 5).

247 *...спор пушек с парусами...* — намек на басню И. А. Крылова «Пушки и Паруса» (1829).

248 *Головин Николай Степанович* (1867 — ?) — жандармский офицер, прикомандированный к Одесскому жандармскому управлению (1900); позднее был полицмейстером Одессы.

249 *Кайгородов Дмитрий Никифорович* (1846 — 1924) — естествоиспытатель, популяризатор естествознания, профессор Петербургского лесного института. Публиковал (с 1888) обзоры жизни природы и бюллетени по временам года в «Новом времени» и «Правительственном вестнике».

250 *Брандуша* (брандушка) — цветок из семейства лилейных, начинающий цвести ранней весной; *шафран* — род растений из семейства ирисовых.

251 «Охотничий вестник» — по всей видимости, имеется в виду «Охотничья газета» (М., 1888 — 1912; редактор-издатель Н. В. Туркин).

252 *„Превосходный художественный ямб* — строфа написана четырехстопным хореем.

253 «Северный дачный листок» — журнал, выходил 1 — 2 раза в неделю (СПб., 1904; редактор-издатель В. Р. Мусселиус).

254 *Ярила* (Ярило) — персонаж вост.-славянской мифологии, связан с идеей плодородия: в рус. деревнях наступление весны приветствовали похоронами чучела Ярилы.

255 «*Дзи-гзи*» — автор стилизует название несуществующей газеты под «японскую» речь.

256 «*Восточное обозрение*» — полит. и лит. газета (Иркутск; 1882 — 1906; редакторы И. И. Попов, И. С. Фатеев).

257 *Куяльник* — грязевой курорт неподалеку от Одессы на правом берегу Куяльницкого лимана.

258 «*Новое время*» — см.: ВЗЖ. Т. 3. С. 744. Примеч. LIV.

259 *Пересыпь* — район Одессы на косе, отделяющей Хаджибеевский и Куяльницкий лиманы от Черного моря.

260 *Курдюмов Е. Д.* — известный курортолог.

261 *Шершеневич Габриэль Феликсович* (1863 — 1912) — юрист, обществ. деятель, профессор права Казанского и Московского университетов, депутат I Гос. думы; отец поэта-имажиниста Вадима Шершеневича.

262 *Иванов Иван Иванович* (1862 — 1929) — лит. и театр. критик, историк литературы и обществ. мысли.

263 *Вейнберг* — см.: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 1. С. 792. Примеч. к с. 606.

264 *Губ(б)ер В. К.* — действительный статский советник; был 3-м председателем Елисаветградского окружного суда.

265 *Ни вкуса нашего не радует, ни глаз* — не совсем точная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Он был рожден для счастья, для надежд...» (1832).

266 «*Макар Чудра*» — первый рассказ М. Горького, напечатанный в тифлической газете «Кавказ» (12 сент. 1892).

267 *Сенкевич Генрих* (1846 — 1916) — выдающийся польский писатель, лауреат Нобелевской премии (1905).

268 *Перикл* (ок. 490 — 429 до н. э) — афинский гос. деятель, с правлением которого связан период расцвета демократии, литературы и искусства. Вскоре после смерти Перикла его вдова Аспазия вышла замуж за «торговца овцами» Лисикла.

269 Перечислены выдающиеся европейские поэты: поляки Адам Мицкевич (1798 — 1855) и Юлиуш Словацкий (1809 — 1849), француз Альфред де Мюссе (1810 — 1857), немец Генрих Гейне (1797 — 1856).

270 *Оффенбах Жак* (наст. имя и фам. Якоб Эбершт; 1819 — 1880) — родившийся в Германии франц. композитор, дирижер, виолончелист, автор многочисленных музыкальных буффонад.

271 Цитата из стихотворения Г. Гейне «Die Rose, die Lilie, die Taube, die Sonne» («Роза, лилия, голубка, солнце»), входящего в цикл «Лирическое интермеццо» (1822 – 1823): «Лилею, розой, голубкой, денницей / Когда-то и я восторгался сторицей. / Теперь я забыл их, пленяся одною / Младую, родною, живою душою. / Она всей любви и желаний царица, / Мне роза, лилея, голубка, денница» (пер. А. Фета).

272 *Лаура* (1308 – 1348) — возлюбленная Франческо Петрарки (1304 – 1374), воспетая в его сонетах.

273 *Тибулл Альбий* (ок. 50 – 19 до н. э.) — древнеримский поэт.

274 «*Книга песен*» — первый сборник стихотворений Гейне (полное издание 1827).

275 *...начинают с погоды* — возможно, имеется в виду сцена Насти и Бакушина из комедии А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (Д. II, явл. 6).

276 *Случановский Петр Николаевич* (? – 1904) — армейский капитан, участник русско-японской войны; умер от ран, полученных под Ляояном.

277 *Эпизоотия* — эпидемия инфекционной болезни у животных.

278 *Смерть жатву жизни косит* — из одноименного стихотворения П. А. Вяземского (1840).

279 *...тьма идет к концу* — из стихотворения А. Н. Майкова «Картинка (После манифеста 19 февр. 1861 г.)» (28.02.1861).

280 «*Правительственный вестник*» — см.: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 2. С. 762. Примеч. к с. 703.

281 *Юрьев* — преж. назв. г. Тарту (Эстония).

282 *Остзейский край* — Прибалтийский край.

283 *Карнеги Эндрю* (1835 – 1919) — амер. предприниматель, один из богатейших людей мира, жертвовал огромные суммы на благотворительные нужды.

284 *Овидий Публий Назон* (43 до н. э. — 17 или 18 н. э.) — древнеримский поэт, автор поэмы «Метаморфозы», повествующей о разнообразных превращениях в греч. и римских мифах.

285 *...Так кончился пир наш бедою* — заключительные строки сатирического стихотворения В. А. Жуковского «Война мышей и лягушек» (1831).

286 *Ковно* — преж. назв. г. Каунаса.

287 *Смайлс Сэмюэл* (1812 – 1904) — шотл. писатель-моралист.

288 «*Самодетельность*» — рус. перевод названия одной из главных книг С. Смайлса «Self-help»; была популярна в России, где выдержала 10 изданий (1866 – 1903).

289 *Свечной сбор* — сбор с «шабатных» (субботних) свечей, который взимался для покрытия общинных расходов.

290 «*Стуколка*», «*око*» — карточные игры.

291 *Коробочный сбор* — внутриобщинный налог, гл. обр. на кошерное мясо.

292 *Ремиз* — недобор взяток в карточной игре.

²⁹³ «Санкт-Петербургские ведомости» — одна из старейших рос. газет (1728 — 1917).

²⁹⁴ «Знамя» — см.: ВЗЖ. Т. 3. С. 744. Примеч. LIV.

²⁹⁵ *Плеве Вячеслав Константинович* — см.: ВЗЖ. Т. 3. С. 741. Примеч. XII.

²⁹⁶ *Урусов Сергей Дмитриевич* (1862 — 1937) — полит. и гос. деятель; в описываемое время губернатор Бессарабии, впоследствии товарищ министра внутренних дел, депутат 1-й Гос. думы.

²⁹⁷ *Пронин Георгий Алексеевич* — предприниматель, один из лидеров кишиневских антисемитских кругов; издатель националистических газет «Колокол» (1906), «За народ» (1906 — 1907), «Голос родины» (1914).

²⁹⁸ «Бессарабец» — ежедневная монархическая праворадикальная газета; редактор-издатель П. В. Дическул (Кишинев; 1897 — 1906).

²⁹⁹ *Нейдгарт* — см.: ВЗЖ. Т. 4. Кн. 1. С. 470. Примеч. к с. 444.

³⁰⁰ *Жомини да Жомини, а об водке ни полслова* — цитата из стихотворения Д. В. Давыдова (см. примеч. 198) «Песня старого гусара» (1819). Антуан Анри Жомини (1779 — 1869) — швейцарец, состоявший на рус. военной службе в чине генерала от инфантерии, известен как военный историк и теоретик-баталист, автор многоотомного труда «Рассуждение о великих военных действиях, или Критическое и сравнительное описание походов Фридриха и Наполеона» (1809 — 1817). Смысл иронического четверостишия Давыдова — прекратить «умные» разговоры и приступить к застолью.

³⁰¹ *Чемульпо* — корейский порт, при выходе из которого рус. крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец» приняли неравный бой с яп. эскадрой. Понеся тяжелые потери, моряки взорвали канонерку и затопили крейсер, чтобы не достались противнику (27.01.1904).

³⁰² «Петропавловск» — эскадренный броненосец, флагман рус. Тихоокеанской эскадры, подорвался на mine (31.03.1904); среди погибших были вице-адмирал С. О. Макаров и худ. В. В. Верещагин.

³⁰³ *Навроцкий Василий Васильевич* (1851 — 1911) — редактор-издатель газеты «Одесский листок» и гласный Одесской думы.

³⁰⁴ *Гербель Сергей Николаевич* (1856 — ?) — гос. деятель, гофмейстер (1909); председатель Херсонской губернской земской управы (1900), харьковский вице-губернатор (1902) и губернатор (1903 — 1904), начальник управления местного хозяйства МВД (1904 — 1912), член Гос. совета. В годы Первой мировой войны — главноуполномоченный по снабжению продовольствием рус. армии.

³⁰⁵ *Земство* — см. примеч. 146.

³⁰⁶ *Оболенский Иван Михайлович* (1853 — 1910) — кн., гос. и воен. деятель, шталмейстер двора его императорского величества (1901); занимал пост херсонского (1897 — 1901), затем харьковского губернатора.

³⁰⁷ «Русская правда» — здесь: ежедневная обществ.-полит. и лит. иллюстрир. газета; выходила (апр. 1904 — янв. 1905) в Москве, редактор-издатель М. М. Гаккебуш.

308 *...права юридическая* — речь идет о разработанной П. И. Пестелем гос. конституции «Русская правда» (1824), которая, по замыслу декабристов, должна была прийти на смену законам рос. самодержавия.

309 Перечислены крупнейшие периодические издания того времени, выходившие в Москве: журналы «Русская мысль» (1880 — 1918) и «Русский архив» (1863 — 1917), газеты «Русское слово» (1894 — 1918) и «Русские ведомости» (1863 — 1918).

310 «Русский вестник» — журнал, выходил в Москве (1808 — 1824); затем в Петербурге (1841 — 1844); с 1856 г. вернулся в Москву; в 1887 — 1906 гг. печатался попеременно в Москве и Петербурге.

311 «Русские новости» — название вымышленное, такой газеты не было.

312 «Елисаветградских» — имеется в виду газета «Елисаветградские новости» (1903 — 1908; редактор-издатель В. С. Лапидус).

313 «Северный край» — газета, выходившая в Ярославле (1898 — 1905; редактор В. М. Михеев).

314 «Крымский курьер» — газета, выходившая в Ялте (1893 — 1907; редактор-издатель Н. Р. Лупандин).

315 «Волгарь» — газета, выходившая в Нижнем Новгороде (1875 — 1918; редактор-издатель С. Жуков).

316 Комитет для оказания содействия молодым людям в достижении нравственного и физического развития в Санкт-Петербурге, или общество «Маяк» — предтеча современной YMCA (Young Men's Christian Association), основано (1900) американцем Джеймсом Стоксом, пожертвовавшим для этой цели 50 тыс. руб. Устав «Маяка» был утвержден в 1903 г.

317 *Одесский Финн* — должно быть, имеется в виду Аксель Карлович Гермониус (1860 — 1912), который печатался в одесских изданиях под псевдонимом Финн.

318 *Веселися, храбрый Росс!* — вторая строка стихотворения Г. Р. Державина «Гром победы, раздавайся», написанного на взятие Суворовым тур. крепости Измаил (1790).

319 *Переход японцев через Ялу... оставление Фын-Хуан-Чена...* — автор перечисляет неудачи рус. армии, приведшие к разворачиванию яп. наступления в Маньчжурии и блокаде Порт-Артура. Ялу (Ялуцзян) — река, на которой произошло первое в ходе русско-японской войны сражение на суше (18 апр. 1904); рус. войска отступили, их потери составили 2200 убитых и раненых, 530 пленных, а также 21 орудие и все пулеметы. Далее последовала высадка яп. войск на полуострове Ляоян и отступление рус. из г. Фын-Хуан-Чена.

320 *Старк Оскар Викторович* (1846 — 1928) — вице-адмирал, начальник Тихоокеанской эскадры (с 1902); временно исполнял должность командующего Тихоокеанским флотом (7 — 24 февр. 1904), сдал командование. Умер в эмиграции в Финляндии. Его именем назван пролив Старка, разделяющий острова Русский и Попова.

321 *Макаров Степан Осипович* (1848 — 1904) — флотоводец, океанограф; вице-адмирал (с 1896); с началом русско-японской войны был назначен ко-

мандающим Тихоокеанским флотом (1904). Погиб на броненосце «Петропавловск», который подорвался на mine.

322 *Ухтомский Павел Петрович* (1848 – 1910) — кн., вице-адмирал. После гибели С. О. Макарова 4 дня исполнял должность командующего флотом.

323 *Витгефт Вильгельм Карлович* (1847 – 1904) — контр-адмирал, начальник штаба командующего флотом Тихого океана (с 1903), затем и. о. старшего флагмана и командующего 1-й Тихоокеанской эскадрой. Погиб при попытке прорыва эскадры из Порт-Артура во Владивосток (28.06.1904).

324 *Безобразов Петр Алексеевич* (1845 – 1906) — вице-адмирал, был назначен командующим 1-й Тихоокеанской эскадрой, но не попал на театр военных действий из-за блокады Порт-Артура.

325 *Стессель Анатолий Михайлович* (1848 – 1915) — генерал, в начале русско-японской войны был назначен комендантом крепости Порт-Артур; спустя несколько дней (02 янв. 1904) эту должность занял генерал К. Смирнов (не Сахаров!), а Стессель «временно» исполнил обязанности начальника Артур-Цзиньчжоуского района с подчинением ему коменданта Порт-Артурской крепости. Стессель стал одним из символов военной бездарности, приведшей к падению крепости и поражению рус. армии в целом.

326 *Сахаров Владимир Викторович* (1853 – 1920) — генерал; участник, русско-японской и Первой мировой войн; во время русско-японской войны был начальником штаба главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами (окт. 1904 – март 1905). В Первую мировую вступил командиром корпуса; командовал армией (с окт. 1915). Позднее был отстранен от командования (апр. 1917). Расстрелян «зелеными» в Крыму.

327 *Засулич Михаил Иванович* (1843 – 1910) — генерал; незадолго до начала русско-японской войны командовал 2-м Сибирским корпусом, участвовавшим в боевых действиях. Крайне неумело проявил себя в первом сухопутном сражении русско-японской войны на реке Ялу (см. примеч. 319). Столь же малоэффективной была его служба и в дальнейшем.

328 *Куропаткин* — см. примеч. 200.

329 *Ялу* — см. примеч. 319.

330 *Мылов (Сапонджян) Сергей Николаевич* (1842 – ?) — генерал от инфантерии; во время русско-японской войны командовал корпусом.

331 *Микадо* — титул яп. императора.

332 *Того Хэйхатиро* (1848 – 1934) — яп. военно-морской деятель, адмирал и маршал Яп. империи (1913), командующий морским флотом Японии в русско-японской войне.

333 *«Ретвизан»* — эскадренный броненосец рус. флота, участвовал в русско-японской войне и в ходе боя был полузатоплен (нояб. 1904). После падения Порт-Артура достался японцам, был восстановлен и переименован в «Хидзэн».

334 *«Водевиль есть вещь, а прочее все — гиль»* — реплика Репетилова, персонажа комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. IV, явл. 6).

335 *Александрийская библиотека* — одно из крупнейших книгохранилищ древности, основана в г. Александрии (Египет) во время правления Птоле-

мея II Филадельфа (нач. III в. до н. э.). Уцелевшие в результате исторического катаклизма рукописные книги были уничтожены в VII—VIII вв. при господстве арабов-мусульман: по преданию, халиф Омар ибн Хаттаб распорядился их сжечь, сказав свою знаменитую фразу: «Если в этих книгах говорится то, что есть в Коране, они бесполезны. Если же в них говорится что-то другое, они вредны. Поэтому и в том и в другом случае их надо сжечь».

336 «*Чина, звания не пощадят*» — не совсем точная реплика Городничего в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (д. V, явл. 8).

337 «*Московские ведомости*» (1756—1917) и «*Свет*» — речь идет о праворадикальных газетах монархического и националистического толка (редактор И. А. Баженов).

338 *Меньшиков* — см. ВЗЖ. Т. 2. Кн. 2. С. 741. Примеч. к с. 320.

339 *Меламед* (ивр., *идиш*) — учитель в хедере; *шамес* (ивр.) — человек, отвечающий за административную или хозяйственную деятельность си-нагоги.

340 Перечислены духовные вожди современного автору еврейства: *Герцль*, *Пинскер*, *Лиленблюм* (см.: ВЗЖ. Т. 3. С. 772—773. Примеч. к с. 253 и 259 соответственно); *Ахаг-Гаам* (Там же. С. 777. Примеч. к с. 372); *Менделе Мойхер-Сфорим* (Менделе книгоноша, наст. имя и фам. Шалом Яков Бройде; по паспорту Абрамович; 1835—1917) — писатель, основоположник ивр. классической литературы; *Дубнов Семен* (Шимон) *Маркович* (1860—1941) — ивр. историк, публицист и обществ. деятель.

341 «*Варшавский курьер*» («*Kurier Warszawski*») — популярная польская газета (1873—1939); «*Новое время*», «*Знамя*» — см.: ВЗЖ. Т. 3. С. 744. Примеч. LIV); «*Петербургская газета*» — полит. и лит. газета (1867—1918).

342 *Крушеван* — см.: ВЗЖ. Т. 3. С. 773. Примеч. к с. 259.

343 *Талмуг-тора* — религиозная школа, готовящая мальчиков из малообеспеченных семей к поступлению в высшую школу изучения еврейского религиозного права (галахи); *хедер* — начальная религиозная школа (ивр.).

344 «*плач на реках Вавилонских!*» — аллюзия на псалом, описывающий вавилонское пленение: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» (Пс. 136: 1).

345 *ИКА* — см. ВЗЖ. Т. 4. Кн. 1. С. 449. Примеч. к с. 67.

346 *Ротшильд Ханна* (в замужестве Розбери; 1851—1890) — англ. обществ. деятельница и благотворительница, дочь барона Мейера Ротшильда; выйдя замуж за известного полит. деятеля (в будущем премьер-министра Англии) Арчибалда Розбери, осталась верна еврейству.

347 *Нейграфт* — см. ВЗЖ. Т. 4. Кн. 1. С. 470. Примеч. к с. 444.

348 *Депп Николай Александрович* (1837—1904) — военный инженер, генерал-лейтенант, начальник инженеров Одесского военного округа (с 1894).

349 *Прейгер Шлойме-Золман* (*Зельман*) — кишиневский раввин.

350 *Мамона* — в Новом Завете олицетворение духа торгашества, неправедного богатства.

351 *Нейграфт* — см. ВЗЖ. Т. 4. Кн. 1. С. 470. Примеч. к с. 444.

352 *Генерал Полетаев* — возможно, имеется в виду помощник прокурора военно-окружного суда Евгений Александрович Полетаев.

353 *Зеленый* — см.: ВЗЖ. Т. 3. С. 742. Примеч. XXVII. *Климович* — член одесской городской управы, затем директор одесского банка.

354 *Леянов Павел Иванович* (1850 — 1932) — купец, действительный статский советник, петербургский городской голова (1897 — 1905).

355 *Плоцк* — до назначения на пост Одесского градоначальника (в сент. 1903) Д. Б. Нейгарт в течение года был губернатором Плоцка (город в царстве Польском).

356 «*Ведомости градоначальства*» — имеется в виду газета «Ведомости Одесского градоначальства» (1868 — 1917).

357 *Мымрецов* — выведенный в рассказе Г. И. Успенского «Будка» (1868) городской Мымрецов — воплощение невежественного служаки, который следует двум правилам: «тащить» и «не пуцать».

358 *Перелешин Владимир Платонович* — начальник Одесского порта, генерал-майор.

359 *Гербель* — см. о нем примеч. 188. Гербель был назначен начальником главного управления местного хозяйства МВД по предложению В. К. Плеве, стремившегося улучшить отношения администрации с земскими кругами.

360 *Плеве* — см.: ВЗЖ. Т. 3. С. 741. Примеч. XII.

361 *Земство* — см. примеч. 146.

362 *Государственный совет* — высший законосовещательный орган Российской империи (1810 — 1906) и верхняя палата законодательного учреждения (1906 — 1917).

363 *Рено Михаил Александрович* — барон; штабс-капитан в отставке, крупный землевладелец, предводитель дворянства Одесского уезда.

364 Пироговские съезды начали собираться в Петербурге и в Москве под патронажем «Общества рус. врачей в память Н. И. Пирогова» (Пироговское общество; организовано в 1883). В 1885 — 1913 гг. прошло 12 таких съездов.

365 «*Числом поболее, ценою подешевле*» — реплика Чацкого из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. I, явл. 7).

366 *Махайский Ян-Вацлав Константинович* (1866/1867) — польский анархист, теоретик «махаевщины», суть которой заключается в представлении «образованного общества» в виде главного эксплуататора и угнетателя рабочих.

367 *Иглицкий Михаил Моисеевич* (1868 — 1912) — педагог, кандидат математических наук; директор Одесской городской еврейской гимназии; покончил жизнь самоубийством, застрелившись на могиле сына. Вместе с И. Р. Рапопортом организовал в Одессе вечерние курсы для взрослых.

368 *Баяр* — Пьер Террайль де Баярд (1473 — 1524) — франц. рыцарь и полководец, прозванный «рыцарем без страха и упрека».

369 *...одна талмуд-тора — хасидская, а другая — миснагидская* — характер обучения в этих заведениях различается в зависимости от того,

принадлежит ли община хасидам, строго соблюдающим все религиозные и этические предписания иудаизма, или противникам хасидизма митнагедам (миснагдим), для которых характерно полемическое отношение к раввинистическому диктату.

370 *и в рубище почтенна добродетель* — слова Кулигина, одного из персонажей драмы А. Н. Островского «Гроза» (1859).

371 *Меламед* — см. примеч. 339.

372 [Отсюда] *хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь* — реплика Городничего из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (д. I, явл. 1).

373 *Амос Федорович Ляпкин-Тяпкин* — персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»; выдвигая свое объяснение тайного посещения города ревизором, он говорит: «Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены» (д. I, явл. 1).

374 *...завиральные идеи эти брось!..* — реплика Фамусова из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. II, явл. 3).

375 *Брут Марк Юний Цепион* (85 – 42 до н. э.) — римский сенатор; в историю вошел как убийца Цезаря.

376 *...Пустое: Коль выгонят в окно — так я влечу в грубое!* — из басни И. А. Крылова «Муха и пчела».

377 *«С[еверо]-З[ападный] край»* — ежедневная газета, издававшаяся со 2 апр. 1886 по 8 дек. 1905 г. (Минск; редакторы М. П. Мысавский, И. П. Фотинский).

378 *Петр Амьенский, или Петр Пустынник* (Heremita) (1050 – 1115) — монах-аскет, которому приписывалась инициатива и организация Первого крестового похода.

379 *...об убийстве Плеве* — Плеве был убит 15 июля 1904 г. террористом Е. Созоновым, метнувшим бомбу в его карету.

380 *Сипягин Дмитрий Сергеевич* (1853 – 1902) — предшественник Плеве, министр внутренних дел (1900 – 1902); жестоко подавлял революционное движение, проводил политику русификации Финляндии. Убит студентом-эсером Степаном Балмашевым (15.04.1902).

381 *Валь Виктор Вильгельмович* (1840 – 1915) — рос. гос. деятель и военачальник, генерал от кавалерии, член Гос. совета, с 1892 по 1895 градоначальник Санкт-Петербурга (1892 – 1895).

382 *Нейгарт* — см.: ВЗЖ. Т. 4. Кн. 1. С. 470. Примеч. к с. 444.

383 *«На смерть особы»* (1857) — стихотворение Н. А. Добролюбова, в котором говорится о водружении знамени новой жизни на горах трупов.

384 *Шувалов* — см.: ВЗЖ. Т. 3. С. 742. Примеч. XX.

385 *Старков Владимир Петрович* — помощник одесского градоначальника, тайный советник.

386 *Ликуй же, смерть, в стране унылой, / Все в ней отжившее рази!..* — из упоминавшегося (см. примеч. 383) стихотворения «На смерть особы»; у Добролюбова «пируй», а не «ликуй».

387 *Вильбушевич Маня* (Мария Вульфовна, по мужу Шохат; 1879–1961) — деятель евр. рабочего движения в России (бундовка, впоследствии — сионистка); была арестована по делу о минской подпольной типографии (1900), в ходе допросов, которые вел начальник охранного отделения С. В. Зубатов, познакомилась с его планом санкционированного властями легального рабочего движения и некоторое время пропагандировала эту идею.

388 *Лев Александрович Тихомиров* (1852–1923) — рос. обществ. деятель, в молодости — народоволец; в эмиграции издавал вместе с П. А. Лавровым «Вестник народной воли»; в 1888 г. отрекся от революционных убеждений, после помилования вернулся в Россию и превратился в монархиста.

389 *Цакни Николай Петрович* (1851–1904) — участник народнического движения, проживший ряд лет в эмиграции во Франции; владелец и фактический редактор полит., науч., лит., торгово-промышленной и финансовой газеты «Южное обозрение» (1896–1906); отец первой жены И. А. Бунина А. Н. Цакни.

390 *Плаксин С.* — старший инспектор Одессы по делам печати (надзор за типографиями, литографиями, книжной торговлей и пр.).

391 *там, где не метишь* — аллюзия на слова Молчалина из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. III, явл. 3): «...частенько там / Мы покровительство находим, где не метим».

392 *Долгоруков Петр Дмитриевич* (1866–1951) — кн., рос. полит. деятель, член I Гос. думы.

393 *Кашталинский Николай Александрович* (1849–1917) — генерал, участник русско-японской войны.

394 *Щербаковский Степан Васильевич* (о. Стефан) (1874–1918) — священник 11-го Вост.-Сиб. стрелкового полка; в битве при Тюренчене (1904), когда офицеры были убиты, возглавил прорыв из окружения. Впоследствии расстрелян Одесской ЧК.

395 *Студенты-лигисты* — см. примеч. 233.

396 «*Бедный, запутанный молодой человек*» — речь идет о памфлете Л. Н. Толстого «Одумайтесь!», в котором он писал о Николае II: «И несчастный, запутанный молодой человек, признаваемый руководителем 130-миллионного народа, постоянно обманываемый и поставленный в необходимость противоречить самому себе, — верить, и благодарить, и благословлять на убийство войско, которое он называет своим, для защиты земель, которые он еще с меньшим правом может называть своими» (*Толстой Л. Н. «Одумайтесь!»*: Статьи по поводу русско-японской войны. Berlin: Изд-во J. Ladyschnikow, 1904. С. 10).

397 «*рече и быша*» (церковнослав. сказал и сделалось) — цитата из Пс. 32: 9 («Ибо Он <Господь> сказал — и сделалось; Он повелел — и явилось»).

398 *Запасные* — солдаты формирующихся запасных воинских частей для отправки на русско-японскую войну.

399 *Циклодром* — велодром, место, где проводят велосипедные гонки.

400 *Монополька* — см. примеч. 201.

401 *«Вестник Европы»* (1802–1918) — старейший рус. журнал, основанный в Москве Н. М. Карамзиным как двухнедельник и просуществовавший до 1830 г. После большого перерыва был возобновлен М. М. Стасюлевичем в Петербурге и выходил ежеквартально (1866–1867), затем ежемесячно.

402 *Ляоянское сражение* (11.08–3.09.1904) — яп. командование предусматривало в районе г. Ляоян (Сев.-Вост. Китай) массированное наступление с обходом флангов рус. армии, которой командовал генерал А. Н. Куропаткин. В результате кровопролитных боев и многочисленных ошибок рус. армия отступила к Муқдену. Яп. войска понесли сильнейшие потери, но достигли оперативного успеха.

403 *Тайдзыхе* — речь идет о переправе рус. армии через Тайдзыхе (река в Маньчжурии) при отступлении после кровопролитного сражения на р. Шахе (27.09–3.10.1904).

404 *Сеган* — город во Франции (департамент Арденны), расположенный на реке Маас близ границы с Бельгией. Во время франко-прусской войны под Седаном произошло сражение (2 сент. 1870), в ходе которого был пленен франц. император Наполеон III; здесь в нарицательном смысле: гибельное сражение.

405 *Оку, Ногзу, Ноги, Куроки* — комическое обыгрывание имен яп. генералов, командующих армиями: Ясуката Оку, Митицура Нодзу, Марезуке Китен Ноги и Тамэмото Куроки.

406 *Верещагин Василий Васильевич* (1842–1904) — известный худ.-баталист и литератор, отправившийся на русско-японскую войну; погиб в сражении при Порт-Артуре (см. примеч. 302).

407 *Радецкий Федор Федорович* (1820–1890) — рус. военачальник. Командуя во время русско-турецкой войны (1877–1878) Южным отрядом, охранявшим перевалы через Балканы, в том числе и Шипку, регулярно доносил в столицу о том, что «на Шипке все спокойно», хотя в это время рус. солдаты, измученные и плохо экипированные, замерзали в снегу, находясь под постоянным обстрелом турок. В. В. Верещагин в своем триптихе «На Шипке все спокойно» в ироническо-драм. манере иллюстрировал официозные реплики генерала, далекие от реального положения дел: на первом полотне — часовой, забытый воинским начальством, стоит по колени в снегу, на втором — он засыпан снегом по грудь, на третьем — огромный сугроб на месте солдата.

408 *новый министр внутренних дел* — имеется в виду генерал Петр Дмитриевич Святополк-Мирский (1857–1914), сменивший 26.08.1904 на посту министра внутренних дел убитого В. К. Плеве (см.: ВЗЖ. Т. 3. С. 741. Примеч. XII). 18.01.1905 в результате начавшихся массовых беспорядков подал прошение об отставке.

409 *Лопухин Алексей Александрович* (1864–1928) — судебный деятель, в 1902–1905 гг. возглавлял департамента полиции.

410 Имеется в виду В. К. Плеве (см.: ВЗЖ. Т. 3. С. 741. Примеч. XII).

411 *Витте Сергей Юльевич* (1849–1915) — граф; рос. гос. деятель, министр финансов (1892–1903), премьер-министр (1905–1906).

412 Перечислены ближайшие сотрудники Плеве по министерству внутренних дел: товарищ (заместитель) министра, действительный тайный советник Николай Алексеевич Зиновьев (1839 — 1917); обер-камергер (с 1916) Борис Владимирович Штюрмер (1848 — 1917), директор департамента общих дел (1902 — 1904), в будущем — премьер-министр (январь 1916), одновременно министр внутренних дел и главноначальствующий Отдельным корпусом жандармов (март — июль 1916), министр иностр. дел (июль — ноябрь 1916); по всей видимости, имеется в виду Иван Михайлович Оболенский (1853 — 1910) — кн., был херсонским (с 1897), затем харьковским (с 1902) губернатором; на него совершил неудачное покушение член боевой организации эсеров Ф. Качура (29.07.1902); вскоре был отстранен от должности губернатора и причислен к министерству внутренних дел (31.03.1903).

413 *Мещерский Владимир Петрович* (1839 — 1914) — кн., писатель и публицист праворадикального толка, издатель газеты «Гражданин» (1872 — 1914), отражавшей настроения придворных кругов и других антилиберальных изданий.

414 *Орден Св. апостола Андрея Первозванного* — первый по времени рос. орден (учрежден Петром I в 1698), высшая награда Российской империи до 1917 г.

415 *Вильгельм* — см.: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 2. С. 762. Примеч. к с. 709.

416 *Бисмарк Отто* (1815 — 1898) — кн., нем. полит. и гос. деятель, первый канцлер Герман. империи (Второго рейха); после того как 15 июня 1888 г. императорский трон занял молодой Вильгельм II, не желавший находиться в тени своего всемогущего канцлера, 75-летний Бисмарк подал в отставку (20 марта 1890).

417 *Созонов (Сазонов) Егор Сергеевич* (1879 — 1910) — революционер-террорист, член партии эсеров, убивший В. К. Плеве. После совершения теракта Созонов был судим, лишен всех прав и приговорен к пожизненному лишению свободы: первоначально содержался в Шлиссельбургской крепости, потом был переведен в Бутырскую тюрьму, откуда отправлен на Нерчинские рудники. Покончил жизнь самоубийством в Зерентуйской каторжной тюрьме.

418 «*Волга впадает в Каспийское море, а лошади кушают овес и сено...*» — не совсем точная цитата из рассказа А. П. Чехова «Учитель словесности» (1894).

419 *Человек в футляре* — т. е. отстранившийся от внешней жизни; выражение вошло в оборот после рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре» (1898). *Так-то оно так, но я все-таки должен доложить, кому следует* — неточная цитата из того же рассказа.

420 *Не за зеленым полем* — иносказательно: не за карточным столом.

421 *Земство* — см. примеч. 146.

422 *Адъютант при Куропаткине* — барон А. Р. Кнорринг (1862 — 1918); Куропаткин — см. примеч. 200.

423 *Глазов Владимир Гаврилович* (1848 — 1920) — гос. деятель, генерал от инфантерии. 10 апр. 1904 г. назначен министром народного просвещения, в окт. 1905 г. в связи с начавшейся революцией освобожден

от должности министра и назначен помощником командующего войсками Моск. военного округа, а затем командира 17-го армейского корпуса.

424 *Мещерский* — см. примеч. 413.

425 «*Русские ведомости*» — см. примеч. 143.

426 *Вандервельде Эмиль* (1866 — 1938) — бельг. социалист.

427 *Вуст Чарльз* (1837 — 1922) — бельг. полит. деятель, член бельг. парламента, основатель и руководитель катол. партии.

428 «*Гражданин*» (СПб.; 1872 — 1914) — полит. и лит. журнал-газета консервативно-монархического направления, основан князем В. П. Мещерским.

429 «*Киевские отклики*» — ежедневный лит.-полит., экономическая и обществ. газета (редактор-издатель Н. В. Калишевич; выходила с 21 нояб. 1903 до 9 июня 1907; с 10 июня 1907 — «Киевские вести»).

430 *Булгаков Афанасий Иванович* (1859 — 1907) — рус. богослов и историк церкви; отец писателя М. А. Булгакова.

431 См.: *Герцен А. И.* Материалы для некролога Авраамия Сергеевича Норова // Колокол. 1858. № 15. 15 мая. Статья была написана в связи с уходом в отставку А. С. Норова (1795 — 1869), министра народного просвещения, ученого, писателя и путешественника. *Закревский Арсений Ангреевич* (1786 — 1865) — граф, министр внутренних дел и моск. генерал-губернатор).

432 «*Никак, ваше благородие, беспорядок!*» — в рассказе А. П. Чехова «Хамелеон» (1884) городской Очумелов произносит: «Никак беспорядок, ваше благородие!»

433 Речь идет о премьере спектакля «Авдотьяна жизнь» (по пьесе С. А. Найденова) в Петербургском драм. театре В. Ф. Комиссаржевской.

434 Аллюзия на пьесу А. П. Чехова «Три сестры» (1901).

435 *Комиссаржевская* — см.: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 1. Примеч. к с. 529.

436 *Бравич Казимир Викентьевич* (наст. фам. Баранович; 1961 — 1912) — драм. актер; в это время (1903 — 1908) служил в театре В. Комиссаржевской.

437 *Александровский Владимир Васильевич* (1871 — 1919) — драм. актер.

438 «*Московские ведомости*» — см. примеч. 337.

439 *Зеленый* — см.: ВЗЖ. Т. 3. С. 742.

440 *Земство* — см. примеч. 146.

441 *Святополк-Мирский* — см. примеч. 408.

442 *Маразли Григорий Григорьевич* (1831 — 1907) — обществ. деятель, городской голова Одессы (1878 — 1895).

443 *Ковалев В. И.* — начальник дислоцировавшейся в Ашхабаде Закаспийской казачьей бригады, генерал-майор; предан суду за то, что приказал своим подчиненным высечь старшего врача Среднеазиатской железной дороги.

444 *Коновалов Дмитрий Петрович* (1856 — 1929) — ректор Петербургского горного института, который начал преследование революционно на-

строенной части студенчества, ответившего на это забастовкой и требованием его увольнения.

445 *Клаго Николай Лаврентьевич* (1862 – 1919) — писатель, историк и теоретик рус. флота, профессор (1910) Морского корпуса, Николаевской морской и Инженерной академий, генерал-майор (1912) по Адмиралтейству. В апр. 1904 г. был назначен начальником военно-морских сообщений (отдел штаба командующего флотом Тихого океана) и в этом качестве находился на театре военных действий на Д. Востоке. В нояб. 1904 г. газета «Новое время» опубликовала ряд статей, в которых он под псевд. Прибой критиковал морское командование за плохую подготовку 2-й Тихоокеанской эскадры, за что был уволен со службы (впоследствии восстановлен).

446 «*Современник*» — лит. и обществ.-полит. журнал, основан А. С. Пушкиным; выходил с 1836 по 1866 г.; в то время, о котором идет речь, редакторами-издателями были И. И. Панаев и Н. А. Некрасов.

447 *Антонович Максим Алексеевич* (1835 – 1918) — лит. критик, публицист.

448 *Тут полнейшая возможность <...> Осторожность, господа!* — Заключительная строфа стих. Н. А. Некрасова «Осторожность» (1865).

449 *Корф Николай Александрович* (1834 – 1883) — барон, обществ. деятель, педагог и публицист, организатор земских школ.

450 *Грингмут Владимир (Вагим, Вальдемар) Ангреевич* (1851 – 1907) — полит. деятель праворадикального толка, один из основателей и главных идеологов черносотенного движения.

451 *Мещерский* — см. примеч. 413.

452 *Фойницкий Иван Яковлевич* (1847 – 1913) — профессор криминалистики, товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената.

453 *Монтестье Шарль Луи* (1689 – 1755) — фр. писатель, правовед и философ.

454 *Руссо Жан-Жак* (1712 – 1778) — фр. писатель, мыслитель, композитор.

455 *Вольтер* (наст. имя Мари Франсуа Аруэ; 1694 – 1778) — фр. писатель, философ, историк.

456 *Кант Иммануил* (1724 – 1804) — нем. философ, родоначальник нем. классической философии.

457 *Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих фон* (1759 – 1805) — нем. поэт, философ, теоретик искусства и драматург.

458 *Галилей Галилео* (1564 – 1642) — итал. физик, механик, астроном, философ, математик.

459 *Малерб Франсуа де* (1555 – 1628) — фр. поэт.

460 В Евангелии: «Суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк. 2: 27).

«Провинциальные» псевдонимы Владимира Жаботинского

1. Зет, Зет и Турист

В конце 1903 года в одесском журнале «Южные записки» появилось рекламное объявление:

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1904 ГОД
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ БОЛЬШУЮ ГАЗЕТУ
«ЕЛИСАВЕТГРАДСКИЕ НОВОСТИ»
В ГАЗЕТЕ «ЕЛИСАВЕТГРАДСКИЕ НОВОСТИ» БУДУТ
ПРИНИМАТЬ ПОСТОЯННОЕ И БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТИЕ...**

Далее указаны фамилии (или псевдонимы) 28 будущих авторов, включая В. Е. Жаботинского. Между тем в аналогичном объявлении, опубликованном в самих «Елисаветградских новостях» (нач. 1904), Жаботинский исчез, и появился некто «"Омега" (псевдоним)»¹.

Просмотр «Елисаветградских новостей» за 1904 год показал: ни Омеги, ни Жаботинского там нет. Осталось предположить, что последний принимал «постоянное и ближайшее участие» под какими-то другими, неизвестными нам псевдонимами. Таковыми представляются «Zet» (цикл «Среди корреспондентов. Провинциальный фельетон») и рассказ («Окончившие»), а также «Турист» («Просвещенные рабы»). Мы полагаем, что Жаботинскому принадлежит и маленький фельетон «Любовь поэтов», опубликованный без подписи в том же номере, что и «Окончившие».

¹ В словаре Масанова присутствуют восемь авторов, писавших под псевдонимом Омега, причем один из них печатался в газете «Вольнь» (см.: Кацис Л. В. Жаботинский о Л. Андрееве: К проблеме атрибуции псевдонимных газетно-журнальных текстов В. Жаботинского 1901 – 1907 гг. // Вестник РГГУ. Сер. «Журналистика». 2011. № 6 (68). С. 230 – 244).

Забегая вперед, скажем, что в конце 1904 года «Елисаветградские новости» анонсировали подписку на следующий, 1905 год, причем список принимающих «постоянное и ближайшее участие» сократился до 15, в нем уже не было Омеги и сно-ва был Жаботинский¹.

Девять провинциальных, по определению автора, фельетонов цикла «Среди корреспондентов» пародируют структуру и содержание рубрики «Из мира обывателей», которую вел в «Биржевых ведомостях» популярный фельетонист Василевский (Буква). Но если петербургский журналист выставляет напоказ тупость, примитивность провинциальной жизни, прессы и т. д., то Zet выступает как друг провинции и провинциалов.

Штатный фельетонист и член редколлегии «Одесских новостей» Жаботинский-Altalena в своих корреспонденциях вел постоянный диалог с многочисленной аудиторией читателей-корреспондентов. И в первом же фельетоне цикла Zet обращается к читателю — будущему корреспонденту:

Среди корреспондентов! Какое интересное и во всех отношениях приятное общество. Какое обилие новостей, светлых дум и сладких ожиданий из различных уголков не только своей широкой окраины, но даже из-за ее границы, и все с полнейшей достоверностью и непреложной истиной! Пусть наш сотрудник из Петербурга, язвительный Мефистофель, подсмеивается над медвежьими уголками, как принято называть далекую провинцию, и смакует пьесу Бежецкого «Ольгин день», которую он видел в столице и которая, по его словам, «превосходная фотография наших медвежьих углов». И что такое далекая провинция, и от чего, от какого пункта она далекая? Возьмите, например, Плетеный Ташлык: от Новоукраинки, будущего города, близко, от Елисаветграда, настоящего города, также; да разве в Плетеном Ташлыке живут медведи? Мы знаем там людей просвещенных и образованных. Если же «Ольгин день» с его лицами есть превосходная фотография, то почему же письмам корреспондентов и их словам не быть живой фотографией, своего рода удивительным биоскопом, где все — одна только правда. А где медведи, там ищи меду, ибо зверь этот очень охотлив до этой сладости.

Меду, г-да провинциальные корреспонденты, меду... Добро пожаловать! Побеседуем, потолкуем².

¹ См. об этом в следующей книге настоящего тома.

² Zet. Среди корреспондентов: Провинциальный фельетон // Елисаветградские новости. 1904. 6 февр.

Спустя несколько недель Zet продолжает эту тему:

Между провинциальным корреспондентом и читателем лежит неразрывно соединяющее их звено, которое мы называем «словом жизни». Как ученый нумизмат, рассматривая в лупу обе стороны древней полуистертой монеты, старается найти в ней слово былой, давно протекшей жизни, так и мы в нашей беседе, осматривая обе стороны своей медали, имеем в виду прочесть в ней слово нашей текущей жизни. В этой жизни, в страшном ее водовороте заключены все: и мы, и наш читатель, и тот, кто не умеет и не научен читать. Наша роль лишь в том, чтобы помочь читателю наблюдать эту жизнь, следить за нею в массе ее неуловимо разнообразных, влекущих и отталкивающих явлений¹.

Эти строки созвучны мыслям и настроениям, получившим отражение в *провинциальных* заметках Жаботинского в «Одесских новостях», «Руси», «Еврейской жизни» и др. Было бы естественно спросить: каким образом он, постоянный автор нескольких петербургских изданий, узнавал подробности того, что происходит на Днепровщине? Ответ можно найти в «Повести моих дней», где главу об этом периоде своей жизни Жаботинский назвал «Кочевник»:

Не все это время провел я в Петербурге. Вел кочевую жизнь. Была в Вильне гостиница, хозяин которой сказал мне однажды: «Это уже пятьдесят пятый раз, что господин останавливается у нас»².

О том же он писал и Н. Н. Евреину (Екатеринослав, 9.04.1904):

Я все кочую: был в Вильне, в Москве, на Днестре, на днях собираюсь опять в Питер...³

Противостояние столицы и провинции — одна из узловых тем Жаботинского, которой он не изменяет в бытность свою в России. И в этом плане Zet, который помогает читателю «наблюдать эту жизнь, следить за нею в массе ее неуловимо разно-

¹ Zet. Среди корреспондентов. V // Елисаветградские новости. 1904. 12 марта.

² Жаботинский В. Повесть моих дней / Пер. с ивр. Н. Бартмана // Жаботинский В. О железной стене. Минск, 2004. С. 500. Далее — Повесть...

³ Zeev Jabotinsky. Letters. Vol. 2: Sept. 1914 — Nov. 1918. Jerusalem, 1995. P. 265. Suppl. to Volume One.

образных, влекущих и отталкивающих явлений», перекликается с Владимиром Ж., который уже в столичной «Руси» обвиняет в дезертирстве интеллигентов, бегущих из провинции ради благ столицы:

Пишу из захолустья, из настоящего глухого захолустья: дома одноэтажные, мостовая шоссе́йная, пыль лежит на улице медвежьими коврами, а газета приходит около двух часов дня из Екатеринослава... Мне давно думается, что духовное преобладание двух городов, Петербурга и Москвы, в такой огромной земле, как Россия, есть явление далеко не отрадное. В столицах сосредоточено все лучшее, что в области духа создает страна: лучшие ученые, лучшие писатели, лучшие артисты и певцы, лучшие художники, лучшие журналы, книгоиздательства и, до недавнего времени, лучшие газеты... Все, что есть в России в духовном отношении первоклассного, настоящего, заправского, — все сосредоточено в двух городах с населением в два или два с половиной миллиона. Остальная Россия живет отраженным светом, получает духовную пищу из вторых рук...

<...> Мы, провинциалы, ограблены Петербургом и Москвой. Принято говорить, что экономически окраины сосут соки из центра; не знаю, правда ли это, но знаю твердо, что духовно центр высасывает соки из окраин, наживается и роскошествует за счет обеднения провинции. Ведь не в Петербурге и Москве, и даже не в округе этих городов, рождены добрые девять десятых, по крайней мере, всех тех даровитых деятелей науки, литературы, искусства, которые живут, однако, в Петербурге и Москве и работают в тамошних аудиториях, театрах, журналах. Это почти все южане, волжане, дальние северяне, даже сибиряки, бежавшие из родных мест. Саратов пустует, Киев и Одесса нуждаются в людях, Харьков — один из интеллигентнейших городов земли Русской — сидит на мякине, об Иркутске и Томске и говорить нечего — и ведь это все важнейшие центры огромных районов размерами каждый с иную великую державу, а между тем уроженцы этих районов, чуть кто поталантливее, дезертируют в столицу; столица кишит «именами»...¹

Автор не кривит душой, он без стеснения говорит неприятные вещи и «своим», провинциалам:

Хуже всего то, что этот порядок воспитывает в провинциалах особую психологию — психологию унтер-офицерской вдовы. Они так привыкли к этому отраженному, второстепенному духовному существованию, что и сами наконец уверовали,

¹ Владимир Ж. Наброски без заглавия. II // Русь. 1904. 13 апр.

будто так Бог велел. Чуть появится в их среде человек с намеками на дарование, заинтересует, всколыхнет — они сами начинают доброжелательно ахать над ним: как, мол, жаль, что вы кистете у нас в глуши, вот бы вам, голубчик, в Питер! И едет голубчик в Питер, а болото, на мгновение было всколыхнувшееся, вновь засыпает. Так сами себя секут люди захолустья; кто-нибудь, пожалуй, увидит в этом высокое самоотречение, а я твердо полагаю, что это просто недостаток самосознания, отсутствие гражданской бережливости, показатель низкого уровня развития во всех отношениях. <...> Я убежден, что все это должно быть изменено¹.

Однако вернемся к первому фельетону Zet'a, где упоминается «язвительный Мефистофель», смакующий пьесу Бежецко-го «Ольгин день». Сборник повестей и очерков А. Н. Бежецко-го «Медвежьи углы» переиздавался три раза и рецензировался в «Новом времени» Суворина-старшего (Жаботинский называл его «твердыней российского антисемитизма»). Во втором номере журнала «Театр и искусство», входившего в газетно-журнальную империю А. С. Суворина, были напечатаны большие, на полполосы, акварельные рисунки сцен спектакля «Ольгин день» в Суворинском театре. А в разделе хроники предыдущего номера имеется саркастический отзыв о театральной заметке Altalen'ы в «Одесских новостях»². Неизвестный автор пишет:

Довольно откровенное признание делает г-н Altalena в «Од[есских] Нов[остях]».

«В рецензиях о "Данте" в местных газетах слышится некоторая неуверенность, даже колебание, как будто критики сами твердо еще не решили: отнестись ли добродушно или побранить?» Это не нравится г-ну Altalena. Одессе необходим, поясняет он, постоянный драматический театр. «Всякому ясно, что для такого дела нужны деньги, нужны сборы; поэтому пьесы, бьющие на сбор и только на сбор, особенно в первое время, антрепризе необходимы. И мы, признавая эту необходимость, смело можем, — если только пьеса, конечно, не является прямо вредной, не бьет на низменные инстинкты, — принять во внимание похвальную общую цель и, в отдельном случае, закрыть глаза на недостатки выбора».

Откровенно!³

¹ Там же.

² См.: *Altalena*. Вскользь // Одесские новости. 1903. 25 дек. (также: ВЗЖ. Т. 3. С. 675–677).

³ *Без погниси* // Театр и искусство. 1904. № 1. С. 8.

О событиях театральной жизни Одессы сообщал журналу сотрудник «Одесского листка» Л. Т-цкий (Лев Теплицкий), так же, как и Zet, печатавшийся в «Елисаветградских новостях». Думается, именно его Zet называет «нашим сотрудником из Петербурга». Реакция Zet'a на анонимный выпад против Altalen'ы говорит в пользу предположения о том, что Zet и Жаботинский — одно лицо.

Ни до, ни после этого случая «Театр и искусство» не критиковал Altalen'у. Более того, в трех номерах журнала (окт. — нояб. 1902) печатался рассказ «Записки рецензента»¹, подписанный псевдонимом Зет, который можно считать инициалом, первой буквой фамилии Zhabotinsky. «Записки рецензента», как большинство рассказов Жаботинского, автобиографичны и написаны от первого лица. Этого, разумеется, недостаточно для установления авторства, но есть и другие связи, например профессия автора. Напомним, что в свои двадцать с небольшим Жаботинский был уже известен как драматург и театральный рецензент. Так что название «Записки рецензента» достаточно значащее. К тому же в рассказе присутствует персонаж, знакомый нам по одному из ранних очерков Altalen'ы «Невежа»². Там это был благожелательный издатель, делающий молодого литератора своим зарубежным корреспондентом, а здесь — старый редактор, открывающий способному юноше секреты рецензентского мастерства. В этом образе угадываются два человека, которые сыграли большую роль в жизни Жаботинского: Василий Васильевич Навроцкий, издатель-редактор газеты «Одесский листок», и Израиль Моисеевич Хейфец, редактор «Одесских новостей» и автор блестящих рецензий, подписывавшийся псевдонимом Старый театрал.

В «Елисаветградских новостях» псевдоним Зет вполне естественно мог перейти в Zet, которым кроме цикла из девяти Провинциальных фельетонов «Среди корреспондентов» подписан только рассказ «Окончившие»³. Его главный герой по имени Владимир выражает мысли автора и даже внешне похож на Володю Жаботинского:

¹ Zet. Записки рецензента // Театр и искусство. 1902. № 43. С. 774 — 776; № 44. С. 798 — 800; № 45. С. 822 — 824 (также: ВЗЖ. Т. 4. Кн. 1. С. 540 — 555).

² См.: Altalena. Невежа: Очерк // Одесские новости. 1900. 23 дек. (также: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 1. С. 365 — 371).

³ Zet. Окончившие // Елисаветградские новости. 1904. 10 апр.

...коренастый смуглый брюнет с большой головой на широких плечах. На лице его видна была усталость, сквозь которую зорко глядели прекрасные, располагающие глаза; по его щекам и по бороде, широко срезанной на конце, довольно густо прошла черная полоса первых юношеских нежных волос, придавая всему его лицу особенную солидность. Он не был красив, но в его выражении, в блеске черных глаз и в складе его губ виделась доброта и привлекающая к себе серьезность¹.

Гимназист Володя растет без отца, живет скудно, с «матерью, которая в своем сыне видела все лучшее и всю отраду своей тревожной жизни». Он говорит не «ладно», а «ладниссимо» и так же, как юный Жаботинский, склонен к рассуждениям на педагогические темы². Создается впечатление, что «Окончившие» — гимназический рассказ Володи Жаботинского.

Судя по объему и периодичности публикаций Zet'a в «Елисаветградских новостях», он подрядился давать 500 строк в неделю. Во всяком случае, на протяжении первых четырех недель «Среди корреспондентов» публиковались каждые семь дней. 5-й фельетон вышел с недельным опозданием, и хотя 6-й появился через три дня, 7-й, 8-й, 9-й выходили нерегулярно и не в договорном объеме.

Жаботинский отличался исключительной работоспособностью, но, видимо, *кочевая жизнь* не позволяла своевременно сдавать требуемое количество строк. Иногда он присылает интересные материалы, выпадающие из стиля «провинциальной» рубрики «Среди корреспондентов», и печатает их под другим псевдонимом или без подписи³. Не будем приводить доказательства их принадлежности Жаботинскому, скажем только, что маленький фельетон «Любовь поэтов» действительно мал по размеру, и, должно быть, в качестве компенсации к нему добавлен гимназический рассказ «Окончившие»⁴.

Девятый фельетон цикла «Среди корреспондентов» был напечатан в мае. Это последний из материалов, опубликованных

¹ См. также: ВЗЖ. Т. 4. Кн. 1. С. 631.

² См.: *Вл. И.* Из детского мира: Педагогическая заметка // Южное обозрение. 1897. 11 сент.; *Он же.* Взгляды современных беллетристов на воспитание // Южное обозрение. 1897. 19 окт.; *Эгаль.* Рим // Одесский листок. 1898. 4 дек. (также: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 1. С. 27 – 29, 35 – 38, 93 – 94).

³ См.: *Турист.* Просвещенные рабы // Елисаветградские новости. 1904. 24 февр.; *Без подписи.* Любовь поэтов; Маленький фельетон // Там же. 1904. 10 апр. (см. также: ВЗЖ. Т. 4. Кн. 1. С. 577 – 584, 622 – 625).

⁴ См.: Zet. Окончившие // Елисаветградские новости. 1904. 10 апр.

«Елисаветградскими новостями» под псевдонимами «Zet» или «Турист» (то есть *кочевник* в том смысле, который вкладывал в это понятие Жаботинский).

Коллеги отметили его уход рассказом Л. Кармена (с посвящением *Altalen'e*) и статьей Н. Лернера «Родник сионизма» (с посвящением Вл. Жаботинскому).

2. Иш-Мацлиах

Для характеристики перемен, назревавших в тогдашней России, Жаботинский пользовался словом «весна»:

Первые годы века тогда у нас назывались «весна» в смысле общественного и государственного пробуждения, а для моего поколения совпали также с личной весной в смысле подлинной двадцатилетней молодости¹.

В книге воспоминаний он признается:

...Быть может, я мечтал, как это водится у молодежи, завоевать оба мира, на пороге которых я стоял: обрести лавровый венок «русского» писателя и фуражку рулевого сионистского корабля... Но за меня решила судьба...²

А в «Одесских новостях» пишет:

...теперь повсеместно в России замечается духовное оживление, обновление, которое проявляется ярче всего в литературе.

Я знаю, что все радуются этим признакам весны, так как все понимают, что жить в такое интересное время — большое счастье, которое не всякому поколению выпадает на долю.

Поэтому все в некоторых отношениях чувствуют себя как бы *Sonntagskind'ами, особенными удачниками*, которым в жизни в чем-то очень повезло, именно в том, что они удостоились жить в интересное время³ (курсив наш. — Л. К.).

В мае — сентябре 1904-го в «Еврейской жизни» появляется рубрика «Провинциальные картинки»⁴. Ее автор Иш-Мацлиах

¹ Жаботинский В. Пятеро // ВЗЖ. Т. 1. С. 295.

² Жаботинский В. Повесть... С. 496.

³ *Altalena*. Фрейлейн // Одесские новости. 1903. 18 дек. (также: ВЗЖ. Т. 3. С. 651).

⁴ См.: *Иш-Мацлиах*. Провинциальные картинки // Еврейская жизнь. 1904. № 5, 6, 7, 9 (см. также: ВЗЖ. Т. 4. Кн. 1. С. 641 — 677, 680 — 710).

(ивритский аналог понятия *Sontagskind*) продолжает тематику «Писем из провинции» Анонима в «Освобождении» и «Провинциальных фельетонов» *Zet'a* в «Елисаветградских новостях» на материале жизни загнанного в «черту оседлости» пятимиллионного еврейского населения Российской империи. Автор располагает сетью корреспондентов на местах и нередко инициирует поступление интересующих его материалов.

«Еврейская жизнь» печатает «Провинциальные картинки» Иш-Мацлиаха бок о бок со статьями на сионистские темы, где стоит подпись: Владимир Жаботинский. 1904 год был печальным для евреев: умер основатель сионизма Теодор Герцль. Этой утрате посвящена трилогия Жаботинского: «*Hesped*»¹, «Сидя на полу» и «Доктор Герцль»². Он писал:

Горе наше тихое, горе наше бледное, как малая капелька яду или слабый укол заржавленной булавки; но уже оно понемногу влилось и вьелось в нас, и каждый день обновится оно новым уколom и новою каплей отравы, и проникнет во все ткани души и извилины мозга, и не выжжем его и не вырвем из сердца³.

Аналог этой инверсивной риторики мы видим в «Еврейской жизни» № 7, где Иш-Мацлиах заклеил отдельных раввинов, запрещавших прихожанам отмечать шлошим Герцля. У «Провинциальных картинок» этого номера три подзаголовка, и все три об этом: «*Кошунственные современники • О том же • Еще о том же*». Вступление и заключение к «картинкам» — патетические строки, ритмически близкие к «Сидя на полу»:

Нет Герцля!.. Эти два слова были ураганом, обрушившимся на еврейскую жизнь и закружившим, как пыль, всю огромную массу еврейства, семь последних лет связывавшую с именем великой тени свое духовное существование... И когда этот ураган надвинул на наши умы и сердца новые злые тучи, и когда тучи эти хлынули потоками слез и громом рыданий и стонов, тогда обнажилась во всей своей чистоте скорбящая душа еврейства. Будни исчезли, рассыпаны как пыль ураганом скорби... Интересы дня, интересы всей бедной жизни еврея забыты... Лавочник перестал быть лавочником в день скорби.

Думающий о хлебе — перестал думать о хлебе, полный одной печальной мысли: нет Герцля!.. Все обычные, неизменные

¹ Надгробное слово (*ивр.*).

² См.: *Еврейская жизнь*. 1904. № 6, № 8.

³ См.: *Жаботинский В.* Сидя на полу // *Еврейская жизнь*. 1904. № 6. С. 14–15.

повседневные скорби еврея поглощены одной скорбью: нет Герцля!.. И эта скорбь тем страшнее, тем величавее и тем чище, что она — скорбь народная...¹

Иш-Мацлиах поднимает еще одну болезную тему, занимавшую Жаботинского: «поляки Моисеева закона». Он говорит о «свойственном исключительно евреям, и особенно польским», страхе: «А что скажут христиане-поляки?»

«Ученые» холопы из неевреев употребляют в таких случаях хорошие слова, как «сепаратизм», «шовинизм», «контрреволюция» и прочая, и прочая... Холопы привилегированные с ужасом в опущенных долу глазах восклицают:

— *Они* скажут, что мы уходим от них, что мы не настоящие поляки!

— Да позвольте, — говорят им «сепаратисты»-«реакционеры», — ведь у *них* на каждом шагу возникают общественные организации, учреждения — просветительные, экономические, ученые, в которые нас не принимают! Они уходят от нас и не боятся, что мы скажем про них: «они не настоящие евреи». Чего же вы боитесь?

Но еврей-поляки отвечают упрямо:

— Нет, нет, мы поляки, настоящие поляки...

Подите — убеждайте! «Мы — поляки», «мы — немцы» и мы — что угодно, только не то, что мы есть, не евреи — и баста².

Здесь также просматривается стилистика и тематика ряда статей Жаботинского: его манера говорить *они* о «соседях» и *мы* — о евреях, а также его излюбленное «баста».

В сентябрьском выпуске «Провинциальных картинок» Иш-Мацлиах возвращается к «полякам Моисеева закона»:

Надо, однако, отдать справедливость полякам Моисеева закона: они постоянны, неизменны, верны своему высокому призванию — перекраивать себя на чужой фасон...

Спрячет этаким субъект свое еврейство под толстый слой польских белил и румян, придет к братьям-полякам и горделиво похаживает:

— Мы — поляки!

Нужды нет, что поляки презрительно улыбаются, поводя брезгливо носом:

¹ *Иш-Мацлиах*. Провинциальные картинки // Еврейская жизнь. 1904. № 7. С. 191 – 192.

² *Иш-Мацлиах*. Провинциальные картинки // Еврейская жизнь. 1904. № 6. С. 249 – 250.

— Жидек!..

А то и попросту пройдет брат-поляк, мазнет губкой по физиономии разукрашенного поляка Моисеева закона, сотрет сразу белила и скажет:

— Эге, да ты, брат, — жид!.. Улыбнется угодливо обнаруженный и — ничего: уйдет, опять намажется и к другим пойдет... Черт возьми, вкусны, должно быть, подачки с барского стола, даже приправленные пинками!..

Только вкус нужно иметь к ним подходящий — подстольный!¹

Жаботинский разовьет эту мысль позже, во время так называемого Чириковского инцидента (1909), когда Струве и Милуков предложат не затушевывать национальное лицо русско-го народа.

Кому не противно, пусть и дальше разоряется на клятвенные заверения, что «ничего подобного нет». Г-н Винавер... все-таки предлагает и на будущее время еврейские услуги, согретые взаимной любовью, «именно любовью». На здоровье. Ласковое теля двух маток сосет. Предоставляем г-ну Винаверу и прочим ласковым людям прожить мафусаиловы годы в этой курьезной позиции, когда они, заглядывая пану в очи, умильно говорят: «А все-таки вы нас любите!» А г-да Струве и Милуков отвечают: «Мм... не очень»².

3. Ваш корреспондент и Читатель

Следующая группа псевдонимных и неподписанных текстов, вошедших в Приложение к настоящему тому, — материалы газеты «Наша жизнь», главным образом из рубрики «На очереди», просуществовавшей с 6 ноября по 31 декабря 1904 года (т. е. ровно столько, сколько проработал в редакции «Нашей жизни» Жаботинский). В «Повести моих дней» он рассказывает об этом периоде своей биографии:

Алексей Суворин, редактор «Руси», большинство моих статей хоронил в ящиках своего стола: «Не отвечает направлению газеты». Я подумал: может быть, и в самом деле его направле-

¹ *Иш-Мацлиах*. Провинциальные картинки // Еврейская жизнь. 1904. № 9. С. 185.

² *Жаботинский* *Вл.* Медведь из берлоги // Рассвет. 1909. № 11. 15 марта. (Он же. Фельетоны. СПб., 1913; Он же. О железной стене. Минск, 2004. С. 65–69).

ние — это не мое направление, в конце концов разве не рос этот Суворин под сенью божественной благодати своего родителя, юдофоба и консерватора? Я отправился к нему и сказал: «Алексей Алексеевич, я решил расстаться с вами». После этого я вошел в редакцию другой петербургской газеты, которая тогда только открылась, — в редакцию «Нашей жизни». Несколькими месяцами прежде, будучи в Одессе, я получил приглашение от ее главного редактора, прогрессивного профессора. Но он поступал со мной так же, как Суворин: жалование платил, а большинство статей хоронил: «не отвечали направлению». И здесь невозможно было уж ворчать на «направление» или подозревать чистоту его радикальных риз: здесь педантично и бескомпромиссно соблюдали радикализм, как равнины надзирают за кошерностью птицы. После ареста в Одессе (из-за речи с «баста») я писал, что «весь город смеялся над глупостью полицейских». Мою статью зарезали¹: «ибо в таком случае следует "протестовать", а не "смеяться"». Наконец, меня прорвало: «Зачем вы пригласили меня?» Госпожа Екатерина Кускова, один из столпов редакции, ответила мне, не мудрствуя лукаво: «У вас отличный слог, мы думали, что вы согласитесь облечь в этот слог мысли, которые мы предложим вам». Я вскочил в пролетку, поехал в «Русь» и спросил у Суворина: «Вы примете меня назад? Сударь, менее всего почитаю я себя граммофоном». Он ответил: «С удовольствием». Как бы то ни было, он был личностью и умел уважать другую личность: он не мешал мне (факт беспрецедентный в «общей» печати, который подрывал все нравственные устои российского либерализма) писать: «мы, евреи...»²

Рубрика «На очереди» была адресована провинциальным корреспондентам, являвшимся, с одной стороны, источником сведений о жизни провинции, а с другой — носителем и проводником прогрессивных идей, исходивших из столиц. В преддверии Первой русской революции здесь происходило обсуждение проблем «периферии», создавалась программа работы с радикальными силами на местах.

Атрибуция текстов рубрики одному автору основывается на близости содержания ее материалов, как подписанных «Ваш корреспондент», «Читатель», так и выходявших без подписи («К провинциальным корреспондентам», «О чем писать», «Ответ на письмо нашего корреспондента "О чем писать"»),

¹ На самом деле статья с подробным изложением истории ареста в Одессе была напечатана: *Владимир Ж.* Наброски без заглавия. I // *Наша жизнь*. 1904. 1 дек. (также с. 252 — 253 наст. изд.).

² *Жаботинский В.* Повесть... С. 502.

«О "вредном направлении" с точки зрения читателя»). И в тех, и в других проводится мысль, что корреспонденты не могут писать в условиях предварительной цензуры, на которую согласилась редакция «Нашей жизни» для того, чтобы донести до читателей хотя бы подцензурную информацию. Но читателям не нужна дозированная правда, дозволенная цензурой.

Не следует забывать, что все это происходило накануне трагедии 9 января 1905 года, за которой последует зажим общественной активности, длившийся вплоть до Манифеста 17 октября, частично ослабившего цензурный гнет.

Близость материалов двух рубрик — «Среди корреспондентов» и «На очереди» — представляется несомненной, и уже цитировавшееся нами обращение Zet'a к читателям-корреспондентам «Елисаветградских новостей»¹ напоминает программную рубрику «На очереди».

Атрибуция Жаботинскому материалов этой рубрики подтверждает наше предположение о принадлежности ему корреспонденций Анонима, публиковавшихся под рубрикой «Письма из провинции» в журнале «Освобождение»². Тексты одного автора — подписанные или анонимные, опубликованные под псевдонимом или в качестве редакционной статьи — имеют общие диагностические признаки. Поэтому факт параллельности псевдонимных и анонимных текстов, атрибутируемых определенному автору, так же существенен, как и текстов, подписанных известным или достаточно прозрачным псевдонимом.

Автор редакционной статьи в рубрике «На очереди» пишет:

Если бы сейчас вышло распоряжение, позволяющее нам во всеуслышание объявлять о всех тайных циркулярах, предписаниях, рекомендациях, увещаниях и других приемах доброжелательной опеки нашей строгой гувернантки — цензуры, дело несколько бы не изменилось. Ну, что было бы из того, если бы все видели, какими именно веревками связывают народный дух, его слово?³

¹ См.: Zet. Среди корреспондентов: Провинциальный фельетон. V // Елисаветградские новости. 1904. 12 марта.

² См.: Кацис Л. О псевдонимах раннего Владимира Жаботинского в журнале «Освобождение» (1903–1905) // Русский сборник. М., 2011. Вып. 10. С. 132–152.

³ См.: Без *погниси*. Ответ на письмо нашего корреспондента «О чем писать?» // Наша жизнь. 1904. 24 дек. (также: ВЗЖ. Т. 4. Кн. 1. С. 757).

За год с небольшим до этого в «Освобождении» появился фельетон «Фрейлейн», анонимный автор которого высмеивал цензуру:

Будем сидеть в кабинете, учиться и читать умные ученые книжки. Это как будто можно и без гувернантки. Но вот оказывается, что и в кабинете я могу напроказить или прочесть что-либо лишнее; оказывается, что и в кабинете меня нельзя оставить одного. И я поневоле выхожу из него, чтобы пожаловаться на мою гувернантку¹.

А спустя два месяца в «Одесских новостях» была напечатана «Фрейлейн» наоборот: гувернантка жалуется, что хозяйка не подпускает ее к последнему слову современной культуры².

Этот ход наблюдается и в «Нашей жизни»: редакционный ответ провинциальному корреспонденту, жаловавшемуся на цензуру, написан той же рукой, что и сама жалоба, только на этот раз оба текста опубликованы на страницах одного, а не двух разных изданий.

4. Аноним

В атрибутируемых нами Жаботинскому материалах «Освобождения»³ также усматриваются параллели текстам «Елисаветградских новостей», «Руси» и «Нашей жизни». Это прежде всего позиция автора и источники информации (Елисаветград, Одесса, Кишинев и др.). Описывая манифестации в Одессе, связанные с патриотическим угаром русско-японской войны, Аноним⁴ добавляет:

В более глухих городах дело происходило еще более наивно и патриархально; если верить письмам из Елисаветграда, там манифестация имела такой вид: впереди ехал верхом на белом коне частный пристав Падейский (извиняюсь, если не точно воспроизвожу фамилию) с сыном-гимназистом, также на коне,

¹ Без *погниси*. Фрейлейн // Освобождение. 1903. № 31. 18 сент. С. 116 (также: ВЗЖ. Т. 3. С. 726 – 728).

² См.: *Altalena*. Фрейлейн // Одесские новости. 1903. 18 дек. (также: ВЗЖ. Т. 3. С. 651).

³ См.: *Кацис Л.* О псевдонимах раннего Жаботинского в журнале «Освобождение» (1903 – 1905) // Русский сборник. М., 2011. Вып. 10. С. 132 – 152.

⁴ Об атрибуции данного псевдонима см.: *Кацис Л.* К вопросу о публикациях Жаботинского в журнале «Освобождение» (Актолин, Аноним, Г. и др.) // ВЗЖ. Т. 3. С. 745 – 759).

затем шли учащиеся и другие лица, большинство публики в нерешительности стояло в стороне на почтительном расстоянии, по новизне не зная, как себя вести, чтобы никого не огорчить. Еще так недавно в этом городе, как и в других южных городах, происходили совсем другие манифестации — кто знает, не попасть бы в какую переделку. Кроме уличных были манифестации в театре, играли гимн в некоторых клубах... не одним же петербуржцам между двумя действиями балета молитвенно воспевать: «Боже, царя храни!» Скорбя о братьях, находящихся на театре военных действий, не одним членам «русского» собрания исполнять этот же гимн на балалайках — инструменте действительно народном, но таком, на котором настоящий русский народ играет «барыню» и «трепака», а не молитвы; не одной дирекции «Аквариума» заменять предмет недавних увлечений, «Гейшу», патриотической «Милашкой» — и у нас патриотический квас проливается в соответствующей дозе¹.

А вот сообщение Анонима, связанное с Елисаветградом:

Мне передавали как факт, что в Елисаветградском уезде в некоторые пункты приходилось вызывать усиленные наряды полиции и даже войска, потому что крестьяне не хотели отпускать запасных, говоря: «Мы наших людей не дамо», «Нам маньчжурской земли не треба!» Разумеется, все эти отдельные проявления протеста пока еще не внушительны и в конце концов ломаются под напором организованной полицейской силы, но настроение уже создано, война непопулярна всюду, сверху донизу².

В то же время Zet не прочь порассуждать о детях, которые рвутся на русско-японскую войну, что в устах Жаботинского или Анонима было бы странно:

— А слышали, что в Рыбинске дети идут на войну?

— Как так? Помнится, и в истории был какой-то поход детей, в давние времена; да разве дети не чувствуют; как же это случилось?

— Мальчик-гимназист ушел себе на войну с Японией; ушел без ведома родителей, ну и, конечно, без отпускного билета, только на 80-й версте настигли его посланные и вернули в класс прямо, вероятно, на географический урок.

— И что же?

¹ Аноним. Письма из провинции: Война и общественное настроение: Письмо из Одессы // Освобождение. 1904. № 44. 19 марта. С. 348—350.

² Аноним. Мобилизация: В ожидании царского приезда // Освобождение. 1904. № 58. 14 окт. С. 133.

— Прошло благополучно: юного воина гимназическое начальство привлекло к труду — описать свое путешествие.

Был несколько сходный случай и у нас в Елисаветграде, только не батального, а другого сорта: фантастически настроенный, шел он, видите ли, в дикие страны Майн Рида.

— Тоже вернули?

— Вернули.

— И привлекли к труду?

— Нет, избавили от труда посещать классы. Кажется, в духовном училище об этом хорошо знают.

— Что ж! Война ведь целая народная эпопея; тут все возможно: и сцены, и анекдоты, и курьезы¹.

Нет, тут не патриотический порыв, а, как говорит автор, «сцены, анекдоты и курьезы», которые видит тот, кто умеет читать русскую классику, например еще живого Антона Чехова. И это не единственный пример пародийного подтекста «провинциальных фельетонов» Zet'a.

Но кто же так подробно информировал Жаботинского о жизни самых разных городов? Некоторые имена указаны в его воспоминаниях: Коган-Бернштейн (Кишинев), Усышкин (Екатеринослав), Зезв Темкин (Елисаветград), Сапир (Одесса)², а также Исаак Гольденберг (Вильна), Бецалель Яффе (Гродно), Гиллель Златопольский (Киев)³. К тому же сам Жаботинский, как и большинство его коллег-журналистов, неустанно перемещался по стране:

Не стоит описывать географические подробности моих скитаний между 1904 и 1908 годами; прежде всего, я их не помню, и, во-вторых, немало нас тогда было, постояльцев железных дорог: Литва, Вольнь, Подолия... В Киеве я принимал участие в собраниях «Сторонников Сиона»... вместе с Розовым я изъездил все Нижнее Поволжье, от Нижнего Новгорода до Астрахани, и оттуда спустился в Баку... и в Одессе пробыл несколько месяцев...⁴

Вот еще один кладезь информации:

Летом 1906 года мы собрались на совещание... около Вильны. «Конференцией сионистских журналистов» мы назвали его⁵.

¹ Zet. Среди корреспондентов (II). // Елисаветградские новости. 1904. 13 февр.

² См.: Жаботинский В. Повесть... С. 491.

³ Там же. С. 500.

⁴ Там же. С. 501.

⁵ Там же. С. 513.

Вряд ли «сионистские журналисты» только и говорили что о Сионе. Большинство из них работали в нееврейских изданиях, хорошо знали состояние дел в своем регионе и наверняка обменивались информацией общего характера.

Псевдонимные и анонимные материалы 1904 года вписываются в биографию, идеологию и стилистику Жаботинского, занимая в этой большой системе свое особое место. Сравнивая атрибутируемые тексты с теми, авторство которых не подлежит сомнению, мы сравниваем фельетоны с фельетонами, манифесты — с манифестами, аналитические статьи — с аналитическими¹. Полистилистика Жаботинского демонстрирует не множество случайных текстов, где каждый написан как бы другой рукой, а закономерную общность произведений самых разных жанров, связанную с единством личности автора. Это и стремились мы показать на материалах 1904 года.

Исключительно активная деятельность по созданию в разных изданиях рубрики провинциальных новостей, а также аналитический подход Жаботинского к изучению местной прессы позволяют предположить, что он не просто слал в редакцию *письма из провинции*, а вел определенный раздел, вбивавший информацию с мест. Именно такое впечатление производит в «Освобождении» рубрика «Письма из провинции», которая начинается, как правило, корреспонденцией Анонима из Одессы и продолжается информацией без подписи из Кишинева, Херсона, Курска, Минска, Витебска и т. д. Есть основания полагать, что Анониму принадлежит ряд неподписанных сообщений (например, о событиях в Кишиневе). В то же время отдельные материалы (скажем, письма из Одесской тюрьмы) принадлежат, скорее всего, самим заключенным, хотя и подверстаны к тексту одесского корреспондента. Через него как составителя рубрики «Письма из провинции» могли попадать в журнал и сообщения с мест (по крайней мере из южной час-

¹ В «Еврейской жизни» печатались статьи, подписанные псевдонимами Бен Давид, Даниэль Бен-Самуэли, Цви Авраами, которыми пользовались соответственно А. Давидсон, Д. Пасманик, Г. Абрамович. Отдельные фрагменты этих статей столь похожи на тексты Жаботинского, что их можно отнести к разряду написанных в соавторстве с ним. Это особенно чувствуется при сравнении «Писем к еврейской молодежи» Даниэля Бен-Самуэли со статьями Жаботинского в газете «А-цофе» (1904) или статьей о настроениях евреев (см.: *Жаботинский В.* Еврейство и его настроения // Русская мысль. 1911. № 1. С. 95 — 114). Оставим эти случаи будущим исследователям.

ти России), подписанные иными псевдонимами. Эти соображения могут и должны стать предметом специального исследования.

7. «В. Владимиров» и «худ[ожник] Бенвенуто»

Материалы 1904 года проливают свет на еще одну страницу жизни и деятельности Жаботинского. В апрельском номере «Еврейской жизни», на страницах которой мы встречаем Иш-Мацлиаха и Жаботинского как такового, появилось рекламное объявление:

**Открыта подписка на
«ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ» 2-я серия**

Попул.-науч., лит., худож. и экон. изд.

В теч. 1904 г. — 20 кн. с илл.

Будучи изданием прогрессивно-просветительным, «Вопросы общественной жизни» в ряде статей будут отстаивать справедливые и законные интересы трудящихся масс. Знакомя читателей с современными течениями общерусской и европейской жизни в области науки, искусства и литературы, «ВОЖ» особенное внимание будут уделять краевым вопросам Новороссии, а также вопросам: **еврейскому, польскому и малорусскому**, требующим на нашем разноплеменном Юге постоянного и объективного отклика... <...>

В «ВОПР. ОБЩ. ЖИЗНИ» принимают участие следующие лица...

И перечислены более пятидесяти «лиц, принимающих участие» в этом «одесском сборнике-журнале»¹, среди них и «В. Е. Жаботинский». Таким образом, повторяется история с «Елисаветградскими новостями». В дошедших до нас выпусках «Вопросов общественной жизни» (ВОЖ) нет текстов, подписанных Жаботинским, а в то же время печатается некто «В. Владимиров», не указанный ни в объявлении «Еврейской жизни», ни в списке авторов, которые «примут участие в следующих выпусках "ВОЖ"»².

Странная ситуация: ведущий автор «Еврейской жизни», с одной стороны, оповещает читателей о своем участии

¹ См.: *Жаботинский В.* Сионизм и Палестина // Еврейская жизнь. 1904. № 2. С. 203 (также: ВЗЖ. Т. 4. Кн.1. С. 30).

² См.: ВОЖ. 1902. Вып. 7. 24 июня; Вып. 9. 16 нояб.

в ВОЖ, а с другой — прикрывается каким-то неизвестным псевдонимом. Тем не менее нам представляется, что «В. Владимиров» — еще один псевдоним Владимира Ж., «скрыто раскрытый» им самим в объявлении о подписке на ВОЖ, где он уже не печатался.

К сожалению, одесский В. Владимиров не числится в словаре Масанова, да и самих «Вопросов общественной жизни» нет в справочной литературе по русской периодике начала 1900-х годов.

Нам удалось обнаружить в фондах Российской государственной библиотеки несколько выпусков ВОЖ за 1901 — 1902 гг. Ни в одном из них мы не нашли материалов за подписью Владимира Жаботинского, но буквально в каждом номере читаем удивительно близкие тогдашней его тематике статьи В. Владимирова: «Еврейские типы в произведениях Вальтера Скотта» (вып. 1 — 2), «Война и мир с социологической точки зрения» (рецензия на книжку российского социолога Якова Новикова «La Fédération de l'Europe»; вып. 2 — 3), «Современное настроение в русской литературе» (вып. 4), «Последний драматический репертуар» (вып. 5), «"Мещане" Горького» (вып. 6), «Максим Горький и интеллигенция» (вып. 7 — 8), «Леонид Андреев и его произведения» (две части статьи, не указанной в библиографии Л. Андреева; вып. 9).

Творчеству Андреева посвящен ряд публикаций Жаботинского, в которых он, отдавая должное этому писателю, считает его дарование средним, что во многом объясняет тон и характер статьи В. Владимирова в 9-м вып. ВОЖ.

Уместно спросить: не противоречит ли аналитический характер литературно-критических статей В. Владимирова легкому стилю фельетонов Altalen'ы в «Одесских новостях» или публицистическому накалу выступлений Владимира Жаботинского в «Еврейской жизни»? Вспомним, однако, напечатанное примерно в то же время произведение, безусловно, соответствующее тематике и стилистике публикаций В. Владимирова на страницах ВОЖ. Мы имеем в виду статью Vladimiro Giabotinski «Антон Чехов и Максим Горький: импрессионизм в русской литературе», опубликованную в одном из самых престижных римских журналов, а теперь доступную и русским читателям¹.

¹ См.: *Giabotinski V. Anton Cechov e Massimo Gorki: L'impressionismo nella letteratura russa* // Nuova Antologia. Rome, 1901. Vol. 36. № 719. P. 723 — 733 (см.: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 1. С. 675 — 686).

Все говорит о том, что будущий вождь сионистского движения исподволь работал над книгой о творчестве русских писателей от Чехова до Андреева, параллельной (если не предшествующей) книге «От Чехова до наших дней», выпущенной младшим другом Владимира Жаботинского Корнеем Чуковским (1908).

Чуковский лишь время от времени выступал на страницах «Еврейской жизни» и стал русским литературным критиком. Между тем как Жаботинский был ведущим автором главного сионистского издания, и политическая составляющая не оставляла ему возможности продолжить свою неспешную хронику русской литературы конца XIX — начала XX в.¹

До сих пор мы рассматривали политические, литературные и театральные тексты В. Владимирова, но в 9-м вып. ВОЖ опубликована статья об изобразительном искусстве², стилистически и содержательно связанная с русским импрессионизмом и художниками, неизменно привлекавшими внимание Altalen'ы. Есть основания полагать, что «Бенвенуто» — еще одна ипостась человека, известного нам под псевдонимами Altalena, Вл. Ж., Владимир Ж., В. Владимиров и др. Не исключено, что новый псевдоним появился по просьбе редакции, хотевшей разнообразить список авторов, поскольку в этом номере уже была статья В. Владимирова («Леонид Андреев и его произведения»).

Сравнивая обзоры 12-й и 13-й выставок южнорусских художников, выходившие за подписью Altalen'ы («Одесские новости», 9 окт. 1901 и 27 окт. 1902 соответственно), со статьей «Худ. Бенвенуто» о 13-й выставке (ВОЖ. 1902. Вып. 9. 16 нояб.), мы приходим к выводу, что автор этих трех текстов — Жаботинский.

Возьмем хотя бы такой диагностический признак, как оценка творчества таких художников, как Василий Кандинский, Петр Ганский и Владимир Головков. В 1901 году Altalena писал:

...пейзаж — та самая Божья природа, которая, к сожалению, в живописи выродилась в какое-то царство безотрадной шаб-

¹ Будучи одним из авторов и членом редколлегии петербургского журнала «Театральная Россия» (1905), Жаботинский еще не раз вернется к тематике ВОЖ (под псевдонимом «В. В.», но об этом — в следующей книге четвертого тома).

² См.: *Худ. Бенвенуто. Южнорусские художники (XIII выставка) // ВОЖ. 1902. Вып. 9. 16 нояб.* (также: ВЗЖ. Т. 4. Кн. 1.).

лонной пошлости, включая туда же и пресловутое «Солнечное пятно» г-на Кандинского, несмотря на весь его импрессионизм (кстати, довольно элементарный)¹.

За этим следует абзац о художнике Ганском, содержащий важное для Жаботинского слово «настроение» — ключевое в его рассуждениях о Чехове, Горьком и, что важно, импрессионизме в русской литературе:

Г-н Ганский, кажется, очень талантлив, а импрессионизм его, кстати, очень осторожен. Известно, что нет ничего приятнее и душеспасительнее, чем новаторство полегонечку, не раздражающее даже больные печенью. «Сумерки» и паки «Сумерки» г-на Ганского приковывают внимание и даже, выражаясь по-модерному, «настраивают».

Импрессионизм г-на Кандинского, повторяю, очень уж просто выдумать, но одной его резкости, однако, достаточно для того, чтобы остановить внимание. Его картинка «У лесного ручья» — рыцарь в латах перед черной водой речки на опушке леса, и все краски перепутаны — романтична; и сюжет ее уносит далеко назад и примиряет с элементарно лубочной манерой письма. Тогда так писали. Вся картина даже похожа на увеличенную виньетку из догутенберговского списка «Нибелунгов»: под нашими широтами это может сойти за оригинальность. Зато «Солнечного пятна», по-моему, не надо было писать. Смешно как-то: человек вооружался всеми крайностями «сецессионизма» для того, чтобы написать освещенную лужайку с вертикальной белой барышней на заднем плане. Это похоже на бурю в стакане воды или на актера, который надел бы красный плащ, взмошел бы на трибуну, махнул по воздуху окровавленным кинжалом и продекламировал:

— Пахнет сеном над лугами...

Так и быть; когда свежие сюжеты не идут в голову, приятно, если хоть старые трактуются с кое-какими нововведениями².

Возьмем теперь статью Altalen'ы о следующей, 13-й, выставке южнорусских художников. Лучшим в «новаторском трио» автор считает Головкова. Но оценка Кандинского уже вполне оптимистическая.

Дай Бог многолетие и вождеденное здравие г-ну Ганскому: он очень даровитый господин.

¹ См.: *Altalena*. Вскользь // Одесские новости. 1901. 9 окт. (см. также: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 1. С. 576).

² Там же. С. 577 — 578.

Но он не импрессионист¹.

Г-н Ганский, подозревает рецензент, сначала пишет все, что ему нужно, обыденными красками, а когда картина готова, смазывает ее особым лаком собственного изготовления и достигает «декадентского» эффекта, что нравится публике, которая «ценит умеренность». В сущности, Altalena говорит о Ганском то же, что и после прошлогодней выставки, а затем переходит к Кандинскому:

Г-н Кандинский тоже не импрессионист. Он просто настоящий и хороший декадент.

Но махровые, слишком яркие, слишком роскошные краски, художественное и красивое подражание лубочному стилю — рассчитаны на вкус упадка, притупленный и требующий перца.

Нельзя отрицать в г-не Кандинском не только таланта, но даже искренности. Он вполне искренен. Он пишет именно так, как его тянет писать. И пусть. Есть люди, которые очень мило картавят? Если обучить их выговаривать букву р правильно — выйдет и некрасиво, и неестественно. Пусть они лучше картавят. Это у них изящно выходит. Я ничего не имею против красивой картавости. Все красивое имеет право на художественное существование. Но нельзя не видеть, что красивая картавость все-таки есть исключение, любопытный феномен, и только. А настоящая красота — в нормальном, и пути к ней другие².

Мы видим, что Altalena уже вполне оптимистически оценивает Кандинского, хоть и отдает предпочтение Головкову:

Из новаторского трио 13-й выставки только г-н Головков кажется мне настоящим импрессионистом. «Импрессионист» значит художник впечатления.

Импрессионизм добывается совершенно свободной, очищенной от привычек и условностей передачи зрительных впечатлений.

В г-не Головке чувствуется искренний *искатель* новых путей.

Он вглядывается, вдумывается, углубляется: он *ищет* и, так же, как от профессорской условности, отрещивается от предвзятости а là г-н Ганский...³

¹ Altalena. Вскользь: К концу выставки // Одесские новости. 1902. 27 окт. (также: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 2. С. 460).

² Там же. С. 461.

³ Altalena. Вскользь // Одесские новости. 1902. 27 окт. (см. также: ВЗЖ. Т. 2. Кн. 2. С. 460 — 462).

Лучшим в новаторском трио Altalena считает г-на Головкава. Но оценка Кандинского уже вполне оптимистическая, несмотря на свойственные Altalen'e элементы журналистской маски. В «Одесских новостях» он подписывается Altalena или просто А., причем при полном псевдониме выступает как неискушенный любитель музыки и оперы, в то время как А. представляется опытным меломаном и ценителем вокального искусства. Но в один прекрасный момент эти персонажи с легкостью необыкновенной меняются ролями — обычный для Жаботинского прием¹.

И еще одно наблюдение, которое позволяет увидеть все те же принципы и приемы авторской игры в персонажах, скрытых за разными псевдонимами.

Вот начало статьи Бенвенуто:

Когда я отправился на выставку, я знал, что здесь найду работы «импрессиониста из импрессионистов», знаменитого отныне и прославившегося у нас молодого художника Василия Кандинского. По поводу его работ много было писано, много было говорено. Ваш покорнейший слуга — его ярый поклонник, поссорился чуть ли не с целым городом, защищая его направление, его манеру писать. И вот теперь около полотен Кандинского происходят целые битвы, нескончаемые споры. Чего бы, однако, не касались эти споры, нужно признать, что у Кандинского сильная и смелая рука, оригинальная манера, сочные краски, а главное — яркие солнечные лучи.

«Передвижники» понемногу сходят со сцены, очищая дорогу для иных талантов и направлений. Теперь другие времена: новые люди, новые песни. Кандинский — один из тех новаторов, с которым приходится считаться. Новое направление ново, между прочим, только для нас, одесситов. Передвижничество вымирает, а выставки картин так называемых индивидуалистов, устраиваемые Дягилевым, к нам не едут. Возвращаясь к Кандинскому, следует сказать, конечно, что он еще не весь высказался; он только пробует, экспериментирует; перед нами теперь его опыты, этюды; до картин же еще далеко... Эти этюды имеют громадный художественный, психологический интерес: в этюде художник как-то высказывается непосредственно, не мудрствуя лукаво; он тут близко стоит к природе, приближается к ней, а в этом и весь смысл искусства. Этюдами и опытами не только нельзя брезгать, как думают профаны, но, наоборот, нужно ими живо интересоваться, нужно их собирать. Третья-

¹ См.: Кацис Л. Юный Владимир Жаботинский — оперный критик // Театральная периодика в России: Доклады 8-х Международных чтений «Театральная критика между прошлым и будущим». М., 2009. С. 150 — 164.

ковская галерея (а она не может нам не служить мерилом) наполовину наполнена этюдами. Туда, между прочим, попал уже Кандинский.

Что касается вообще работ Кандинского, то все-таки нельзя сказать, чтобы у него было все на месте; он и нравится и не нравится. Больно он уже злоупотребляет, например, романтичным зеленым тоном; подчас он уже чересчур смел и хватает через край. «Новый курс» его, несомненно, искренний; сила его письма — камень преткновения для многих знаменитых художников — грандиозна; сила света, которую он нам показывает, прямо изумительна; это его идеал. Почти все его работы дают небывалые световые эффекты; они полны настроения, отличающего индивидуалистов. Такие важные элементы в живописи, как красота сюжета или обработка деталей, — для него не существуют; он ищет смысла и стремится одухотворить работу своею кистью. В этом отличие Кандинского...¹

У Бенвенуто больше похвал, и интонация уже не та, что в «Одесских новостях». Напомним, что Altalena писал свой отчет 27 окт., т. е. в предпоследний день выставки, а Худ. Бенвенуто — чуть ли не месяц спустя после того, как она закрылась. Да и читатель у элитного журнала не тот, что у общегородской газеты.

Статьи В. Владимирова в журнале ВОЖ порою находятся в состоянии дополнительной дистрибуции относительно текстов «Одесских новостей». Это можно сказать про тексты Alatalen'ы и В. Владимирова о русском литературном импрессионизме или про статьи Altalen'ы и Худ. Бенвенуто о южнорусских художниках. Молодой одесский критик применяет свои общеэстетические рассуждения о литературе и театре для оценки предавангардной живописи и проявляет поразительную прозорливость, выделив будущего классика абстрактного искусства из ряда тех художников, творчество которых исчезло вместе с ними.

А rgoros, хотелось бы знать, почему Жаботинский (если согласиться, что и там, и тут это действительно он) взял себе итальянское имя. Только потому, что любил Италию?

В указателе имен, упоминаемых в произведениях Жаботинского 1897 — 1903 гг., Бенвенуто встречается один раз — по ассоциации с Рахумовским, одесским ювелиром, изготовившим «золотую тиару, будто бы найденную на раскопках в Крыму, а на самом деле кем-то нарочно сфабрикованную»².

¹ Худ. Бенвенуто. Южнорусские художники. Стб. 304 — 305.

² Altalena. Вскользь // Одесские новости. 1903. 13 марта (также: ВЗЖ. Т. 3. С. 114 — 115).

Бестселлер эпохи Возрождения «Жизнь Бенвенуто Челлини, написанная им самим» — удивительная книга, в которой можно прочитать и про фальшивомонетничество или обвинение в нем, и про тюрьму или бегство от нее... Любопытно, что Altalena упрекает в равнодушии одесскую публику, часть которой «уже научилась ходить на южнорусские и передвижные выставки», но при этом не знает своих выдающихся земляков.

Мой парижский коллега называет г-на Рахумовского «легендарным г-ном Рахумовским».

Но г-н Рахумовский вовсе не миф, а живой человек и одесит. <...>

Его ли рук дело эта луврская тиара или нет — но факт тот, что у нас под носом живет оригинальный и бесспорно талантливый художник-самоучка, «Одесский Бенвенуто Челлини», и...

И добрые девять десятых нашей публики даже имени его не знают.

В Европе такой человек жил бы в атмосфере всеобщего внимания.

Устраивались бы выставки его работ.

Публика ходила бы в его мастерскую, как ходят в картинную галерею.

Газеты писали бы... <...>

В Одессе — ничего подобного.

Никто не слышал, никто не знает.

Да один ли г-н Рахумовский?

Один из лучших художников нашего города — виртуозный акварелист г-н Л. — тоже представляет из себя на три четверти миф даже для той публики, которая уже научилась ходить на южнорусские и передвижные выставки.

Правда, есть в этом доля собственной вины: зачем самому художнику уклоняться от публики, от выставок?

Но в том-то и дело, что не Европа.

В Европе не допустили бы. Талант вырыли бы из земли, вытащили бы полунасильно в большую публику.

А у нас равнодушные. Покажут — посмотрим, не покажут — не любопытствуем.

Скверно...¹

Молодой одесский критик применяет свои общеэстетические рассуждения о литературе и театре для оценки предавангардной живописи и проявляет поразительную прозорливость, выделив будущего классика абстрактного искусства из ряда художников, творчество которых исчезло вместе с ними.

Леонид Кацис

(Москва)

¹ Там же.